

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

К. Х. КУШНАРЕВА, Т. Н. ЧУБИНИШВИЛИ

**ДРЕВНИЕ
КУЛЬТУРЫ
ЮЖНОГО
КАВКАЗА**

(V—III тыс. до Н. Э.)



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1970

USSR ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

K. KUSHNAREVA, T. CHUBINISHVILI

ANCIENT CULTURES
OF SOUTHERN CAUCASUS

Ответственный редактор
Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Открытая Б. А. Куфтиным в конце 30-х годов на территории Южного Кавказа так называемая куро-аракская культура (III тыс. до н. э.) по установившейся традиции до недавнего времени считалась принадлежащей эпохе энеолита.¹ Вместе с тем сходная по ряду основных признаков культура смежных с Южным Кавказом областей Передней Азии (северо-западный Иран, восточная Анатолия) зарубежными археологами была отнесена к эпохе ранней бронзы.²

Первое многослойное поселение (Кюль-Тепе), пролившее некоторый свет на генетические корни куро-аракской культуры и ее последующие связи, было обнаружено на территории Азербайджана, причем слой с характерной чернолощеной посудой был отнесен к поздней фазе развития культуры III тыс. до н. э.³

Обнаружение и последующие раскопки многослойных памятников в южной Грузии (Квацхелеби, Амиранис-гора), фиксация десятков поселений и могильников в широком ареале куро-аракской культуры, а также обоснование более древней даты «куро-аракских» слоев поселений Азербайджана⁴ позволили поднять вопрос о пересмотре принятой периодизации древних культур Южного Кавказа и определить характерные признаки культуры III тыс. до н. э. в целом.⁵ В связи с этим в новом аспекте стали вырисовываться культурно-хронологические связи Закавказья и Передней Азии.⁶

Все сказанное в совокупности с накопившимся огромным материалом и заставило авторов написать книгу о древних культурах Южного Кавказа V—III тыс. до н. э., мысль о совместной работе над которой родилась еще в 1959 г. во время кавказской археологической конференции в Дагестане, в связи с острыми и полемическим выступлением А. А. Иессена.⁷ Возможность выполнения этой работы была предопределена и предшествующей полевой практикой авторов. Многолетние и целенаправленные раскопки одного из них на территории Грузии, открытие и исследование им ряда новых памятников V—III тыс. до н. э. не могли не наложить определенного отпечатка на всю работу. В результате в предлагаемой книге памятники Грузии оказались представленными в боль-

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941; История СССР, т. I, М., 1966, стр. 86.

² T. Burton-Brown. Excavations in Azarbaijan, 1948. London, 1955; C. A. Burney. Eastern Anatolia in chalcolithic and early bronze age. AS, VIII, 1958.

³ О. А. Абибуллаев. Некоторые итоги раскопок холма Кюль-Тепе. МИА, № 87, 1959, стр. 444.

⁴ А. А. Иессен. Из исторического прошлого Мьяльско-Карабахской степи. МИА, № 125, 1965, стр. 16.

⁵ Т. Н. Чубянишвили. 1) Амиранис-гора. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.); 2) Древнейшая культура в Дзуречье Куры и Аракса. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

⁶ А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э. КСИА, вып. 93, 1963.

⁷ Научная сессия по археологии Дагестана, СА, 1959, № 4, стр. 336.

шем количестве, а некоторые из них публикуются впервые. Серьезной подготовкой явилась также почти десятилетняя работа другого автора в составе Азербайджанской экспедиции, руководимой А. А. Иессеном, в результате которой была предпринята попытка составления корпуса памятников V—III тыс. до н. э. этой территории.⁸

Настоящая книга является третьей совместной работой авторов.⁹ В первой, посвященной главным образом вопросам металлургического производства Южного Кавказа III тыс. до н. э., авторы приходят к выводу о необходимости отнесения «куро-аракского энеолита» к периоду ранней бронзы.¹⁰ Вторая является своеобразной сводкой открытий последних нескольких лет в области закавказского энеолита (V—IV тыс. до н. э.) и попыткой его историко-культурного осмысления.¹¹ Таким образом, работа, проведенная авторами как раздельно,¹² так и совместно, получила наиболее подробное освещение в настоящей книге.

В основу книги положены преимущественно опубликованные материалы, разная степень полноты которых, делающая их подчас неравномерными источниками, не могла не сказаться на характере изложения.

При написании книги авторы поставили перед собой задачи: 1) показать по мере возможности тот древнейший пласт, те «местные корни», на которых впоследствии выросла яркая и своеобразная куро-аракская культура, охватившая почти все Закавказье, северо-восточный Кавказ и соседние области северо-западного Ирана и восточной Анатолии; 2) на основе материалов узловых многослойных памятников куро-аракской культуры, взятых в широких границах, проследить характер ее развития во всех главных аспектах (хозяйство, домостроительство, металлургия, керамика, культы и верования и т. д.).

Посвящая книгу изучению культур Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. и соседних областей Ирана и Анатолии, авторы сознательно не затронули материалы синхронных культур Северного Кавказа, получившие всестороннее отражение в ряде интересных и важных работ А. А. Иессена, Е. И. Крупнова, Р. М. Мунчаева, А. Д. Столяра, А. А. Формозова, В. Г. и В. М. Котович, М. Г. Гаджиева и др.¹³ Недостаточная степень информации, существующая сегодня относительно преемственности двух древнейших культур Южного Кавказа — энеолита и ранней бронзы, — побудила авторов воздержаться также от постановки вопроса об этногенезе племен — носителей этих культур.¹⁴

⁸ К. Х. Кушнарера. Археологические памятники Азербайджана V—III тыс. до н. э. (рукопись), ЛОИА, Сектор Средней Азии и Кавказа.

⁹ Работа над книгой выполнялась в 1967 г. в секторе Средней Азии и Кавказа Института археологии АН СССР и в секторе археологии Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГрузССР. Авторы приносят благодарность фотографу М. Г. Агаронию, художникам Т. Е. Трошкиной и А. К. Фильпову, оформившим иллюстративную часть книги.

¹⁰ К. Х. Кушнарера и Т. Н. Чубинишвили. Историческое значение Южного Кавказа в III тыс. до н. э. СА, 1963, № 3.

¹¹ Т. Н. Чубинишвили и К. Х. Кушнарера. Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа. «Мацне», Тбилиси, 1967, № 6.

¹² Т. Н. Чубинишвили. 1) Некоторые итоги раскопок Амиранис-гора. КСИА, вып. 106, 1966; 2) Амиранис-гора. ДПКГ, № 6, Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); 3) Куро-араксинская культура в Закавказье в III тыс. до н. э. Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков в Праге, М., 1966; 4) Древнейшая культура в Южной Грузии (V—IV тыс. до н. э.) и проблема становления Куро-аракской культуры на южном Кавказе. В печати.

¹³ См. ниже, стр. 16.

¹⁴ В то время, когда настоящая книга находилась в печати, появилась серия работ, которые авторы, к сожалению, не имели возможности учесть. См.: А. А. Мартirosян, ИФЖ, 1969, № 3; Э. В. Ханзадян, СА, 1964, III, Ш. Ш. Дедабришвили, ТКАЭ, I, 1969; Ц. Н. Абесадзе. Производство металла в Закавказье в III тыс. до н. э. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).

вопросы изучения древних культур южного кавказа и некоторые новые проблемы

Современный этап в археологии Кавказа, начавшийся в 50-х годах, ознаменовался повсеместными раскопками хорошо стратифицированных поселений; раскопки велись широкими площадями. Такой подход к памятникам привел к большим научным успехам. Наступило время, когда накопленный огромный материал в области одних, неизвестных ранее, исторических периодов и открытие других побудили археологов-кавказоведов к пересмотру периодизации целых групп памятников. Особенно это относится к древнейшим периодам. Так, «куро-аракский энеолит», наполнившийся новым содержанием, большинством ученых в эти годы отнесен к эпохе ранней бронзы, открыта подлинно энеолитическая культура Южного Кавказа, и, наконец, отдельные памятники, считавшиеся ранее неолитическими, оказались принадлежащими энеолиту. В связи с этим изменились и некоторые датировки, основанные теперь на относительной хронологии хорошо стратифицированных памятников и подкрепленные методами точных наук: V—IV тыс. до н. э., отводившиеся еще недавно периоду неолита, теперь заполняются точно датированными энеолитическими комплексами; собственно же неолитический период отодвигается в глубь тысячелетий и впредь до уточнения может быть суммарно отнесен к VII—VI тыс. до н. э.

К сожалению, эти древнейшие для Кавказа периоды (неолит — энеолит — ранняя бронза), охватывающие в целом VII—III тыс. до н. э., изучены крайне неравномерно.

Неолит Кавказа изучен еще очень слабо. В Закавказье он до недавнего времени был представлен лишь случайными находками и немногочисленными стоянками, группирующимися преимущественно в пределах западной Грузии и Черноморского побережья.¹ В самое последнее время стала известна серия стоянок и наскальных изображений в Армении.² Эти открытия, а также недавно обнаруженные неолитические памятники, на территории Анатолии (Чатал-Уюк, Хаджилар, Мерсин и др.) с их каменными домами, оборонительными стенами, храмами, великолепной стеной живописью и сложной пластикой, с одной стороны,³ и северо-

¹ По этому вопросу см.: Грузинская советская историография. Тбилиси, 1964, стр. 79; Г. Г. Гиоргадзе. Изучение истории, филологии и археологии в Грузии (1960—1965). ВДИ, 1966, № 3, стр. 228; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 54.

² С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967, стр. 107, 123 (на арм. яз.).

³ J. Mellaart. 1) Earliest civilizations of the Near East. London, 1965, p. 77; 2) Catal-Hüyük. London, 1967; G. Garstang. Prehistoric Mercin. Oxford, 1953; П. П. Ефименко. Неолитический Мерсин. СА, 1959, № 1, стр. 296; В. М. Массон. Неолит южной Турции. В сб.: Археология Старого и Нового Света, М., 1966, стр. 161.

западного Ирана (Яник-Тепе) с расписной посудой и оригинальными поделками из камня и кости — с другой,⁴ позволяют надеяться на открытие в случае целенаправленных археологических поисков новой серии неолитических памятников в Закавказье.

Открытие энеолита Южного Кавказа явилось важнейшим событием последних лет; этому способствовал ряд предпосылок, главными из которых были: 1) зафиксированный повсеместно высокий уровень развития так называемой куро-аракской культуры III тыс. до н. э., резко контрастирующий с уровнем хорошо известных на широкой территории Востока первых оседлоземельских культур, и 2) наличие в V—IV тыс. до н. э. на значительной части переднеазиатского мира древних культур с характерной расписной посудой.

Фактическое открытие закавказского энеолита произошло на территории, примыкающей к Южному Кавказу, когда в 1948 г. английский археолог Т. Бартон-Браун обнаружил в районе озера Урмия, на поселении Геой-Тепе, под слоем III тыс. до н. э. с типичной для Закавказья чернлощенной посудой «куро-аракского типа» незначительный по мощности слой со светлой расписной посудой с растительными примесями (straw — tempered ware, Häckselkeramik), тяготеющий к керамике восточных областей Передней Азии.⁵

Через несколько лет аналогичная картина была открыта О. А. Абибуллаевым на Кюль-Тепе (Нахичеванская АССР) с той лишь разницей, что здесь энеолитический слой со светлой керамикой имел восьмипетровую толщину, в пределах которой было зафиксировано 13 строительных горизонтов, 70 погребений и огромное число материалов, характеризующих уже окончательно сложившийся земледельческо-скотоводческий уклад и развитие ремесла обитателей этого поселения.⁶

Почти одновременно с этими раскопками к северу от южноазербайджанских районов, в Мильской степи, разведками Азербайджанской экспедиции под руководством А. А. Иессена была открыта серия однослойных поселений с керамикой, аналогичной кюль-тепинской.⁷

Параллельно с исследованиями в советском Закавказье зарубежные археологи нащупали халколитические слои⁸ на ряде поселений северозападного Ирана (Пиждели-Тепе,⁹ Яник-Тепе¹⁰) и восточной Анатолии (область Маматъи и Элязига¹¹), где они датируются месопотамскими образцами керамики хассунского, халафского и обейдского типов.

⁴ С. А. Burney. The excavations at Janik-tepe. Azerbaijan, 1962, Iraq. v. XXVI, part I, 1964, p. 55.

⁵ T. Burton-Brown. 1) Recent discoveries in Azerbaijan. Antiquity, 1949, № 89, pp. 47—48; 2) Early bread wheat. Antiquity, 1950, № 93, p. 40; 3) Excavations in Azerbaijan, 1948. London. 1951, p. 17.

⁶ О. А. Абибуллаев. 1) Археологические раскопки холма Кюль-Тепе. Баку, 1959 (на азерб. яз.); 2) Археологические раскопки холма Кюль-Тепе. Автореферат. Баку, 1959; 3) Раскопки холма Кюль-Тепе близ Нахичевани. МИА СССР, № 67, 1959, стр. 431; 4) Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе. СА, 1963, № 3, стр. 153; 5) Погребальные памятники из поселения Кюль-Тепе. АИА, Баку, 1965, стр. 29.

⁷ А. А. Иессен. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. МИА, № 125, 1965, стр. 4; И. Г. Нариманов. Керамика древнего поселения близ городища Орен-Калы. МИА, № 125, 1965, стр. 37.

⁸ В зарубежной археологической литературе энеолитические слои с расписной керамикой именуются «халколитическими»; мы сохраняем этот термин для памятников Ирана, Анатолии, Сирии.

⁹ R. H. Dyson and T. C. Young. The Soldus Valley, Iran: Pisdeli-Tepe. Antiquity, 1960, № 133, p. 19.

¹⁰ С. А. Burney. 1) The excavations at Janik-Tepe. Azerbaijan, 1961, Iraq, v. XXIV, part 2, 1962, p. 137; 2) The excavations at Janik-Tepe. Azerbaijan, 1962, Iraq, v. XXVI, part I, 1964, p. 57.

¹¹ С. А. Burney. Eastern Anatolia in Chalcolithic and early bronze age. AS, VIII, 1958, p. 164.

Приведенные открытия не только фиксировали на Южном Кавказе и в граничащих с ним зарубежных областях наличие длительного энеолитического периода, предшествующего куро-аракской культуре, но и подтвердили, что последняя отнюдь не являлась здесь наиболее древней оседлоземледельческой культурой, а документировала ее уже сравнительно развитой, поздний этап.

Своеобразным синтезом этих открытий явилась блестящая статья А. А. Иессена, в которой ученый, имевший в своем распоряжении еще сравнительно небольшой материал, увязал открытую энеолитическую культуру с восточно-переднеазиатским (иранским) кругом, доказав тем самым, что Южный Кавказ уже в V—IV тыс. до н. э. входил в ареал переднеазиатских культур.¹²

Все это послужило сигналом для целенаправленных поисков энеолита. «Наступление» началось во всех республиках Закавказья. В западном Азербайджане была открыта серия поселений (Шому-Тепе, Тойре-Тепе, Баба-Дервиш и др.), давших энеолитические слои разной степени мощности.¹³ Отдельные памятники были обнаружены и в других местах (бассейны рек Таузчай и Шамхорчай, Муганская и Карабахская степи).¹⁴ Сравнительно хорошо изученные поселения западного Азербайджана, объединенные И. Г. Наримановым понятием «шому-тепийская культура», имеют несколько иной, на первый взгляд более архаичный облик (микролиты, грубая керамика, изобилие костяных предметов), нежели названные выше южные поселения, что послужило поводом для первоначального отнесения одного из них — поселения Тойре-Тепе — к неолиту.¹⁵

С азербайджанскими поселениями оказалась по облику связанной группа южногрузинских поселений, таких как Шулавери, Имири,¹⁶ Арухло, Садахло, Абелия,¹⁷ Цопи¹⁸ и др., материалы которых пока еще

¹² А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток. КСИА, вып. 93, 1963, стр. 9.

¹³ И. Г. Нариманов и Г. С. Исмаилов. Акстафачайское поселение близ г. Каазага. СА, 1962, № 4, стр. 149; И. Г. Нариманов. 1) Древнейшие серпы Азербайджана. СА, 1964, № 1, стр. 282; 2) Археологические исследования поселения Шому-Тепе в 1963 г. АИА, Баку, 1965, стр. 45; Д. Н. Рустамов и И. Г. Нариманов. Археологические исследования поселения Тойре-Тепе. МБС, Баку, 1965, стр. 74; Д. Н. Рустамов. Разведочные раскопки в Тойре-Тепе. МАА, вып. VI, Баку, 1965, стр. 15 (на азерб. яз.); И. Г. Нариманов. 1) Древнейшая земледельческая культура Закавказья. Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протосториков в Праге, М., 1966, стр. 121; 2) Исследование энеолитических поселений в Азербайджане. В сб.: Археологические открытия 1967 г., Баку, 1968, стр. 316.

¹⁴ И. Г. Нариманов, Ф. А. Махмудов. Энеолитические памятники на Мугани. Изв. АН АзССР, 1967, № 2, рис. 1.

¹⁵ И. Г. Нариманов и Д. Н. Рустамов. Неолит в Тойре-Тепе. ДАН АзССР, 1960, № 9, стр. 907 (на азерб. яз.).

¹⁶ О. М. Джапаридзе и А. И. Джавахишвили. 1) Итоги полевых работ в 1965 г. в Квемо-Картли. ВИА АН СССР, Тезисы докладов секции археологии и этнографии Кавказа, М., 1966, стр. 13; 2) Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1966 гг.). «Мацне», Тбилиси, 1967, стр. 292 (на груз. яз.).

¹⁷ Г. А. Ломтатидзе. Отчет о работах за 1948—1949 и 1954 гг. Квемо-Картлийской историко-археологической экспедиции (рукопись). Арх. ИИ АН ГрузССР, № 106, стр. 16 (на груз. яз.); К. Д. Квицинадзе, З. Г. Шатберашвили. Краткий отчет о раскопках II и III участков Алгетской экспедиции за 1964 г., НСАИ за 1964 г. Аннотации докладов, Тбилиси, 1965, стр. 29 (на груз. яз.); Т. Н. Чубинишвили, Л. Д. Небкеридзе, К. Д. Квицинадзе. Памятники V—IV тыс. до н. э. южной Грузии. ВИА АН СССР. Тезисы докладов... М., 1966, стр. 32; Т. Н. Чубинишвили, О. Ш. Санеблидзе, Л. Д. Небкеридзе, К. Д. Квицинадзе. Основные итоги археологических исследований в южной Грузии в 1965 г. НСАИ за 1965 г., Аннотации докладов, Тбилиси, 1966, стр. 9 (на груз. яз.).

¹⁸ Г. К. Григолия и Т. И. Татишвили. Древнейшие памятники Квемо-Картли. ИГГ, вып. I, Тбилиси, 1960, стр. 87 (на груз. яз.); Г. Г. Пхакадзе. Энеолит Квемо-Картли. Тбилиси, 1963, стр. 119 (на груз. яз.); Т. Н. Чубини-

очень слабо отражены в печати. Характерным признаком этих, так же как и западноазербайджанских поселений, оказалось преобладание грубой керамики с крупными включениями толченого камня, в которой растительная примесь, как правило, отсутствовала.

Совершенно исключительными результатами увенчались поиски на территории Армении. Здесь в местности Техут (Эчмиадзинский р-н) было обнаружено поселение с круглыми глинобитными домами, очагами, поделками из камня и металла и посудой халафского типа, тяготеющее к северомесопотамскому кругу памятников, с одной стороны, и малоазийскому — с другой.¹⁹ В том же районе открыты и другие поселения этого периода (Хатунарх, Махал-Тапа, Звартноц). Наконец, в упомянутой выше книге С. А. Сардаряна опубликованы материалы из нижнего слоя Шенгавитского поселения и ряда других памятников (Кхзьяк-Блур, Маштоц-Блур, Тертери-Дзор), неолитическая принадлежность которых остается, с нашей точки зрения, весьма дискуссионной. Первые открытия раннеземледельческой культуры в Армении уже получили своеобразную интерпретацию.²⁰

Энеолитические слои обнаружены недавно в западной Грузии и в Абхазии; в западной Грузии они оказались в обитаемых уже ранее пещерах Самеле-Клде и Самерцхле-Клде;²¹ вместе с известными по прежним раскопкам синхронными слоями пещеры Сагварджиле,²² ошибочно отнесенными в свое время Н. З. Бердаенишвили к неолиту,²³ они составляют своеобразную группу поселений, тяготеющих в древности больше к северокавказским, нежели к южнокавказским синхронным культурам; вместе с тем связь с последними также бесспорно имела место.²⁴ В энеолите Абхазии (Мачарское поселение, селище на горе Гуадику, стоянки с мотыжками), как показал В. В. Бжания, северные контакты проявились в еще большей мере.²⁵

швили, Л. Д. Неберидзе, К. Д. Квицинадзе. Памятники V—IV тыс. до н. э. . . ; Т. Н. Чубинишвили, О. Ш. Санаблидзе, Л. Д. Неберидзе, К. Д. Квицинадзе. Основные итоги. . .

¹⁹ Р. М. Торосян. Раскопки Техутского поселения. ИФЖ, Ереван, 1968, № 1, стр. 291; Р. М. Торосян и И. Р. Селимханов. 1) Результаты исследований древнейших металлических предметов в Закавказье. ВИА АН СССР. Тезисы докладов. . . , М., 1966, стр. 14; 2) К определению «энеолита» на территории Закавказья по данным анализа металлических предметов. ИФЖ, Ереван, 1966, № 1.

²⁰ А. А. Мартиросян и Р. М. Торосян. К вопросу об интерпретации энеолитической культуры Армении. ВОН АН АрмССР, Ереван, 1967, № 3 (на арм. яз.).

²¹ Д. И. Тушабрамишвили. 1) Итоги работ палеолитической экспедиции Квирильского ущелья за 1963—1964 гг. МБС, Баку, 1965, стр. 56; 2) Итоги работ палеолитической экспедиции в 1962 г. в Квирильском ущелье. НСАИ за 1962 г. Аннотации докладов, Тбилиси, 1963, стр. 6 (на груз. яз.).

²² Н. З. Бердаенишвили. 1) Многослойный археологический памятник Сагварджиле. Изв. АН ГрузССР, т. XIV, № 29, 1953 (на груз. яз.); 2) Результаты полевых работ Дзеврской археологической экспедиции 1952 г. НСАИ за 1962 г. Аннотации докладов, Тбилиси, 1963, стр. 5 (на груз. яз.); 3) Первобытное земледелие в Грузии. ТИИ АН ГрузССР, т. II, Тбилиси, 1956, стр. 257 (на груз. яз.); 4) Новокаменный век. Курс по археологии Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 58 (на груз. яз.).

²³ А. А. Формозов. Каменный век. . . стр. 134, 156; Л. Д. Неберидзе. Раннеэнеолитический памятник Анасеули. ТИИ АН ГрузССР, т. V, 1963, стр. 173, 178 (на груз. яз.); Л. Глonti, А. Джавахишвили, Я. Киквидзе, Д. Тушабрамишвили. Некоторые итоги полевых работ 1964 года Урбинской и Квирильской археологических экспедиций. ВГМГ, вып. XXV, Тбилиси, 1968, стр. 9.

²⁴ Л. Глonti, А. Джавахишвили, Я. Киквидзе, Д. Тушабрамишвили. Некоторые итоги. . . , стр. 9.

²⁵ В. В. Бжания. 1) Древнейшая культура Абхазии. Автореферат. М., 1966; 2) Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. СА, 1966, № 1, стр. 113.

Относительная малочисленность известных сегодня энеолитических памятников и распределение их в пределах отдельных, как бы замкнутых районов (рис. 1) отражают сравнительно малую степень изученности этого периода, но отнюдь не свидетельствуют о слабой заселенности Южного Кавказа в эпоху энеолита. Границы энеолитической культуры расширяются с каждым археологическим сезоном, а неожиданные находки в таких оторванных от известных памятников пунктах, как, скажем, Гинчи в горах Дагестана,²⁶ вводят в ее ареал целые области.

Естественно, что при таком положении, когда памятники энеолита известны в относительно небольшом количестве, а подавляющее большинство материалов находится еще в стадии обработки и отражено в печати лишь в виде небольших статей, заметок или тезисов, исследователи вынуждены ограничиваться лишь их археологическими характеристиками. Проблемы же общего порядка, такие как хронология памятников, их этническая принадлежность, наличие локальных вариантов и т. д., могут быть поставлены лишь в виде рабочих гипотез, обоснованность которых либо подтвердят, либо опровергнут новые раскопки.

Уже после статьи А. А. Иссена было сделано несколько попыток хотя бы предварительно свести имеющиеся данные, причем большая часть их была ограничена той или иной группой памятников.²⁷ Бесспорно, со временем, по мере накопления фактов, эти первые сводки будут откорректированы, однако ряд положений, в частности существование тесных контактов Кавказа с переднеазиатским миром в V—IV тыс. до н. э. остается уже вне всяких дискуссий.

Еще до недавнего времени III тыс. до н. э. для Южного Кавказа считалось периодом возникновения раннеземледельческих поселений и первого освоения металла, несмотря на наличие по соседству, на территории Ирана, Месопотамии и Малой Азии, в это время высокоразвитых оседлоземледельческих культур. Появлению этой точки зрения способствовало в первую очередь отсутствие на Кавказе следов поселений предшествующих периодов. Как было показано выше, следы эти до определенного времени были просто не потревожены лопатой археологов. Открытые в междуречье Куры и Аракса памятники III тыс. до н. э. с их специфическими, четкими признаками были объединены общим названием «куро-аракский энеолит», или «куро-аракская культура», которые для археологов-кавказоведов имеют свое, весьма определенное наполнение. Объединение южнокавказских памятников этого периода в понятие «культура», выявление характерных признаков этой культуры и, наконец, осмысление ее в широком историческом плане принадлежат видному советскому археологу Б. А. Куфтину, опубликовавшему свои первые исследования в этой области в 1940 г.²⁸

Одной из двух предпосылок для его научных поисков явился образовавшийся к концу 30-х годов разрыв в изучении северомесопотамских культур с их высокоразвитыми формами хозяйственной жизни, характеризовавшимися поселениями городского типа с круглыми кирпичными домами, развитыми ремеслами, искусством и торговыми связями, и непосредственно примыкающей к Южному Кавказу горной зоны Передней

²⁶ М. Г. Гаджиев. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э. КСИИ, вып. 108, 1966, стр. 55.

²⁷ Т. Н. Чубинишвили. Древнейшая культура в Двуречье Куры и Аракса. Тбилиси, 1965, стр. 27 (на груз. яз.); И. Г. Нариманов. Древнейшая земледельческая культура...; Т. Н. Чубинишвили и К. Х. Кушнарера. Новые данные по энеолиту Южного Кавказа. «Мацне», 1967, № 2, стр. 1; А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян. К вопросу об интерпретации...

²⁸ Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 5.

Азии, в археологическом отношении почти не обследованной. Это предопределило «южный аспект» изучения Закавказья. Другой предпосылкой было то обстоятельство, что еще задолго до раскопок Б. А. Куфтина на территории Северного Кавказа стали известны такие пышные погребальные сооружения III тыс. до н. э., как Майкопский курган у ст. Царской и другие памятники «ранне- и среднекубанской группы».²⁹ Последние отражали реальные связи с богатыми переднеазиатскими культурами, возможность влияния которых на Северный Кавказ могла осуществляться лишь через промежуточное звено — Закавказье. Таков был «северный аспект» изучения южнокавказских материалов.

Что касается наличия в Закавказье фактического материала, то он и раньше был известен по ряду пунктов, хотя своевременно не получил правильного исторического осмысления.³⁰ Речь идет главным образом о своеобразной, лощенной до блеска, черной посуде, непохожей на всю известную в Закавказье древнюю керамику. Ее первооткрыватели А. С. Уваров и А. Д. Ерицов в Армавир-Блуре,³¹ Н. Я. Марр — на Арагаце,³² не имея сравнительного материала, вообще оставили ее без внимания. Е. А. Лалаян, наткнувшись в Армении и Азербайджане на эту своеобразную керамику с сопутствовавшими ей архаичными каменными изделиями, интерпретировал эти комплексы как неолитические.³³ Этой же точки зрения придерживался и П. Ф. Петров, открывший в 1913 г. близ с. Малакю (Игдыр) аналогичный комплекс.³⁴

Не могли распознать историко-культурной принадлежности этих, тогда еще уникальных, находок Г. К. Ниорадзе и Е. А. Байбуртян; первый из них культурный слой с чернолощеной посудой из Дидубе сопоставил с находками римского времени, в то время как второй, полемизируя с Е. Лалаяном, комплекс Шреш-Блур и аналогичных ему поселений датировал «халдской эпохой»,³⁵ и лишь значительно позднее, исследовав ряд поселений Армении, Е. А. Байбуртян пересмотрел свои возражения Е. А. Лалаяну и отнес «шенгавитскую культуру» ко времени между неолитом и бронзой.³⁶

На специфический облик чернолощеной керамики в свое время указывала лишь Е. А. Пчелина в связи с раскопками в Кикетах.³⁷ Примерно в этот же период на территории Азербайджана Я. И. Гуммель открыл серию памятников, содержащих архаичный вариант глиняной посуды с прослойками ткани в тесте.³⁸

Таково было положение вещей в конце 30-х годов, когда Б. А. Куфтин приступил к своим изысканиям в бассейне р. Храма, положив начало новому этапу в изучении этой древней культуры. Здесь им была

²⁹ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 157; А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 64.

³⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 106.

³¹ А. С. Уваров. Исследование местности, на которой предполагались развалины Армавира. V археологический съезд в Тифлисе, ТПК, М., 1879, стр. 439—449, табл. XXXII.

³² Н. Я. Марр. Ани. М.—Л., 1934, табл. VII, рис. 18.

³³ Е. А. Лалаян. Раскопки курганов Советской Армении. Ереван, 1934, стр. 36—58 (на арм. яз.).

³⁴ Дневник П. Ф. Петрова, хранится в архиве Гос. музея Грузии, № 317.

³⁵ Е. А. Байбуртян. Псевдонеолитические поселения Армении. Проблемы ГАИМК, 1933, № 1—2, Л.

³⁶ Е. А. Байбуртян. Последовательность древнейших культур АрмССР на основании археологического материала (рукопись). Архив НИ АН АрмССР (№ 90), 148, стр. 15—73.

³⁷ Е. А. Пчелина. Археологическая разведка в районе Триалетского хребта близ г. Тифлиса. Bulletin du Musée de Géorgie, Тифлис, 1928, p. 156—159.

³⁸ Я. И. Гуммель. 1) Археологические раскопки в районах Азербайджанской ССР. Изв. АзФАН СССР, № 3, 1939, стр. 62; 2) Из памятников материальной культуры Азербайджана. ВДИ, 1940, № 1, стр. 213.

открыта большая группа курганов, по богатству и своеобразию инвентаря отличившихся от всех известных до того времени погребальных памятников Кавказа.³⁹ На основе ряда сопоставлений с памятниками Древнего Востока курганы эти были им датированы серединой II тыс. до н. э. Внезапное появление такой цветущей культуры, характеризующейся изделиями из драгоценных металлов и расписной посудой, должно было быть исторически оправдано. На помощь исследователю пришла относительная хронология памятников Триалети; так было установлено сходство этих пышных погребальных памятников с более древней и скромной группой курганов, керамический материал которых бесспорно перекликался с упомянутой выше чернолощеной посудой, названной Б. А. Куфтиным «энеолитической». Таким образом, стало очевидным, что курганная культура Триалети своими корнями уходит в местный энеолит.⁴⁰

Обнаружение самого древнего пласта — «наиболее загадочной страны археологии Триалети», — облик которого имел поразительное сходство с рядом уже известных находок Закавказья, побудило Б. А. Куфтина произвести «раскопки» в кавказских музеях, увенчавшиеся вскоре написанием его сводной работы.⁴¹

В этот первый период развития «проблемы энеолита», скромно названный Б. А. Куфтиным периодом первого накопления фактов, был установлен ряд очень существенных положений: 1) выявлены «руководящие формы» этой культуры; 2) определена на основании этих форм однородность древнейшего пласта в границах куро-аракского Двуречья; 3) подчеркнута своеобразия, при некоторых сходных моментах с переднеазиатскими материалами, культуры закавказского энеолита, в которой господствующую роль играли не шумерские традиции с их красочной росписью на посуде, а сиро-хеттские связи;⁴² 4) дано первое деление памятников на энеолит (Бешташени) и древнюю бронзу (курганы у Параванского озера);⁴³ 5) предложено членение на три этапа керамического комплекса в пределах энеолита (Бешташени).⁴⁴

Однако не все положения Б. А. Куфтина оказались бесспорными. Так, деление памятников на два периода — энеолит и древнюю бронзу — было построено на необъективном подходе к материалу: поселения, в которых металл встречался чрезвычайно редко, были отнесены к эпохе энеолита, а могильники с отдельными металлическими вещами — к эпохе древней бронзы; между тем такое распределение предметов укладывалось в рамки одного периода, когда металл, будучи еще сравнительно редким, помещался в погребения, куда, согласно обряду, клали самые ценные вещи. Отсюда неверным оказалось и представление об энеолите Южного Кавказа как о культуре с «поразительно бедным некерамическим инвентарем».⁴⁵

Последующие работы Б. А. Куфтина были направлены на пополнение фактическим материалом куро-аракской культуры,⁴⁶ которую он восста-

³⁹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 78.

⁴⁰ Б. А. Куфтин. К вопросу о древних корнях грузинской культуры на Кавказе. ВГМГ, вып. XII-B, Тбилиси, 1944, стр. 307—308.

⁴¹ Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВГМГ, вып. XIII-B, Тбилиси, 1943, стр. 73.

⁴² Там же, стр. 31.

⁴³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 101, 106.

⁴⁴ Там же, стр. 114.

⁴⁵ Там же, стр. 106.

⁴⁶ Б. А. Куфтин. 1) Археологические раскопки 1947 года в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948; 2) Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949; 3) К проблеме энеолита внутренней Картли и Юго-Осетии. ВГМГ, XIV, Тбилиси, 1947, стр. 67.

новил как культуру оседлоземледельческих поселений с подсобной охотой и рыболовством, ручным керамическим производством, круглыми домами, культом домашнего очага и ярко выраженными малоазиатскими связями. Уточнив датировку этой культуры началом III тыс. до н. э.,⁴⁷ Б. А. Куфтин открытую им в Озни группу погребений со значительными следами металла отнес к эпохе позднего энеолита,⁴⁸ когда, по его мнению, не исключается уже возможность наличия письменности иероглифического характера.⁴⁹

В области социальных отношений Б. А. Куфтин считал, что население куро-аракского Двуречья стояло на раннем этапе средней ступени варварства, «когда накопление новых средств производства (домашний скот, хлебные злаки, ткацкий станок, сырцовый кирпич, металл и пр.) подготовило условия для перехода от материнского рода к отцовскому».⁵⁰

Этим событиям предшествовали спорадические находки в 20—30-х годах в ряде пунктов Сирии и Палестины (Бет-Шеан, Магидо, Аффулах, Гезер, Джудейде и др.) своеобразной черной лощеной посуды, названной еще в 1925 г. В. Олбрайтом «хирбет-керакской»⁵¹ по месту ее первоначального обнаружения в местечке Хирбет-Керак (Бет-Иерах) и позднее отнесенной исследователями к периоду ранней бронзы II и III. Однако находки этой близкой к закавказской керамики были зарубежными археологами сопоставлены с последней лишь значительно позже, когда стали известны публикации Б. А. Куфтина, Б. Б. Пиотровского и др.

На Северном Кавказе пунктами, тяготеющими к закавказским памятникам, А. И. Круглов в то время считал лишь Каякентское и Джемикентское поселения в приморском Дагестане.⁵²

Параллельно с исследованиями Б. А. Куфтина в военные и послевоенные годы начали появляться работы Б. Б. Пиотровского с публикацией новых материалов по энеолиту Армении и большими и чрезвычайно интересными обобщениями по Закавказью в целом.⁵³ Этим древним периодом Б. Б. Пиотровский занимался и позднее, когда увеличившийся круг источников позволил ему уточнить прежние датировки, а также сделать более широкие исторические выводы.⁵⁴ Особенно важной среди них представляется характеристика хозяйственной основы древних племен, строившейся на сочетании земледелия⁵⁵ и скотоводства, и выявление

⁴⁷ Б. А. Куфтин. К вопросу о выявлении памятников шумерской и протохеттской эпохи на территории Грузии. ИСООН АН ГрузССР, Тезисы докладов, Тбилиси, 1947, стр. 16—17.

⁴⁸ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 года... стр. 26.

⁴⁹ Б. А. Куфтин. 1) Археологические раскопки 1947 года..., стр. 32—33; 2) К вопросу о выявлении памятников... стр. 17.

⁵⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 года... стр. 45.

⁵¹ W. E. Albright, Annual American School of Orient Research, № 6, 1925, p. 27.

⁵² А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА СССР, № 68, стр. 20, 30.

⁵³ Б. Б. Пиотровский. 1) Новая страница древнейшей истории Кавказа. Изв. Арм. ФАН СССР, № 1, 1943, стр. 53; 2) Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 171; 3) Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 32.

⁵⁴ Б. Б. Пиотровский. 1) Закавказье и древний Восток. Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г., М., 1956, стр. 3; 2) Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР. Доклады советской делегации на X международном конгрессе историков в Риме, М., 1955; 3) The Aeneolithic culture of Transcaucasia in the third millennium b. c. VI international congress of prehistoric and protohistoric sciences, Report and communications by archaeologists of the USSR, Moscow, 1962; 4) The aeneolithic culture of Transcaucasia in the third millennium b. c., Estratto dagli Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche e Protoistoriche. v. II, Roma, 1965, p. 360.

⁵⁵ Б. Б. Пиотровский. Основные этапы древнейшего земледелия в Армении. ИФЖ, Ереван, 1961, №№ 3—4, стр. 108.

тенденции к исторически обусловленному в горной зоне Кавказа усилению роли скотоводства и сложению последнего к началу II до н. э. в форму отгонного скотоводства.⁵⁶ Большой интерес представляет данное им членение керамики на три хронологических этапа, в основу которого были положены развитие орнамента, а также вывод о более позднем бытовании чернолощенной посуды по сравнению с расписной керамикой эпохи энеолита Передней Азии.⁵⁷

50-е годы ознаменовались значительным усилением интереса к куро-аракской культуре. Раскопки приобрели планомерный характер, были исследованы десятки новых пунктов. Можно без преувеличения сказать, что достижения последних пятнадцати лет значительно перекрыли все предыдущие накопления. И хотя на «энеолитической» карте Южного Кавказа еще существуют «белые пятна», карта эта насчитывает уже сотни зафиксированных памятников (рис. 20).

Добытые материалы наполнили множеством новых фактов понятие «куро-аракская культура»; уточнились периодизация памятников, строившаяся главным образом на типологическом анализе керамики, а также границы распространения этой культуры.

Отошлем читателя к подробным историографическим экскурсам в сравнительно недавно вышедших монографиях Р. М. Мунчаева и О. М. Джапаридзе⁵⁸ и коснемся здесь лишь главных событий этой темы. Так, в Грузии Д. Л. Коридзе, положивший в основу нестратифицированного материала из Дидубе (Тбилиси), отнес его целиком к энеолиту, расчленив при этом на три последовательных этапа (начало IV—конец III тыс. до н. э.).⁵⁹ Исключительный интерес представляли работы О. М. Джапаридзе, явившиеся прямым продолжением и завершением исследований Б. А. Куфтина таких памятников, как Кулбакеби, Сачхере и др.⁶⁰ Публикуя большой археологический материал и делая ряд важных выводов, автор предложил свою периодизацию, построенную тоже на нестратифицированных материалах. Энеолитический период (3200—2400 гг. до н. э.) он также разделил на три хронологических этапа.⁶¹ Кстати, архаичную дидубийскую группу О. М. Джапаридзе справедливо отнес целиком к первому этапу, а не распределил ее на все III тыс. до н. э., как это сделал Д. Л. Коридзе. С 2400 до 1900 г. до н. э., по схеме О. М. Джапаридзе, продолжается период ранней бронзы, начало которого, впрочем, в одной из последних своих работ он отнес уже к 2700 г. до н. э.⁶²

Интересными оказались работы Г. Г. Пхакадзе в Кикетах. Предложенная ею периодизация опирается уже на отдельные стратиграфи-

⁵⁶ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955, стр. 5.

⁵⁷ Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении, стр. 183.

⁵⁸ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА СССР, № 100, 1961, стр. 9—19; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 5—18 (на груз. яз.).

⁵⁹ Д. Л. Коридзе. 1) Археологические памятники Тбилиси, I. Тбилиси, 1955, стр. 66 (на груз. яз.); 2) Археологические памятники Тбилиси. Автореферат. Тбилиси, 1955, стр. 6.

⁶⁰ О. М. Джапаридзе. 1) Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.); 2) К истории грузинских племен...; 3) К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Автореферат, Тбилиси, 1962.

⁶¹ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., 1961, Хронологическая таблица.

⁶² О. М. Джапаридзе. Культура раннеземледельческих племен на территории Грузии. VII Международный конгресс антропологических и этнографических работ, М., 1964, стр. 7.

ческие наблюдения. Период энеолита она разделила также на три этапа, определяя его крайние даты 3000—2400 гг. до н. э.⁶³

Большие накопления новых материалов в Армении появились главным образом благодаря целеустремленным раскопкам в разных пунктах Э. В. Ханзадян. Здесь исследованы группа Кироваканских поселений,⁶⁴ Эларский могильник,⁶⁵ поселение в Гарни, Шенгавитское поселение (раскопки С. Сардаряна).⁶⁶ Отличающиеся большим своеобразием памятники Армении были обобщены в работе Э. В. Ханзадян, делящей, главным образом на основе развития керамики,⁶⁷ все памятники на три последовательных периода и датирующей всю культуру в целом III тыс. до н. э.⁶⁸ Значительным событием для археологов-кавказоведов явилась монография А. А. Мартиросяна, открывающаяся анализом памятников Армении середины III тыс. до н. э., которые он рассматривает на широком фоне южнокавказского материала.⁶⁹ Интересны работы автора и в области древней металлургии Армении.⁷⁰ Анализ керамики этого периода посвящены работы Л. Карапетяна.⁷¹

Памятники нового облика уже сравнительно давно начали появляться и в Азербайджане, где вслед за Степанакертскими курганами⁷² и «тканевой» керамикой⁷³ были открыты поселение и могильник Мингечаур,⁷⁴ а несколько позднее — поселение Баба-Дервиш.⁷⁵ Эти поселения были опубликованы как принадлежащие энеолиту. Наконец, в самые последние годы новые пункты со следами этой культуры были зафиксированы в других местах республики — в Муганской степи, в Астаринском районе.⁷⁶

⁶³ Г. Г. Пхакадзе. 1) Энеолит Квемо-Картли. Тбилиси, 1963, табл. XVI (на груз. яз.); 2) Энеолит Квемо-Картли. Автореферат. Тбилиси, 1963, стр. 18.

⁶⁴ Э. В. Ханзадян. Энеолитическое поселение близ Кировакана. СА, 1963, № 1, стр. 152.

⁶⁵ Э. В. Ханзадян. О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении. СА, 1964, № 2.

⁶⁶ С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении, стр. 163.

⁶⁷ Э. В. Ханзадян. Шреш-блурская и кюль-тепинская керамика и ее искусство. ИФЖ, Ереван, 1964, № 3, (на арм. яз.).

⁶⁸ Э. В. Ханзадян. Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. Ереван, 1967 (на арм. яз.).

⁶⁹ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 24.

⁷⁰ А. А. Мартиросян. К предистории древнейших этапов культуры Армении. ИФЖ, Ереван, 1960, № 1.

⁷¹ Л. Л. Карапетян. 1) Формы и орнаментация энеолитической керамики Армении. ИФЖ, Ереван, 1964, № 3 (на арм. яз.); 2) История гончарного производства древней Армении. Автореферат. Ереван, 1966, стр. 7.

⁷² Я. И. Гуммель. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИА, вып. XX, 1948, стр. 15; Л. П. Ташчян. Курган с массовым погребением в окрестностях Степанакерта. Изв. АзФАН СССР, 1944, № 11, стр. 91; К. Х. Кушнарера. Памятники медного века в Нагорном Карабахе. СА, XX, 1954, стр. 165.

⁷³ Я. И. Гуммель. Археологические раскопки в районах Азербайджана, стр. 62.

⁷⁴ Г. М. Асланов, Р. М. Важдов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 22.

⁷⁵ И. Г. Нариманов и Г. С. Исмаилов. Акстафачайское поселение близ Казаха; Г. С. Исмаилов. 1) Новый археологический материал о земледелии в древнем Азербайджане. ДАН АзССР, 1962, № 3; 2) Глиняные фигурки из поселения Баба-Дервиш близ Казаха. ДАН АзССР, 1962, № 10; 3) Наконечники стрел из древнего поселения Баба-Дервиш. Изв. АН АзССР, 1963, № 4; 4) Из истории древней культуры западного Азербайджана. Автореферат. Тбилиси, 1963; 5) Орнаментация керамики древнего поселения Баба-Дервиш и ее взаимосвязи с энеолитическими памятниками Закавказья. АИА, Баку, 1964, стр. 54.

⁷⁶ И. Г. Нариманов, Ф. А. Махмудов. Энеолитические памятники... карта; Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. О древнейшей металлургии Кавказа, СА, 1968, № 4, стр. 21.

Тем временем раскопки развернулись и за рубежом. Наиболее важными для Южного Кавказа оказались маршрутные поездки и раскопки Ч. Барнея⁷⁷ и Х. Кошая⁷⁸ в восточной Анатолии и Т. Бартона-Брауна⁷⁹ и Ч. Барнея⁸⁰ в северо-западном Иране. Открытая серия поселений устанавливала в эпоху ранней бронзы в прилегающих к Закавказью областях наличие культуры с характерной чернолощеной керамикой. Выяснилось также, что керамика эта в несколько видоизмененном виде существовала и южнее, в Сирии и Палестине, где слои с хирбет-керакской посудой были открыты С. Худом, Р. Брейдвудом, И. Ингольдом, К. Шеффером, Б. Майслером и другими в таких многослойных поселениях, как Табара-эль-Акрад,⁸¹ Амур,⁸² Хама,⁸³ Рас-Шамра,⁸⁴ Хирбет-Керак⁸⁵ и многих других. Одной из последних публикаций о памятниках хирбет-керакского круга явилась статья о раскопках итальянской экспедиции на поселении Геленчик-Тепе в области Малатья.⁸⁶ Проблемы происхождения и связей открытой культуры посвящены работы В. Ламб,⁸⁷ В. Олбрайта,⁸⁸ Е. Суkenика,⁸⁹ Л. Булли,⁹⁰ Р. Амран,⁹¹ Е. Порады,⁹² Дж. Мелларта и Е. Анати.⁹³

В результате были намечены ее границы вне территории Южного Кавказа (рис. 20), доходящие на западе до центральной Анатолии (Аладжа),⁹⁴ а на юге до Иерихона и Гезера,⁹⁵ где находки хирбет-керакской посуды представлены уже в единичных экземплярах и определены археологические (раннебронзовый век II и III) и хронологические рамки. Было также установлено, что хирбет-керакская посуда на поселениях Сирии и Палестины появилась внезапно и оказалась не связанной с предшествующими ей местными традициями, причем

⁷⁷ C. A. Burney. *Eastern Anatolia in the chalcolithic and early bronze age*. AS, VIII, 1958, p. 157.

⁷⁸ H. Kosay, K. Turfan. *Erzurum-Karaz kazisi raporu*. TTK Belleten, XXIII, 1959, № 91, p. 394.

⁷⁹ T. Burton-Brown. *Excavations in Azerbaijan, 1948*. London, 1951.

⁸⁰ C. A. Burney. 1) *The circular buildings in Janik-tepe, north-west Iran*. *Antiquity*, v. XXXV, № 139; 2) *Excavations at Janik-tepe*. Iraq, v. XXIII, part I, 1961, p. 138; 3) *Excavations at Janik-tepe, Azerbaijan, 1961*. Iraq, v. XXIV, part 2, 1962, p. 134; 4) *The excavations at Janik-tepe, 1962*, p. 54.

⁸¹ S. Hood. *Excavations at Tabara el Akrad, 1948—1949*. AS, v. 1, 1951, p. 113.

⁸² R. Braidwood and L. Braidwood. *Excavations in the plain of Antioch*. Chicago, 1960, p. 345.

⁸³ H. Inghold. *Rapport préliminaire sur sept campagnes de fouilles à Hama en Syrie*. Kobenhavn, 1940, p. 16.

⁸⁴ G. Schaeffer. 1) *Les fondateurs pré et protohistoriques de Syrie de neolitique ancien en bronze ancien*. Syria, XXXVIII, 1961, № 3—4, p. 15; 2) *Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale*. London, 1948, pp. 46, 48, 108, 131, 189, 345.

⁸⁵ B. Maisler, M. Stekelis, M. Avi-Jonah. *The excavations at Beth-Jerah (Khirbet-et-Kerak), 1944—1946*. IEJ, 1952, v. II, № 3, p. 165.

⁸⁶ A. Palmieri. *Insedimento del bronzo antico a Gelenciktepe (Malatya), Origini preistoria e protostoria delle civiltà antiche*. Roma, 1967, p. 117.

⁸⁷ W. Lamd. *The culture of north-east Anatolia and its neighbours*. AS, IV, 1954, p. 21.

⁸⁸ W. Albright. *The archaeology of Palestine*. 1951, p. 75.

⁸⁹ E. Sukenik. *Archaeological investigations at Affula*. JPOS, 2, 1948.

⁹⁰ L. Wolley. *Forgotten kingdom*. London, 1959, S. 19.

⁹¹ R. Amiran. 1) *The connections between the Anatolia and Palestine in early bronze age*. IEJ, 1952, v. II, 2, p. 39; 2) *Janik-tepe, Shengavit and the Khirbet-kerak ware*. AS, XV, 1965, p. 165.

⁹² E. Porada. *The session in the Tiflis Museum*. *Archaeology*, 13, 1960, № 4, p. 279.

⁹³ J. Mellaart. *The chalcolithic and early bronze age in the Near East and Anatolia*. Beirut, 1966, p. 79; E. Anati. *Palestine before the Hebrews*. London, 1963, p. 356.

⁹⁴ H. Kosay. *Ausgrabungen von Alaca Höyük*. Ankara, 1944, farbige Tabelle.

⁹⁵ J. Mellaart. *The chalcolithic...*, map V.

в Палестине она распространилась позднее, чем в Сирии, и бытовала там сравнительно недолго.

В 50-е годы развернулись работы и на Северном Кавказе. Они ознаменовались в первую очередь выходом в свет большой статьи А. А. Иессена, подводящей прочную базу под вызвавшую в свое время горячие споры датировку «больших кубанских курганов».⁹⁶

На территории северо-восточного Кавказа благодаря усилиям дагестанских археологов (В. Г. Котович, В. М. Котович, М. Г. Гаджиев) на карту были нанесены новые поселения (Великент, Мамай-Кутан, Гильяр, Махач-Кала и др.),⁹⁷ тяготеющие по своему облику к закавказским. Вместе с тем ряд синхронных стоянок, больше связанных, однако, с местными традициями, был открыт и в горах (Гапшима, Гуниб, Чинна).⁹⁸ Большим и серьезным итогом работ на северо-восточном Кавказе явилась монография Р. М. Мунчаева,⁹⁹ в которой автор на широком материале ставит проблему взаимоотношений древнейших культур Закавказья и Северного Кавказа. Одним из узловых памятников, способствующих решению этой проблемы, оказалось древнее поселение Луговое в Ингушетии, исследованное Северо-Кавказской экспедицией, возглавляемой Е. И. Крупновым. Этой же экспедицией раскопаны и такие комплексы, как поселение Сержень-Юрт,¹⁰⁰ Бамутские¹⁰¹ и Мекенские¹⁰² курганы.

В результате было установлено, что территория Чечено-Ингушетии являлась в III тыс. до н. э. областью стыка двух основных культур Кавказа — «куро-аракского энеолита» и знаменитой майкопской культуры.¹⁰³ В новом свете предстала и сама майкопская культура, известная раньше лишь по пышным погребальным комплексам. Здесь, в Прикубанье, была открыта серия бытовых памятников (Ходжох, Мешоко, Скала и др.), которые помогли осветить вопросы хозяйственно-экономической жизни носителей майкопской культуры.¹⁰⁴

С Майкопским курганом А. А. Иессен связал исследованный им в Мильской степи большой Уч-Тепинский курган — самый крупный из раскопанных до настоящего времени на территории Южного Кавказа.¹⁰⁵ Отнесенный к концу III тыс. до н. э. курган этот отражает примерно те же явления надстроечного порядка, что и «большие кубанские курганы».

Однако наиболее результативными оказались исследования многослойных поселений в различных частях большой территории, охвачен-

⁹⁶ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 157. Литературу по этому вопросу см. также в кн.: Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 156.

⁹⁷ В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана. МАД, I, 1959.

⁹⁸ В. Г. Котович. Новые археологические памятники...; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1966; Д. М. Атаев и К. Х. Кушнарева. Два поселения в урочище Чинна. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 68.

⁹⁹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура...

¹⁰⁰ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, № 3, стр. 177; Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИА, вып. 88, 1962; Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1964, № 1, стр. 26.

¹⁰¹ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры..., стр. 187.

¹⁰² Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у станции Мекенской. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.

¹⁰³ Е. И. Крупнов, В. А. Кузнецов, В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Северный Кавказ в свете новейших археологических исследований. МБС, Баку, 1965, стр. 10.

¹⁰⁴ А. Д. Столяр. Мешоко — поселение майкопской культуры. СМАА, вып. II, Майкоп, 1961, стр. 73; А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 64.

¹⁰⁵ А. А. Иессен. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе. МИА СССР, № 125, 1965, стр. 153.

ной куро-аракской культурой, а также комплексное изучение связанных друг с другом поселений, могильников, культовых мест. Только такой подход открывал широкий путь для изучения всех сторон хозяйственной и духовной жизни древних племен, давая возможность подметить и некоторые локальные особенности этой сложной культуры. Такими узловыми комплексами оказались: для Грузии — Хизанаант-гора, Квацхелеби и Амиранис-гора; для Армении — Шенгавит, Гарни; для Азербайджана — Кюль-Тепе; для восточной Анатолии — Караз и для северо-западного Ирана — Геой-Тепе и Яник-Тепе.

Исключительно важными оказались раскопки Урбнисской экспедиции в Шида-Картли; здесь на двух соседних небольших родовых поселках (Хизанаант-гора, Квацхелеби) была открыта свита последовательных горизонтов, начиная с позднего энеолита вплоть до конца ранней бронзы.¹⁰⁶ Изучены и одновременные им могильники. В результате получена картина эволюции жилищ с их хозяйственными комплексами, подмечены особенности в развитии керамики. Привлекая широкий этнографический материал, авторы восстанавливают обряды, связанные с земледельческим укладом хозяйства, характеризуют специфику последнего, а также высокий уровень ремесел, в частности металлургии. Все эти данные способствовали установлению локальных для Шида-Картли особенностей культуры ранней бронзы.

Другой вариант этой культуры намечился в пределах юго-западной Грузии и северо-восточной Анатолии; крайними для него точками оказались такие узловые поселения, как Амиранис-гора¹⁰⁷ и Караз,¹⁰⁸ имеющие много общего как в характере планировки и примененных строительных материалов, так и в специфике керамики. Раскопанные различной методикой, эти поселения дали неравноценный материал и отразили по существу два различных методологических подхода к археологическим памятникам. Итогом раскопок в Каразе явилась лишь глубинная фиксация керамики, в то время как исследованное широкой площадью поселение Амиранис-гора в комплексе с могильниками и святилищем осветило многие стороны материальной и духовной жизни его обитателей.

Узловым поселением для Араратской долины является давно получившее известность благодаря раскопкам Е. Байбуртяна многослойное Шенгавитское поселение.¹⁰⁹ Здесь представлены все стадии развития куро-аракской культуры, а нижний слой выходит за рамки III тыс. до н. э. Материалы Е. Байбуртяна, а также отчет о его раскопках, к сожалению, до сих пор полностью опубликованы не были. В последние годы на этом

¹⁰⁶ А. И. Джавахишвили и Л. И. Глonti. Урбниси I. Археологические раскопки, произведенные в 1954—1961 гг. на селенце Квацхелеби (Тулепия-Кохи). Тбилиси, 1962 (на груз. яз.); Л. И. Глonti, Я. И. Киквидзе, А. И. Джавахишвили. Итоги раскопок селищ IV—III тыс. до н. э. МБС, Баку, 1965, стр. 83; Л. Глonti, А. Джавахишвили, Я. Киквидзе, Д. Тушабрамишвили. Некоторые итоги...; Я. И. Киквидзе. Памятники эпохи ранней бронзы в Урбниси. ДПКГ, VI, Тбилиси, 1966, стр. 26 (на груз. яз.); Л. А. Чилашвили. Городище Урбниси. Тбилиси, 1964, стр. 9 (на груз. яз.).

¹⁰⁷ Т. Н. Чубинишвили. 1) Амиранис-гора. Материалы к древнейшей истории Мескет-Джавахеити. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.); 2) Древнейшая культура в Двуречье Куры и Аракса. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); 3) Амиранис-гора. ДПКГ, VI, Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); 4) Некоторые итоги раскопок Амиранис-гора. КСИА, вып. 106, 1966.

¹⁰⁸ Н. Козау, К. Turfan. Erzurum-Karaz...

¹⁰⁹ Е. А. Байбуртян. 1) Последовательность древнейших культур...; 2) Культовый очаг из раскопок Шенгавитского поселения. ВДИ, 1937, № 2; 3) По поводу древней керамики из Шреш-Блура. СА, III, 1937, стр. 209; Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., стр. 25; Э. В. Ханзадян. Культура Армянского нагорья, стр. 8.

памятнике работал С. А. Сардарян.¹¹⁰ Однако в выпущенной им недавно книге, пестрящей фактическими ошибками, противоречиями и неаргументированными положениями,¹¹¹ автор четкую стратиграфическую характеристику памятника подменил изданием главным образом старых разрозненных материалов Е. Байбуртяна. Отсутствие планов отдельных горизонтов и разрезов этого сложного многослойного поселения, а также точных характеристик комплексов, связанных с теми или иными помещениями, лишает археологов возможности использовать этот памятник как полноценный источник.

Будущие раскопки в Армении, бесспорно, должны восполнить этот образовавшийся пробел. Недавно начаты работы на многослойном поселении Джраховит, где представлена серия горизонтов энеолита и ранней бронзы (раскопки Э. В. Ханзадян). Будучи сходными некоторыми чертами с материальной культурой, представленной в Амиранис-гора и в Каразе, памятники на территории современной Армении составляют яркую, самобытную и самостоятельную группу.

Наконец, еще одну территориальную группу в пределах южного Азербайджана и северо-западного Ирана составляют три поселения (Кюль-Тепе, Геой-Тепе, Яник-Тепе), дополняющие друг друга во времени. На всех трех поселениях слоям эпохи ранней бронзы предшествуют энеолитические слои. Для нашей темы наибольшее значение имеют итоги изучения полностью раскопанного поселения Кюль-Тепе, где в девятиметровом слое ранней бронзы О. А. Абибуллаеву удалось проследить 14 строительных горизонтов.¹¹² Поздний этап периода ранней бронзы представлен серией верхних горизонтов Яник-Тепе.¹¹³ Раскопки этих трех поселений дали огромный материал, позволяющий поднять такие специальные вопросы, как эволюция архитектуры, металлургическое производство¹¹⁴ и др.

Результатом исследований многослойных поселений явилось новое, более полное и всестороннее представление о куро-аракской культуре. Уровень материальной и духовной жизни племен — носителей этой культуры — оказался значительно выше, чем он представлялся еще сравнительно недавно. Материалы поселений по-новому обрисовали хозяйственную базу древних южно-кавказских племен с ведущей ролью скотоводства, складывающегося уже в конце этого периода в отгонную форму.

Неожиданно высоким оказался и уровень металлопроизводства, остатки которого были обнаружены повсеместно. Было установлено, что уже в этот отдаленный период оно находилось на стадии «сознательной» металлургии,¹¹⁵ когда были освоены такие сложные процессы, как вы-

¹¹⁰ С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении.

¹¹¹ А. А. Мартirosян и Р. М. Мунчаев. [Рец.] С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении. СА, 1968, № 3.

¹¹² О. А. Абибуллаев. 1) Раскопки холма Кюль-Тепе. КСИМК, вып. 51, 1953, стр. 36; 2) К изучению холма Кюль-Тепе. ТИИФ, IX, 1956, стр. 5—25; 3) Первые итоги раскопок Кюль-Тепе. Материалы по истории Азербайджана. ТМИА АН АзССР, т. II, Баку, 1957, стр. 76—98 (на азерб. яз.); 4) Раскопки холма Кюль-Тепе, близ Нахичевана. МИА СССР, № 67, стр. 431—452; 5) Археологические раскопки Кюль-Тепе. Баку, 1959 (на азерб. яз.); 6) Археологические раскопки холма Кюль-Тепе. Автореферат. Баку, 1959; 7) Энеолитическая культура Азербайджана. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 68—83; 8) Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане. СА, 1963, № 3, стр. 157—168.

¹¹³ С. А. Вигнеу, Iraq, v. XXIII, part 1; Iraq, v. XXIV, part 2; Iraq, XXVI, part 1.

¹¹⁴ О. А. Абибуллаев. 1) Остатки жилищ во втором слое Кюль-Тепе. МИА СССР, № 125, стр. 40—64; 2) К вопросу о древней металлургии в Азербайджане, стр. 65.

¹¹⁵ Г. Чайлд. Археологические документы по предыстории науки. ВИМК, 1957, № 2, стр. 63.

плавка металла из руды, совместная плавка различных металлов, отливка широкого ассортимента изделий в формах, дальнейшая их обработка. Таким образом, тезис Б. А. Куфтина о куро-аракской культуре как о «поразительно бедной некерамическим инвентарем» оказался опровергнутым. Сомнению подверглась и «энеолитическая» сущность куро-аракской культуры. Создавался очевидный культурно-хронологический разрыв между подлинно энеолитическими культурами Передней Азии и «куро-аракским энеолитом».

Все эти факты, а также обнаружение в начале 60-х годов под куро-аракским слоем на поселении Кюль-Тепе мощного слоя со светлой, иногда расписной посудой и медными поделками, тяготеющего к энеолитическим культурам Передней Азии, послужили поводом для почти одновременного выхода ряда статей, в которых «куро-аракский энеолит» был отнесен к эпохе ранней бронзы.¹¹⁶ Наиболее детально этот вопрос был освещен авторами настоящей книги.¹¹⁷

Такое переосмысление памятников III тыс. до н. э. не только соответствовало установленному высокому уровню куро-аракской культуры в целом, но и устраняло тот терминологический разнобой, который существовал у советских и зарубежных ученых, относящих синхронные культуры соседних Анатолии и Ирана к периоду ранней бронзы.

Однако вопрос этот остается и до настоящего времени дискуссионным,¹¹⁸ хотя большинство исследователей уже пользуется новой периодизацией.

Наконец, результатом изучения куро-аракской археологической культуры явилась постановка вопроса об этнической принадлежности ее носителей. О. М. Джапаридзе допускает, что в этот период уже зарождается общекавказский язык-основа¹¹⁹ Р. М. Мунчаев, основываясь на едином облике этой культуры на большой территории, высказал предположение, что куро-аракская культура могла явиться подосновой кавказского этнического субстрата и что носители этой культуры были связаны с иберийско-кавказской языковой семьей.¹²⁰ Это положение нашло всестороннюю разработку в последующих работах Е. И. Крупнова. Привлекая данные археологии, антропологии, этнографии и языкознания, автор утверждает, что в III тыс. до н. э. наблюдаются уже признаки распада более древнего общекавказского единства, причем намечающиеся к этому времени три археологические культуры — «куро-аракская», северо-восточная и северо-западная — соответствуют, с его точки зрения, трем большим языковым группам.¹²¹

В заключение коснемся мнения — Г. А. Меликишвили¹²² и И. М. Дзяконова. Первый из них еще в 1965 г. вопрос об этнической принадлежности племен — носителей куро-аракской культуры — предположительно связывал с появлением индоевропейских племен; исходя из лингвисти-

¹¹⁶ А. А. Мессен. Кавказ и Древний Восток; О. А. Абибуллаев. Некоторые итоги...; Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа..., стр. 26.

¹¹⁷ К. Х. Кушнарзева и Т. Н. Чубиняшвили. Историческое значение...

¹¹⁸ Г. С. Исмаилов. Из истории древней культуры...; С. А. Есаян. Каталог археологических предметов музея истории Еревана, т. II. Ереван, 1967, стр. 69; С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении, стр. 161.

¹¹⁹ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен... Автореферат, стр. 47.

¹²⁰ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 164.

¹²¹ Е. И. Крупнов. 1) Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность. Доклад на XXVI Международном конгрессе востоковедов. М., 1963; 2) Древнейшая культура Кавказа...; 3) Кавказ — древнейший культурный очаг нашей родины. МБС, Баку, 1964, стр. 14; 4) Кавказ в древнейшей истории нашей страны. ВИ, 1966, № 5.

¹²² Г. А. Меликишвили. К вопросу о древнем населении Грузии, Кавказа и древнего Востока. Тбилиси, 1965, стр. 103—133 (на груз. яз.).

ческих данных, ученый полагает, что пришлые племена были впоследствии ассимилированы местными племенами. И. М. Дьяконову¹²³ на основе скрупулезного привлечения историко-лингвистических данных удается очертить широкий ареал расселения хурритских племен в III—II тыс. до н. э. В этом же ареале проживали и другие племена («этивские», пра-нахско-дагестанские), родственные по языку хурритам. Обращаясь к археологическим источникам, И. М. Дьяконов акцентирует внимание на соответствие границ распространения хурритско-урартской языковой группы с памятниками куро-аракской культуры. Однако, проявляя определенную осторожность в этом вопросе, автор воздерживается от категорического отождествления данных лингвистики и материальной культуры.

Возвращаясь к археологическому аспекту куро-аракской культуры, отметим следующее: представляется, что на протяжении III тыс. до н. э. на Южном Кавказе формировались все те признаки, которые характеризуют эпоху бронзы в целом. Поэтому авторы настоящей работы рассматривают куро-аракскую культуру как начальный этап длительного исторического периода. Для правильного осмысления последнего следует остановиться в первую очередь на более ранних материалах.

¹²³ И. М. Дьяконов. 1) Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, стр. 13; 2) Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком. МСПИФАН, XII, Тезисы, Баку, 1966.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЗНЕОЛИТУ ЮЖНОГО КАВКАЗА¹

С момента открытия полной стратиграфической колонки поселения Кюль-Тепе, где под девятиметровым «куро-аракским» слоем неожиданно оказалась восьмиметровая толща более древних отложений, не прошло и 10 лет. Сегодня количество известных памятников этого древнейшего периода доходит до 50 (рис. 1); часть из них уже подверглась раскопкам, остальные ждут своего изучения. Хронологически эти памятники укладываются в V—IV тыс. до н. э. О возможности более точных датировок будет сказано ниже.

Последними по времени событиями в области изучения знеолита Закавказья, пожалуй, являются раскопки на территории южной Грузии, на археологической карте которой еще недавно значились лишь единичные пункты с признаками архаичной по облику «до-куро-аракской» культуры (Тетрицкаро, Цопи, Абелля); кстати, историко-хронологическое осмысление их стало возможным лишь в результате планомерных раскопок на этих поселениях, а также на синхронных памятниках соседних и более отдаленных районов.

В 1965—1967 гг. в Марнеульском, Болнискском и Ахалцихском районах была открыта серия древних поселений с мощными напластованиями; это либо жилые холмы типа Арухло, Шулавери I, II, Имирис-гора, либо поселения на террасах (Геой-Тепе около Садахло), на мысах у слиянии рек (Цопи) или на склонах гор (Амиранис-гора). Все они, кроме ахалцихского Амиранис-гора, удалены друг от друга не больше чем на 30 км. Почти на всех поселениях знеолитические слои перекрыты более поздними отложениями.

Арухлинское поселение является одним из четырех жилых холмов, расположенных вблизи сел. Арухло (Болнисский р-н).² Это искусственный холм (100×150 м) высотой 6 м. На поселении было заложено несколько раскопов — основной, на вершине холма (пл. 300 м²), траншея, прорезавшая восточный склон, и небольшой контрольный раскоп на этом же склоне.

Верхняя метровая толща культурных слоев слагалась из отложений поздних периодов, однако уже здесь попадались черепки архаичной лепной посуды, характерной для древнего пятиметрового слоя. В юго-западной части центрального раскопа с первых же штыхов начало выявляться скопление горелого кизяка и соломы, которое уходило вглубь и, как по-

¹ Настоящая глава не претендует на исчерпывающую полноту сведений; она является лишь первой сводкой по знеолиту Южного Кавказа в целом и отражает состояние изученности этого периода сегодня. Материалы, имевшиеся в распоряжении авторов, крайне неравноценны, что не могло не отразиться на характере изложения. В дальнейшем ссылки на основную библиографию будут даны по главе I.

² Раскопки Т. Н. Чубинишвили.

казали дальнейшие раскопки, было, по-видимому, сгоревшим запасом кизякового топлива древних поселенцев.

Под слоем здесь оказалось шесть круглых глинобитных помещений — №№ 4—9 (диаметры 3—3.2 м, толщина стен 30—35 см), основания стен которых были углублены в землю (рис. 2). Во втором раскопе расчищено еще три аналогичных помещения — №№ 1—3 (рис. 3), сложенных, однако, из сырцовых кирпичей с примесью соломы. Высота сохранившихся

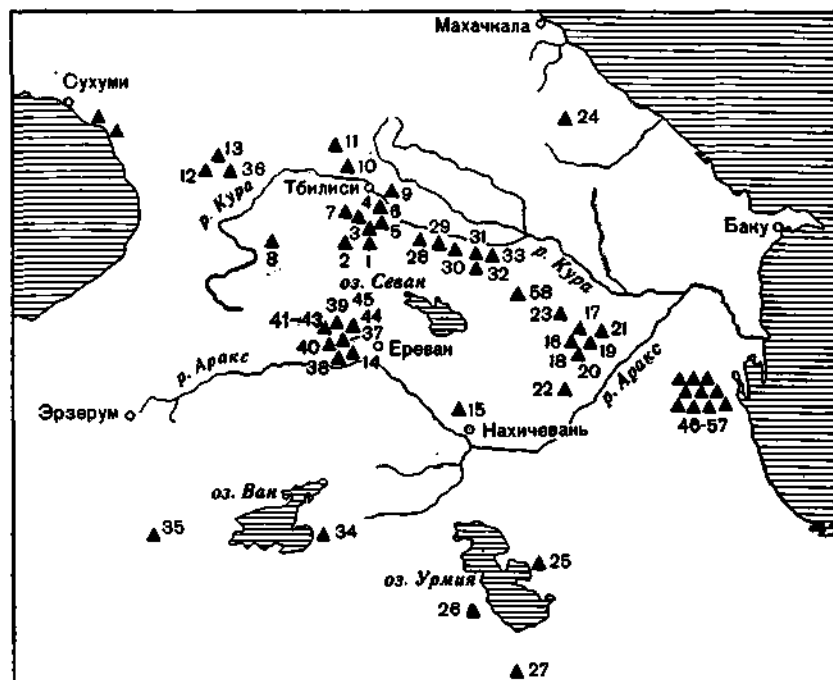


Рис. 1. Карта энеолитических памятников Южного Кавказа.

1 — Салахлю; 2 — Цопи; 3 — Арухлю; 4 — Шулавери; 5 — Имирис-гора; 6 — Абелия; 7 — Тетрицаро; 8 — Амирапис-гора; 9 — Дидубе; 10 — Хизанаант-гора; 11 — Нацар-гора; 12 — Самерцхле-Киде; 13 — Самеле-Киде; 14 — Теху; 15 — Кюль-Тепе; 16 — Шах-Тепе; 17 — Малое безаммянное тепе; 18 — Кямил-Тепе; 19 — тепе у сухого русла Шопарты; 20 — Безаммянный холм в 5 км от Кямил-Тепе; 21 — Канал им. Орджоникидзе, 5-й распределитель; 22 — Карахак-Бейли; 23 — Бала-Багарлы; 24 — Гичя; 25 — Янк-Тепе; 26 — Геой-Тепе; 27 — Циждели-Тепе; 28 — Шому-Тепе; 29 — Тойре-Тепе; 30 — Баба-Дераши I; 31 — Тойра-Тепеси II; 32 — Ментеж; 33 — Рус-Тепеси; 34 — Тильки-Тепе; 35 — Муш; 36 — Сагварджиле; 37 — Махал-Тапа; 38 — Звартноц; 39 — Катунарх; 40 — Шенгавит I; 41 — Маштоц-Блур; 42 — Мокра-Блур; (Кюль-Тапа); 43 — Тертеридзор; 44 — Кхаяк-Блур; 45 — Сев-Блур; 46 — Митарчай II; 47 — Митарчай III; 48 — Митарчай IV; 49 — Митарчай V; 50 — Митарчай VI; 51 — Митарчай VII; 52 — Гуру-Дере I; 53 — Гуру-Дере 2; 54 — Гуру-Дере 3; 55 — Гуру-Дере 4; 56 — Гуру-Дере 5; 57 — Гуру-Дере 6; 58 — Иланлы-Тепе.

стен доходила до 70 см; отверстие в стенке одного из них являлось скорее всего окном. Под полом другого оказался захороненный череп младенца.

У подошвы холма, с разных сторон, была заложена серия контрольных траншей (рис. 4А). Удалось установить, что в древности поселение было окружено двумя глубокими рвами (рис. 4А). Обнаруженные в заполнении рвов землянки указывают на кратковременность существования этих сооружений: меньший, наружный, «мокрый» ров (ширина 9.5 м, глубина до 2 м) вскоре был заменен большим, внутренним, «сухим» рвом (ширина 11 м, глубина местами до 5 м).

Особый интерес вызывает заполнение наружного рва, на дне которого лежали гумусированные глины толщиной до 1 м, включавшие фрагменты

энеолитической посуды. Своей горизонтальной слоистостью и содержанием детритуса водных растений глины эти резко отличались от окружающих континентальных осадочных пород. По габитусу они трудно различимы с осадками современных оросительных каналов близлежащих районов. Все это наталкивает на предположение, что заполнение «мокрого» рва было образовано проточными водами и что наружный ров питал один из оросительных каналов, доставлявших сюда воду для повседневных нужд населения. В определенной мере эта догадка подкрепляется и направлением наружного рва на одном из участков, не соответствующим очертанию основания холма и ориентированным на близлежащие поля.

Верхние горизонты древнего слоя были насыщены прослойками золы и угля, образовавшимися в результате пожаров. Здесь же находились кирпичи необычной для Кавказа плоско-выпуклой формы ($32 \times 18 \times 6$ см).



Рис. 3. Поселение Арухло. Помещения на восточном склоне холма.

Среди находок преобладала керамика (рис. 4Б); на полу одного из помещений лежало несколько раздавленных сосудов; сосуды грубые, лепные, толстостенные, бурого цвета, с большим количеством примесей песка и местного толченого базальта; формы главным образом баночные, но встречаются также сосуды с округлым туловом (рис. 4Б, 12—21); венчик прямой, либо отогнутый, дно широкое, с выступающим краем и отпечатками плетенки. Украшения налепные в виде горизонтальных выступов-ручек, шишечек, квадратов, овалов, кружочков, прямых и изогнутых валиков (рис. 4Б, 1—11). Значительно реже встречались тонкостенные сосуды с незначительными примесями, розоватой ангобированной лощеной поверхностью и без украшений.

В большом количестве обнаружены орудия из камня (рис. 5, 19—42, песчаник, галька, базальт, роговик); это — плоские полированные топоры и долота развитаго типа с сильно сработанным рабочим краем, наковальни с углублениями в центре, молоты с желобчатым перехватом, овальные круглые зернотерки и терочные камни, ступки и песты (рис. 5, 19—25). Среди обсидиановых орудий — крупные овальные и маленькие концевые скребки, резцы, проколки и много ножевидных пластин (рис. 5, 26—42); встречаются небольшие нуклеусы. В целом здесь преобладают

вкладыши различных режущих и скобящих орудий, выполненных в архаичной технике, берущей свое начало в мезолите.

Костяные изделия представлены муфтами из оленьего рога с отверстиями для вставки каменных наконечников, заготовками орудий из оленьего рога, лоцилами из ребер крупных животных, шильями, проколками, иглами с ушком (рис. 5, 1—18). Найдена также глиняная фигурка бычка.

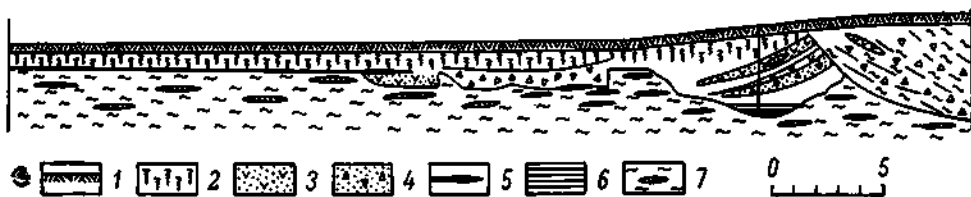
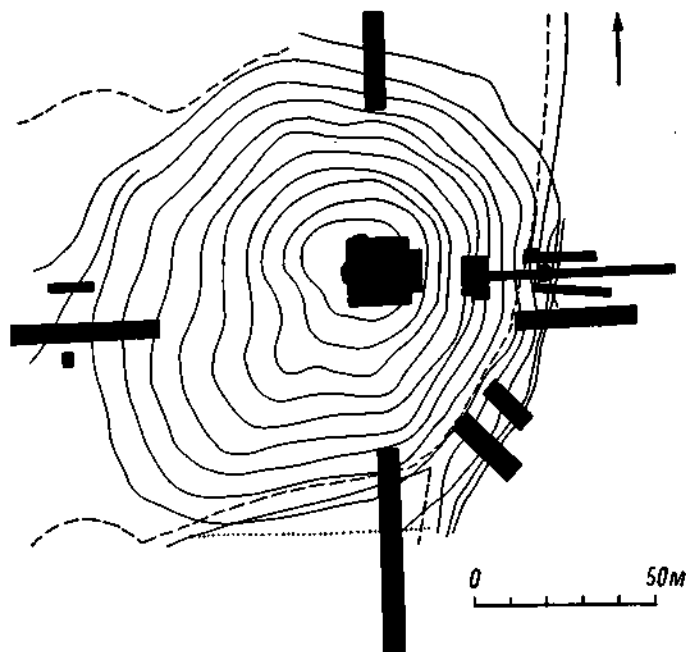


Рис. 4А. Общий план холма Арухло и один из контрольных разрезов на южном склоне.

1 — почвенный слой; 2 — черноватые песчаные глины; 3 — глинистые линзы, переложенные золой; 4 — делювиальные песчаные глины с переложенным обломочным материалом; 5 — прослойка золы; 6 — черноватые слаболопастые глины, богатые растительным детритусом в «жюром» рве; 7 — аллювиально-делювиальная свита среднего плейсцена с мелкими линзами микроконтинентала.

Исключительный интерес представляет обнаруженный в верхнем слое второго раскопа, над пожарищем, кусок глины с тройным оттиском круглой штемпельной печати, на которой изображен олень и еще какое-то животное, возможно косуля (сохранность плохая). Предмет этот, судя по его деформации, должен был быть привязан к воронкообразному горлу сосуда, по-видимому, с целью его опечатывания. Уникальными также являются маленькие человеческие головки, сделанные на гальках удлиненной формы; одна из них со «страшным» лицом выполнена с помощью процарапанных линий, в которых затерта красная краска (рис. 6а; черты

другой, с «добродушным» лицом, оформлены углублениями (смеющийся рот, глаза, ноздри, налобная повязка) и штриховыми линиями (рис. 6 б).

Поселения Шулавери I, II и Имирис-гора расположены в Марнеульском районе, на правом берегу р. Храми, недалеко от сел. Шаумян, примерно в километре друг от друга.³ Это сравнительно крупные холмы-тепе, содержавшие остатки древних строительных горизонтов. На поселении I прослежено 5 строительных горизонтов, в пределах которых в раскопе

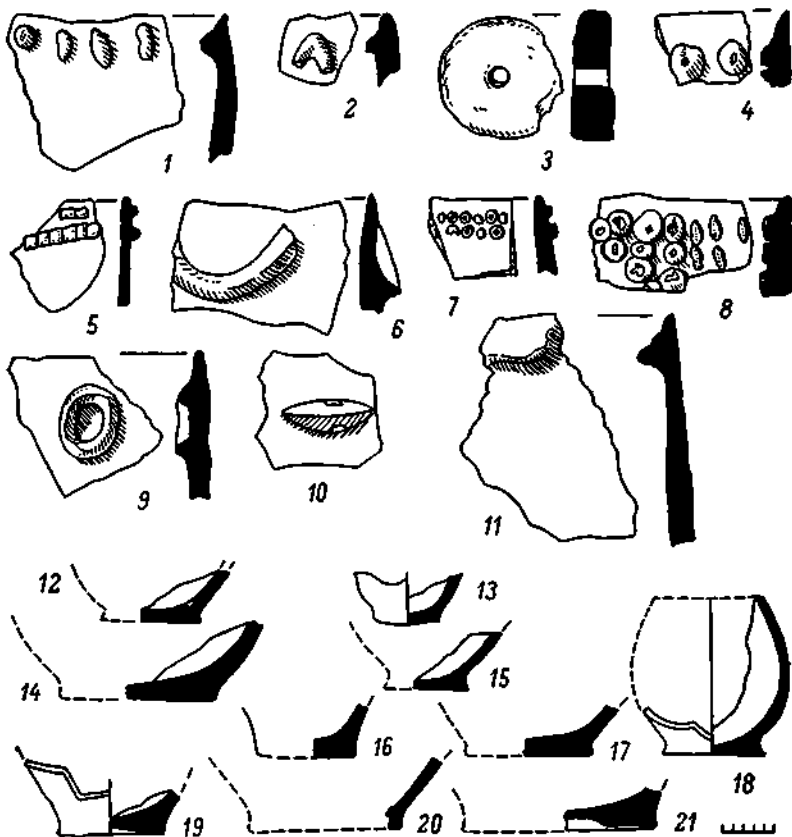


Рис. 4Б. Поселение Арузло. Керамика.

пл. 252 м² открыто 20 относительно хорошо сохранившихся глиняных толосообразных помещений с купольными сводами (рис. 7А). Размеры помещений варьируют в зависимости от их назначения. Площадь самых крупных жилых построек достигала 12,5 и 16,6 м², небольшие подсобные помещения имели 2—3 м в диаметре. Большая скученность построек не помешала установлению определенных, повторяющихся неоднократно комплексов, состоявших из жилья, помещения для животных, ям для продуктов и воды, глиняного яйцевидного очага внутри дома и печи снаружи (рис. 7Б; 8, 19). В стенках домов, сохранившихся в ряде случаев на высоту 2—2,5 м, были так же, как и в домах Арузло, оконные проемы в сводчатой крыше — центральное отверстие.

³ Раскопки А. И. Джавахишвили и О. М. Джапаридзе, см. выше, стр. 7, прим. 16.

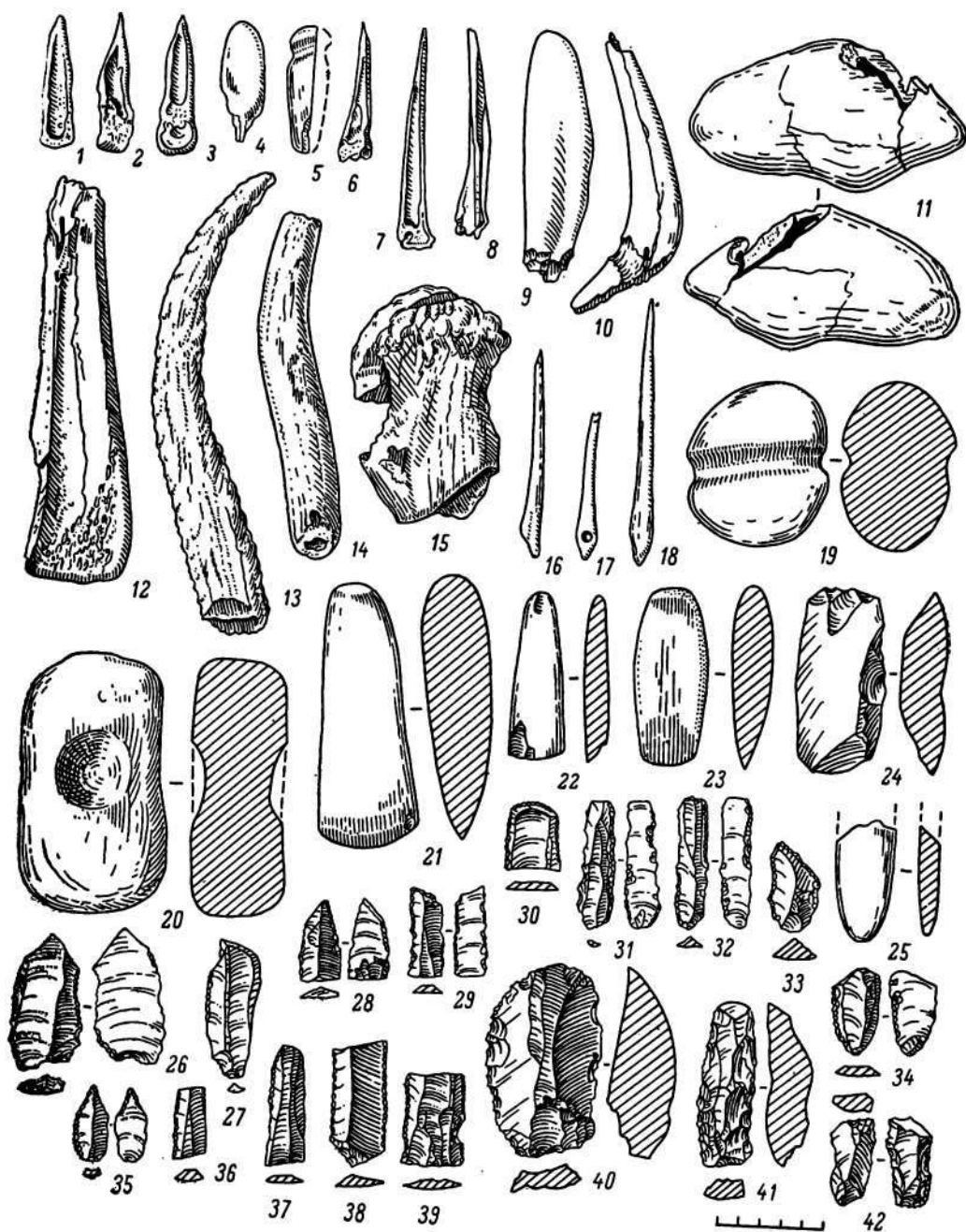


Рис. 5. Поселение Арухло.

1—18 — орудия из кости и рога; 19—42 — орудия из камня.

В качестве строительного материала употреблялся глинобит и кирпичи различной формы — плоско-выпуклые (30×20×8 см), лекальные (30×15×8 см и 50×20×8 см) и просто комки глины. Кирпичная кладка густо покрывалась обмазкой.

Эти недолговечные постройки постоянно подновлялись и достраивались, что способствовало быстрому нарастанию культурного слоя.

Грубая лепная бурая посуда с крупными включениями в тесте имеет баночные формы, рубчатый край, шиповидные ручки, налепной (шипечки, волнистые линии) и резной орнамент (рис. 8, 10—12, 23—25). По облику она близка арухлинской. В верхних горизонтах (так же, как и

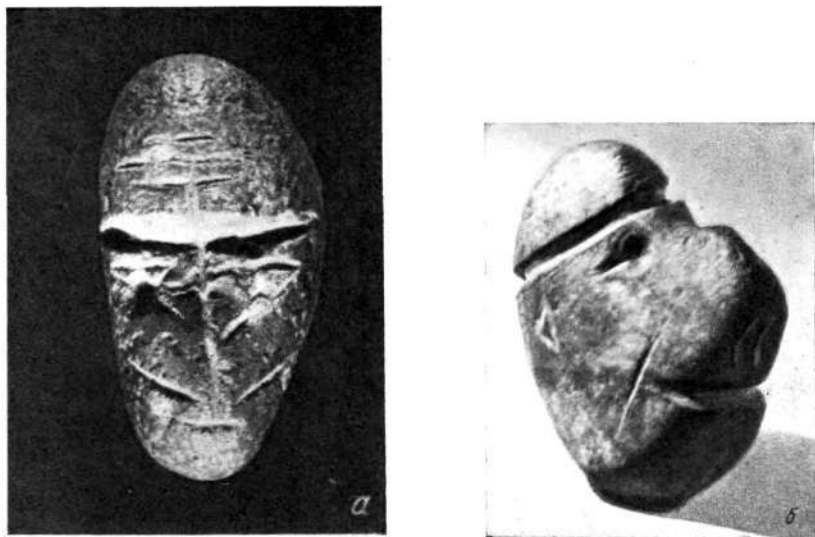


Рис. 6. Поселение Арухло. Гальки с изображением человеческого лица.

в Имири) встречалась и другая керамика — розовато-красноватая, лощеная, с примесью соломы в тесте и в редких случаях с росписью.

На поселении много обсидиановых изделий (резцы, ножевидные пластинки, скребки различной формы, вкладыши для серпов, нуклеусы и т. д.), полированных топоров, точильных камней, молотов, а также костяных мотыг с отверстиями для наконечников, стрелок и др. (рис. 8, 1—9, 13—18, 20—21). Найдены женская статуэтка с изображением древа жизни на груди и надрезами на бедрах (рис. 8, 22), зерна пшеницы, косточки винограда; среди костей животных преобладали кости крупного рогатого скота. Каменный и костяной инвентарь также близок находкам из Арухло.

Поселение Цопи расположено к югу от сел. Цопи (Марнеульский р-н) на мысу между слиянием р. Банучай и высохшей безымянной речкой;⁴ площадь его около 2800 м². Это однослойный памятник эпохи энеолита. Культурный слой был снят полностью на площади 150 м², в пределах которой обнаружено девять зольных пятен диаметром 1.40—1.80 м; это скорее всего полы хозяйственных построек; в двух из них, огороженных рядом камней, был обнаружен комплекс бытового инвентаря (зернотерки, ступки), а также кости животных. В других неглубоких ямах, в зольной

⁴ Разведки Г. К. Григолия. Раскопки Т. Н. Чубинишвили. См. выше, стр. 7, прим. 17.

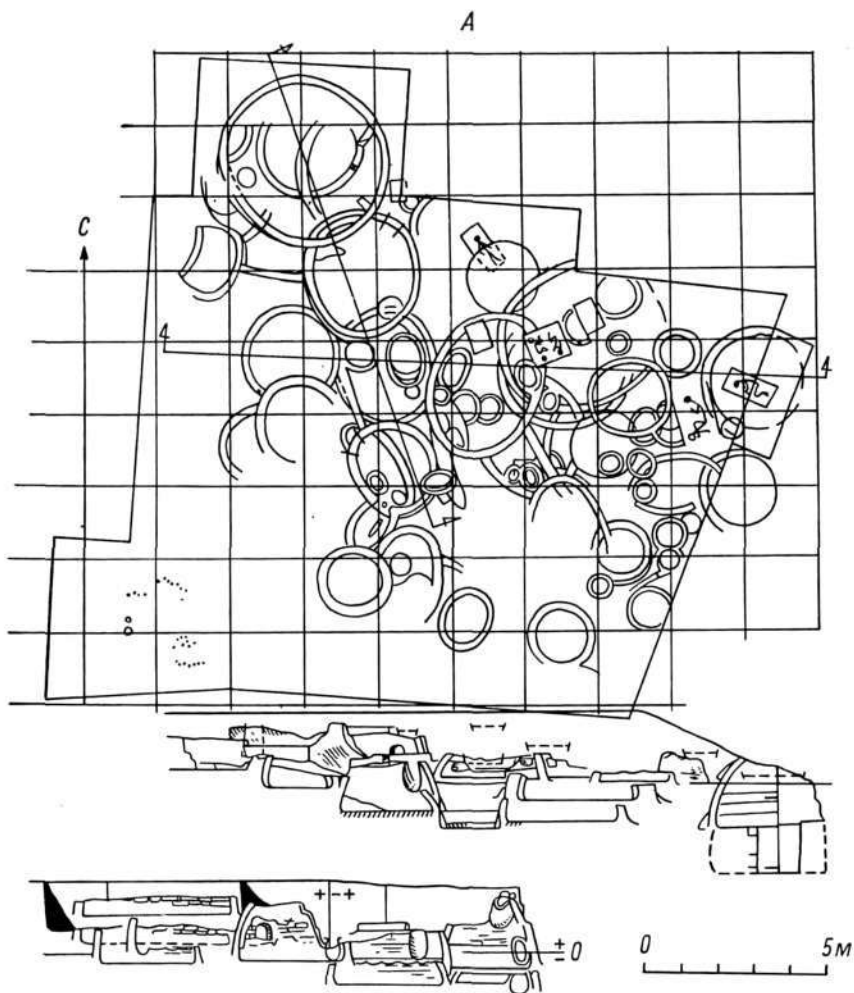


Рис. 7А. Поселение Шулавери.
Общий план раскопа и разрезы
помещений.



Рис. 7Б. Поселение Шулавери.
Комплекс жилых и хозяйственных
помещений.

прослойке, найдена только керамика. И, наконец, в одной яме с обмазанными глиной стенками лежали обсидиановые орудия.

В одном месте найдены отдельные кости человека рядом с глиняной фигурой быка (рис. 9, 17), обсидиановыми отщепами и обломками кера-

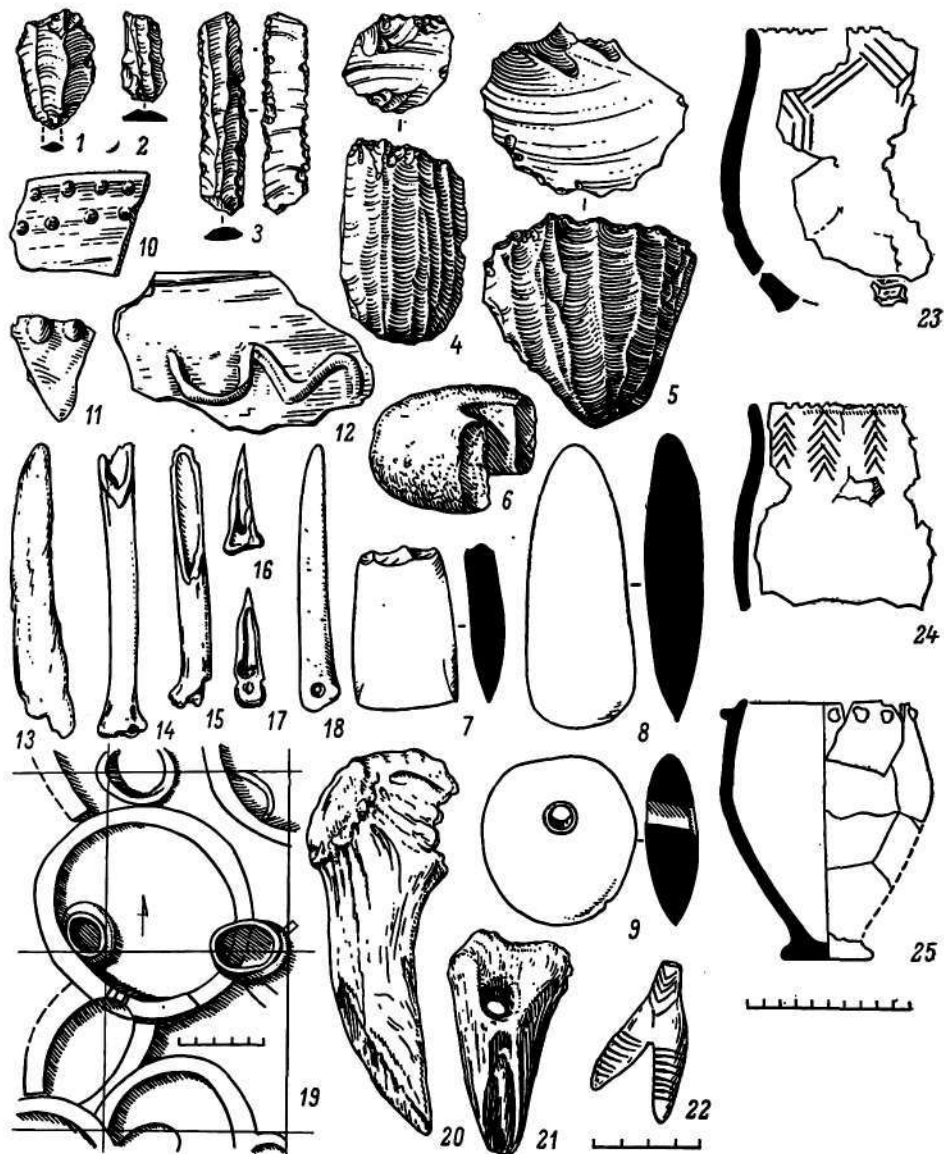


Рис. 8. Поселение Шулавери.

1—9 — орудия из камня; 10—12, 23—25 — керамика; 13—18, 20, 21 — орудия из кости и рога; 19 — комплекс жилого и хозяйственных помещений; 22 — женская глиняная статуэтка.

мики, аналогичной находимой в слое; этот комплекс мог быть остатками древнего погребения.

Лепная керамика серо-бурого цвета изготовлена из грубого теста с крупными включениями толченого базальта и имеет незалощенную поверхность. Преобладают сосуды баночной формы, днища неширокие, плоские с отпечатками циновки и с выступом по краю (рис. 9, 1, 6—10).

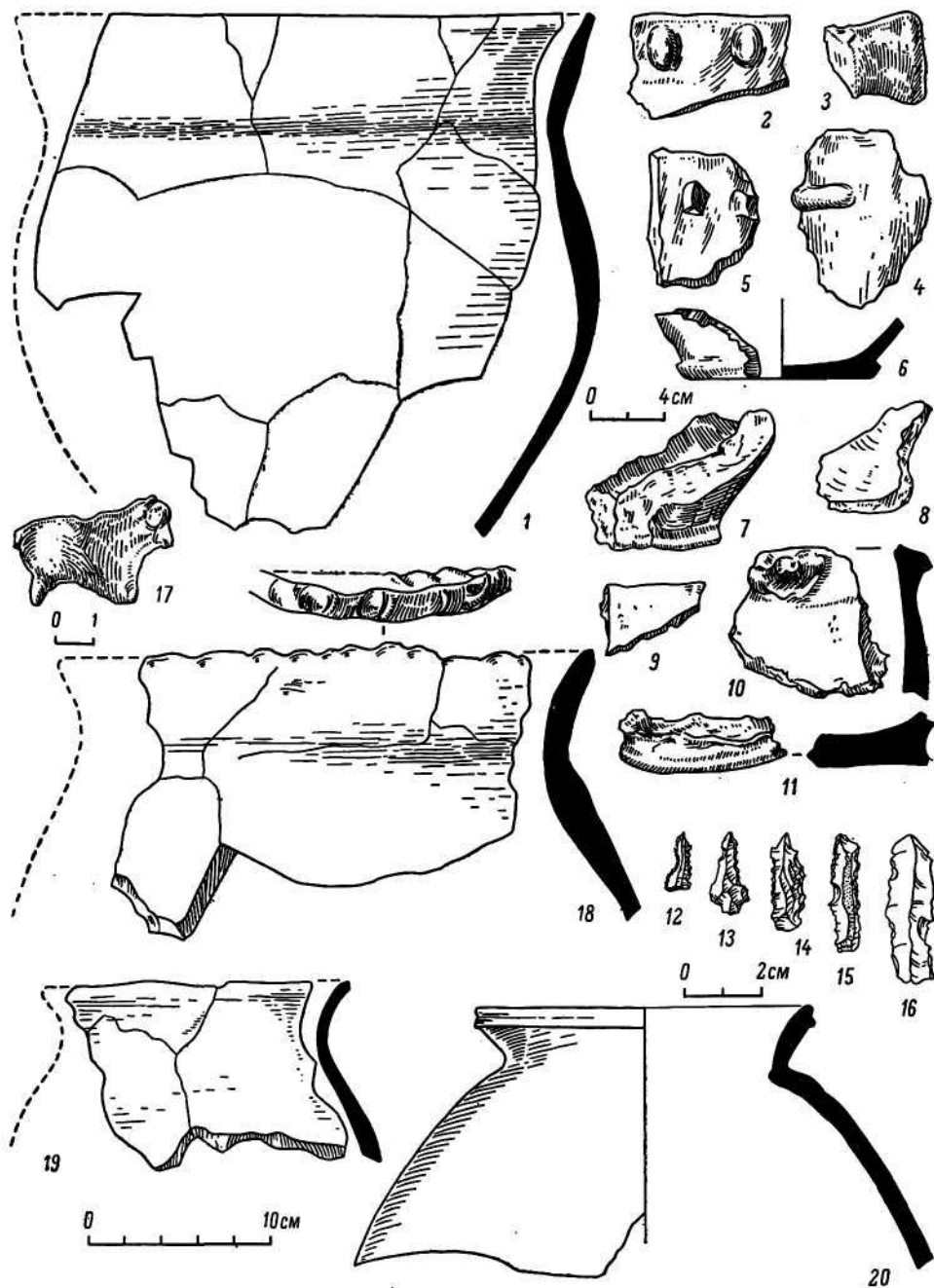


Рис. 9. Поселение Цопи (1, 4-6, 9-20), Амиранис-гора (2, 3) и Абелия (7, 8).
 1-11, 18-20 — керамика; 12-16 — орудия из камня; 17 — глиняная фигурка бычка.

Украшения, как правило, отсутствуют, иногда под венчиком имеются одиночные шишкообразные налпы, а в одном случае — ряд сквозных отверстий. Встречаются также сосуды с округлым туловом и невысоким, расходящимся к венчику горлом; на таких сосудах венчик оформлен волнообразно (рис. 9, 18). Один из крупных сосудов этой же формы стоит особняком: он желтовато-кирпичного цвета, поверхность тщательно залощена, в глине растительная примесь, короткое раструбное горло завершается плоским четко профилированным венчиком (рис. 9, 20); создается впечатление, что сосуд этот сделан на гончарном круге. В другом сосуде примесь соломы и базальта отсутствует, зато имеются включения шамота и песка. Кроме того, найдено два фрагмента тонкостенных сосудов без каких бы то ни было примесей, с окрашенной в розовый цвет и залощенной поверхностью; подобные черепки, но с включениями слюды, были найдены в поселениях Арухло и Абелия.

Помимо зернотерок и ступок, на поселении оказался камень с углублением для растирания красок, плоский полированный топор из змевики и точильный камень. Много обсидиановых орудий: кожевидные пластины с ретушью и отщепы со следами работы, концевые резцы на пластинках, полуовальные скребки на массивных пластинах, а также микролитические орудия — комбинированный резец со скребком, проколки, сегментовидные орудия (рис. 9, 12—16), небольшая обсидиановая бесчерепковая стрелка с прямым основанием и двусторонней ретушью.

Своеобразием этого памятника является сочетание разнообразной и достаточно совершенной в некоторых экземплярах посуды с очень архаичной частью каменного инвентаря (микролиты).

К этой же группе поселений примыкает искусственный холм Геой-Тепе около сел. Садахло (Марнеульский р-н),⁵ где в разведочном шурфе установлена трехметровая стратиграфическая колонка, нижнюю часть которой занимает энеолитический слой. Здесь также обнаружены черепки архаичных лепных сосудов с крупными включениями в тесте, с широкими днищами и с выступающим краем.

Для осмысления описанных поселений следует привлечь некоторые материалы из соседних районов Грузии, частично уже известные к моменту открытия этих поселений. Эти материалы представляют интерес не столько в плане аналогий, отличаясь от первых определенным своеобразием, с одной стороны, и относясь в целом к изучаемому нами древнейшему периоду — с другой, — материалы эти смогут в дальнейшем оказать некоторую помощь при выделении хронологических и локальных вариантов культуры внутри этого длительного периода. Поводом для такой постановки вопроса является неоднократно повторяющееся в ряде памятников (Амиранис-гора, Тетрицкаро, Абелия, Дидубе, Кикети) сосуществование на одних и тех же уровнях светлоглиняной энеолитической архаичной посуды (имеющей, правда, большее сходство с керамическим комплексом типа Кюль-Тепе I, нежели с приведенными выше южногрузинскими поселениями) с наиболее ранними, исходными формами посуды куро-аракского типа. Такое же явление как будто намечается и в других районах распространения куро-аракской культуры, о чем будет сказано ниже.

На широко известном в литературе как однослойный памятник эпохи ранней бронзы ахалцихском Амиранис-гора,⁶ расположенном в 200—250 км от только что описанной группы поселений, под нижней террасой, на которой находились постройки (I—II, IX—X, XX, XXV, XXVI) первого строительного горизонта, в 1965 г. был обнаружен более древний

⁵ Раскопки Т. Н. Чубинишвили.

⁶ Раскопки Т. Н. Чубинишвили. См. выше, стр. 7, прим. 17.

культурный слой (30—40 см), перемещенный со склона горы. В этом слое были перемешаны обломки серой, слегка лощеной лепной энеолитической керамики баночных форм с ручками-выступами и шишкообразными налепами (рис. 9, 2—3) с ранним вариантом куро-аракской посуды.

Аналогичная картина зафиксирована и в памятниках Тетрицкарского района,⁷ находящегося несколько севернее описанных поселений, на высоте 1000 м над ур. м. Здесь, в ущелье Чивчива, было открыто двойное поселение: внизу находился слой с архаичной лепной посудой (плоскодонные миски, сосуды со сферическим корпусом) иногда саманного типа, иногда «с пачкающимся черепком», выше — куро-аракский слой. Древний слой характеризовался прямоугольными помещениями, каменными фундаментами, мастерской для изготовления кремневых и обсидиановых орудий; в этом слое оказались также некоторые архаичные формы керамики эпохи ранней бронзы.

Один из участков поселения Абелия (того же района),⁸ на правом берегу р. Алгети, содержал слой со светлоангобированной саманной посудой (миски, горшки с плоскими днищами и выступающим краем — рис. 9, 7, 8) и керамикой «с пачкающимся черепком» вперемешку с ранними формами куро-аракской посуды. Здесь же обнаружено шесть крупных обсидиановых валунов (общим весом около 60 кг), служивших производственным сырьем и доставленных, вероятнее всего, с берегов высокогорного Параванского озера, где имеются крупные выходы обсидиана.

На известном Кикетском могильнике эпохи ранней бронзы один из коллективных склепов (№ 14), содержащий куро-аракскую посуду ранних форм, прорезал более древнюю яму с грубой лепной светлой керамикой.⁹ Керамика из ямы и из погребения очень сходна (плоскодонные миски).

Любопытна в этом плане коллекция из Дидубе, в пределах г. Тбилиси,¹⁰ где среди ранней куро-аракской керамики оказались грубые, лепные, с примесью соломы черепки, бесспорно, энеолитического облика.

Слой с энеолитической посудой зафиксированы значительно севернее рассмотренной группы поселений, что указывает на широкий ее ареал. Так, в районе г. Цхинвали (Юго-Осетия), на поселении Нацар-гора,¹¹ в самом низу стратиграфической колонки оказались культурный слой и пять врезанных в него погребений с идентичной грубой лепной керамикой, снабженной ручками-выступами и насечками на них. В одиночных погребениях (скелеты на боку в скорченном положении), помимо керамики, обнаружены кремневый наконечник стрелы с асимметричной выемкой у основания, каменный полированный молот с отверстием для деревянной рукоятки, в которую был, по-видимому, вставлен маленький медный гвоздик, миниатюрные сережки из тонкой медной проволоки и обсидиановые отщепы.

Такое неоднократно повторяющееся в достаточно удаленных друг от друга памятниках явление не может быть случайным. Совмещение,

⁷ Г. Ф. Гобеджишвили. Итоги работ Тетрицкарской археологической экспедиции в 1958 г. НСАИ за 1958 г. Аннотация докладов, Тбилиси, 1959, стр. 9; Г. Г. Пхакадзе. Энеолит Квемо-Картли. Тбилиси, 1963, стр. 14—16, 64—65, 70, 80.

⁸ Разведки Г. А. Ломтатидзе, раскопки Т. Н. Чубинишвили. См. выше, стр. 7, прим. 17.

⁹ Г. Г. Пхакадзе. Энеолит Квемо-Картли, стр. 59, рис. 10 и 12.

¹⁰ Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси, ч. I. Тбилиси, 1955, табл. III, рис. 11—12.

¹¹ Г. Ф. Гобеджишвили. 1) Археологические раскопки в Юго-Осетии. НСАИ за 1947 г. Аннотация докладов, Тбилиси, 1948, стр. 16 (на груз. яз.); 2) Холм Нацар-гора близ г. Сталиннри, Мимомхилвели П. Тбилиси, 1951, стр. 242, табл. III (на груз. яз.).

а иногда и смешение на одних и тех же уровнях керамики энеолита и ранней бронзы может иметь двойное объяснение: либо это результат непосредственной замены одной культуры другой, когда верхние горизонты более раннего слоя могли быть подвергнуты разрушению, либо это остатки какого-то промежуточного периода, во время которого одновременно была в употреблении энеолитическая посуда и архаичная куро-аракская керамика. В пользу последнего, как нам кажется, говорит наличие некоторых промежуточных форм керамики этих двух периодов, встречающихся также на отдаленных друг от друга самых ранних памятниках куро-аракской культуры (Дзагина, Эгудрис-Гварда, Амранис-гора, Абелия, Сиони, Цопи). Но о них будет сказано ниже.

Таким образом, на территории южной и восточной Грузии энеолитические поселения характеризуются главным образом грубой бурой керамикой с большим количеством примеси толченого камня; на некоторых встречена другая посуда — с примесью соломы (*straw tempered ware*, *Häckselkeramik*). Важно и то обстоятельство, что на таких памятниках, как Шулавери и Имирис-гора, где основную массу составляет керамика с примесями толченого камня, в верхних слоях зафиксирована лощеная саманная посуда. Характерно, что именно эта посуда найдена на ряде поселений (Тетицкаро, Амранис-гора, Абелия, Кикети, Дидубе) на одном уровне с ранними формами посуды куро-аракского типа.

Описанные памятники южной и восточной Грузии, особенно первая их группа, имеют много общего с серией поселений из Азербайджана, расположенных на правом берегу р. Куры, между последней и Малым Кавказом, в Мильской, Карабахской и Муганской степях. Наибольшее сходство проявляется с поселениями правобережья Куры; географическое их размещение также сходно — это в основном долинные районы. Обе группы памятников, очевидно, близки и хронологически.

Азербайджанские поселения дали сведения о культуре, названной «шому-тепинской» по месту ее первоначального обнаружения на поселении Шому-Тепе (рис. 10).¹² Это главным образом также искусственные холмы-тепе (Шому-Тепе, Тойре-Тепе, Гаргалар-Тепеси и др.), в которых мощность энеолитических слоев колеблется от 1 до 10 м. На поселениях открыты круглые жилые и хозяйственные куполообразные помещения (диаметр около 3 м), сложенные из плоско-выпуклых кирпичей (50—55 × 22—25 × 8 см; 36 × 16 × 8 см). Наметилась и некоторая планировка: на Шому-Тепе, например, постройки либо плотно примыкали друг к другу, либо между ними находились дворики. Наряду с толосообразными постройками в это время существовали и овальные землянки (Баба-Дервиш I).¹³ Запасы хранились в специальных ямах и крупных сосудах.

Самый многочисленный материал — керамика — представлен двумя группами: 1) грубыми лепными сосудами бурых оттенков из крупнозернистого теста бочкообразной, банкообразной форм, горшками и мисками (рис. 10, 22—24); для этой значительно более обильной группы характерны отпечатки грубой циновки на днищах и налешной, иногда пуговкообразный, орнамент; 2) сосудами красно-коричневого цвета с растительной примесью и слабым лощением; эти последние, столь характерные для комплекса типа Кюль-Тепе I, встречающиеся в западно-азербайджанских, так же как и в южногрузинских поселениях, в небольшом количестве, найдены в значительной дозе на поселении Баба-Дервиш I.

Своеобразна орнаментика на керамике из поселений, расположенных несколько юго-восточнее; это венчики с оюасанным рельефным валиком,

¹² Раскопки Д. Н. Рустамова и И. Г. Нариманова. См. выше, стр. 7, прим. 13, 15.

¹³ Раскопки Г. С. Исмаилова и И. Г. Нариманова. См. выше, стр. 7, прим. 13.

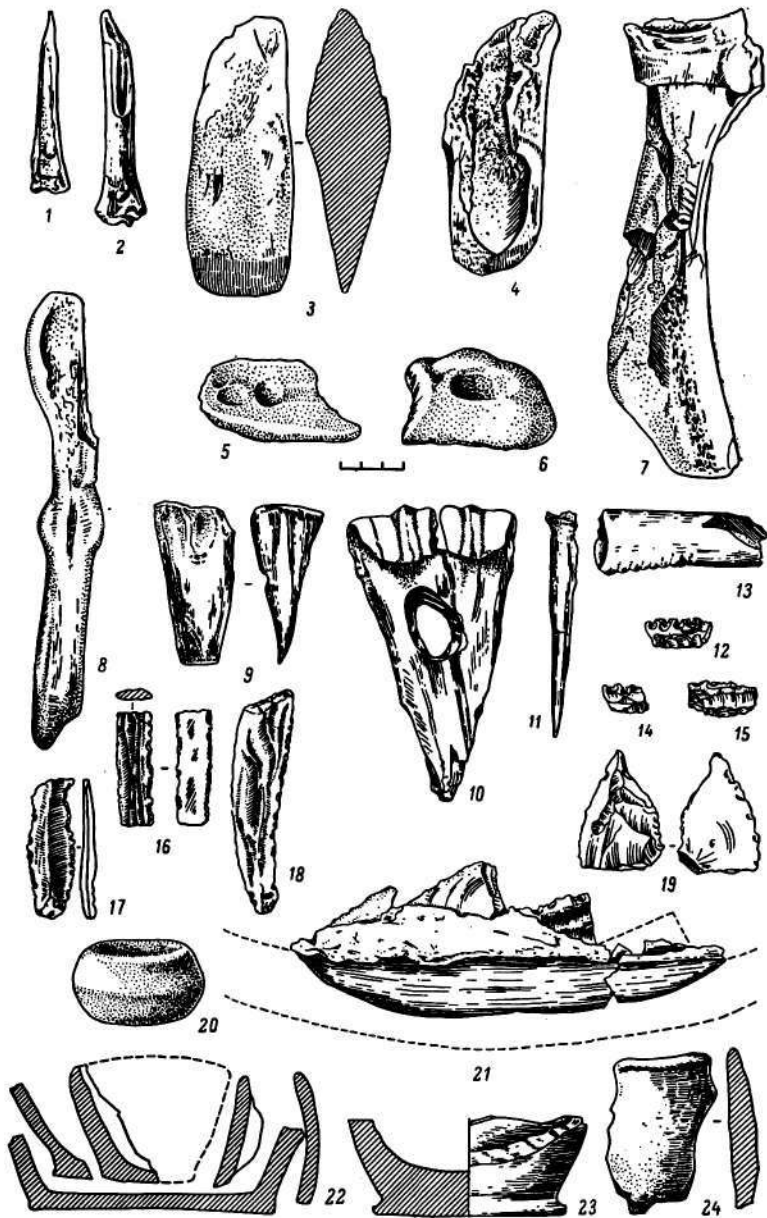


Рис. 10. Поселения Шому-Тепе, Тойре-Тепе и Баба-Дервиш I.

1—4, 7, 9—11, 13 — орудия из кости; 8 — женская костяная статуэтка; 5, 6, 12, 14—20 — орудия из камня; 21 — серп; 22—24 — керамика.

венчики с плоским верхним срезом — на Тойре-Тепе, венчик с плоским верхним срезом, на котором имеются парные штампованные ямки, а также врезной орнамент, нанесенный зубчатым предметом, — на поселении Ментеж; последние имеются и на Рус-Тепеси. Таким образом, по своей фактуре и особенно по орнаментике массовая керамика азербайджанских поселений сближается с приведенными выше грузинскими материалами, особенно из поселений Арухло, Шулаверы и Имирисгора.

Близок по характеру и остальной инвентарь, указывающий на единый облик хозяйства в этот период, хотя в материалах каждой группы имеется своя специфика. Такой спецификой для азербайджанских поселений является набор изделий из кости и рога, не зафиксированных в столь большом количестве ни в одном из синхронных памятников Кавказа. Обработанные с большим мастерством и представленные сериями костяные изделия говорят о живучести в этот период еще неолитических традиций. Среди них земледельческие орудия: мотыги из подтесанных и просверленных трубчатых и лопаточных костей крупных животных (рис. 10, 3, 4, 7, 9, 10), набор специализированных орудий: различные ложечки, лопаточки, пластинки, лощила, шилья, проколки, иглы (рис. 10, 1, 2, 11, 13) и даже схематичные женские статуэтки (рис. 10, 8); последние изготовлялись и из глины.

Каменные изделия составляют обычный инвентарь; это зерпотерки, ступки, песты, топоры, различные кремневые и обсидиановые орудия (рис. 10, 3, 4, 7, 15, 17—20); характерны изогнутые костяные и деревянные серпы с кремневыми и обсидиановыми пластинками, закрепленными битумом (рис. 10, 21).

Определения найденных зерен злаков (культурный многорядный и двурядный ячмень, твердая, мягкая и английская пшеница) говорят о развитой земледельческой культуре; зерна пшеницы и ячменя были найдены вместе, что вернее всего свидетельствует о применении смешанных посевов.

Скотоводство и охота, очевидно, сопутствовали земледелию. Найденные кости относятся в большинстве к домашним животным (бык, свинья, мелкий рогатый скот), но встречаются и кости диких пород (олень, кабан, джейран).

Таким образом, мы можем констатировать, что в период энеолита в бассейне р. Куры (южная и восточная Грузия, западный Азербайджан) сформировался определенный тип поселений с характерным археологическим комплексом — грубой бурой нелощеной посудой, разнообразной каменной индустрией, сохраняющей древние мезолитические традиции, обилием на некоторых памятниках изделий из кости и очень малым количеством металлических поделок. Этот комплекс, столь характерный для северных районов Закавказья, встречается значительно реже в южных его областях, где распространены памятники несколько иного типа.

Поселения южного пояса (Нахичеванская АССР, Мильская степь, Араратская долина, а по ту сторону Аракса — район оз. Урмия и оз. Ван, Мушская равнина), расположенные бок о бок с высокоразвитыми странами Передней Азии, в значительной мере отличаются от только что описанных северных. Центральным, узловым для Закавказья памятником южной группы является поселение Кюль-Тепе I¹⁴ (Нахичеванская АССР), с раскопок которого и началось фактически открытие энеолита Закавказья (рис. 11). Памятник этот, имеющий сложный стратиграфический разрез, заслуживает особого внимания. Кюль-Тепе — огромный холм (высота

¹⁴ Раскопки О. А. Абибуллаева. См. выше, стр. 6, прим. 6.

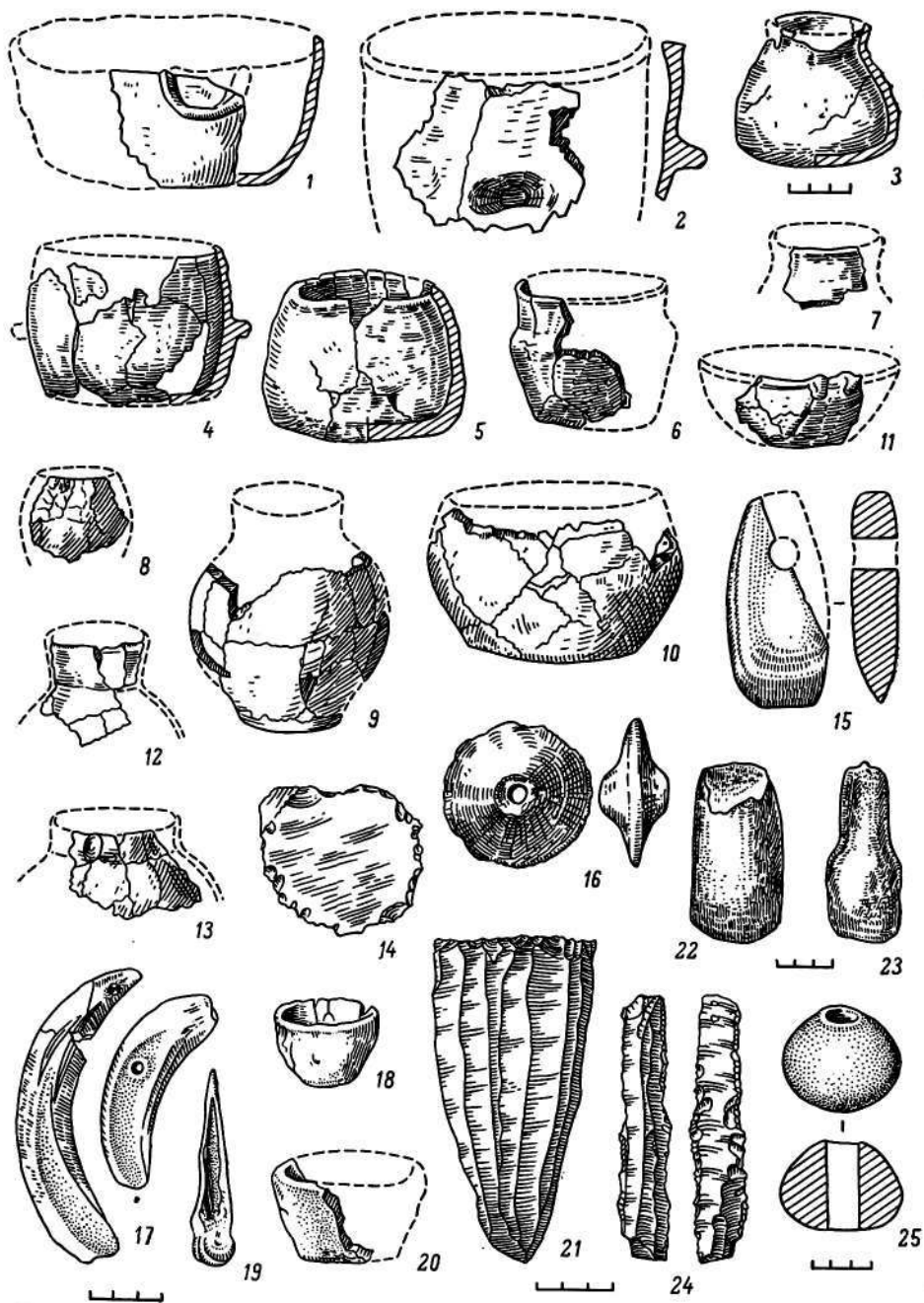


Рис. 11. Поселение Кюль-Теше I.

1—13, 16, 18, 20 — керамика; 14, 15, 21—25 — изделия из камня; 17—19 — поделки из кости.

свыше 21 м, диаметр после сильного разрушения 150×100 м, площадь до разрушения не менее 1 га), сплошь состоящий из искусственных напластований. Из четырех слоев самый нижний, толщиной 8.5—9 м, был энеолитическим (Кюль-Тепе I); между этим слоем и вышележащим (ранняя бронза, толщина 8.5—9.5) на исследованном участке намечается стерильная прослойка в 30—40 см.

Энеолитический слой был насыщен строительными остатками, зольными и древесными прослойками, каменными и глинобитными кладками, прорезан погребениями, ямами, тоңдырами. Несмотря на то что постройки были сильно разрушены, в верхней толще слоя удалось проследить 13 строительных горизонтов. Помещения сооружались из сырцового кирпича и глинобита, иногда на каменных фундаментах; встречены кладки из двух параллельных рядов камней, забутованных глиной, а также каменные стены на глиняном растворе, замешанном на соломе: толщина стен 35—55 см. Преобладали круглые помещения (диаметр 6—7.7 м); иногда к ним пристроены прямоугольные постройки хозяйственного назначения (размеры одного 4×3.3 м). Внутри помещений или около них обычно располагались хозяйственные, мусорные, очажные или зерновые ямы. Помимо ям, припасы хранились в глинобитных ящиках и в крупных сосудах. Очаги сооружались из камня и глины. В верхних горизонтах встречались массивные глиняные очаги с плоским бортиком.

Между жилыми постройками, а иногда и под их полами устраивались погребения (открыто 73 погребения), характерные исключительно для энеолитического слоя; в одном месте, на глубине 14 м, находился своеобразный могильник, состоящий из 7 погребений. Могильные ямы овальной формы были устроены прямо в культурном слое. В большинстве случаев в могиле находилось по одному скелету, но в отдельных случаях количество их доходило до четырех; 12 погребений оказались детскими, одно — женщины с тремя детьми. Покойники лежали на боку или на спине, в скорченном положении, с руками, приподнятыми к лицу или вытянутыми вдоль тела; устойчивая ориентировка отсутствовала. Некоторые скелеты были окрашены окрой, иные завернуты в циновку. В большинстве случаев под голову положен камень или обломок грубого сосуда. Сопровождающий инвентарь часто вообще отсутствует; лишь в 25 могилах находились сосуды, бусы, костяные и обсидиановые пластинки.

Керамика энеолитического слоя в целом отличается от керамики всех вышележащих слоев. Основная ее масса изготовлена от руки из грубой комковатой глины с большой примесью рубленой соломы, значительно реже — песка. Сосуды лепились двумя способами — наращиванием по спирали глиняной ленты и вмазыванием в стенки нового сосуда черепков от старых горшков; последним обуславливалась неравномерность в толщине стенок. Обжиг сосудов слабый, дающий красноватый оттенок; поверхность иногда ангобирована, затем обычно сглажена либо залощена. Преобладают сосуды бочкообразных и банкообразных форм, встречаются миски, котлы (рис. 11, 1—13); некоторые формы имеют тенденцию расширяться к толстому тяжелому дну; горловины широкие, венчики прямые, не выраженные; стенки, как правило, утолщаются книзу; на некоторых сосудах встречаются выступы — упоры, заменяющие ручки, шишкообразные налепы. В верхних горизонтах попадаются кувшины с цилиндрическим горлом, округлым туловом и плоским тяжелым дном.

В небольшом количестве (всего 16 черепков) встречена расписная посуда двух типов: 1) прекрасно лощенные тонкостенные сосуды с примесью песка, хорошо обожженные, красного, коричневого, желтого и серого цвета; геометрическая роспись на них нанесена черной, коричневой и красной красками. Эта керамика, встреченная в нижней толще слоя, на глубине 16.85—19 м от поверхности, была, несомненно, привозной;

2) сосуды с примесью соломы местного происхождения, хорошего обжига, с лощеной поверхностью и менее сложной росписью, нанесенной красной, желтой и черной красками и как бы копирующей роспись на привозных черепках.

К сожалению, большинство привозных черепков остается до сих пор не опубликованными. А. А. Иессен отнес их обобщенно к халафскому стилю, не указав, однако, более определенных аналогий в конкретных памятниках Передней Азии.¹⁵

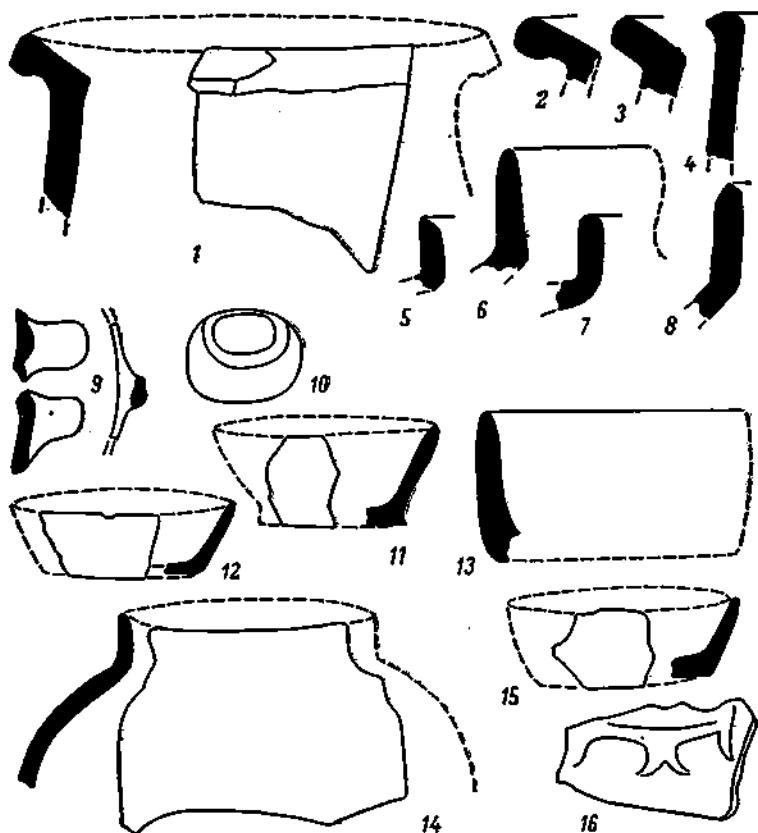


Рис. 13. Керамика поселений на Мугани—Мипарчай VI (1—3),
Гуру-Дере I (4, 6—16), Гуру-Дере IV (5).

Ассортимент костяных изделий значительно беднее, чем в поселениях шому-тепневской группы; среди них те же мотыги из оленьего рога, орудия для обработки шкур, проколки, иглы.

Орудия из камня прежде всего свидетельствуют о земледелии; это мотыги с отверстием для рукоятки, массивные овальные зернотерки, терочки, ступки, песты, молоты, тесла, вкладыши серпов, булавы (рис. 11, 15, 22, 23, 25), а также нуклеусы различной формы и величины (рис. 11, 21), резцы, сверла, проколки, ретушеры; характерный признак каменной индустрии — преобладание крупных пластин (рис. 11, 24).

В нижней толще энеолитического слоя обнаружено 7 металлических предметов; это — четырехгранная проколка, наконечник стрелы или княжал ромбической формы, две бусины и три обломка металла.

¹⁵ А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э., КСИА, вып. 93, 1963.

Саманная посуда, аналогичная кюль-тепинской, оказалась в подъемном материале, взятом с восьми поселений Мильской степи, где также найдены расписные черепки местного производства (рис. 12).¹⁶ Это — небольшие искусственные холмы, два из которых (Шах-Тепе и соседний безымянный) в древности были окружены рвом.

И, наконец, совсем недавно, значительно южнее, в Муганской степи, было открыто еще 12 поселений (Мишарчай II, IV—VI и Гуру-Дере 1—

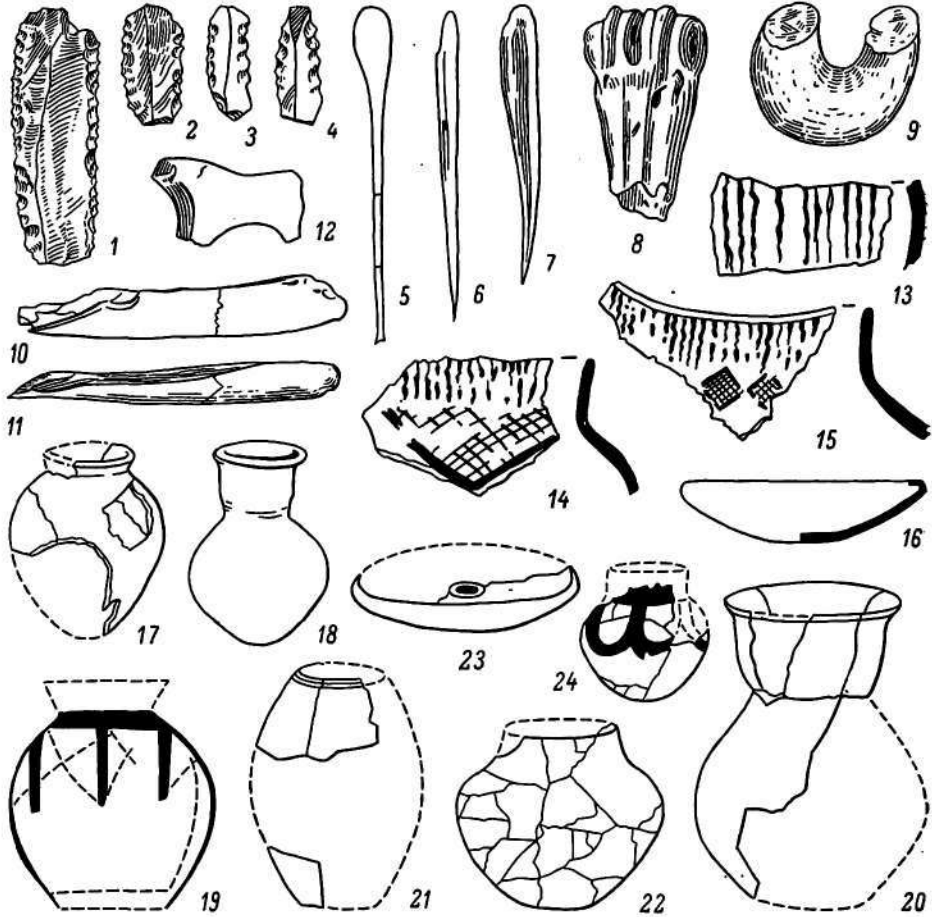


Рис. 14. Поселение Техут.

1—4, 9 — изделия из камня; 5—8, 10, 11 — изделия из кости; 12 — глиняная фигурка животного; 13—24 — керамика.

6) ¹⁷ с характерной для южного круга памятников светло-ангобириванной посудой и примесью соломы в тесте (рис. 13). Любопытно, что лишь на одном из этих поселений (Мишарчай IV) встречен единственный фрагмент сосуда с примесью песка и грубой обмазкой с обеих сторон. Этот фрагмент скорее напоминает посуду шому-тепинского типа.

Исключительный интерес представляют последние открытия в Армении. Здесь, около Эчмиадзина, на небольшом расстоянии друг от друга обнаружено несколько энеолитических поселений (Звартноц, Махал-Тепе,

¹⁶ Разведки А. А. Иессена и И. Г. Нариманова. См. выше, стр. 6, прим. 7.

¹⁷ Раскопки И. Г. Нариманова и Ф. Р. Махмудова. См. выше, стр. 7, прим. 14.



Рис. 12. Расписная керамика из поселений Мильской степи.
1 — к юго-востоку от Кямиль-Тепе; 2—6 — Кямиль-Тепе.

Кюль-Тапа, Хатуварх), по облику близких к нахчеванскому Кюль-Тепе I. Одно из них, около сел. Техут¹⁸ (рис. 14), занимало площадь 2.1—2.5 га. Раскопками выявлено восемь круглых жилищ полуземляночного типа, разбросанных на различном расстоянии друг от друга. Диаметры их 2.6—3.5 м. Стены сооружены из сырцовых кирпичей, уложенных в один ряд (30×40×10 см). Пол и стены обмазаны глиной, на стенах следы краски. Дверные проемы, очевидно, завешивались циновкой. К жилищам были пристроены круглые хозяйственные помещения диаметром 1.2—1.5 м.

На полу помещений обнаружены глиняные полукруглые очажные подставки, служившие скорее всего культовым целям, каменные наковальни, подобные кюль-тепинским и имирским, множество орудий из камня и кости, отдельные металлические поделки, большое количество разнообразной керамики. Часть орудий бесспорно указывает на земледельческий характер хозяйства; это — каменные и костяные мотыги, различные вкладыши от серпов и ножей (рис. 14, 1—4), песты, зернотерки. Чрезвычайный интерес представляют находки составного жатвенного ножа с прямой костяной основой (рис. 14, 10, 11); последняя, сделанная из бедренной кости крупного животного, имела длину до 18 см; крупные ножевидные вкладыши были скреплены с основой битумообразной массой. Эти орудия имели несколько более архаичную форму, нежели изогнутые серпы поселений Казахского района; по своему облику они стоят ближе к жатвенным ножам с прямой основой, известным из таких архаичных памятников, как Джейтун, Сялк I, Чопан-Дене и др.

Каменные предметы, помимо отмеченных здесь, представлены многочисленными ножевидными пластинами из обсидиана, скребками, грузилами, лошпилами; костяные — шильями, иглами, булавками, проколками и др. (рис. 14, 5—7). Несколько металлических поделок (2 шила и широкий ножичек) изготовлены из мышьяковистой меди.

Весьма разнообразна керамика поселения. Здесь восстанавливаются такие формы, как карасы (крупные сосуды для хранения запасов), кувшины, чаши (рис. 14, 17, 22), приспособления для выпечки хлеба (рис. 14, 16). По технологическим свойствам техутская посуда делится на три группы: 1) с примесью соломы, 2) с примесью песка, 3) без примесей. Как правило, поверхность сосудов первых двух групп несет следы легкого ангобирования и выравнивания пучком травы, а отпечатки грубой мешковины или плетенки указывают на изготовление большинства сосудов этих групп на тканевой основе. В незначительном количестве представлена тонкостенная посуда со «звонким черепком» красноватого и кремнистого цвета из глины без каких-либо примесей; эту группу составляют маленькие безручные горшочки, изящные кувшинчики с высоким, расходящимся вверх горлом, сферическим туловом и маленьким дном (рис. 14, 18, 20). Именно эта посуда, по мнению автора раскопок, принадлежит к изделиям халафского и обейдского круга. Привозной характер этого типа посуды подтверждают некоторые фрагменты с росписью (рис. 14, 13—15, 19, 24), находящие близкие аналогии в керамике слоев халафско-обейдского времени таких памятников, как Тильки-Тепе, Тель-Халаф, Мирсин и др. Наряду с привозной посудой в техутском поселении встречены и местные образцы с росписью.

Сложнее обстоит дело с другими энеолитическими поселениями Армении, бесспорно, с нашей точки зрения, отнесенными С. А. Сардаряном к неолиту. Это поселения Араратской долины Кхзак-Блур, Маштоп-Блур, Тартери-Дзор, Агвеси-Бнер.¹⁹ Опубликованные очень фрагментарно,

¹⁸ Раскопки А. А. Мартirosяна и Р. М. Торосяна. См. выше, стр. 8, прим. 19—20.

¹⁹ Раскопки С. А. Сардаряна. С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967, стр. 138.

без достаточных обоснований, материалы этих поселений, к сожалению, не дают полного представления о развивавшейся здесь культуре.²⁰ Для нас лишь важен факт обнаружения здесь, в южной зоне, грубой лепной посуды, украшенной налепами и рядами отверстий (рис. 15, 1—6, 8—10) и тяготеющей больше к керамике типа Шому-Тепе, нежели к распространенной в бассейне р. Аракса лощеной саманной посуде.

Каким образом должен быть интерпретирован этот интересный факт, покажут дальнейшие исследования. В этой связи нельзя не упомянуть

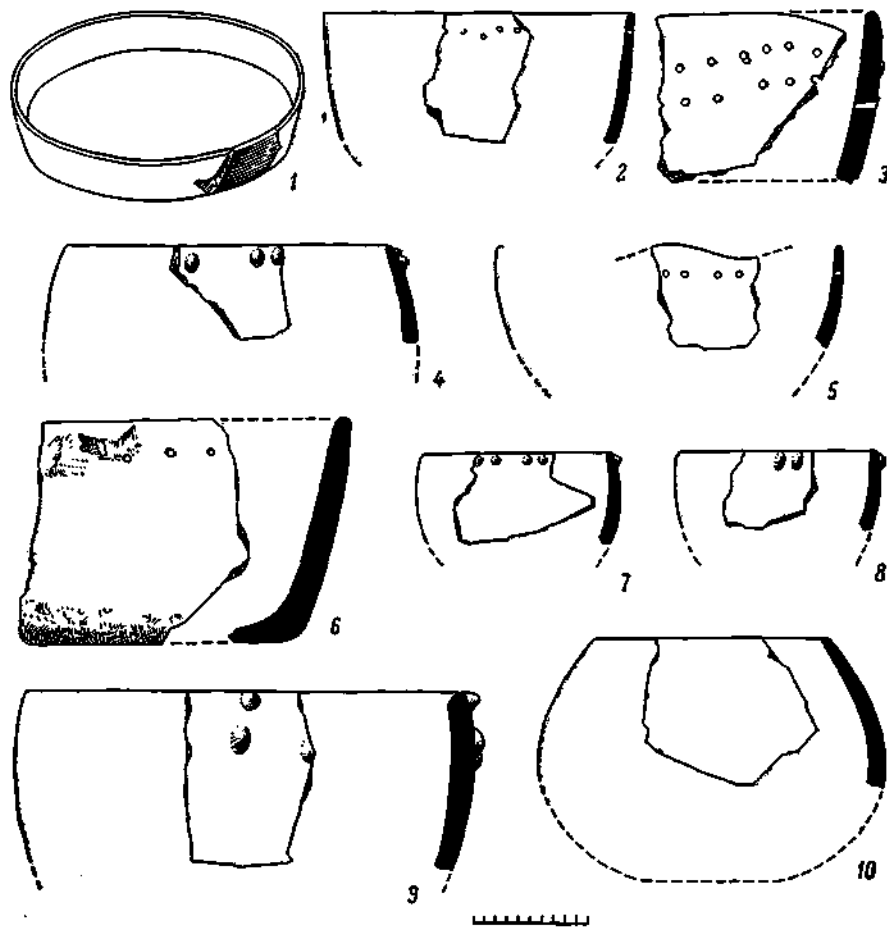


Рис. 15. Керамика из поселений Арагатской долины.

1, 4, 9, 10 — Каях-Блур; 2 — Тертери-Двор; 3, 5, 6 — Маштоц-Блур; 7 — Шенгавит I.

еще один памятник — известное Шенгавитское поселение около Еревана, самый нижний слой которого (Шенгавит I) дал круглые помещения и ту же грубую с налепами керамику (рис. 15, 7).²¹ С. А. Сардарян утверждает, что над этим слоем непосредственно лежали отложения с иной — светлоангобирванной, лощеной, иногда даже расписной посудой, легко сопоставимой с находками в южном поясе; последняя, правда, осталась не опубликованной автором.

²⁰ Не полагаясь на достоверность приводимых С. А. Сардаряном сведений, авторы не считают возможным подробно привлекать эти материалы. См. рецензию А. А. Мартиросяна и Р. М. Мунчаева: СА, 1968, № 3, стр. 255.

²¹ Раскопки Е. А. Байбуртяна и С. А. Сардаряна. См. выше, стр. 17, прим. 109.

Энеолитические поселения открыты и по ту сторону р. Аракса, в районах, примыкающих с юга к Закавказью. Таковыми в первую очередь являются поселения Геой-Тепе (рис. 16)²² на западном и Яник-Тепе (рис. 17)²³ на восточном берегах оз. Урмия. Продолжительность жизни этих поселений была различной. Сравнительно тонкий слой (0,65 м) на Геой-Тепе (М), по-видимому, соответствует какому-то незначительному периоду длительного и непрерывного обитания на Яник-Тепе, оставившего почти восьмиметровые халколитические отложения. Что касается Пиждели-Тепе²⁴ и серии небольших «сельских» поселений Солдузской долины к югу от оз. Урмия, то они, будучи в основной своей части нераскопанными, сопоставляются с приурмийскими только по подъемному материалу.

Затронутые раскопками на небольшой площади халколитические слои Геой-Тепе и Яник-Тепе не дали полного представления об архитектуре и планировке поселений; на Геой-Тепе зафиксированы обрывки прямых сырцовых стен (кирпичи 35×15×15 см и 35—20×15 см) на каменных фундаментах; на Яник-Тепе — несколько маленьких узких комнат, располагавшихся вокруг двора и служивших, вероятно, кладовыми; глубоким шурфом удалось проследить свиту строительных горизонтов, свидетельствующих о непрерывности традиций в архитектуре и керамике.

Керамика в приурмийских поселениях, в отличие от южнокавказских, преобладает расписная, за исключением Яник-Тепе, где ее сравнительно немного. Посуда в подавляющем большинстве саманная, довольно грубой лепки, обычно с красновато-кремовой незалощенной поверхностью; встречаются также сосуды более тонкого качества, прекрасного обжига с сильно лощенной и красноангобированной поверхностью. Это — миски или чаши, кувшинчики, сферические сосуды с отогнутым венчиком или цилиндрическим горлом, кубки на ножках, подставки для сосудов (рис. 17, 1—4, 7, 8, 10). Роспись нанесена черной, темно-коричневой и светло-коричневой красками и на каждом памятнике имеет свою специфику: на Геой-тепе это геометрические мотивы, на Яник-Тепе, кроме того, есть схематизированное изображение человека и животных (рис. 17, 9, 11). Очень интересен черепок с воспроизведением человеческого лица, на месте глаз которого вставлены чешуйки обсидиана (рис. 17, 9); на нескольких черепках были нарисованы только глаза. На Геой-Тепе, помимо этой керамики, оказалось несколько фрагментов серо-черных и красно-черных сосудов; стенки одного из них сплошь усеяны дырочками. Эти сосуды отличаются от всей массы керамики и напоминают сосуды выпележащего шестиметрового слоя эпохи ранней бронзы.

Каменный и костяной инвентарь был обычным для энеолита. На Геой-Тепе найдены также три металлических предмета (кинжальчик и 2 фрагмента медных поделок).

Особенно интересным, в свете находки на Арухлинском поселении, представляется близкий по форме глиняный предмет с тройным оттиском штемпельной печати, изображающей оленя и козулю.²⁵ Предмет этот, судя по деформации глины, был также чем-то привязан к горловине крупного сосуда с раструбным венчиком, по-видимому, с целью опечатывания содержимого.

²² Раскопки Т. Бартона-Брауна. См. выше, стр. 6, прим. 5.

²³ Раскопки Ч. Барнея. См. выше, стр. 6, прим. 10.

²⁴ Раскопки Р. Дэйсона и Т. Йонга. См. выше, стр. 6, прим. 9.

²⁵ T. Burton-Brown. Excavations in Azerbaijan, 1948. London, 1955, p. 28, table VIII, № 1646. — Детали этой находки Т. Бартон-Браун во время своего пребывания в Тбилиси в сентябре 1966 г. сообщил Т. Н. Чубинишвили, за что последний приносит ему благодарность.

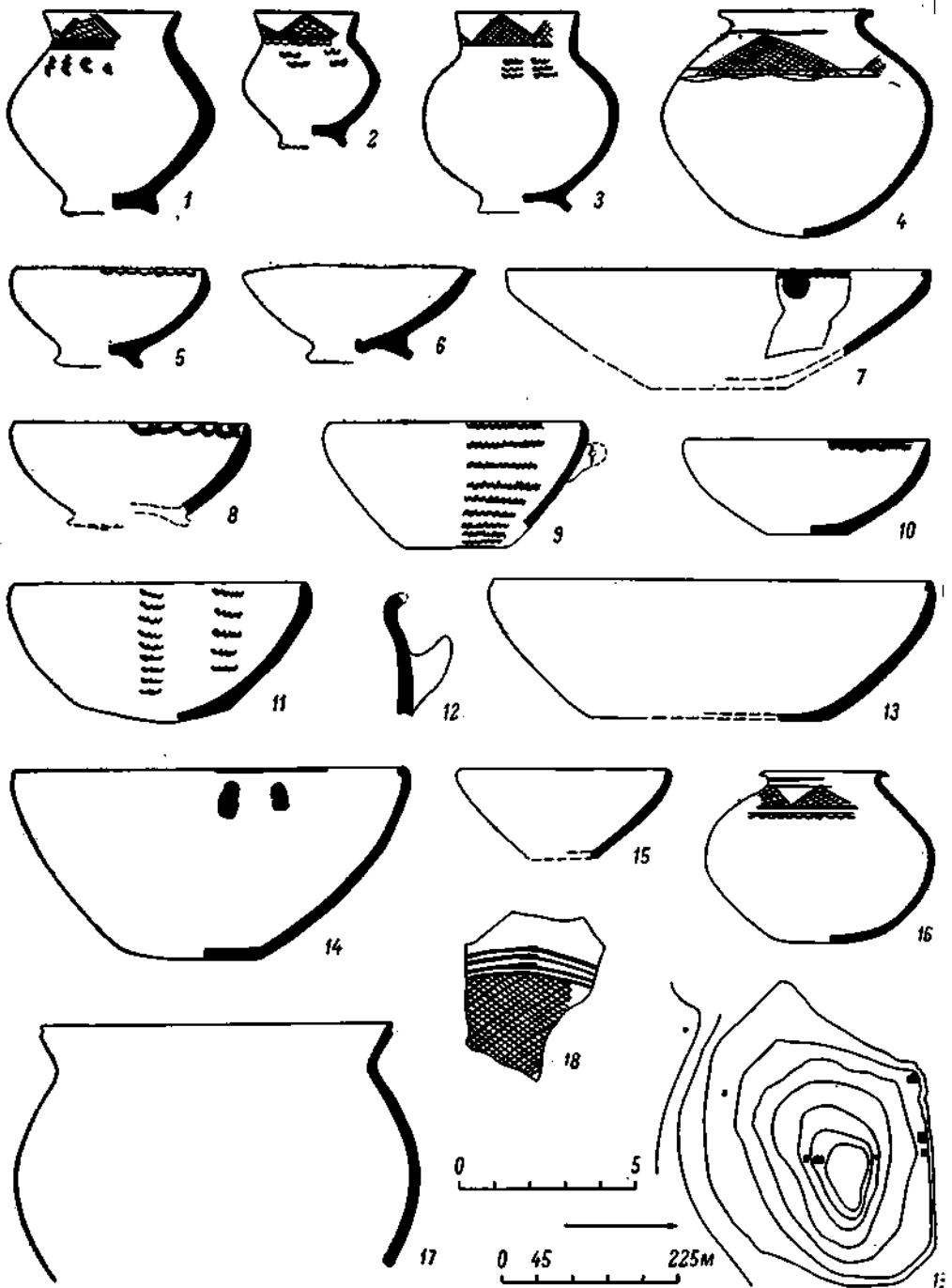


Рис. 16. Поселение Геой-Тепе. План холма и керамика халколитического слоя (М).

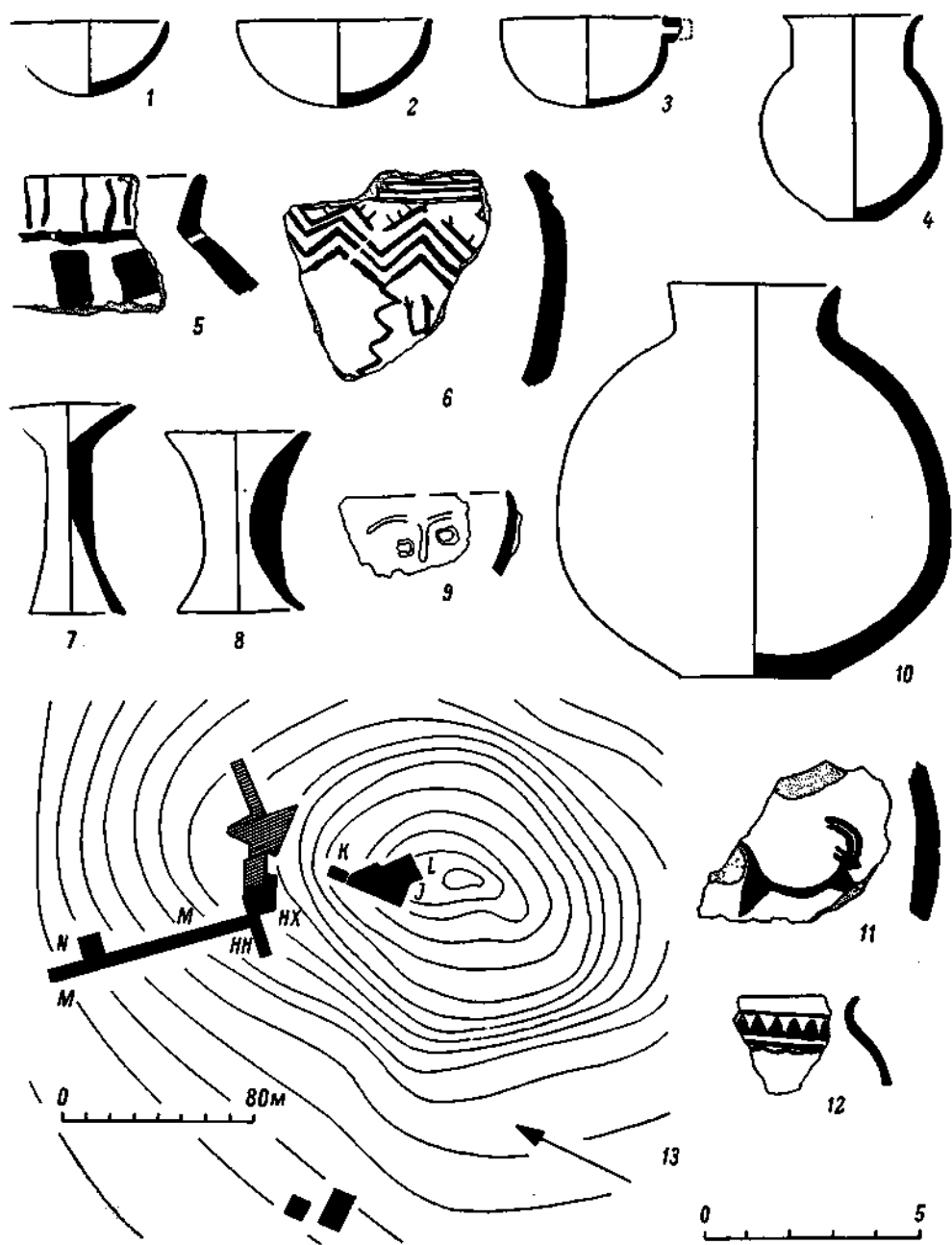


Рис. 17. Поселение Янки-Тепе. План холма и керамика халколитического слоя.

Хронологические рамки этих поселений определяются находками на Геой-Тепе и Пиждели-Тепе черепков северообсидского типа.

И, наконец, светлоангобирванная саманная посуда в совокупности с другой разновидностью найдена в верхнем слое Тильки-Тепе²⁶ около оз. Ван и в нескольких пунктах Мушской равнины к западу от него (подъемный материал).²⁷ В Тильки-Тепе она сопровождалась огромным количеством пластин и осколков (свыше полутора тысяч) зеленоватого прозрачного обсидиана, прекрасным диоритовым топором с рукоятью из оленьего рога, несколькими обсидиановыми наконечниками стрел, шаровидной булавой, пестами и зернотерками, а также мотыгами из кости и рога, проколками, шильями и т. д.

Таким образом, поселения южного пояса в пределах рассматриваемой нами территории (бассейн р. Аракса, восточная Анатолия, р-н оз. Ван и оз. Урмия) дают несколько иной, отличный от шуметепинского, археологический комплекс. Для этого комплекса типа Кюль-Тепе I, (по месту его первоначального обнаружения в Закавказье) характерны светлоангобирванная, обычно лощеная, иногда расписная посуда с растительными примесями, наличие медных изделий и привозных вещей, указывающих на интенсивные связи с югом.

Вместе с тем в этом ареале встречаются единичные поселения, стоящие несколько особняком (Шенгавит, Маштоц-Блур, Кхзьяк-Блур) и сближающиеся главным образом по керамике с поселениями типа Шому-Тепе.

Вопрос о том, в какой культурно-хронологической связи находились эти две большие группы памятников, бесспорно относящиеся к одному длительному историческому периоду — энеолиту, представляется сегодня еще крайне сложным. Некоторые соображения по этому поводу будут высказаны ниже.

Наш обзор был бы неполным, если бы мы не упомянули еще одну группу поселений, расположенных в пределах восточной части западной Грузии, Абхазии и Черноморского побережья в районе Сочи—Адлер.²⁸ Памятники эти, объединяя территориальной близостью, имеют много общего и в облике материальной культуры. В западной Грузии это в первую очередь пещера Самеле-Клде (рис. 18, 1—19).²⁹ Слой, относящийся к переходному периоду от неолита к энеолиту, а также к собственно энеолиту, исследован еще неполностью. Толщина его доходит до 2 м. Набор кремневых изделий (нуклеусы, отщепы, пластины, скребла, скребки, резцы, зубчатые и выемчатые орудия, трапеции и сегменты), костяные стрелки для микролитических орудий, а также грубые сосуды баночных форм с примесью крупнозернистого кварца, с плоскими днищами, зубчатыми насечками по краю и вертикально-точечным орнаментом, хорошо сопоставляющиеся с такими неолитическими памятниками западной Грузии, как Одиши, Мицис-Цихе, Мамати и др., указывают на неолитические истоки представленной здесь культуры. Вместе с тем в материалах Самеле-Клде явно наблюдаются и более поздние элементы (полированные каменные изделия, роговые мотыгообразные сосуды, кремневый наконечник стрелы, развитые формы пряслиц, сосуды шаровидной формы с лощеной поверхностью), тяготеющие к концу периода энеолита и началу ранней бронзы; эти последние легко сопоставляются с такими относи-

²⁶ Раскопки В. Белька и Э. Рейли. A. Jenu. Schamiramaltı. PZ, XIX, № 3/4, Berlin, 1928, S. 280; E. Reilly. Tilkitpedeki ilk Kazılar, 1937. TTAED, IV, 1940, p. 145.

²⁷ Разведки Ч. Барнея. См. выше, стр. 6, прим. 11.

²⁸ Раскопки Н. Э. Бердзенишвили, Д. М. Тушабрамишвили, В. В. Бжания и Л. Н. Соловьева. См. выше, стр. 8, прим. 21, 22, 23.

²⁹ См. выше, стр. 8, прим. 21 и 23 (статья Л. Глонти и др.).

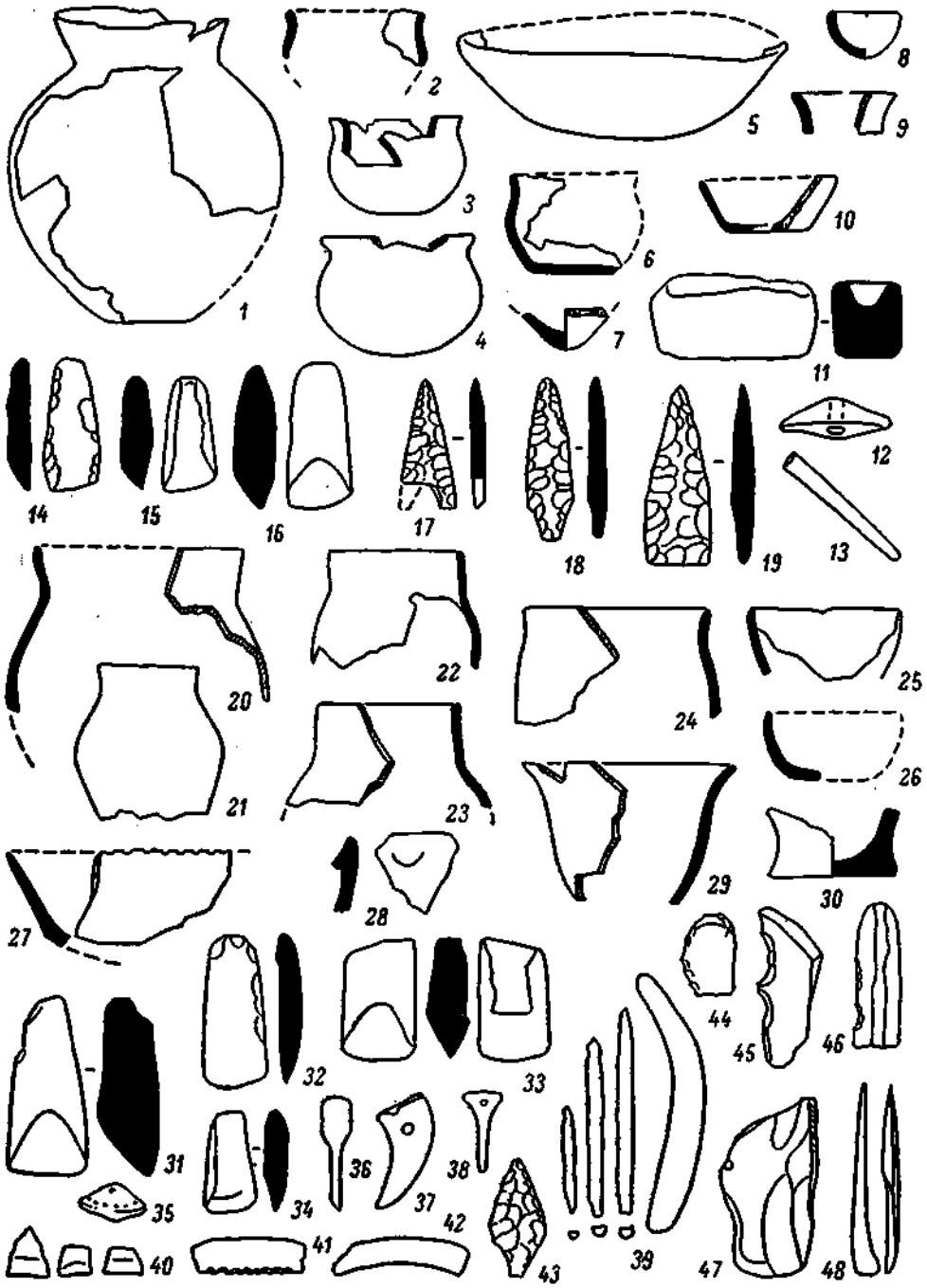


Рис. 18. Пещеры Самеле-Кхде (1—19) и Самерцхле-Кхде (20—48). Керамика, орудия из камня и кости.

тельно поздними памятниками, как пещеры Самерцхле-Клде (рис. 18, 20—48), Сагварджили и др.

Намеченная в первом приближении грузинскими исследователями хронологическая последовательность памятников Западной Грузии выглядит так:³⁰ Сдиши, Мацис-Цихе и др. представляют период неолита; Самеле-Клде относится к позднему неолиту—раннему энеолиту, Тетрамица и Сагварджили — к позднему энеолиту, Самерцхле-Клде и хорошо сопоставляющийся с этой пещерой горизонт Е Хизанаант-гора — к начальной стадии периода ранней бронзы.

В Абхазии период энеолита представлен Мачарским поселением, стоянками с тяпкообразными мотыжками, селищем на горе Гуадику, а в районе Сочи—Адлер — Заложеным и отчасти Колокольным гротами Воронцовской пещеры.

Все эти поселения в целом тяготеют к памятникам Майкопской культуры, хотя материалы западногрузинских пещер имеют много общего и с таковыми из памятников Квемо-Картли. Отметив перечисленные пункты на энеолитической карте Южного Кавказа (рис. 1), мы не считаем возможным задерживаться на них более подробно вследствие их еще слабой изученности.

Переходя к интерпретации описанных материалов, следует остановиться прежде всего на длительности жизни поселений. Расположение их группами близости друг от друга указывает на имевший место в период энеолита процесс расселения племен. Жизнь поселений протекала по-разному: одни существовали в течение всего этого длительного периода, в то время как жизнь на других успевала возникнуть и заглохнуть за сравнительно короткий отрезок времени. Это констатируется в первую очередь разной толщиной слоев, накопленных на поселениях в течение различных сроков. Укажем здесь, что большинство поселений содержит сравнительно недолговечную глинобитную и сырцовую архитектуру, отлагающую в сходных геоклиматических условиях в течение определенного периода примерно одинаковую толщину культурных напластований. Именно поэтому такое сравнение представляется вполне правомочным.

Напомним, что толщина энеолитического слоя на Шому-Тепе — 1 м, на Тойра-Тепе — 4 м, на Арухлинском поселении — 5 м, в Шулаверах — 6 м, на Кюль-Тепе — 8,5—9 м, на Гаргалар-Тепеси — 10 м.³¹ В эту категорию не включены памятники, где есть землянки (Баба-Дервиш) или каменные постройки (Гинчи, Геой-Тепе) и где нарастание культурного слоя имеет другие закономерности.

Однако вопрос о скорости нарастания культурных остатков на поселениях с сырцовой архитектурой пока еще не находит единого ответа у археологов. Так, Т. Бартон-Браун, исходя из своих наблюдений, а также опираясь на выводы Маллована и Франкфорта, считает, что на поселениях типа теллей за одно столетие накапливалось 4 фута (1,2 м) слоя.³² Р. Гиршман отводит на один строительный горизонт время жизни двух с половиной поколений, т. е. примерно около 75 лет.³³ Исходя из этих соображений, он подсчитал, что 17 горизонтов тепе Сялка были накоплены в течение 1275 лет. Л. Вудли утверждает, что дома из сырцового кирпича стоят не менее 50 лет.³⁴ Р. Бредвуд отводит жизни глинобитным хижинам в Иракском Курдистане 15 лет и утверждает при этом,

³⁰ См. выше, стр. 8, прим. 23 (статья Л. Глonti и др.).

³¹ О процессе накопления культурных остатков на теллях см.: П. П. Ефименко. Неолитический Мирсин. СА, 1959, № 1, стр. 296.

³² T. Burton-Brown. Excavations..., pp. 241, 266.

³³ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, I. Paris, 1939, p. 89.

³⁴ L. Woolley. Ur excavations, II. London, 1934, p. 225.

что в результате остается слой в 2 фута (60 см).³⁵ И. Н. Хлопин, сопоставив древнюю сырцовую архитектуру с аналогичными современными постройками Средней Азии, вычислил, что каждый строительный горизонт имеет толщину примерно 60 см и что время жизни одного дома соответствует жизни двух поколений, т. е. 40 годам.³⁶

При определении хронологических границ поселений в первую очередь приходят на помощь некоторые чисто археологические моменты. Так, из всего комплекса находок Арухлинского поселения два момента — плоско-выпуклые кирпичи и тройной оттиск штемпельной печати на куске глины — приблизительно определяют верхнюю границу памятника.

Вопрос о времени появления плоско-выпуклых или «плано-конвексных» кирпичей в Передней Азии остается не до конца уточненным. В. Христиан считал, что они появились в Месопотамии в раннединастический период, что дало повод ученому называть его «периодом плано-конвексных кирпичей».³⁷ Г. Чайльд, очевидно, вслед за В. Христианом, утверждал, что до этого времени в позднем Уруке и Джемдет-Насре строители пользовались прямоугольными кирпичами.³⁸ О причинах повсеместной замены строительного материала высказано много догадок: по одной версии, этот кирпич был введен чужеземцами, привыкшими строить здания из камня, напоминающего по форме кирпич; по другой, наоборот, коренные обитатели древнего Шумера, свергнув пришельцев Джемдет-Насра и разрушив все их постройки, отказались от традиционного строительного материала и заменили его новым.³⁹

Однако некоторые противоречия в такой поздней датировке мы находим у самого же В. Христиана, который, ссылаясь на Ленцена, пишет о появлении единичных плано-конвексных кирпичей уже в период Джемдет-Насра. К еще более раннему времени должна быть отнесена платформа святилища малого Эль-Обейдского холма, сооруженная из этих кирпичей (раскопки Делюгаза и Лойда),⁴⁰ и архаичные постройки, открытые в глубоких шурфах под Урским зиккуратом (раскопки Вулли).⁴¹

Диапазон упомянутых памятников колеблется между серединой IV — началом III тыс. до н. э. Примерно в этот промежуток времени плоско-выпуклые кирпичи под воздействием переднеазиатской традиции могли появиться и на Южном Кавказе.

Близкой аналогией арухлинской печати является печать из поселения Геой-Тепе М. На геой-тепинском оттиске виден также олень с ветвистыми рогами, во втором животном здесь угадывается косуля. Формы обоих предметов тождественны. Оба служили для опечатывания, широко практиковавшегося на Древнем Востоке. Самой близкой аналогией своей находке Бартон-Браун считает печати тепе Гавра VIII. Напомним, что слой М датируется расписными черепками, близкими северо-обейдской керамике 3250—3150 гг. до н. э. Таким образом, арухлинская печать помогает определить позднюю дату поселения концом IV тыс. до н. э.

Поселение Шулавери I датировано дважды радиоуглеродным методом. Уголь, взятый с глубины 2,2 м, дал дату 5920 ± 300 лет, т. е. 3970 ± 300 до

³⁵ R. Braidwood. Jericho and its setting in Near Eastern History. Antiquity, № 122, 1957, p. 75.

³⁶ И. Н. Хлопин. К истории древних земледельцев южной Туркмении (рукопись). ИА. Сектор Средней Азии и Кавказа.

³⁷ V. Christian. Altertumskunde des Zweistromlandes. Leipzig, 1940, S. 170—172, taf. 146—148; И. М. Лурье, К. С. Ляпунова, М. Э. Матье, Б. Б. Пшотровский. Очерки по истории техники Древнего Востока. М.—Л., 1940, стр. 54.

³⁸ Г. Чайльд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 228.

³⁹ L. Wölley. 1) Excavations at Ur. A report of twelve years work. London, 1963, p. 48; 2) Ур халдеев. М., 1961, стр. 48—50.

⁴⁰ A. Parrot. Archéologie mésopotamienne. Paris, 1964, p. 277.

⁴¹ Ibid., pp. 290—291.

н. э. (ТБ-15), а уголь с глубины 4,4 м — 6625 ± 210 лет, т. е. 4675 ± 210 до н. э. (ТБ-16).⁴² Таким образом, накопление двухметрового слоя произошло примерно за 7 столетий. Эти цифры могут служить дополнением к высказанному уже выше точкам зрения относительно скорости накопления культурных слоев.

Близкие по облику поселения северо-западного Азербайджана также дали постройки из плоско-выпуклых кирпичей. Вместе с тем радиоуглеродная дата уводит нижние слои этих поселений в глубь IV—V тыс. до н. э.; уголь, взятый с глубины 2 м энеолитического слоя Тойре-Тепе, дал 4295 ± 125 лет до н. э.,⁴³ а с глубины 1 м на Шому-Тепе 7510 ± 70 лет, т. е. 5560 ± 70 до н. э. (ЛЕ-631).⁴⁴

О длительной оседлой жизни в период энеолита на поселении Кюль-Тепе I говорит девятиметровая свита строительных горизонтов. Хронологические рамки этого поселения также определяются двумя дополняющими друг друга методами — археологическим и методом точных наук. Напомним, что на уровне 16,85—19 м найдена посуда явно привозная, халафского круга. Привозная керамика найдена еще в двух поселениях — Гинчи и Техута.

Уточняя принадлежность халафскому стилю привозных черепков из Кюль-Тепе, отметим, что в основных памятниках халафского периода (Тель-Халаф, Арпачиа 10—6, тепе Гавра XX—XIX и др.) точных реплик найти не удалось. Однако ряд моментов, сближающих месопотамские и азербайджанские образцы, бесспорно имеются. Несомненно халафскую форму имеет небольшой приземистый горшочек с растрескивающимся горлом, находящийся параллели в самой Халафе⁴⁵ и Гавре.⁴⁶ Размещение росписи с обязательной темной закраской горла и широким орнаментальным фризом на вздутой части тулова, обрамленным с двух сторон гладкими горизонтальными лентами, также характерно для стиля этого периода.⁴⁷ И наконец, отдельные мотивы, такие как диагональные линии, перемежающиеся с точками, и петельчатый узор на внутренней части венчика,⁴⁸ совершенно идентичны. Большое сходство с месопотамскими имеют и кюль-тепинские тарелки,⁴⁹ особенно фрагмент с росписью в виде цепочки ромбов, находящий аналогию в одном из образцов Халафа.⁵⁰

Таким образом, все приведенные данные подтверждают принадлежность кюль-тепинских черепков к халафскому кругу. Надо рассчитывать, что после полной публикации расписной керамики из Кюль-Тепе I и других поселений количество аналогий значительно увеличится. Тогда же

⁴² Определения сделаны в лаборатории Тбилисского университета: А. А. Бурчуладзе. Определение активности радиоуглерода пропорциональным счетчиком и ее применение для решения некоторых вопросов археологии Грузии. Автореферат. Тбилиси, 1966, стр. 10.

⁴³ Анализ сделан Бомбейской лабораторией; см.: И. Г. Нариманов. Древнейшая земледельческая культура Закавказья. Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков в Праге, М., 1966, стр. 123.

⁴⁴ Анализ сделан в лаборатории ЛОИА; см.: А. А. Семенов и Е. Н. Романова. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА АН СССР. Современные методы в археологических исследованиях. СА, 1969, № 1, стр. 56.

⁴⁵ M. Oppenheim. Tell Halaf. Berlin, 1943, taf. VIII, 9, 11; XIV, 8; XV, 3; LXV, 7; LXVIII, 4.

⁴⁶ A. Tobler. Excavations at tepe Gawra, v. II. Philadelphia, 1950, taf. CXVIII, 64.

⁴⁷ M. Oppenheim. Tell Halaf, taf. VIII, 10, 11; IX, 16; X, 1—2; XII, 3, 6, 7, 9, 10; XV, 3.

⁴⁸ Ibid. taf. XXIII, 5; XLVI, 2; X, 2; XIX, 1; LXXV, 2; A. Tobler. Excavations... taf. CXV, 54; CXIV, 29.

⁴⁹ О. А. Абибуллаев. Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане. СА, 1963, № 3, рис. 6, 1, 4.

⁵⁰ M. Oppenheim, Tell Halaf, taf. XXII, 17; LXXXIV, 2.

можно будет ответить на вопрос, к какому из трех этапов развития халафского стиля должны быть отнесены южнокавказские образцы. В настоящий момент это сделать не удалось, так как орнаментальные мотивы на доступных авторам фрагментах не нашли отражения в сводных таблицах по халафской росписи.⁵¹

Датировка халафской культуры имеет некоторую амплитуду. Г. Чайлд⁵² относит ее к первой половине V тыс. до н. э., В. М. Массон⁵³ — к середине V—началу IV тыс. до н. э., А. А. Иессен⁵⁴ — ко второй половине V—IV тыс. до н. э. В своей последней работе Дж. Меллаарт⁵⁵ началом ее считает VI тыс. до н. э. Эта дата, полученная радиоуглеродным методом (5620 ± 35 и 5837 ± 35 до н. э. — ранние слои, JR-2660), фигурирует также в последней сводке Р. Эриха.⁵⁶ Во всяком случае, датировка халафской культуры второй половиной V — началом IV тыс. до н. э. представляется беспорной.

Подтверждается это также датой, полученной на самом Кюль-Тепе I, где уголь, взятый с уровня 18.8 м, датировал слой (с черепками халафского облика) 5770 ± 90 лет, т. е. 3820 ± 90 до н. э. (JE-477).⁵⁷ Вместе с тем верхние горизонты энеолитического слоя, очевидно, по времени близки нижним горизонтам второго, «куро-аракского» слоя, датированного радиоуглеродным методом на глубине 8.5 м — 4880 ± 90 лет, т. е. 2930 ± 90 до н. э. (JE-163).⁵⁸ Близость эта подтверждается и археологическими наблюдениями. Вероятно, поздние слои Кюль-Тепе I примыкают к рубежу IV—III тыс. до н. э.

Сопоставляя керамику юго-восточной группы поселений, А. А. Иессен заметил картину их хронологического соотношения. Он полагал, что древнейшим комплексом этого круга будет самая нижняя двухметровая толща Кюль-Тепе I, датированная единичными черепками обейдско-халафского облика. Верхняя большая толща того же слоя, поселения Мильской степи вместе с основным слоем Пиждели-Тепе на юге составляют две синхронные (но несколько разностильные по характеру росписи) группы. И наконец, самой поздней кажется керамика Геой-Тепе M, хорошо увязывающаяся с верхним (I) слоем ванского Тильки-Тепе, представляющего, с точки зрения Иессена, самый западный пункт распространения восточно-переднеазиатской (иранской) культуры, неизменным признаком которой является посуда с растительными примесями.

Уже после опубликования статьи А. А. Иессена⁵⁹ появились новые памятники и новые радиоуглеродные даты, уточняющие приведенную схему. В датированном ранее по образцам верхнего слоя 3502 ± 160 лет до н. э. поселение Пиждели-Тепе⁶⁰ было взято еще три образца, два из нижнего слоя и один из верхнего; последний дал разницу со старой датой в полтора столетия — 3666 ± 165 до н. э. (P-157), в то время как ниж-

⁵¹ A. Parrot. *Archéologie...* p. 138; A. Perkins. *The comparative archeology of early Mesopotamia*. Chicago, 1959, p. 16.

⁵² Г. Чайлд. *Древнейший Восток...* стр. 350.

⁵³ В. М. Массон. *Средняя Азия и Древний Восток*. Л., 1964, стр. 404, прим. 21.

⁵⁴ А. А. Иессен. *Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э.* КСИИ, вып. 93, 1963, стр. 13.

⁵⁵ J. Mellaart. *Earliest civilizations of the Near East*. London, 1965, p. 119.

⁵⁶ R. W. Ehrich. *Chronologies in old world archaeology (COWA)*. Chicago—London, 1965, p. 88.

⁵⁷ Анализ сделан в Лаборатории ЛОИА АН СССР; см. А. А. Иессен. *Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи*. МИА СССР, № 125, 1965, стр. 12.

⁵⁸ В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. *Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C¹⁴)*. СА, 1961, № 2, стр. 11.

⁵⁹ А. А. Иессен. *Кавказ и Древний Восток...*

⁶⁰ R. H. Dyson. *Hasanlu and Early Iran*. *Archaeology*, v. 13, № 2, New York, 1960, p. 129.

ний слой был датирован 3857 ± 88 до н. э. (P-505) и 3734 ± 83 до н. э. (P-504).⁶¹ Таким образом, к IV тыс. до н. э. должна быть отнесена основная часть халколитического слоя недавно открытого Ч. Барнеем приурмийского поселения Яник-Тепе; однако в самой нижней его толще найдены черепки, «соответствующие культурной фазе Хасанлу IX», представленной поселением Далма-Тепе: новая дата последнего — 4216 ± 90 до н. э. (P-503).⁶² Отметим попутно, что в упомянутой статье не приведена дата из слоя М. Геой-Тепе (3300 до н. э.), опубликованная в работе, на которую ссылается автор.⁶³

Мы постарались привести все факты, пока еще, правда, весьма немногочисленные, способствующие хронологическому уточнению энеолитических памятников Закавказья.

Сейчас даже после первых лет исследования вырисовывается ареал энеолитической культуры. Не касаясь Северного Кавказа, отметим лишь, что и там последние годы принесли большие успехи археологам в области изучения энеолита; в результате намечается ряд общих черт в хозяйстве, а также в материальной культуре с Закавказьем, что позволяет констатировать имевшие место контакты и связи между древними племенами, обитавшими по обе стороны Большого Кавказского хребта, для которых последний, очевидно, не служил таким непреодолимым препятствием.

В Закавказье эта культура охватывает центральные и южные районы, доходя на западе и северо-западе до Черноморского побережья, на северо-востоке до Дагестана, на юго-востоке она проникает до берегов оз. Урмия и, наконец, на юге — до областей вокруг оз. Ван, распространяясь до определенных пределов и к западу от него. При этом в границах этого ареала наиболее интенсивно заселяются низовья и долины рек, значительно реже — предгорья и лишь в отдельных случаях — горы (Гинчи). Продолжая традицию неолитических племен, люди в эпоху энеолита устраивают свои жилища в пещерах (Самеле-Клде, Самерцхле-Клде, Сагварджице, Воронцовская пещера).

Уровень культуры в целом определяется такими моментами, как архитектура, строительная техника, характер и степень развития хозяйственной базы, а также отдельных видов материального производства. Уже сейчас совокупность полученных данных говорит о единстве энеолитической культуры в ее основных проявлениях, хотя в пределах ее отчетливо выявляются две территориальные группы со специфическими археологическими комплексами — типа Шому-Тепе в бассейне, р. Куры и типа Кюль-Тепе I в бассейне р. Аракса.

Последний отличается от более северного преобладающим саманной посуды, наличием привозной расписной керамики, находками расписных сосудов с местным подражанием первой, пластинчатой техникой камня и, наконец, находками металлических предметов. Вместе с тем отдельные названные элементы проникают и на север, где саманная посуда в небольшом количестве найдена на ряде поселений (Баба-Дервиш I, Арухлю, Цопи, Шому-Тепе и др.), а расписные черепки халафского круга неожиданно были обнаружены вместе с грубой лепной местной посудой и типичным энеолитическим набором орудий в каменных прямоугольных помещениях поселения Гинчи, высоко в горах Дагестана.⁶⁴

⁶¹ R. H. Dyson. Problems in the relative chronology of Iran 6000—2000 b. c. COWA, 1964, p. 248.

⁶² Ibid., p. 248.

⁶³ R. H. Dyson and T. C. Jong. The Solduz Valley. Iran: Pisdeli-Tepe. Antiquity, 1960, № 133, p. 28.

⁶⁴ М. Г. Гаджиев. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. КСИА, вып. 108, 1966, рис. 19, 7. — В историческом музее Грузии хранится прекрасный полихромный сосуд, происходящий из окрестностей Копша, на р. Мурад-Чай:

Северный шому-тепинский комплекс, характерный в целом иной, более примитивной по облику, гончарной продукцией с налепными украшениями, отличается от южного широким употреблением и изощренной техникой изготовления предметов из кости (Шому-Тепе), а также преобладанием в наборе каменных изделий вкладышевой техники (Арухло, Цопи, Тойре-Тепе), берущей свое начало еще в мезолите. Однако последние открытия в Армении (Маштоц-Блур, Кхзьяк-Блур, Шенгавит I) указывают на проникновение посуды шому-тепинского типа и на юг.

Люди жили главным образом в незащищенных поселениях, возникающих в удобных местах — на мысах, речных террасах и естественных холмах. Лишь в трех случаях — в Мильской степи (Шах-Тепе, Безымянное тепе) и в южной Грузии (Арухло) поселения были окружены рвом. Постройки на поселениях глинобитные, реже каменные на растворе (Кюль-Тепе I, Геой-Тепе, Гинчи); по-видимому, к концу периода появились плоско-вышуклые кирпичи (Арухлинское поселение). Помещения были круглыми (диаметр 2—7,5 м), причем небольшие перекрывались сводами, а большие — конической крышей, опиравшейся на столб. Вместе с пристроенными к ним прямоугольными помещениями они напоминают северомесопотамские толосы с прямоугольной передней комнатой (Арпачия, тепе Гавра XX, XVII, Юнус).⁶⁵ В этом же ареале сооружались прямоугольные дома (Геой-Тепе, Гинчи, Тетрицкаро) с плоской крышей и землянки (Баба-Дервиш I). Очаги в помещениях располагались у стенок.

Хозяйственный уклад живших в энеолитических поселениях племен был сходным, что подтверждается многими факторами. Основой являлось земледелие, сопутствовало ему скотоводство; охота и рыболовство играли подсобную роль. Земледелие повсеместно документируется находками каменных и костяных мотыг, составных серпов, зернотерок, ступок, терочников. Закавказские изогнутые серпы с вставленными в деревянную основу и закрепленными с помощью битума пластинками (Шому-Тепе и др.) сопоставляются не только с серпами Центральной и Юго-Восточной Европы,⁶⁶ но и имеют близкие аналогии на юге (Джармо и Хасуна).⁶⁷

Найдены также зерна злаков: многорядного и двурядного ячменя, твердой, мягкой и английской пшеницы (Техут, Шенгавит I, Шому-Тепе I), полбы, проса (Кюль-Тепе I, Арухло). Совместные находки зерен пшеницы и ячменя говорят об умении древнего человека уже в то время бороться с засухой с помощью смешанных посевов. Найденные в Шулаверах косточки винограда свидетельствуют о развитии садоводства.

Можно предполагать, что уже тогда существовало примитивное искусственное орошение,⁶⁸ без которого жизнь в таких безводных районах, как, скажем, Мильская степь, была бы невозможна. Напомним, что в начале XIII в., после разрушения здесь монголами ирригационной системы,

по форме и деталям рисунка (шашечный узор, цепочка ромбов, *hucrania*) сосуд относится к халафскому типу. Мотив стилизованных птиц на этом сосуде повторяет рисунок одного из черепков гинчинского поселения, что делает возможным халафскую принадлежность последнего.

⁶⁵ J. Mellaart. *Earliest civilizations...* fig. 106; A. J. Tobler. *Excavations...* pl. XV; M. E. Mallowan. I. C. Rose. *Prehistoric Assyria. Excavations at tell Arpachiyah.* London, 1935, p. 98; В. М. Массон. *Средняя Азия...*, стр. 367. J. Mellaart. *The chalcolithic and early bronze age in the Near East and Anatolia.* Beirut, 1966, fig. 4.

⁶⁶ И. Г. Нариманов. *Древнейшие серпы Азербайджана.* СА, 1964, № 1, стр. 283—285; С. Н. Бибиков. *Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы.* СА, 1963, № 3, стр. 6.

⁶⁷ В. М. Массон. *Средняя Азия...*, стр. 48, 60; A. Parrot. *Archéologie...*, p. 118, fig. 15a.

⁶⁸ А. А. Мартirosян и Р. М. Торосян. *К вопросу об интерпретации энеолитической культуры Армении.* ВОН АН АрмССР, Ереван, 1967, стр. 58.

жизнь в одном из крупнейших городов Мильской степи Байлакане на какое-то время угасала. Поселения обычно располагались у воды. Орошаемое земледелие могло находиться на самой ранней стадии, базируясь на весенних разливах рек, очистке залившихся протоков и прокопке первых оросительных каналов.⁶⁹

Первым и пока что единственным сигналом в Закавказье в этом плане является открытый в 1966 г. древний канал около Арухлинского поселения. Скорее всего, это был участок оросительной системы, питавшейся от р. Машаверы, протекающей в полукилометре от поселения. Работы по исследованию древнего русла канала продолжаются.

Скотоводство носило придомный характер. В этот период уже были приручены овца, бык, собака, свинья; в стаде преобладает крупный рогатый скот (Кюль-Тепе I, Шулаверы, Имирис-гора). Охота и рыболовство, эти отрасли присвояющего хозяйства, еще продолжают играть определенную роль в хозяйстве; они документируются костями оленя, косули, джейрана, кабана, лисацы, птиц и рыб, а также снарядами для пращи (Шому-Тепе, Тойре-Тепе); по-видимому, в период энеолита в окрестностях поселений были леса.

Состав каменного инвентаря поселений отражает некоторую специфику развития хозяйства в различных районах. Так, почти полное отсутствие скребков — одного из ведущих неолитических орудий — на таком поселении, как Кюль-Тепе I, говорит о значительном удельном весе скотоводства, постепенно вытесняющего производство по обработке шкур, характерное для охотничьего быта. Наличие же этих орудий на таких памятниках, как Арухло, Шому-Тепе, Тойре-Тепе и др., свидетельствует о сохранении прочных неолитических традиций в хозяйстве жителей более северных широт.

Таким образом, в материальной культуре при ее бесспорном единстве, порожденном общей формой хозяйства, подмечается некоторая специфика, характерная для той или иной группы поселений, а иногда того или иного памятника. Эти первые наметки в дальнейшем бесспорно придут на помощь при выделении хронологических и локальных вариантов энеолита. Мы уже говорили, что материальная культура этого периода несет еще в ряде моментов древнюю неолитическую традицию. Проявляется это в большей мере и в керамике — самом многочисленном материале; так, грубая лепная посуда с крупными включениями баночных и сферических форм с массивными выступающими днищами, характерная для шому-тепинских поселений, выглядит наиболее архаичной и, бесспорно, имеет прототипом неолитическую посуду. Для нее обычны налпные и процарапанные украшения, ассоциирующиеся с керамикой такого раннеэнеолитического памятника, как Хассуна.⁷⁰ Неолитической традицией должно быть, вероятно, объяснено и большое мастерство в изготовлении великолепного набора костяных предметов, начиная от крупных мотыг, кончая изящными ложечками и статуэтками людей. Наконец, очень архаичными выглядят гальки в виде человеческих головок (рис. 6, а, б). Находки эти, служившие, вероятно, каким-то культовым целям, для Закавказья остаются пока уникальными; они также, бесспорно, связаны с более древней традицией; во всяком случае, культовые изображения человека на гальках, иногда с росписью, иногда процарапанные, —

⁶⁹ Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИЭ, вып. 26, 1957, стр. 3; Г. Н. Лисицына. 1) Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965, стр. 147; 2) Изучение оросительной сети в Южной Туркмении. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 96.

⁷⁰ S. Lloyd and F. Saffar. Tell Hassuna, Excavations of antiquities in 1943 and 1944. JNES, v. IV, Chicago, 1945, pl. I; T. Dabagh. Hassuna pottery. Sumer, v. XXVI, Baghdad, 1965, №№ 1—2, pl. VII, №№ 130—136; pl. VIII, №№ 137—148.

явление, широко распространенное в неолите Передней Азии (Яник-Тепе, Библ, Хаджилар, Эйнап, Шагар-Хаголар).⁷¹

Поселения южного круга, втянутые в орбиту древневосточных культур, выглядят менее архаичными. Употреблявшаяся здесь саманная посуда, связанная с иранским кругом памятников, характеризуется лучшим обжигом, лощением, росписью, подражающей переднеазиатской. Помимо чисто геометрических мотивов, на Яник-тепе, например, имеются схематизированные изображения людей и животных, характерные для росписной керамики энеолита северной Месопотамии (Халаф, Гавра). Уникальным пока что остается сосуд с лицевым изображением и вставленными вместо глаз чешуйками обсидиана из Яник-Тепе (рис. 17, 2); не имея прямых аналогий, это изображение отдаленно напоминает выполненные в рельефе и красках человеческие лица на сосудах самаррского типа из Хассуны и Халафа.⁷² Лицевые сосуды, но уже более позднего времени (раннебронзовый век II), найдены в Конийской равнине, на юге Малой Азии.⁷³

Особенностью энеолитических поселений типа Кюль-Тепе I явились находки металлических изделий, хотя в редких случаях они уже попадались и к северу от их распространения (Сагварджиле, Напар-гора). Определенная концентрация этих предметов в таких памятниках, как Кюль-Тепе I (7 предметов), Техут (3) и Геой-Тепе (3), должна быть также объяснена воздействием соседних культур Передней и Малой Азии. Это главным образом мелкие предметы — бусины, наконечник стрелы, кинжальчик, ножи, шилья, проколки.

К сожалению, плохая их сохранность позволяет установить скорее качественный, нежели количественный состав металла. Предметы из Кюль-Тепе I и Техута имеют примесь мышьяка, концентрация которого доходит до 5,4%, что не исключает ее искусственной присадки. Кроме того, в кюль-тепинской проколке содержится 1,6% никеля. Последняя бесспорно должна рассматриваться как привозная, изготовленная в одном из районов Передней Азии, где имелись богатые медно-никелевые месторождения, отсутствовавшие на Кавказе.⁷⁴ Привозными из Передней Азии могли быть и другие медно-мышьяковистые предметы. По последним данным, первые медные предметы в Малой Азии восходят к VII—VI тыс. до н. э. (Чатал-Уюк, Хаджилар), а в конце V—IV тыс. до н. э. в соседнем Иране металлопроизводство достигает уже достаточно высокого уровня (Сналк I—III).

Вместе с тем медные изделия уже, по-видимому, изготовлялись и в самом Закавказье, о чем в первую очередь говорят находки архаичных каменных молотов, с помощью которых обогащали руду (точно таких же, какие встречаются на энеолитических поселениях) в районах древних медно-рудных выработок по соседству с самими поселениями.⁷⁵ Косвенным показателем этого может служить также высокий уровень металлургии Южного Кавказа уже в начале III тыс. до н. э., которому

⁷¹ С. А. Burney, *Iraq XXVI*, part I, 1964, p. 57, pl. XV, 11—12; J. Mellaart. *The chalcolithic...*, fig. 2; E. Anati. *Palestine before the Hebrews*. London, 1963, pp. 159, 266.

⁷² S. Lloyd and F. Saffar. *Tell Hassuna...*, pl. XVII, 2; M. Oppenheim. *Tell Halaf*. taf. XCVI, 2.

⁷³ J. Mellaart. *Early cultures of the south Anatolian plateau*, II. AS, XIII, 1963, fig. 10.

⁷⁴ И. Р. Селимханов. О никеле в древних медных сплавах. ДАН АзССР, т. XVIII, 1962, № 6, стр. 43; Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии восточной Европы. М., 1966, стр. 46; С. F. Cheng and C. M. Schwitter. *Nickel in ancient bronzes*. AJA, v. 61, № 4, 1957, p. 352, pl. 1, 2.

⁷⁵ См. ниже, стр. 113.

должен был предшествовать определенный период развития местного металлопроизводства.

Помимо металла, из стран Древнего Востока экспортировалась расписная посуда, бирюза, печати. Халафская богато расписанная посуда проникла во все уголки обширного переднеазиатского мира от Средиземного моря до Персидского залива. Роспись эта считалась своеобразным эталоном и способствовала появлению местных подражаний, нашедших отражение и в расписной керамике Закавказья. Экспорт шел, очевидно, и из Ирана, где в районе Хорасана были расположены богатые месторождения бирюзы. Украшения из бирюзы найдены в погребениях Хассуны, Сялка II, Кюль-Тепе I. Наконец, напомним еще об одной категории привозных вещей — печатях (Арухло, Геой-Тепе). Последние так же, как на древнем Востоке, констатируют для населения Закавказья уже сложную систему хозяйственных взаимоотношений, связанных с развитием собственности отдельных семей или коллективов.

Контактировали со странами Передней Азии в первую очередь южные области Закавказья и прилегающие к ним районы. Через них в Закавказье попадали отдельные вещи, они же явились проводниками многих достижений древневосточных цивилизаций. Воздействию подвергались архитектура, строительное дело, различные обряды. Напомним, что круглые купольные постройки, встречающиеся почти на каждом энеолитическом поселении Южного Кавказа, очень близки месопотамским толосам. Влиянием шумерской строительной техники, по-видимому, следует объяснить повсеместное появление здесь плано-конвексных кирпичей. Сходство наблюдается и в погребальных обрядах, что выражается в устройстве могильников на территории поселений, при котором могилы часто оказывались либо между домами, либо под полами жилых построек (Сялка, Гиссар, Гиан, Гавра, Кюль-Тепе). Наконец, бросается в глаза и близость некоторых форм орудий — серпы Шому-Тепе, Хассуны и Джармо, мотыжки Хассуны и Причерноморья,⁷⁶ камни для пращи Шому-Тепе и Хассуны.

В свою очередь из Армении (Арагац), восточной и южной Анатолии на юго-восток и юго-запад тянулись пути, по которым еще с палеолита перемещался обсидиан.⁷⁷ Протяженность их исчислялась сотнями километров. Специальными исследованиями, в результате которых источники обсидиана были сопоставлены с изделиями из археологических памятников, установлено, что обсидианом из Ванской области (Немрут-Даг) снабжались в разное время поселения Ирана и Месопотамии (Джармо, Маттара, Али-Кош, Арпачия, Шемшара и др.), в то время как восточное Средиземноморье (Мерсин, Рас-Шамра, Библ, Джудейде, Тель-Рамад, Иерихон и др.) обеспечивалось каппадокийскими запасами (Чифтлик, Ачигель, Каракапо).

Наибольшее количество обсидиана встречается обычно в памятниках по соседству с источниками. Так, в ванском Тильки-Тепе обнаружено более полутора тысяч пластин из прозрачного зеленоватого обсидиана Немрут-Дага, расположенного по ту сторону озера. В Джармо, удаленном от того же источника примерно на 400 км, изделия из обсидиана за два года раскопок составили 40% всех находок.⁷⁸ Очевидно, именно разработки обсидиана привлекли в район Вана халафских переселенцев, оставивших свою посуду в поселении Тильки-Тепе III. Возможно, что деятельность их простиралась и на богатую обсидианом территорию Армении, где в поселении Техут обнаружена посуда халафского круга.

⁷⁶ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 13.

⁷⁷ Colin Renfrew, J. E. Dixon, J. R. Cann. Obsidian and early cultural contact in the Near East. PPS, 1966 (NS, v. XXXII), map 1—6.

⁷⁸ В. М. Массон. Средняя Азия..., стр. 50.

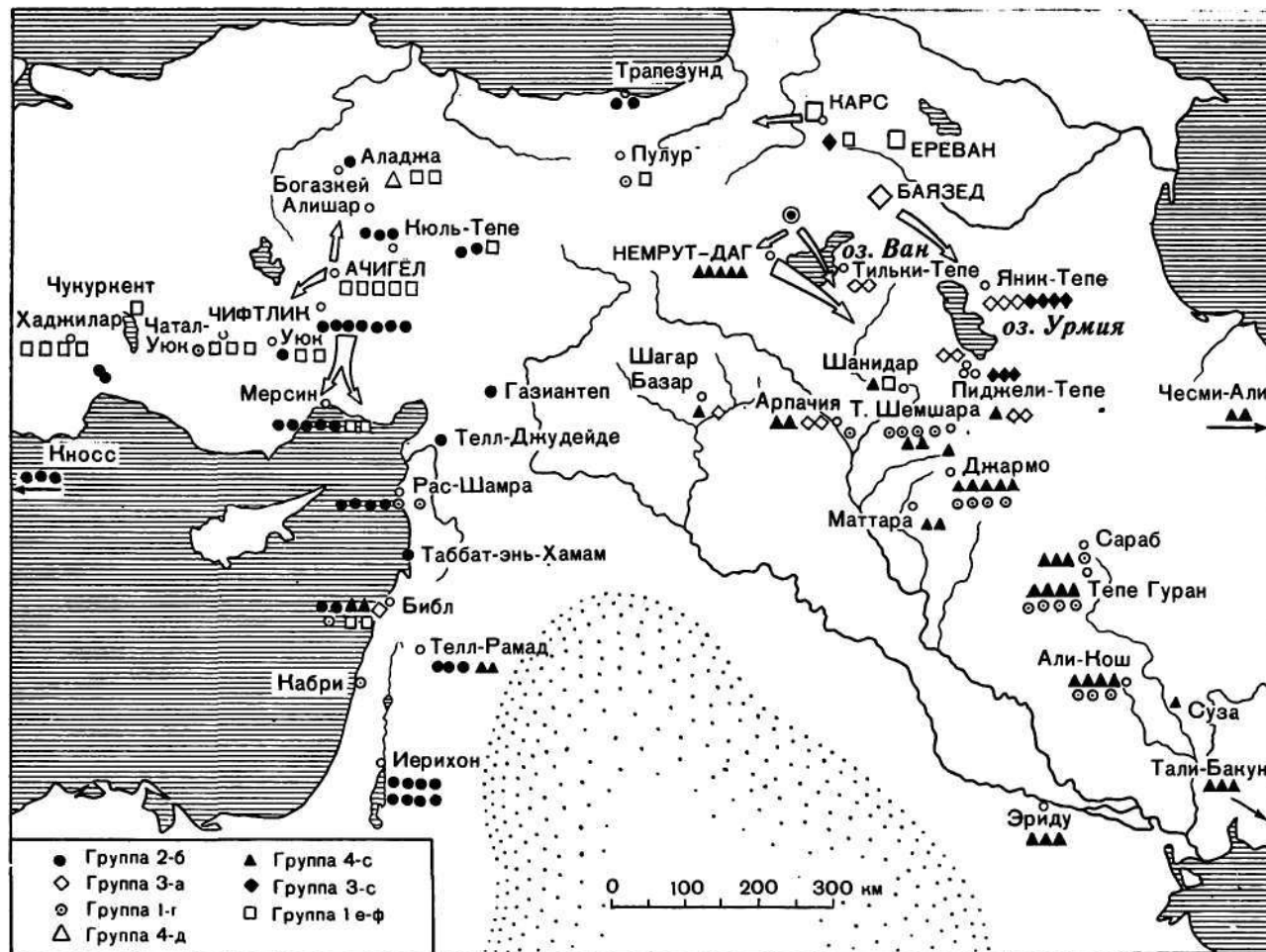


Рис. 19. Карта движения обсидиана из основных источников Передней Азии (VII—IV тыс. до н. э.).

Таким образом, накопление новых археологических фактов за последние годы приводит к некоторым существенным заключениям. Выясняется, что распространение памятников эпохи энеолита отнюдь не ограничивалось территорией южного Азербайджана, в пределах которой были зафиксированы первые из них (Кюль-Тепе I, поселения Мильской степи). Энеолитическая культура процветала фактически по всей территории Закавказья и захватывала прилегающие к нему с юга районы.

Устанавливается также, что в пределах этой обширной области существовало два сложившихся археологических комплекса — типа Кюль-Тепе I и типа Шому-Тепе. Ответить на вопрос, являлись ли эти комплексы локальными вариантами энеолитической культуры Южного Кавказа или ее хронологическими ступенями, можно пока лишь в виде предположения, рабочей гипотезы.

Нам представляется, что длительный процесс сложения этих двух комплексов протекал одновременно, на что указывают мощные культурные слои в достаточно удаленных друг от друга поселениях; причем на этот процесс влияли различные факторы. Племена, обитавшие на юге, находясь в тесных контактах с высокоразвитыми странами Передней Азии, первыми впитывали все их достижения. Комплекс, сложившийся в южных районах, несет яркий отпечаток соседства с древневосточными культурами. Южные племена являлись постоянными проводниками этих достижений, посредниками между странами Древнего Востока и обитавшим в северных районах Закавказья населением.

Население северных районов, непосредственно оторванных от южных центров, создало более самобытный для Кавказа комплекс, уходящий своими корнями в местный неолит. Этот комплекс при сравнении с первым выглядит более архаичным.

Постоянно происходивший процесс расселения древнеземледельческих племен приводил к образованию поселений, которые мы застаем часто расположенными компактными группами. Однако отдельные группы населения в поисках новых мест обитания уходили, очевидно, и на более далекие расстояния, оставляя следы этих передвижений в виде определенных категорий находок. Вероятно, именно этим и можно объяснить присутствие желтоватой саманной посуды на некоторых поселениях северного пояса, для которого была характерна грубая бурая посуда с крупными включениями толченого камня. Самый далекий путь проделали люди, занесшие расписную и саманную посуду в горы Дагестана.

Расселение племен шло и в обратном направлении, что документируется находками посуды северного круга с ее характерными сосцевидными украшениями и дырчатым орнаментом на недавно открытых поселениях Армении. Какой-то путь шел, по-видимому, и в юго-восточном направлении, на что указывает пока, правда, единичный экземпляр посуды с обмазкой в поселении Мишарачай VI на Мугани. Южнее посуда с отпечатками гребенки, трубочек и палочек найдена в серии поселений (Яник-Тепе, тепе Слабид, в окрестностях Курамабада и др.) вокруг оз. Урмия и именуется здесь, по месту обнаружения ее в верхних горизонтах поселения Далма-Тепе, около знаменитого Хасанлу, — посудой далма-тепинского типа (*Dalma impressed ware*).⁷⁹

Сказанное выше является первой и очень схематичной попыткой объяснить те сложные процессы, результатом которых было взаимопроникновение отдельных элементов различных археологических комплексов, уста-

⁷⁹ J. Mellaart. 1) *Earliest civilizations...*, p. 67, map; p. 71, fig; 2) *The earliest settlements in Western Asia*. Cambridge, 1967, p. 46; В. М. Массон. Поселение Джейтун (в печати); И. Г. Нариманов. Исследование энеолитических поселений в Азербайджане. Археологические открытия в 1967 г. М., 1968, стр. 316.

наливаемое по известным памятникам. Схема эта может быть повторена лишь будучи обоснованной большим и новым материалом. Даже сейчас имеются наблюдения, которые в случае их многократного повторения в будущем должны будут несколько изменить нарисованную картину.

Дело в том, что на двух южногрузинских поселениях — Шулавери и Имарис-гора, — для которых характерна керамика типа Шому-Тепе, в верхних горизонтах обнаружена светлоангобированная лощеная посуда. Такая же картина, по утверждению С. А. Сардаряна, наблюдалась и на поселении Шенгавит, где над слоем I найдены черепки расписной посуды со светлым ангобом.

Если в дальнейшем такое взаимоотношение двух керамических групп подтвердится, это будет означать, что верхние хронологические границы этих двух комплексов не совпадают. Следовательно, речь тогда пойдет не только о локальных вариантах.

Но даже и при таком итоге вопросы внутренней хронологии отнюдь не должны мешать восприятию энеолитической культуры Южного Кавказа как явления единого в историко-культурном плане. Именно эта культура в целом явилась тем историческим субстратом, на котором позднее, в III тыс. до н. э., получила всестороннее развитие «куро-аракская» культура периода ранней бронзы.

период ранней бронзы (куро-аракская культура).

обзор памятников

Поселения и могильники периода ранней бронзы, объединенные понятием «куро-аракская культура», встречаются примерно в том же ареале, что и энеолитические памятники. Выявленные в значительно большем количестве, нежели пункты энеолита, они покрывают густой сетью археологическую картину Южного Кавказа III тыс. до н. э. (рис. 20).¹

Основной ареал куро-аракской культуры давно уже вышел за рамки двух главных речных магистралей — Куры и Аракса.² Он охватил все центральное Закавказье; на севере границы его достигали большого Кавказского хребта, на северо-западе р. Ингури (пещера Максания), районов Самтреди (Даблагоми) и Кутанси (Цулукидзе), на юго-западе — верховий Ефрата (Малатъя, Элязиг), на юге — берегов оз. Ван (Буланик, Адиль и др.), на юго-востоке берегов оз. Урмия (Геой-Тепе, Яник-Тепе) и района Тебриза (Кара-Тепе); восточная граница остается все еще не уточненной, хотя отдельные пункты зафиксированы около Нахичевани (Кюль-Тепе), в Мильской степи (Гек-Тепе, Касум-Тепе и др.) и в районах Евлаха (Мингечаур), Нухи, Казаха (Баба-Дервиш и др.).

Мы не включаем сюда области восточного Средиземноморья (Сирия, Палестина). Здесь элементы куро-аракской культуры появились в результате продвижения племен из основного ее ареала и наслонились на местные памятники. В отличие от раннего этапа развития куро-аракской культуры, датирующегося началом III тыс. до н. э., события эти падают на вторую его половину.³

Памятники на территории северо-восточного Кавказа получили всеобщее освещение в монографии Р. М. Мунчаева и в последующих статьях Е. И. Крупнова.⁴ Это дает нам право не останавливаться на них подробно. Авторы справедливо считают, что на этой территории в III тыс. до н. э. существовал локальный вариант куро-аракской культуры, и связывают его с продвижением на север племен — носителей этой культуры. При этом отмечают даже древние пути, по которым оно осуществлялось: в Дагестан из северо-восточного Азербайджана — через Нуху, сел. Ахты

¹ В настоящий момент в Закавказье известно свыше 200 пунктов с признаками куро-аракской культуры. Основа карты взята из книги А. А. Мартиросяна «Армения в эпоху бронзы и раннего железа» (Ереван, 1964).

² Говоря об основном ареале куро-аракской культуры, авторы имеют в виду ту территорию, на которой сформировались ее ведущие признаки. Необходимыми условиями для включения тех или иных районов в этот ареал являются: 1) наличие энеолитических памятников, генетически связанных с памятниками куро-аракской культуры, 2) наличие ранних форм куро-аракской культуры. Понимая условность термина «куро-аракская культура», однако учитывая постоянное его применение в археологической литературе, авторы сохраняют этот термин, подразумевая при этом более широкие границы этой культуры.

³ Литературу по этому вопросу см. выше, стр. 12, 15, прим. 51, 77—95.

⁴ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА СССР, № 100, 1961, стр. 150, 154. Статьи Е. И. Крупнова см. гл. 1, прим. 121.

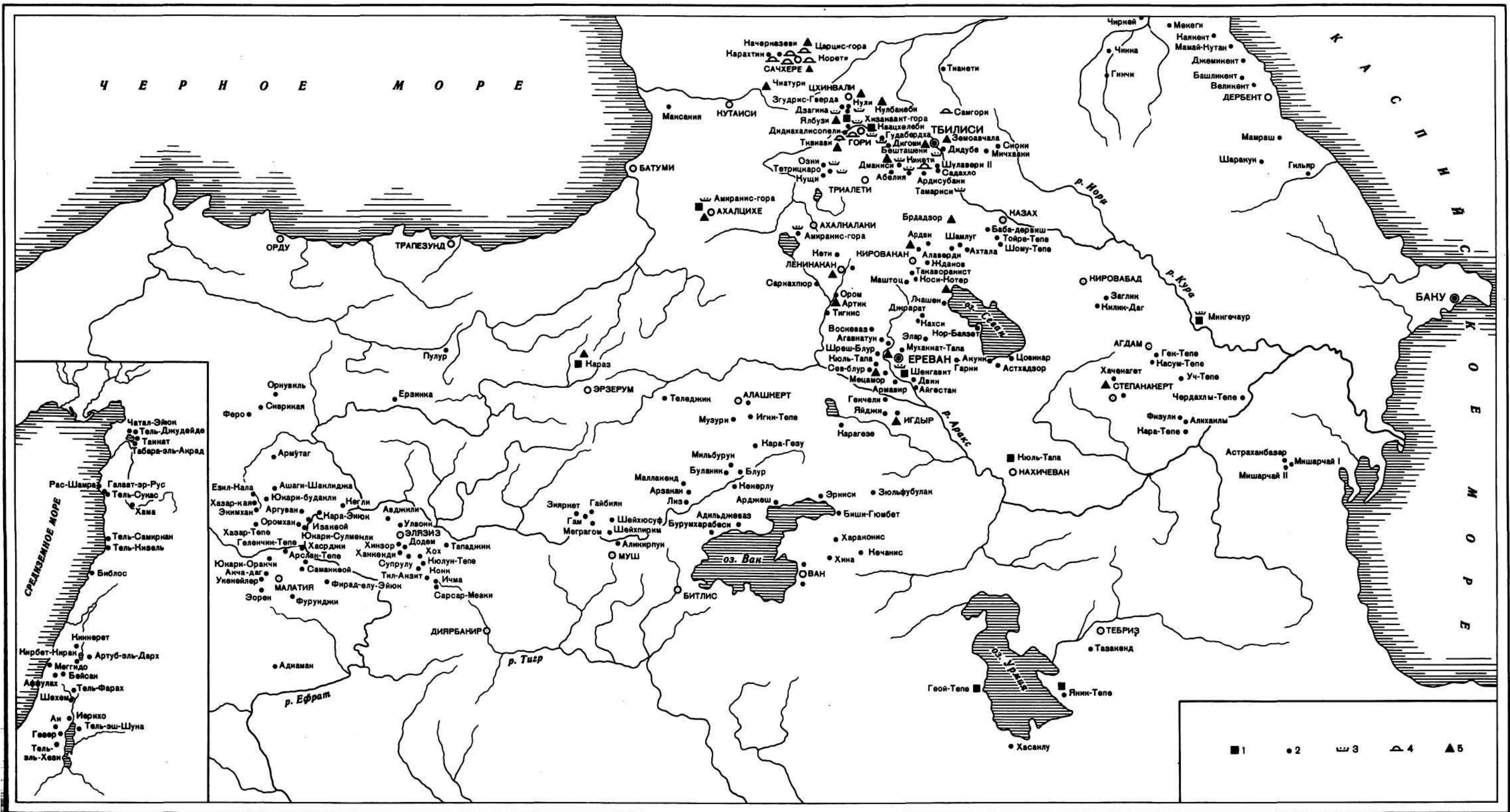


Рис. 20. Карта распространения памятников «куро-аракской» и «хирбет-керакской» культур (III тыс. до н. э.).
 1 — исследованные уловы поселения со сложной стратиграфией; 2 — поселения; 3 — грунтовые могильники; 4 — курганы; 5 — случайные находки.

и дальше в Магарамкентский район, в Чечено-Ингушетию из внутренней Картли и главным образом Юго-Осетии — через перевалы в центральной части Кавказского хребта. Эти вопросы рассматриваются также в книге В. М. Котович.⁵

Наиболее характерным признаком куро-аракской культуры является очень специфичная чернолощенная (реже серолощенная) изящная и разнообразная по формам посуда ручной лепки, украшенная обычно налепным выпукло-вогнутым или врезным геометрическим орнаментом.

Поселения периода ранней бронзы возникали либо на необжитых местах (Гарни, Коси-Котер, Озни, Бацташени и др.), либо продолжали существовать на энеолитических поселениях (Кюль-Тепе, Геой-Тепе, Баба-Дервиш, Шенгавит, Тетрицкаро, Хизанаант-гора и др.). В последнем случае, как уже было сказано выше, жизнь на энеолитических поселениях либо продолжалась без перерыва (Абелия, Тетрицкаро, Дидубе, Кикети, Кюль-Тепе, Баба-Дервиш), либо заброшенные к концу энеолита поселения оказывались вновь обжитыми уже в поздний период ранней бронзы (Шулаверы II, Яник-Тепе, Сагварджила, Геой-Тепе около Садахло).

Огромное количество материалов по куро-аракской культуре, накопившихся по крайней мере за два десятилетия, а также неравноценное их отражение в печати предопределили выборочный характер их дальнейшего изложения. Поэтому ниже нами будут приведены преимущественно узловые памятники, отобранные с учетом следующих моментов. Для поселений это: 1) своеобразие топографии и архитектурно-планировочного комплекса, дающее возможность уловить взаимосвязь поселений с рельефом местности, а также сходство или локальные особенности строительства в тех или иных областях; 2) четкая стратиграфия, при которой основные элементы материальной культуры могут быть прослежены в эволюции; 3) наличие подстилающих энеолитических слоев, позволяющих проследить преемственность древних традиций в период ранней бронзы; 4) возможность увязки с могильными сооружениями и культовыми местами как ключ для изучения всех сторон материальной и духовной жизни древних племен; для могильников — различие в погребальных сооружениях, обусловленное временем и местом их создания.

При этом были отобраны памятники в разных частях основного ареала южнокавказской культуры периода ранней бронзы и, разумеется, наиболее полно изученные археологически.

В тех случаях, когда расположены по соседству поселения стратиграфически дополняют друг друга, их материалы будут рассмотрены в хронологической последовательности.

Период ранней бронзы длился не одно столетие, на что указывают в первую очередь мощные культурные отложения на поселениях, а также разница в самих археологических материалах. Попытки хронологической дифференциации памятников были сделаны уже некоторыми исследователями (Б. Б. Пиотровский, Р. М. Мунчаев, О. М. Джапаридзе, Л. И. Глойти, А. И. Джавахишвили, А. А. Мартиросян, Т. Н. Чубинишвили, Э. В. Ханзадян), наметившими, однако, отдельные этапы лишь для тех или иных областей Южного Кавказа и базирующимися, как правило, на нестратифицированных материалах.

Исходя из стратиграфии узловых поселений и сопоставления их с нестратифицированными комплексами, мы условно разбиваем период ранней бронзы на три хронологических этапа. Это поможет в дальнейшем проследить куро-аракскую культуру в ее динамике.

Период ранней бронзы I (3000—2700, 2600). Сюда мы относим поселения Шенгавит II, Шреп-блур, Мохраблур (Кюль-Тапа),

⁵ В. М. Котович. Верхнегундское поселение. Махачкала, 1966, стр. 98.

Амиранис-гора (горизонт I, могильник центрального участка), Караз (горизонты XV—XI), Хизанаант-гора и Квацхелеби (горизонты Д₁, С₃, С₂ и частично С₁, Квацхелеби (могилы 1, 2, 4, 5), Урбниси (могилы), Гудаберджа, Оани, Кулбакеби, Беншашени (Ахыллар), Кюль-Тепе II (нижние горизонты), Геой-Тепе (К₁ и частично К₂), Баба-Дервиш II (ранние материалы), Мингечаур, Степанакерт (курганы №№ 103, 119, 125), Тквиави (курганы) и др.

Период ранней бронзы II (2700, 2600—2400, 2300). Сюда мы относим поселения Шенгавит III, Амиранис-гора (горизонт II, центральный участок), Караз (горизонт XI—VII), Хизанаант-гора и Квацхелеби (основная часть горизонта С₁), Гарни, Элар (могильник), Кюль-Тепе II (верхние горизонты) Геой-Тепе (частично К₂ и К₃).

Период ранней бронзы III (2400, 2300—2000) — Шенгавит IV, Такаворанист, Коси-Чотер, Амиранис-гора (горизонт III), Караз (верхние горизонты), Хизанаант-гора и Квацхелеби (горизонты В₃, В₂, В₁), Квацхелеби (могилы 3, 6—8), Баба-Дервиш II (поздние материалы), Яник-Тепе (горизонты ранней бронзы I по Бариеку), Сачхере (курганные могильники Корети, Начеркезеви, Царцис-гора), Триалети (курганы у Параванского озера, Зеленый курган), Арагац (могильник), Уч-Тепе, Самгори, Бедени, Тельман (курганы).

Юго-западная группа.⁶ Одно из центральных мест в древних памятниках южной Грузии принадлежит поселению Амиранис-гора (Ахалцихский р-н, рис. 21).⁷ Расположенное на высоте 900 м над ур. м. Амиранис-гора занимало площадь в 3 га и являлось для своего времени крупным поселением. Мы можем предполагать, что в древности его окружали другие, менее значительные по размерам поселки; некоторые данные об этом уже имеются.⁸

Амиранис-гора — поселение очень своеобразное в смысле топографии и архитектурно-планировочного устройства (рис. 21, А); оно располагалось террасообразно по склону горы и доминировало над окружающей местностью. Здесь же на поселении находился и могильник; на самой вершине горы было устроено святилище.

На центральном, восточном и западном участках общей площадью 2500 м² раскопками вскрыто 22 помещения и 60 разнотипных погребений. Все они расположены на десяти искусственных террасах и относятся к эпохе ранней бронзы.

В нескольких местах центральной части поселения под первым строительным горизонтом обнаружен более древний уровень, содержащий отдельные черепки эпохи энеолита, перемешанные с архаичной керамикой куро-аракского типа (см. выше, стр. 32). К этому горизонту относятся «литейная мастерская» (помещение III) (рис. 21, 20), два подковообразных склепа (№№ 16 и 36), хозяйственные ямы (№№ 7—9; яма № 7 находилась под очагом помещения X) и древнейшая часть святилища на вершине горы, существовавшего на протяжении всей жизни поселения. Образец угля, взятый из «литейной мастерской», дал дату 4835 ± 180 лет, т. е. 2885 ± 180 до н. э. (ТБ-4).⁹

⁶ Рассматривая отдельные группы памятников в пределах основного ареала куро-аракской культуры, имевших в период ее расцвета некоторую специфику, авторы для большего удобства предлагают географическое обозначение для каждой из этих групп в зависимости от их размещения в изучаемых границах.

⁷ Раскопки Т. Н. Чубинишвили. См. выше, стр. 17, прим. 107.

⁸ Т. Н. Чубинишвили, О. С. Гамбашидзе, Т. Татишвили. Археологические разведки в южных районах Грузии. СА, 1957, № 4.

⁹ А. А. Бурчуладзе. Определение активности радиоуглерода пропорциональным счетчиком и ее применение для решения некоторых вопросов археологии Грузии. Автореферат. Тбилиси, 1966, стр. 10.

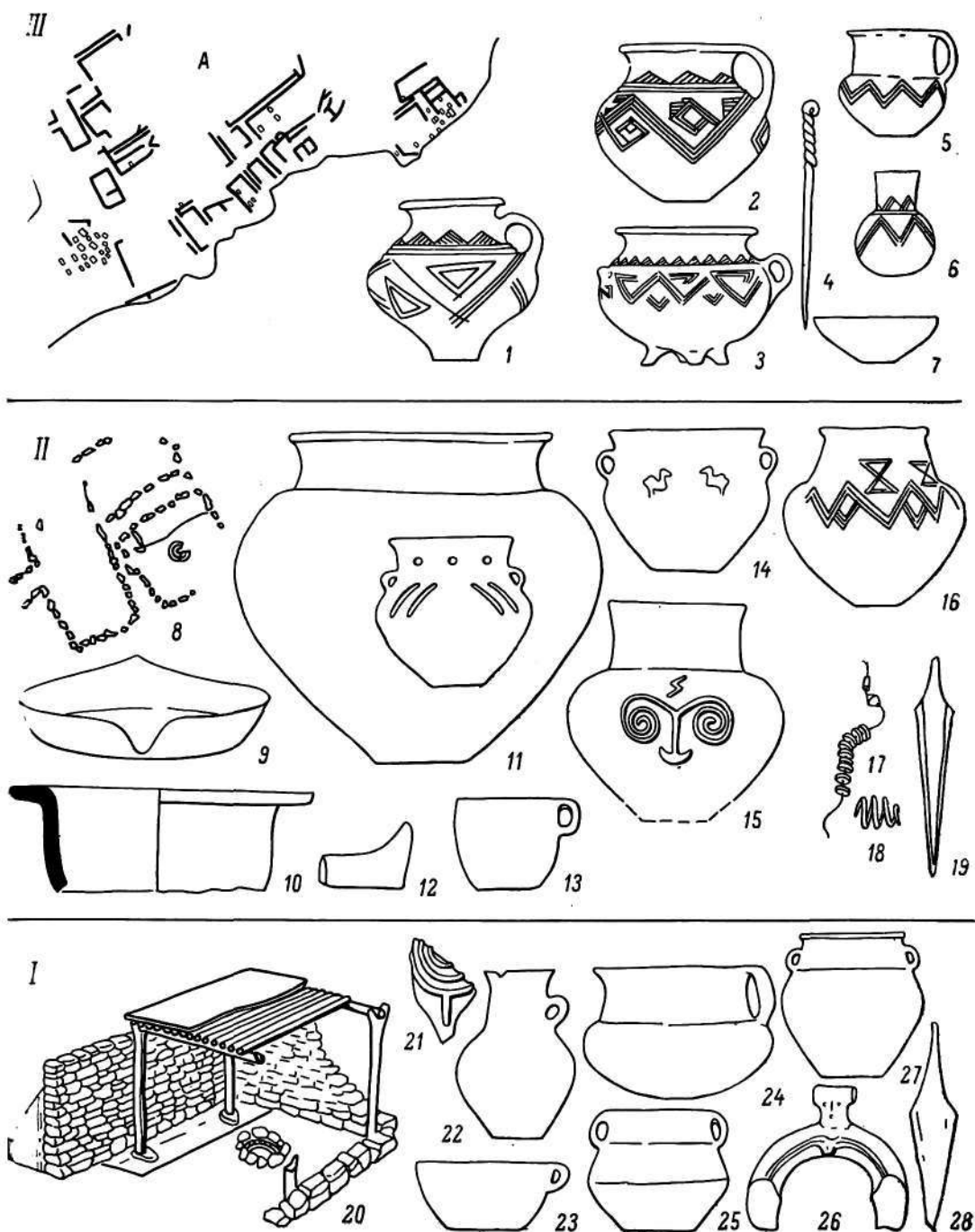


Рис. 21. Поселение Амиранис-гора.

А — общий план поселения; 1—7 — материалы III строительного горизонта; 8—19 — помещения и материалы II строительного горизонта; 20 — литейная мастерская; 21—28 — материалы I строительного горизонта.

Выше лежал горизонт, вскрытый на двух участках поселения. В центре основного участка, где первоначально был обрыв, сохранилась каменная подпорная стена в виде искусственной террасы. Над обрывом очерчивались контуры огороженной камнями, но, по-видимому, не перекрытой кровлей большой площади (120 м²), являвшейся либо загонем для скота, либо местом каких-то сборищ.

На искусственных террасах возведены каменные прямоугольные однокомнатные дома площадью 20—54 м²; задние стенки домов примыкали к срезам грунта; входы ориентированы на юго-восток. К домам в ряде случаев пристроены вдоль террас узкие и длинные нежилые помещения, предназначавшиеся, видимо, для содержания скота. Стены всех построек сложены из рваного камня на глиняном растворе в один или в два ряда; толщина их 30—70 см, максимально сохранившаяся высота 1.35 м. В двух случаях от задних стенок домов под углом отходят дополнительные отводные стены, предохранявшие помещения от дождевых потоков. Перекрытия домов были плоскими, балочными; в больших домах для укрепления кровли дополнительно служил центральный столб, опиравшийся на плоский камень. В задней части помещений находилась глиняная скамья.

Комнаты отапливались очагами различных конструкций. Это: 1) толстостенные, цилиндрической формы очаги с плоским венчиком (помещения I, IX, X, XX); на очагах иногда устанавливалась дополнительная глиняная плита с отверстием; 2) круглые очаги с тремя выступами в середине (XX); 3) круглые плоские очаги с углублением в центре (XIII); 4) очаги чашеобразной формы с валиком по краю (XXII, XVI).¹⁰ В редких случаях в помещениях было по два очага первого типа, в одном случае — рядом (XXIX), в другом — в разных местах (IX). Помимо очагов, в некоторых помещениях были печи; в двух случаях они сопутствовали очагам: одна из них в виде ванночки с отверстием внизу имела, по всей вероятности, глиняный свод (XIII), другая, двухчастной, конструкции, состояла из отопительной камеры, выложенной камнями, и овально-круглой части, расположенной несколько выше (XXII). Эти печи имели скорее всего производственный характер; вторая, в частности, могла служить для выпечки хлеба.

Хозяйственные ямы (диаметром около 1 м) сооружались возле домов, а иногда и в самих помещениях; в ямах хранились сосуды с запасами зерна. Находок в помещениях было мало; из 22 помещений только в четырех (I, X, XIII, XXI), вследствие сильного пожара, все вещи оказались брошенными.

Приведем два таких комплекса. Помещение XIII было относительно крупным — 48 м² (рис. 22А); в центре находился плоский глиняный очаг (диаметр 1.24 м). Рядом с очагом в пол была впущена большая каменная ступа, на которую, следует думать, опирался центральный столб, поддерживавший плоскую крышу. К северо-западной стене примыкала прямоугольная глиняная печь (2.5 × 0.4 м). В помещении оказались ступки, зернотерки, терочные камни, кремневые вкладыши для серпов и чернолощенная и сероглиняная посуда.

В помещении X (рис. 22Б), также уничтоженном пожаром, на специальном возвышении, примыкавшем к стене, обнаружено пятьдесят разнотипных сосудов, многие из которых остались целыми; сосуды разнообразны по форме, технологии изготовления и цвету (рис. 21, 11—16); несколько из них украшено рельефными фигурами в виде двойных спиралей с лунницей внизу. В этом же помещении находился круглый вмозанный в пол очаг (рис. 21, 10; очаг провалился в более древнюю яму

¹⁰ Эти очаги, встречающиеся также на вершине холма, в святилище, характеризуют поздний этап жизни поселения.



Рис. 22А. Поселение Амиранис-гора. Помещение XIII.



Рис. 22Б. Поселение Амиранис-гора. Помещение X

№ 7), культовая жаровня, переносный жертвенник (рис. 21, 10, 12), маленькая глиняная модель подковообразной подставки с миниатюрным сосудиком на ней, маслобойка.

Описанный слой соответствует второму, основному периоду жизни поселения. Уголь, взятый из помещения XXIX, датировал этот слой 4625 ± 170 лет, т. е. 2675 ± 170 до н. э. (ТБ-9).¹¹

К последнему периоду жизни поселения относятся лишь остатки нескольких плохо сохранившихся помещений, в том числе XXIII, и XXII; в последнем находилась двучастная сводчатая печь.

Могильники расположены гнездами тут же на поселении — либо в необжитых еще местах, либо на заброшенных участках. Они, так же как и горизонты поселения, имеют значительный хронологический диапазон, подтвержденный стратиграфическими моментами, с одной стороны, и характером положенных в могилы вещей — с другой.

Самыми древними (одновременными «литейной мастерской») могилами оказались два подковообразных каменных склепа (№№ 16, 36), несколько напоминающих жилые постройки, а также группа каменных ящиков восточного участка; и в тех и в других находились индивидуальные, парные и коллективные (4 человека) захоронения. Несколько позднее, в период образования основного слоя поселения, захоронения производились лишь в каменных ящиках и только на западном участке, причем к этому времени погребальный обряд значительно усложнился: увеличилось количество инвентаря, начали совершаться жертвоприношения.

В этот период устраивались своеобразные захоронения младенцев под полами «длинных» домов (XXI—XXVIII, VII), не являвшихся, судя по отсутствию очагов, жилыми помещениями и служившими, возможно, для содержания скота; захоронения эти в отличие от детских захоронений в могильниках не сопровождалась погребальным инвентарем и носили, очевидно, какой-то символический характер.

И, наконец, самым поздним периодом датируется расположенная несколько на отлете группа грунтовых могил, обложенных и засыпанных камнями, в которых преобладают коллективные (до 7 человек) захоронения; инвентарь этих могил оказался сравнительно бедным.

На вершине холма в течение всей жизни поселения существовало святилище, где совершались различные обряды. Здесь находилось огороженное камнями место, очевидно жертвенник, в котором обнаружены остатки жертвоприношений в виде пережженных костей животных, обломков богато орнаментированных сосудов, фигурок животных. На поселении обнаружено большое количество керамики, предметов быта, остатки металлургического производства. В могилах обычны предметы вооружения.

Некоторой аналогией Амиранис-гора, главным образом в плане своеобразной топографии, является расположенное также на склоне горы поселение Озии¹² на соседнем Цалкинском плоскогорье. Оно находится на высоте 1800 м над ур. м. Судя по материалам, это поселение синхронно первым двум периодам жизни Амиранис-гора. Здесь также зафиксированы жилища (правда, круглые) с очагами, захоронения младенцев в каменных ящиках на самом поселении и жертвенное место.

Близким по топографии является еще одно поселение южной Грузии — Тетрицкаро, где под слоем ранней бронзы находился неолитический слой.¹³ Здесь были открыты каменные фундаменты круглоплановых

¹¹ А. А. Бурчуладзе. Определение активности... стр. 10.

¹² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 года в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 26.

¹³ Раскопки Г. Ф. Гобеджишвили. См. выше, стр. 33, прим. 11.

и прямоугольных построек. Одна из них, имевшая площадь свыше 100 м, служила, скорее всего, для содержания скота.

К перечисленным поселениям по материалам тяготеют некоторые погребальные памятники южной Грузии, такие как известный Кикетский могильник с его коллективными погребениями в склепах и крупных каменных ящиках,¹⁴ склепы Тамариси и Ардисубани,¹⁵ Рачисубани, Дидубе.¹⁶

Дополнительные сведения по памятникам периода ранней бронзы южной Грузии дали маршрутные поездки, в результате которых была открыта целая серия новых памятников.¹⁷

Другим очень новым поселением юго-западной группы является поселение Караз¹⁸ в восточной Анатолии, около Эрзерума. Расположенное примерно на одинаковом расстоянии (200—250 км) от центральной группы памятников, с одной стороны, и от находящегося в северных пределах юго-западной группы поселения Амиранис-гора — с другой, Каразское поселение имеет много общего с этими памятниками. С Амиранис-гора его сближает уступчатое расположение помещений и прямоугольная форма последних, построенных так же, как и в Амиранис-гора, из камня.

К моменту раскопок поселение представляло собой сильно разрушенный искусственный холм с вынутой серединой, в результате чего образовались две вершины. Наибольшая сохранившаяся его высота 16 м, диаметр 200 м. В трех раскопках (А, В, С) вскрыта площадь 841 м². В основном раскопе (В), на гребне холма и западном его склоне, первоначально была заложена разведочная траншея глубиной 12 м, впоследствии значительно расширенная и углубленная от верхней точки останца на 16 м. До материка археологам дойти не удалось, так как на этом уровне появились грунтовые воды.

Под верхним византийским слоем (толщиной 1,5 м) в этом раскопе оказался слой «эпохи меди»; в пределах слоя выявлены фундаменты 15 строений, расположенных террасообразно по склону холма. На одном из участков в девятиметровой толще слоя зафиксировано девять строительных горизонтов (снизу вверх XV—VII); характер планировки, к сожалению, не был установлен. Сложенные в один ряд каменные фундаменты являлись остатками прямоугольных построек. Сырцовые кладки сохранились лишь в горизонтах XII и XV (размеры кирпичей 30×35×12 см). Горизонты XI—VII авторы относят к «позднему медному веку». Судя по находкам в них некоторых металлических предметов сравнительно поздних форм, эти горизонты должны быть отнесены к третьему этапу ранней бронзы. Нижележащие горизонты авторами отнесены к «раннему медному веку». Основная их часть (XV—XI), с нашей точки зрения, должна быть отнесена к первому этапу периода ранней бронзы с характерными признаками куро-аракской культуры. Ниже лежал почти не затронутый раскопками халколитический слой, толщину которого уста-

¹⁴ Е. Г. Пчелина. Археологическая разведка в районе Триалетского хребта. ВГМГ, Тифлис, 1928; Б. А. Куфтия. Урартский колумбарий у подошвы Арабата и куро-аракский неолит. ВГМГ, XIII-В, Тбилиси, 1943, стр. 86; Г. Г. Пхакадзе. Неолит Квемо-Картли. Автореферат. Тбилиси, 1963, стр. 5.

¹⁵ Н. Н. Тушишвили. Некоторые ранние памятники Ардисубани. ДПКГ, вып. 15, Тбилиси, 1968, стр. 41—96 (на груз. яз.).

¹⁶ Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси. Автореферат. Тбилиси, 1955.

¹⁷ Г. К. Григолия, Т. И. Татишвили. Древнейшие археологические памятники Квемо-Картли. ИГГ, вып. 1, 1960, стр. 63 (на груз. яз.).

¹⁸ Раскопки Х. Кошя и К. Турфана. Н. Косая. Türk Tarich kongresi. 1943, p. 164—177; Belleten, IX, 1945, № 33, pp. 154—155; Н. Косая, К. Турфан. Erzurum Karas kasisi raporu. TTK, Belleten, XXIII, 1959, № 91, pp. 349—413.

новить так и не удалось. На поселении зафиксированы следы двух сильных пожаров в виде мощных прослоек золы и угля.

В помещениях нижних горизонтов (XV—XI) встречены уникальные массивные глиняные очаги с тремя выступами (рис. 23), каждый из которых имеет фаллособразную форму и напоминает каменные фаллосы, постоянно встречающиеся в поселениях эпохи ранней бронзы Кавказа.

Основная часть находок — богато орнаментированная чернолощеная и краснощеная керамика (рис. 24).¹⁹ В нижних горизонтах: очажные подставки в виде головы быка, плоские крышки с процарапанным орнаментом, небольшая головка лошади (рис. 24, 62—67), изделия из кости и обсидиана, зернотерки. В верхних горизонтах появляются изделия из



Рис. 23. Поселение Караз. Глиняный очаг.

металла; это — вислобушный топор, булавка, кинжальные клинки, серп (рис. 24, 8, 9, 23—25).

К северо-западу от Караза, в сел. Пулур, находилось еще одно крупное поселение того же периода, раскопки на котором завершены совсем недавно.²⁰ Большая концентрация поселений наблюдается в районах Малатьи и Элязига.²¹ Единственное из них, к северу от Малатьи — Геленчик-Тепе, — подвергнувшееся стационарным раскопкам, оказалось сооруженным на скальном основании.²² Характер планировки помещений, их форма (прямоугольная), а также каменная кладка стен — все это напоминает описанные выше поселения Амиранис-гора и Караз. Все эти памятники характеризуют юго-западные пределы основного ареала куро-аракской культуры.

Центральная группа включает памятники одной из наиболее плодородных и густонаселенных в древности долин Южного Кавказа — Араратской. Первые оседлоземледельческие поселения возникли здесь еще в энеолите.²³ Памятников куро-аракской культуры открыто значительно больше — они здесь известны в количестве около 30.

¹⁹ Красный цвет посуда получила скорее всего в результате обжига во время пожаров.

²⁰ Summary of archeological research, AS, XI, 1961, p. 19.

²¹ С. А. Burney. Eastern Anatolia in chalcolithic and early bronze age. AS, VIII, 1958, pp. 193, 196—199.

²² А. Palmieri. Insediamento del bronzo antico a Gelenciktepe (Malatya), p. 117.

²³ См. выше, стр. 40. Раскопки Е. А. Байбуртяна, А. А. Мартиросяна, Р. М. Торосяна, С. А. Сардаряна.

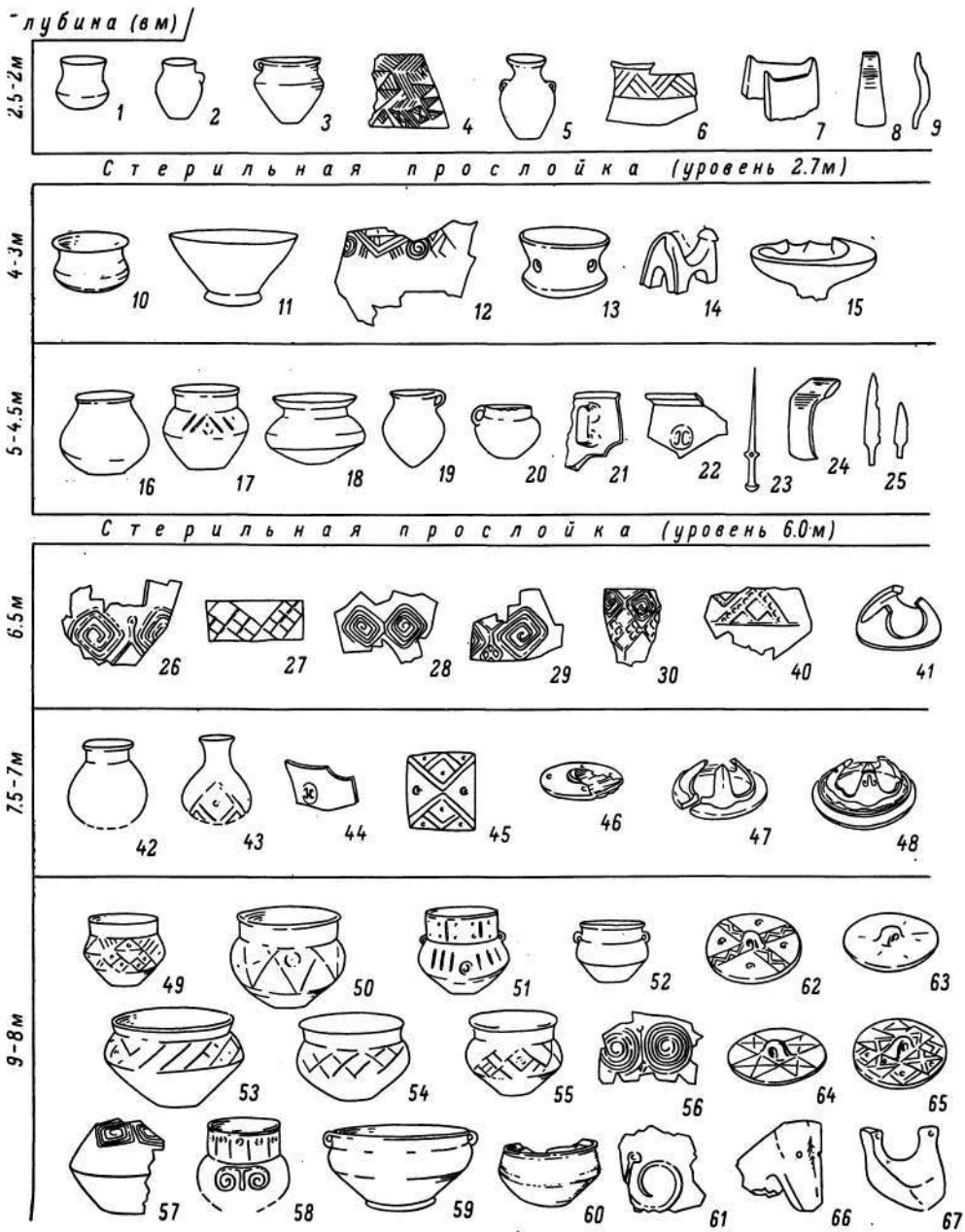


Рис. 24 Поселение Караз. Расположение основных находок по горизонтам.

Узловым памятником этой группы является расположенное около Еревана на границе долины и предгорий на высоком левом берегу р. Раздан Шенгавитское поселение (рис. 25, 1—9, 11—20). Это самое крупное из исследованных поселений куро-аракской культуры; площадь его достигает 6 га.²⁴ Поселение имело четыре культурных слоя, нижний из которых относился к энеолиту, остальные — к различным этапам периода ранней бронзы. Во всех слоях были обнаружены круглые жилища диаметром 5—7,5 м с многочисленными прямоугольными хозяйственными пристройками (рис. 25, 19). Круглые дома отстояли друг от друга примерно на 15—20 м. Для сооружения фундаментов применялся полуобтесанный камень, для стен — сырцовый кирпич (28—29×20—40×10 см). Крупные камни располагались снаружи, мелкие — внутри. Стены снаружи обмазывались глиной. Круглые дома имели коридорообразные входы с востока с порогом или ступенькой. Полы были выложены булыжником, концентрическими кругами, и неоднократно обмазаны глиной. Коническая крыша поддерживалась центральным столбом, опиравшимся на камень; у стен — глиняные скамьи. В центре каждого дома — переносный очаг с несколькими выступами внутри.

Хозяйственные пристройки были разных размеров. Самым большим оказалось помещение площадью около 109 м², служившее скорее всего для содержания скота. Рядом с помещением находились ямы различного назначения.

Шенгавитское поселение представляло собой своего рода крепость, построенную на высоком речном берегу, над обрывом. Оно с трех незащищенных сторон было ограждено мощной каменной стеной толщиной около 4 м, имеющей башни и подземные выходы; с южной стороны видны контуры оплывшего рва. Вопрос о том, в какой из периодов была построена стена, существовала ли она с нижними слоями, пока остается открытым.

На поселении найдено огромное количество разнообразной керамики, изделий из камня, кости, глины; встречены остатки металлургического производства, предметы из металла (рис. 25, 18; 44, 16, 17, 20).

Радиоуглеродный анализ угля, взятого из верхнего (IV) слоя на глубине 1 м, дал дату 4020±80 лет, т. е. 2020±80 лет (JIE-458).²⁵

За пределами поселения, у его стены, жители хоронили своих соотечичей. Это были большие могилы прямоугольной формы с коллективными захоронениями. К сожалению, у нас нет точных данных для увязки этих могил с каким-либо определенным слоем. Судя по некоторым аналогиям, они скорее всего относятся к первому этапу периода ранней бронзы.

Наряду с этим огромным поселением, бывшим, бесспорно, центральным, в Араратской долине находилось много сравнительно небольших поселков. Они возникали в удобных местах, обычно у воды, образуя постепенно искусственные холмы — тепе (Шреш-Блур, Кюль-Тапа, Махал-Тапа, Кара-Тапа и др.),²⁶ либо занимали естественные холмы (Мецамор и др.)²⁷ или склоны гор (Арагац).²⁸ Часть из них уже на первом этапе ранней бронзы была ограждена оборонительными стенами (например, Шреш-Блур); другие огораживались на более позднем этапе (Такаворанист и др.). Поселения возникали в разное время, очевидно, в результате

²⁴ Раскопки Е. А. Байбуртяна и С. А. Сардаряна. См. выше, стр. 17, прим. 109—110.

²⁵ С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1966, стр. 297.

²⁶ Э. В. Ханзадян. Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. Ереван, 1967, стр. 11—12.

²⁷ Там же, стр. 7.

²⁸ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 42.

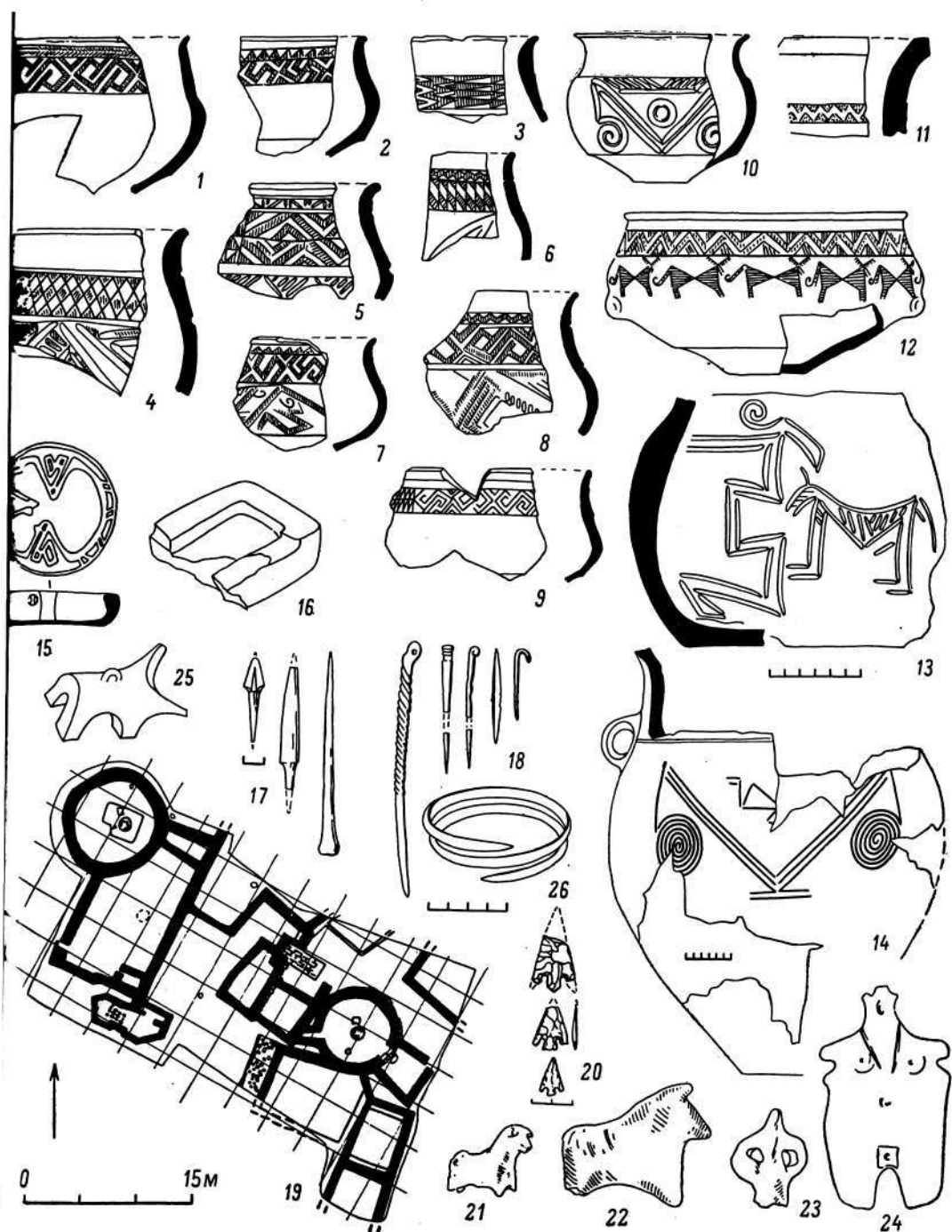


Рис. 25. Поселения Араратской долины.

1—9, 11—20 — Шенгавит; 10, 21—24 — Кюль-Тапа (Мохраблур); 25 — Шреш Блур; 26 — Элар.

постоянного расселения племен. Этот процесс приводил к образованию в удобных местах целых групп небольших поселков. Такие поселения, как Шреш-Блур и Кюль-Тапа, были основаны раньше, нежели, скажем, поселение и могильник Арагаца, поселения Коси-Котар, Такаворанист. Материалы этих разновременных памятников, дополняя друг друга, помогают воссоздать картину исторического развития культуры в целом.

Поселение Гарни (Котайский р-н) относится к иному типу и имеет яркие топографические особенности.²⁹ Возникнув у подножья Гехамских гор на высоте 1400 м над ур. м., поселение это относится к разряду горных. Однако и здесь, в горах, сохраняется все тот же тип круглых жилищ, которые мы наблюдали в Араратской долине.

Расположенные к северу от Еревана поселение и могильник Элара представляют собой исключительно интересный археологический комплекс.³⁰ Открытый на поселении участок дал те же круглые помещения и 10 крупных (очевидно, зерновых) ям, сконцентрированных в одном месте.

Расположенный поблизости синхронный поселению могильник состоял из каменных ящиков и грунтовых могил, обмазанных глиной. И те и другие были прикрыты крупными плитами. Это были одиночные погребения. Покойников хоронили в скорченном положении, причем в грунтовых могилах — на правом боку с ориентировкой ЮС, а в каменных ящиках — на левом с ориентировкой СВ—ЮЗ. В могилах, как правило, стояли миски с мясной пищей, а в некоторых случаях целиком клалась грудная часть барана; здесь же встречаются сосуды с крышками, глиняные подставки, металлическое оружие (кинжалы, ножи, наконечники дротиков — рис. 42, 17, 19—21), браслеты (рис. 43, 24), бусы и т. д.

Хронологические рамки Эларского могильника определяются составом найденной там керамики. Форма последней, достаточно еще архаичной, перекликается с керамикой склепа с коллективным погребением в Эрниси,³¹ около оз. Ван. Памятники эти нам представляются одновременными, не выходящими за рамки первой половины III тыс. до н. э.

Судя по подъёмному материалу, к памятникам Араратской долины, помимо Эрниси, тяготеют многочисленные поселения, расположенные вокруг оз. Ван.³² Раскопки ни на одном из них фактически не производились.

Северо-западная группа объединяет поселения и могильники Шида-Картли. Основную массу здесь составляли небольшие «сельские» поселки, расположенные в сравнительной близости друг от друга. Однако наряду с ними были и крупные поселения — своеобразные «районные центры».

Поселения Хизанаант-гора и Квацхелеби, исследованные наиболее полно, дали культурные отложения, составляющие для Шида-Картли последовательную хронологическую шкалу горизонтов эпохи ранней бронзы (рис. 26); поэтому остановимся на них подробнее.

Оба поселения расположены в центре низменной части Шида-Картли, на высоком левом берегу р. Курь. Хизанаант-гора находится в сел. Урбниси, Квацхелеби — в 2 км к востоку от него.³³

²⁹ Раскопки Э. В. Ханзадян. Материалы готовятся к печати. См.: Э. В. Ханзадян. Культура Армянского нагорья, стр. 15.

³⁰ Раскопки Э. Далаяна и Э. В. Ханзадян. См.: Э. В. Ханзадян. Культура Армянского нагорья, стр. 16; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., стр. 35. — К сожалению, материалы этих памятников опубликованы крайне фрагментарно.

³¹ С. А. Вигнеу. Eastern Anatolia..., pp. 182—185, 188—189.

³² Ibid., pp. 178—182.

³³ Раскопки Л. И. Глонта, И. А. Джавахишвили и Я. А. Киквидзе. См. выше, стр. 17, прим. 106.

Последовательная свита слоев периода ранней бронзы на искусственном холме Хизанаант-гора открывается горизонтом Е, где обнаружены исходные формы специфичной для этого района куро-аракской посуды, круглые очаги с роговидными выступами, полукруглые и роговидные подставки (рис. 26, 45—55). Именно здесь были найдены следы легких каркасных круглых построек с очагами в центре. Слой Е сменяется слоем Д (рис. 26, 36—44), в котором этот тип построек полностью сохраняется. На местах прежних жилищ появляются более крупные круглые постройки с обходным коридором, центральным столбом и стационарным очагом с внутренними выступами (рис. 26, 36), столь характерным для многих памятников III тыс. до н. э. Закавказья. В этом слое зафиксированы следы сильного пожара.

Слой С (рис. 26, 16—35), лежавший выше слоя Д на Хизанаант-гора, является самым древним на Квацхелеби — маленьком поселке, раскинувшимся на высокой речной террасе, между двумя балками; здесь этот слой имел три горизонта (сверху вниз — С₁, С₂, С₃) и толщину около 0,8 м. Оба эти слоя (Д и С) характеризуют первый, наиболее древний этап периода ранней бронзы Шиди-Картли. Уголь, взятый с горизонта С₁ в Квацхелеби, дал дату 4760 ± 90 лет, т. е. 2810 ± 90 до н. э. (JЕ-157).³⁴

Слой С лучше изучен на Квацхелеби, раскопанном почти полностью; здесь в горизонте С₁, пострадавшем от пожара, было расчищено девять хорошо сохранившихся благодаря пожару домов. Дома плотно лепились друг к другу и имели две ориентировки — юго-запад и северо-восток; они стояли либо рядом, либо один за другим, либо напротив друг друга, — по-видимому, при их постройке учитывалось направление преобладавших здесь ветров. Планировка домов была стандартной — это прямоугольные постройки иногда с закругленными углами, центральным столбом и плоским балочным перекрытием. Стены возводились из кирпичей, глинобиты, в некоторых случаях были каркасными. Площадь построек колебалась от 24 до 42 м². Дома состояли обычно из жилой комнаты и коридорообразной передней, служившей для хозяйственных целей. В центре дома, как правило, находился замазанный в пол глиняный очаг с несколькими выступами внутри.

Помещение I представляло собой один из наиболее интересных комплексов. Погибшее в результате пожара, оно оказалось достаточно хорошо сохранившимся. Помещение это имело прямоугольную форму (6,2×5,7 м) с закругленными углами (рис. 26, 16). Фасад с входом был ориентирован на юго-запад. Это был однокомнатный дом без хозяйственной пристройки. Стены каркасные, обмазанные с двух сторон глиной, пол также обмазан. Вдоль задней стенки тянулось глинобитное возвышение шириной 80 см; место его перехода к стене было покрашено красной краской. В центре, в полу, — круглый очаг с четырьмя выступами внутри. Рядом — яма с камнями на дне, служившая гнездом для опорного столба.

На возвышении оказалось 12 небольших ямок, обмазанных глиной и заполненных золой, образующей полукруглые выпуклости; рядом найдены глиняные дисковидные крышки, небольшие кубки, обломки переносного очага, кремневые вкладыши от серпа, катушкообразная подставка, глиняная фигура человека (рис. 25, 31). В центре и у стен стояло несколько групп сосудов и зернотерок. Около очага лежал скелет оленя, в тазовую кость которого впились медный четырехгранный наконечник стрелы; рядом находились костяные стрелы. У входа — сосуд с изобра-

³⁴ В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (С¹⁴). СА, 1961, № 2, стр. 11.

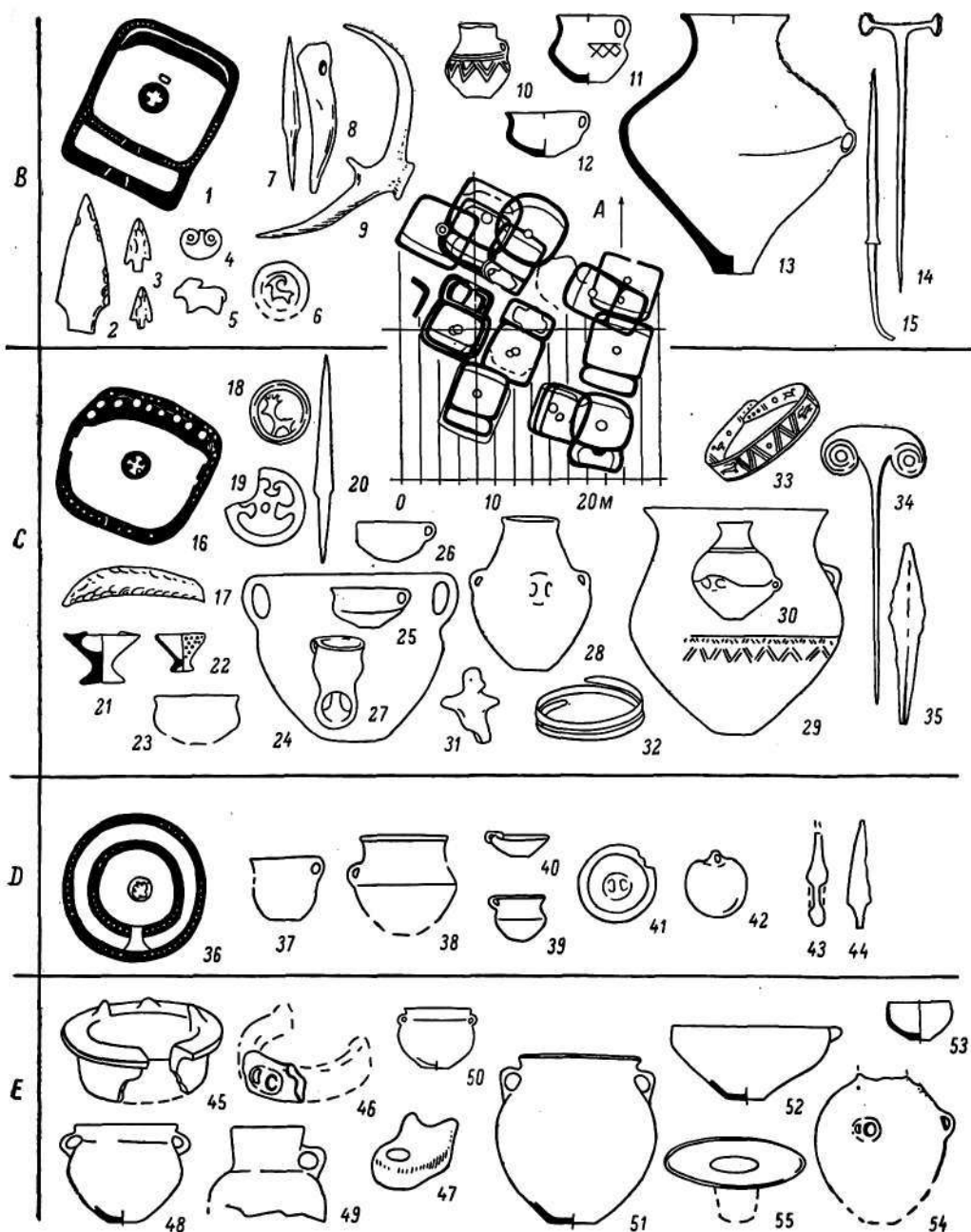


Рис. 26. Поселения Хизанаант-гора и Квацхелеби.

А — общий план поселения Квацхелебе. Расположение основных находок по слоям. 45—55 — Хизанаант-гора, слой Е; 36—44 — Хизанаант-гора, слой Д; 16—35 — Квацхелеби, слой С; 1—15 — Квацхелеби—Хизанаант-гора, слой В.

жением оленя. Вся обстановка говорит о том, что перед самым пожаром здесь совершались какие-то ритуальные обряды.

Горизонты С₂ и С₃ отражали второй период жизни поселений; не пострадавшие от пожара, они оказались хуже сохранившимися, однако, судя по найденным материалам, здесь продолжали сооружать тот же тип прямоугольных построек.

Своеобразием этих трех горизонтов на обоих поселениях является отсутствие хозяйственных ям, столь характерных для поселений других районов этого времени. Вероятно, функции ям-хранилищ несли хозяйственные коридорообразные пристройки передней части домов, где, очевидно, стояли мешки с припасами, в частности с зерном, и крупные узкодонные сосуды, впущенные в полы комнат.

Можно предполагать, что к горизонту С₁ относятся остатки помещения с комплексом земледельческих орудий на глинобитном полу одного из участков Хизанаант-гора, исследованного С. И. Надимашвили.³⁵ Автор отмечает здесь следы сильного пожара, не зафиксированного им в выше лежащих горизонтах, соответствующих, по-видимому, уже слою В.

Слой В (рис. 26, 1—15) соответствовал последнему этапу ранней бронзы и лежал на обоих поселениях непосредственно на слое С. На Квацхелеби он также делился на три строительных горизонта (сверху вниз В₁, В₂, В₃). Здесь следы пожаров отсутствуют. Лучшее всего сохранился горизонт В₁, где оказалось 6 помещений, три из которых были сильно разрушены. Планировка и характер помещений в этот период продолжают оставаться прежними. Новым элементом являются замощенные мелкой галькой площадки вне домов, на которых обычно находятся зернотерки, сосуды и кости животных; это, по-видимому, какие-то дополнительные хозяйственные постройки, вынесенные из домов кухни.

Древние погребения расположены вблизи поселения Хизанаант-гора, однако вне его собственной территории;³⁶ разбросанные вокруг поселения на разных расстояниях от него, открытые девять погребений по материалам соответствовали слоям Д и С. На Квацхелеби открыто 5 погребений, которые располагались как в пределах самого поселения (под горизонтом С₁), так и вне его.³⁷ В одном случае зафиксировано перекрытие одного погребения другим (№№ 4 и 5). Все погребения синхронны слою С. Могилы были грунтовыми (Хизанаант-гора, Квацхелеби) и грунтовыми с выложенными камнями стенками и небольшим холмиком под могилой (Квацхелеби). В этих могилах обнаружены одиночные и парные захоронения.

Материалы из погребений и поселений оказались идентичными. Помимо керамики, здесь встречены глиняные переносные очаги, зооморфные подставки, крышки, фигурки людей (мужчин) и животных (баранов) и различные земледельческие орудия (зернотерки, песты, соха из оленьего рога), вкладыши от серпов. Медные предметы находили главным образом в погребениях; это — диадема, булавки, спиральные браслеты и кольца, бусы, четырехгранный штык, кинжальный клинок и пр. (рис. 26, 14, 15, 32—35; 42, 9, 12, 13, 18, 31; 43, 2, 6, 23, 25—27, 31). На поселении найдена глиняная форма для отливки плоского топора (рис. 40, 3). Однако в помещениях верхнего слоя количество находок заметно уменьшается.

³⁵ С. И. Надимашвили. Памятники эпохи энеолита внутренней Картли и Юго-Осетии по итогам работ Горийского Гос. историко-этнографического музея. Тезисы доклада, прочитанного 5 V 1955 на заседании Сектора Средней Азии и Кавказа ИА АН СССР.

³⁶ Раскопки Л. А. Чилашвили. См.: Л. А. Чилашвили. Городище Урбниси. Тбилиси, 1964, стр. 8.

³⁷ Л. И. Глонти и А. И. Джавахишвили. Урбниси I. Тбилиси, 1962, табл. XXXV—XXXVI.

Таким образом, материалы этих двух поселений, взаимно дополняющих друг друга, дают представление об основных этапах культуры ранней бронзы Шида-Картли и о ее некоторых местных архитектурно-строительных особенностях.

Эти два небольших поселения были окружены множеством различных синхронных памятников, среди которых в первую очередь следует упомянуть расположенное на высоком холме огромное поселение Гудаберджа (восточнее Гори); по-видимому, именно это поселение было по отношению к окружающим поселкам центральным. К сожалению, оно осталось малоисследованным.³⁸ Здесь в самых ранних слоях были открыты аналогичные помещения каркасного типа с круглыми фигурными очагами в центре и настенной полихромной росписью. Неподалеку, судя по скопленению предметов, связанных с металлопроизводством, находились остатки металлургической мастерской. Чрезвычайный интерес представляет скопление крупных зерновых ям, перекрытых в древности легким навесом на столбах, а также оборонительная стена из сырцовых кирпичей, окружавшая поселение. Рядом с поселением находился синхронный могильник, в центре которого, так же как и в Амиранис-гора, возвышалась большая курганная насыпь. Могильник остался неисследованным.

С самыми ранними по времени слоями Хизанаант-гора и Квацхелеби. (Д, С) совпадает группа поселений в северной части Шида-Картли, близ г. Дхинвали; это Згудрис-Гверда,³⁹ Кулбакеби⁴⁰ и Куло-Хвом.⁴¹ Последние два были, по мнению О. М. Джапаридзе, временными сезонными стоянками, на которых располагались летние жилища с очагами. На Кулбакеби находился также и могильник.⁴²

Проведенные в Шида-Картли разведочные работы подтвердили определенную закономерность расположения поселений, которые тянулись цепочкой и находились на расстоянии 2—4 км друг от друга.⁴³ Образовывались они, очевидно, в процессе расселения племен и сегментации более ранних поселений.

И наконец, в той же Шида-Картли, в сел. Тквиави,⁴⁴ встречаются древние курганы с коллективными и одиночными захоронениями, по материалам совпадающие со слоем Д Хизанаант-гора. Примерно к этому же

³⁸ Ш. Я. Амиранашвили и С. И. Надимашвили. Итоги раскопок на древнейшем селище Гудаберджа, проведенные горийским историко-этнографическим музеем в 1956—1960 гг. ИСАИ за 1960 г., Аннотации докладов, Тбилиси, 1961 (на груз. яз.); С. И. Надимашвили. Археологические раскопки древнейшего поселения — городища Шида-Картли Гудаберджа—Цихиагори. Научная сессия Горийского историко-этнографического музея, Гори, 1961, стр. 32 (на груз. яз.); С. И. Надимашвили. Гудаберджа—Цихиагора. «Лиахви», Гори, 1963, стр. 142 (на груз. яз.).

³⁹ Б. А. Куфтин. 1) К проблеме энеолита внутренней Картли. ВГМГ, XIV, Тбилиси, 1947, стр. 69; 2) Результаты работ археологической экспедиции в бассейнах рек Лиахви, Прони, Квирилы, среднего Риони в 1951 г. (рукопись). Архив Гос. музея Грузии, стр. 49; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 50.

⁴⁰ О. М. Джапаридзе. 1) Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955, стр. 21; 2) К истории грузинских племен..., стр. 19—21; Б. В. Тетхов. К истории изучения памятников эпохи энеолита и бронзы в нижнем течении реки Большой Лиахви. Тбилиси, 1963, стр. 6.

⁴¹ О. М. Джапаридзе. 1) Ранний этап..., стр. 21; 2) К истории грузинских племен..., стр. 21, 49.

⁴² В. П. Любин. Археологическая разведка в районе г. Сталинпир. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 14.

⁴³ Д. Л. Мусхелишвили и Г. Г. Циктишвили. Итоги разведочной экспедиции в Шида-Картли (1955). ИГГ, т. 1, стр. 185 (на груз. яз.).

⁴⁴ С. И. Макалатия. Археологические раскопки курганов погребений в сел. Тквиави. ТГЭМ, Тбилиси, 1943.

времени должны быть отнесены наиболее древние погребения западного участка Дзагинского могильника.⁴⁵

В заключение укажем, что к материалам, выявленным в Шида-Картли, тяготеют некоторые поздние комплексы (вторая половина III тыс. до н. э.), расположенные у западных границ этой области и составлявшие в III тыс. до н. э. вместе с первым одну локальную группу памятников куро-аракской культуры. Это поселения Карахтин⁴⁶ и Бжиневи,⁴⁷ исследованные разведками, а также Сачхерский курганный могильник (Начеркезеви, Цардис-гора, Корети, Пасieti и др.), содержавший одиночные и коллективные погребения с большим количеством металлических изделий местного производства.⁴⁸

Таким образом, для памятников эпохи ранней бронзы Шида-Картли характерны следующие особенности: расположение поселений цепочкой, на расстоянии 2—4 км друг от друга, ориентировка домов в пределах поселений в двух направлениях в зависимости от доминирующих ветров, своеобразный прямоугольный с закругленными углами план домов, двухчастное деление построек на жилое и хозяйственное помещения, употребление в качестве строительного материала сырцового кирпича и каркасных конструкций, обмазанных глиной, круглые фигурные очаги в центре домов и устройство могильников либо на самих поселениях, либо по соседству с ними.

Северо-восточная группа (в пределах Закавказья) включает такие поселения, как Мингечаур и Баба-Дервиш II. Первое из них, отличаясь от остальных памятников куро-аракской культуры характером построек и сложной системой очагов, несколько выпадает из общей линии развития. Мингечаурское поселение⁴⁹ расположено в центральной части ущелья Боздаг, на правом берегу р. Куры, недалеко от г. Евлаха. Первоначально оно занимало обширную площадь (350—400×600—700 м); со временем, ввиду смещения русла р. Куры и постепенного разрушения правого ее берега, площадь поселения, изрезанная оврагами и протоками, значительно сократилась. В результате древнейшее поселение сохранилось очень фрагментарно, в виде отдельных маленьких останцев, на которых было заложено 30 небольших раскопов общей площадью 1200 м². Почти во всех раскопах наблюдалась единая стратиграфия: внизу, непосредственно на материке, покоился слой эпохи ранней бронзы, выше лежали слои развитой бронзы и античного периода.

Всего на исследованной площади было расчищено четыре жилых сооружения. Лучшее всего сохранилось жилище № 2. Оно находилось в центральной части поселения и представляло собой хорошо очерченную полуземлянку прямоугольной формы с закругленными углами (пл. 112 м²); высота стен доходила до 1—1.10 м. Верхняя часть стен и крыша сооружались из дерева. Стены и пол обмазаны глиной, причем пол так же, как в Шенгавитском поселении, состоял из четырех ярусов глины, мелкой утрамбованной гальки, ракушек и обломков керамики. Вдоль стенок, на расстоянии 2 м друг от друга, обнаружены ямки от стол-

⁴⁵ В. А. Куфтин. Результаты работ..., стр. 46; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 205—207.

⁴⁶ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 196, 202—203.

⁴⁷ В. А. Куфтин. Результаты работ..., стр. 33—36.

⁴⁸ В. А. Куфтин. 1) К вопросу о ранних стадиях бронзово-й культуры на территории Грузии. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 8; 2) Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 13; 3) Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 64; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 122—142.

⁴⁹ Раскопки Г. М. Асланова, Р. М. Ваидова, Г. И. Ионе. См.: Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 22.

бов, поддерживавших перекрытие; в центре — два ряда очажных ям, по три ямы в каждом. Планировка углублений и очагов во всех ярусах была одинаковой — очевидно, здесь речь идет лишь о подновлении пола. Вокруг очагов — кухонные отходы. В средней части землянки — две глинобитные перегородки, делящие помещение на три части; в юго-западном углу, под полом первого яруса, находилась яма, наполненная костями животных и рыб. Внутри землянки — зернотерки, раздавленные сосуды, различные предметы. Снаружи, у южной ее стенки, — еще четыре ямы хозяйственного назначения.

Остальные жилища (пл. 32 м² и 72 м²) представляли собой те же прямоугольные полуземлянки с галечными полами, перегородками и несколькими очагами; в жилище № 1 их было 3, в № 4—5.

В результате раскопок, а также сборов подъемного материала с территории поселения у исследователей оказался достаточно полный комплекс предметов изучаемого времени. Это — зернотерки, песты, булавы, вкладыши от серпов, наконечники стрел, грузила и пр. (рис. 27, 1, 6—12, 17—19); много костяных проколов, лоцил, пряслиц, полых трубочек (рис. 27, 2—5).

Мингечаурское поселение — единственный из известных сегодня памятников периода ранней бронзы Закавказья с постройками полуземляночного типа и с несколькими парными очагами в пределах одного дома. Возможно, что в дальнейшем сооружения подобного типа будут обнаружены. Не исключено также, что это специфика данного района, большие лесные массивы которого позволяли возводить деревянные стены в домах полуземляночного типа.

Помимо поселения, на правом берегу р. Куры, на отлете от поселения, находился также могильник периода ранней бронзы. Четыре исследованных погребения этого времени залегали под могилами периода поздней бронзы. Это были одиночные сильно скорченные скелеты, лежавшие на правом боку с различной ориентировкой — ЮЗ, СВ, Ю (рис. 27, 20). В могилах у головы покойника находился обычно один сосуд.

Судя по грубоватым архаичным формам сосудов, мингечаурский комплекс должен быть отнесен к раннему этапу куро-аракской культуры.

К западу от Мингечаура сравнительно неподалеку имеется группа поселений, одно из которых было затронуто раскопками. Это поселение Баба-Дервиш на левом берегу р. Акстафачай, юго-западнее Казаха (рис. 28).⁵⁰ Древнее поселение занимало вершину и южную часть одного из естественных холмов (300×200 м) этого района, находившегося на стыке долины и предгорий.

В пределах раскопа (площадь 600 м²) нижним оказался энеолитический слой, представленный четырьмя землянками; выше покоился слой периода ранней бронзы (толщина 50—60 см), содержащий зольные прослойки, обломки сырцовых кирпичей, куски обмазки с отпечатками прутьев, булыжник и т. д. С этого слоя спускалось 25 ям различного назначения. Стенки некоторых ям закреплены обломками сырцовых кирпичей или глиняной обмазкой. Заполнение ям — керамика, предметы быта, кости животных, обгорелые зерна злаков. Большинство ям имеет сильно расширяющуюся книзу форму. Верхний и нижний диаметры самой крупной из них 1.15 и 2.5 м. Эти ямы бесспорно служили зернохранилищами. Концентрация крупных зерновых ям в пределах сравнительно небольшой площади, где не обнаружено жилых построек, быть может, позволяет рассматривать их как своеобразный склад для зерна; возможно, здесь хранились общественные запасы.

⁵⁰ Раскопки И. Г. Нариманова и Г. С. Исмаилова. См. выше, стр. 14, прим. 75.

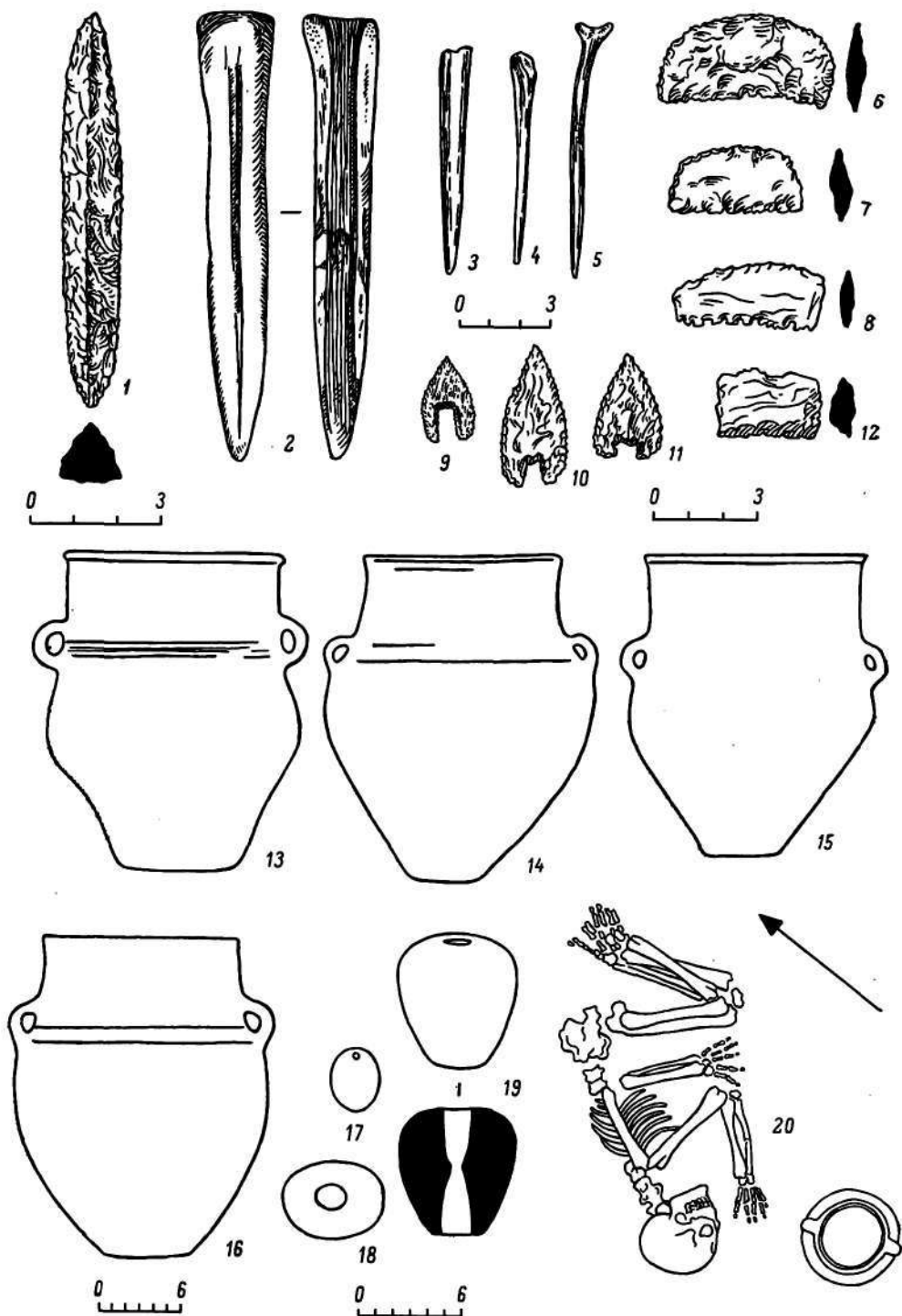


Рис. 27. Поселение и могильник Мингечаура.

1, 6-12, 17-19 — орудия из камня; 2-5 — орудия из кости; 13-16 — керамика;
20 — план погребения.

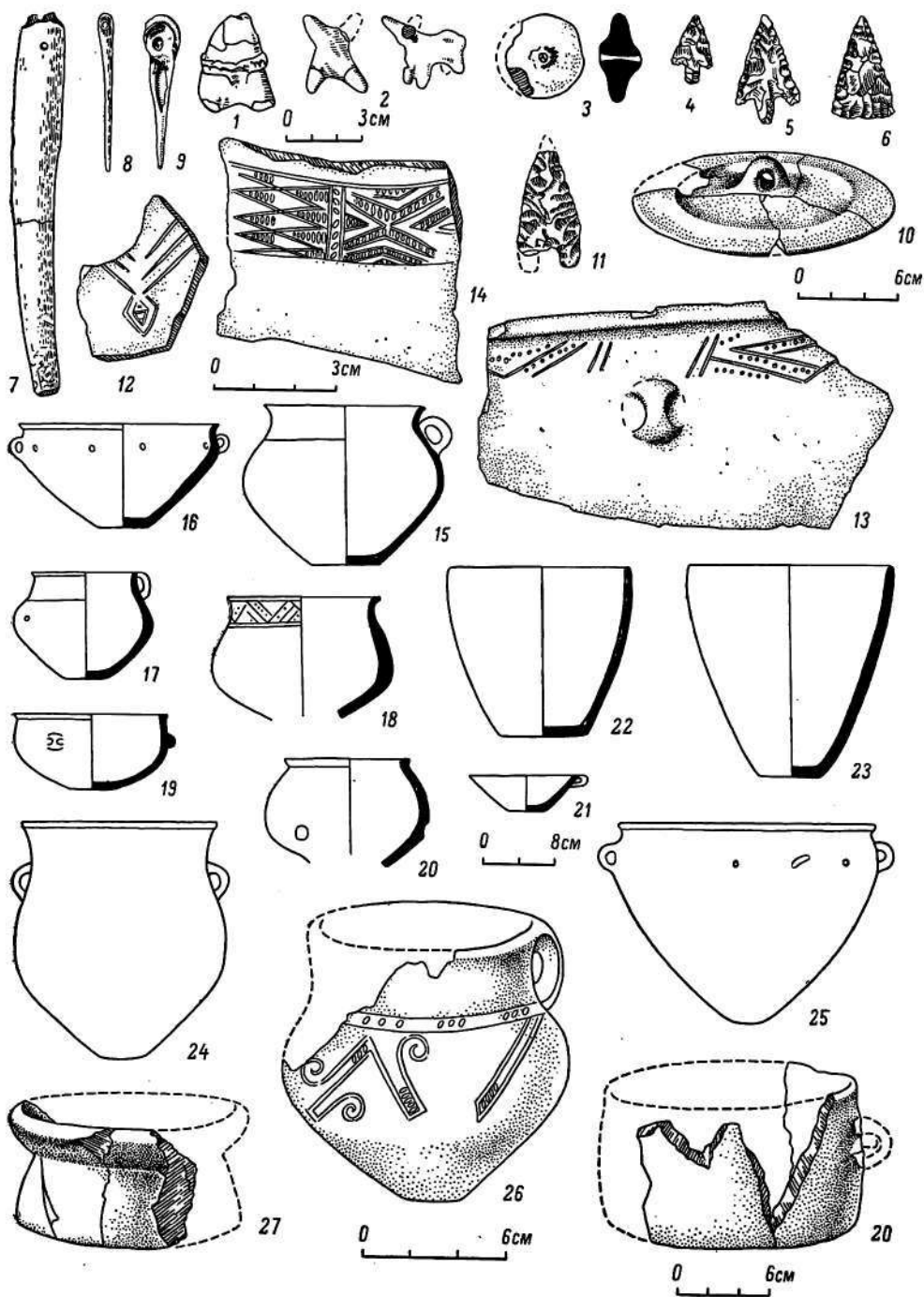


Рис. 28. Поселение Баба-Дервиш II.

1—3 — поделки из глины, 4—6, 11 — кремневые наконечники стрел; 7—9 — поделки из кости; 12—28 — керамика.

Были ямы и для сброса мусора, очажные ямы; последние имели цилиндрическую форму и обожженные докрасна стенки. Одна из них, судя по находкам (кости животных, фигурка быка, орнаментированный сосуд), служила, очевидно, для совершения каких-то обрядов. Аналогичная картина наблюдалась на святилище Амиранис-гора. На краю поселения, недалеко друг от друга, расчищены три овальные ямы, служившие нижними частями печей; верхние наземные конструкции печей не сохранились (рис. 40, 10). Устройство самих печей, а также находки предметов металлургического производства (шлаки, сопло, форма для болванок) рядом с ними указывают на то, что это были печи-горны для выплавки металла.⁵¹

На присутствие где-то неподалеку наземных построек указывает большое количество строительных материалов — кирпич, куски обмазки, булыжник, а также два фигурных очага. Очаги переносные, с выступами и полусферическими ручками внутри.

В центре раскопа была обнаружена каменная стела с орнаментом в виде двойной спирали. Возможно, что она составляла один комплекс с культовой ямой.

В культурном слое находилось два синхронных слою погребения, обложенных камнями, скрепленными глиняным раствором. Различно ориентированные скелеты лежали так же, как и в Мингечауре, в скорченном положении на правом боку.

Керамика поселения очень разнообразна (рис. 28, 10, 12—28) и представлена как грубыми бурыми сосудами архаичных форм, так и великолепно чернолощеными богато орнаментированными сосудами, бесспорно относящимися к завершающему этапу куро-аракской культуры. Это наводит на мысль о ее разновременности. Последнее вызывает двойное предположение: либо поселение было обитаемо в течение всего периода ранней бронзы, либо в конце первого этапа люди отсюда ушли, а новое заселение поселка произошло уже к концу периода ранней бронзы. Решить этот вопрос могли бы только дальнейшие раскопки.

На поселении найдена мелкая скульптура — фигурки человека и животных, модели колес (рис. 28, 1—3), множество отбросов каменной индустрии, свидетельствующие о местном производстве изделий, а также каменные топоры, молоты, зернотерки, песты, обломок мотыги, ножевидные пластины, наконечники стрел (рис. 28, 4—6, 11), навершия булав, подвески; найдены также костяные проколки, шилья, иглы, ложила (рис. 28, 7—9) и один медный рыболовный крючок.

На территории Азербайджана за последнее десятилетие открыт ряд пунктов с находками куро-аракской керамики; однако большая их часть известна по подъемному материалу. Это поселения по р. Акстафа, в Заглике, в Мильской степи,⁵² а также погребения в р-не Кабалы⁵³ и на р. Хаченагет.⁵⁴

Вместе с тем здесь, между двумя большими территориальными группами памятников, — северо-восточной и юго-восточной, — открыты чрезвычайно интересные и разнохарактерные могильники, представляющие различные этапы куро-аракской культуры. Это Степанакертские курганы в Карабахе, курган в сел. Тельман, в Астаринском р-не и курганы в урочище Уч-Тепе, в Мильской степи.

⁵¹ См. ниже, стр. 114.

⁵² А. А. Иессен. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. МНА СССР, № 125, 1965, стр. 16.

⁵³ С. М. Казиев. О древних погребальных обрядах на территории Кабалы. МКА, вып. VI, Баку, 1965, стр. 248.

⁵⁴ Р. Х. Кушнарева. Поселения медного века в Нагорном Карабахе. СА, XXI, 1954, стр. 165.

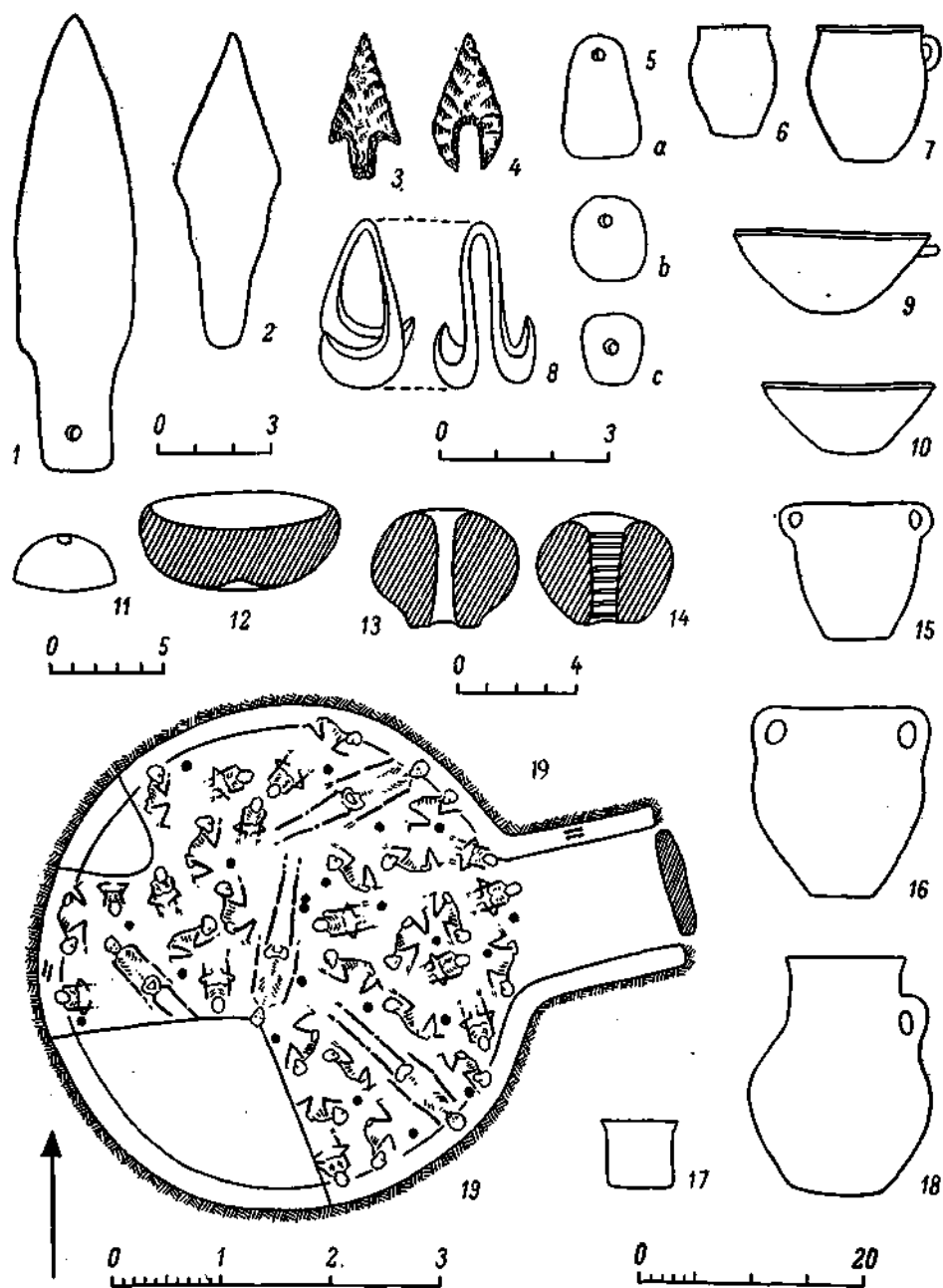


Рис. 29. Степанакертские курганы.

1—2 — медные клинки; 3—5 (а, б, с); 12—14 — изделия из камня; 8 — золотая височная подвеска; 11 — подделка из кости; 6, 7, 9—10, 15—18 — керамика; 19 — план кургана № 119.

Степанакертские курганы расположены на северной окраине г. Степанакерта (Нагорный Карабах), недалеко друг от друга (рис. 29).⁵⁵ Частично разрушенная насыпь кургана № 119 имела диаметр 24 м и высоту 1,5 м. Над самым древним, плохо сохранившимся грунтовым погребением была утрамбована кругообразная площадка (диаметр 4,5 м), окаймленная желобом, с входом с северо-восточной стороны, закрытым большой вертикально стоящей каменной плитой (рис. 29, 19). В северной части входа был найден человеческий костяк. На неразрушенной части круглой площадки находилось 36 костяков взрослых и детей, уложенных в сидячем, скорченном на боку и вытянутом на спине положениях. В центре на спине лежал костяк взрослого человека. Около него найдены булава, медный клинок, две каменные ступки (рис. 29, 1, 12, 13). В юго-восточной части могилы оказалось 6 каменных наконечников стрел и 5 костяных пряслиц (рис. 29, 3, 4, 11), а в северной части — 3 золотые оболочки пастовых бус и 6 каменных подвесок (рис. 29, 5). Помимо этого, в могиле было 22 раздавленных сосуда, изготовленных на тканевой основе (рис. 29, 6—18); коллективная могила была замурована слоем речных гальшешей на глиняном растворе.

Непосредственно над этим слоем находилось также коллективное погребение эпохи поздней бронзы.

Маленький курганчик № 125 оказался тоже трехслойным. От коллективного захоронения, также замурованного слоем речных гальшешей, сохранился лишь один костяк, лежавший в сильно скорченном положении, на левом боку. У его головы и ног находилось по одному скелету козы. Рядом булава, медный клинок (рис. 29, 2), 5 кремневых наконечников стрел, височная подвеска из листового золота (рис. 29, 8), каменная ступка, 30 обсидиановых отщепов и один нуклеус, фрагменты тканевой керамики, аналогичной найденной в кургане № 119.

Весь комплекс предметов из Степанакертских курганов, а также архаичные черты обряда захоронения свидетельствуют о значительной древности (в пределах куро-аракской культуры) этих памятников.

В Мильской степи, примыкающей с востока к Карабаху, в урочище Уч-Тепе возвышаются три огромных кургана, один из которых был в 1960 г. исследован А. А. Иессеном (рис. 30).⁵⁶ Высота самого крупного из них 17 м, наименьшего, раскопанного — 13 м; диаметр его в среднем 130 м. Под насыпью, состоявшей из светлого суглинка, на глубине 12,80 м была обнаружена каменная насыпь диаметром 25 м и высотой около 2 м. Она покоилась на подстилке из камыша, под которой в центре оказалась грунтовая могила (длина 13,80 м, ширина 1,50 м, глубина 2,60), перекрытая сотней обгоревших бревен арчи, уложенных в два ряда. Длина перекрытой площади достигала 24 м, ширина (т. е. длина бревен) — 7,5—8 м.

Внутренняя часть могильной ямы, так же как и насыпь, сохранила следы сильного пожара и была забита камнем, перемешанным с углем и красной охрой. В могиле оказалось большое количество неорнаментированных черепков, обожженных докрасна. Никаких других признаков древнейшего захоронения обнаружено не было.

Кроме того, в различных частях насыпи были найдены белая каменная крышка, плитка с углублением для растирания охры, обломок каменной ступки, зернотерка и фрагменты керамики.

⁵⁵ Я. И. Гуммель. 1) Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 15; 2) Раскопки в НКАО. Изв. АзФАН СССР, 1939, № 4, стр. 82.

⁵⁶ А. А. Иессен. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе. МИА СССР, № 125, 1965.

В средневековье в этой древней могиле было устроено впускное погребение, для чего был сооружен в поле кургана специальный лаз, а древняя могила очищена. Уже после этого произошел сильный пожар, в результате чего обвалилось перекрытие могилы.

А. А. Иессен восстановил картину сооружения кургана следующим образом. На выравненной площадке была вырыта могила, ориентированная с ЮЗ на СВ; выкид из могилы был удален, а по краям ямы уложен камень. Затем было совершено погребение, густо засыпанное охрой и сопровождающееся различными предметами. После погребения могильная яма была перекрыта бревнами и камышом. На перекрытии были помещены сосуды, а сверху воздвигнута каменная насыпь, при сооружении



Рис. 30. Курган № 3 в урочище Уч-Тепе.

которой использовался также камыш. На каменную насыпь был уложен слой грунта, поверх которого была сооружена насыпь из местного суглинка, взятого по краям холма. Уплотненные и осветленные прослойки, зафиксированные на склонах кургана, свидетельствуют о том, что насыпь сооружалась в три приема, отделенных, по-видимому, годичными промежутками. Первая насыпь имела примерные размеры: диаметр 45 м, высоту 12 м, кубатуру 6500 м³. Вторая насыпь: диаметр 70 м, высота до 19 м, кубатура 17 000 м³. Третья насыпь перекрыла вторую, однако ввиду размывки и сползания верхнего ее слоя она была срезана современной поверхностью кургана; радиус ее на западном склоне достигал 45 м. Позднейшая деформация кургана привела к смещению его вершины примерно на 6 м к ССВ от первоначального положения, к снижению высоты кургана и к изменению крутизны склона.

Датировку древнего погребения следует отнести ко второй половине — концу III тыс. до н. э., что обосновывается в первую очередь общим обликом керамических находок, тяготеющих по формам к золотым, серебряным и глиняным сосудам Майкопского кургана, с одной стороны, и к куро-аракской керамике — с другой.

Образцы древесины и угля, взятые с перекрытия могильной камеры, подтвердили археологическую датировку памятника: древесина — 4500 ± 120 лет, т. е. 2550 ± 120 до н. э. (ЛЕ-305), уголь 4830 ± 230 лет, т. е. 2887 ± 230 до н. э. (ЛЕ-30). Учитывая, что бревна перекрытия были срублены не в один год, а в течение многих лет, с одной стороны, и воз-

раст крупных стволов, исчисляемых 300—700 годами — с другой, представляется бесспорным, что названные даты на несколько столетий старше времени сооружения кургана. Таким образом, датировка, полученная физическим методом, подтверждает археологическую датировку и также указывает на вторую половину и конец III тыс. до н. э.

Степанакертские курганы представляли собой родовые усыпальницы, в пределах которых обычно два-три покойника (очевидно, старейшины рода) отличались от своих сородичей особой погребальной обстановкой. Они лежали в вытянутом положении и сопровождались инвентарем. В кургане Уч-Тепе (к сожалению, разграбленном) безусловно был погребен вождь племени, военачальник, захороненный с большими почестями,



Рис. 31. Поселение Кюль-Тепе. Останец холма.

соответствовавшими его высокому положению при жизни. Очевидно, в двух других уч-тепинских курганах находились такие же захоронения. Эти грандиозные сооружения могли быть воздвигнуты только усилиями больших коллективов людей.

Юго-восточная группа включает в первую очередь поселение Кюль-Тепе около Нахичевани,⁵⁷ упоминавшееся уже нами в связи с энеолитическим слоем. Куро-аракский слой этого поселения покоился между энеолитическим слоем и слоем периода средней бронзы с характерной для Закавказья монохромной расписной керамикой. Изучен он был частично в раскопе III и главным образом в раскопе V, полностью охватившем останец холма (рис. 31). Слой начинался с уровня 3.5—4.5 м и углублялся до 12.5—13 м. Под ним, по утверждению исследовавшего холм О. А. Абибуллаева, лежала стерильная прослойка толщиной в 20—40 см, которая отделяла этот слой от нижележащего. Однако фиксация стерильной прослойки на одном сравнительно небольшом участке (в верхних горизонтах V раскоп имел площадь 75 м², а в нижних — 130 м², в то время как первоначальная площадь поселения равнялась не менее 1 га) не может характеризовать общую закономерность на всем памятнике.⁵⁸ Археологами неоднократно были зафиксированы случаи, когда жизнь на

⁵⁷ Раскопки О. А. Абибуллаева. См. выше, стр. 48, прим. 112.

⁵⁸ Этой же точки зрения придерживается В. М. Массон в книге «Средняя Азия и Древний Восток» (Л., 1964, стр. 239, прим. 142).



Рис. 32А. Поселение Кюль-Тепе. Помещение II.



Рис. 32Б. Поселение Кюль-Тепе. Помещения XIX—XX.

одних участках поселения в какой-то момент затихала, в то время как на других продолжалась без перерыва.

Второй слой был значительно больше насыщен находками, нежели первый. Здесь, особенно в юго-западной части, зафиксированы мощные зольные прослойки, указывавшие на неоднократные пожары. Следы пожаров, иногда в виде целых прослоек обгоревших углей и золы, наблюдались и в ряде помещений (XXIX, XXX, XXXV, XXXII, XXXIII, XXXIV). Скопления золы прослеживались также вокруг печей, очагов и мангалов. Вся толща слоя была пронизана ямами различного назначения (очажными, мусорными, ямами-хранилищами), булыжниками, сырцовыми кирпичами, завалами глинобита и обмазки с отпечатками прутьев, керамикой и другими предметами, а также костями животных.

Выявлено 14 строительных горизонтов, в которых расчищено 28 круглых помещений (диаметры 4—13 м) с примыкающими к некоторым прямоугольными постройками. Основания серии сырцовых или глинобитных построек оказались выложенными из булыжника, сложенного на глиняном растворе (рис. 32 А). Большая же часть построек сооружена без камня (рис. 32 В). Кирпичные постройки выкладывались либо из чередующихся рядами кирпичей, покрытых глиняной обмазкой, либо из кирпичей, уложенных в один ряд. Для каждого помещения употреблялся один размер кирпичей (40—50×18—24×10—12 см).

Конические крыши помещений опирались на центральный столб, подпертый камнем. В центре многих помещений (I, II, VII, X, XIII, XIX, XXX—XXXII), реже у стены, находились вмазанные в пол глиняные очаги с плоским массивным венчиком; иногда в качестве очагов использовались очажные ямы. К стенкам некоторых помещений (XXI, XXVI, XXVII, XXVIII) пристроены прямоугольные двучастные печи (рис. 33). Ямы-хранилища находились обычно вне помещений.

Строительные остатки были зафиксированы главным образом в нижней толще II слоя, которая документирует первый этап периода ранней бронзы; вместе с тем отдельные помещения прослежены значительно выше — на уровне 5.2 и 6.4 м.

Для характеристики слоя приводим описание некоторых хорошо сохранившихся помещений. В самом нижнем (I) строительном горизонте (глубина 13 м) обнаружено два помещения (XXXIII и XXXIV) (рис. 34, I); оба круглые в плане (диаметры 8.35 и 7.30 м), стены из сырцовых кирпичей (50×24×10 см и 40×20×10 см), обмазанных глиной. В обоих помещениях имелись следы сильных пожаров в виде толстых зольных прослоек на земляных полах. Под зольным слоем — обгоревшие зерна ячменя и пшеницы. В помещении XXXIV, в золе, оказалось множество черепков банкообразных сосудов серого цвета (рис. 34, 13), фрагменты двух зернотерок, пест, терочник, тесло (рис. 34, 26), костяная проколка и обломок подковообразной глиняной подставки (рис. 34, 10).

Помещение XXXIII разделено глинобитной перегородкой на две неравные половины; в меньшей, также в зольной прослойке, лежали обломки зернотерок и керамики, ниже — сплошной слой зерен пшеницы и ячменя; эта часть служила кладовой. В большей половине в горелом слое было много фрагментов различной керамики (рис. 34, I), зернотерки, ножевидные пластинки (рис. 34, 25) и подковообразная глиняная подставка. Около этого помещения обнаружена глубокая (1.8 м) расширяющаяся книзу яма, в нижнюю часть которой были уложены обуглившиеся снопы перевитой соломой с колосьями ячменя и пшеницы. Кроме того, в яме находились фрагменты крупных сосудов, служивших для хранения продуктов (рис. 34, 11).

В следующем строительном горизонте (глубина 12.5 м) расчищено три круглых помещения (XXXI, XXX, XXXII), диаметры которых 6.5,

6,5, 8,25 м (рис. 34, II). Стены помещения XXXII глинобитные, остальных — из сырцового кирпича (44×20—22×10 см). Зольные прослойки на полах говорят о том, что помещения горели. В центре помещения XXXII — вкопанный в землю массивный очаг чашеобразной формы с плоским венчиком (рис. 34, 8), в других — такие же очаги у стенок. На обмазанных глиной полах — обгорелые зерна ячменя и пшеницы. В центре помещения XXX — камень от опорного столба; рядом — небольшая очажная яма. Около этого помещения обнаружена прямоугольная двучастная печь, служившая скорее всего для обогрева соседнего разрушенного дома. На полу помещения XXXII лежали зернотерка, фрагмент глиняной литейной формы для отливки проушного топора (рис. 40, 5), часть подковообразной подставки; в помещении XXXI — зернотерка, те-



Рис. 33. Поселение Кюль-Тепе II. Глиняная печь из помещения.

рочники, песты, обсидиановый нож, предмет из оленьего рога (рис. 34, 28, 29); в помещении XXX — обломки толстостенных сосудов, ножевидные пластинки, кремневый вкладыш от серпа (рис. 34, 24).

В тринадцатом строительном горизонте (глубина 6,4 м) расчищено самое большое круглое помещение II (диаметр 13 м). У его дверного проема лежал подпяточный камень, на котором поворачивалась дверь. На полу в слое золы — много костей животных и черепки сосудов, в центре — яма от опорного столба; рядом — врытый в землю очаг.

К этому помещению примыкало прямоугольное помещение (I) шириной 7,15 м, к одной из стенок которого была пристроена глинобитная скамья. Это помещение также погибло от пожара. В центре его был вмозанный в пол очаг; на полу — различные сосуды, кремневый вкладыш и фигурка животного. К сожалению, относительно небольшой участок раскопа не дает возможности говорить о планировке поселения в целом. Судя по сохранившимся постройкам, дома располагались скученно.

Во II слое, помимо посуды, найдено множество каменных орудий (ножи, вкладыши, топоры, зернотерки, песты), костяных поделок (пряслица, проколки, ложила и др.) и глиняных изделий (фигурки животных), тигли, литейные формы (рис. 40, 5, 7, 8). Здесь же находилось свыше полутора десятков различных металлических предметов; это штыковидное острие, серп, ножи, иглы, проколки, булавки и пр. (рис. 34, 16—22; 42, 8, 29; 43, 18, 19).

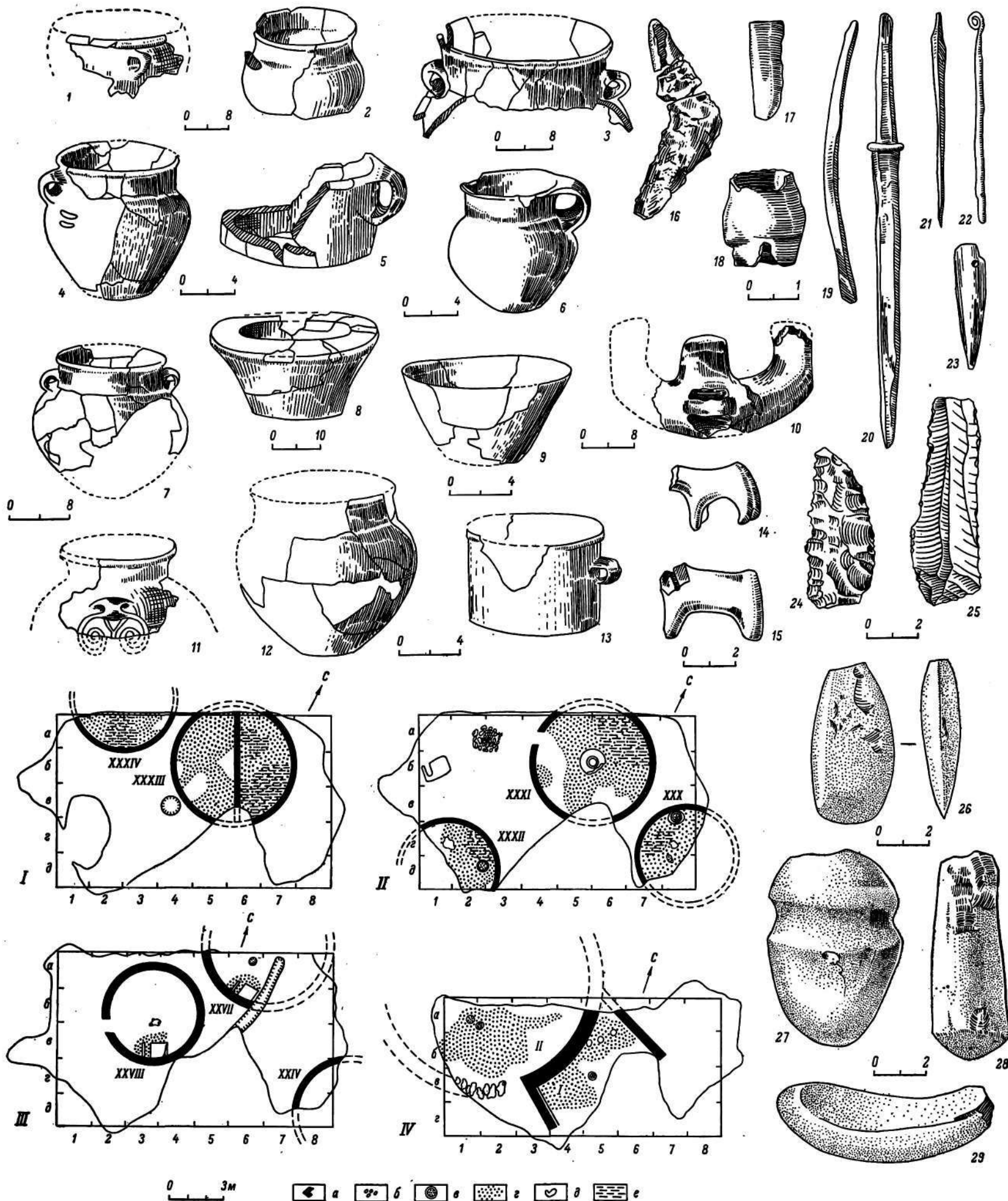


Рис. 34. Поселение Кюль-Теше II. Планы помещений и керамика нижних горизонтов.

I — помещения первого горизонта (XXXIII—XXXIV, гл. 13 м), II — помещения второго горизонта (XXX—XXXII, гл. 12.5 м), III — помещения третьего горизонта (XXIV, XXVII, XXVIII, гл. 12 м), IV — помещения тринадцатого горизонта (I—II, гл. 6.4 м); 1—7 — керамика с глубины 12—9 м; 8—15 — керамика с глубины 13—12 м; 16—22 — изделия из мышьяковистой меди; 23 — поделка из кости; 24—29 — орудия из камня. а — остатки стен; б — камни; в — глиняные жаровни; г — зола; д — печь; е — остатки зерна.

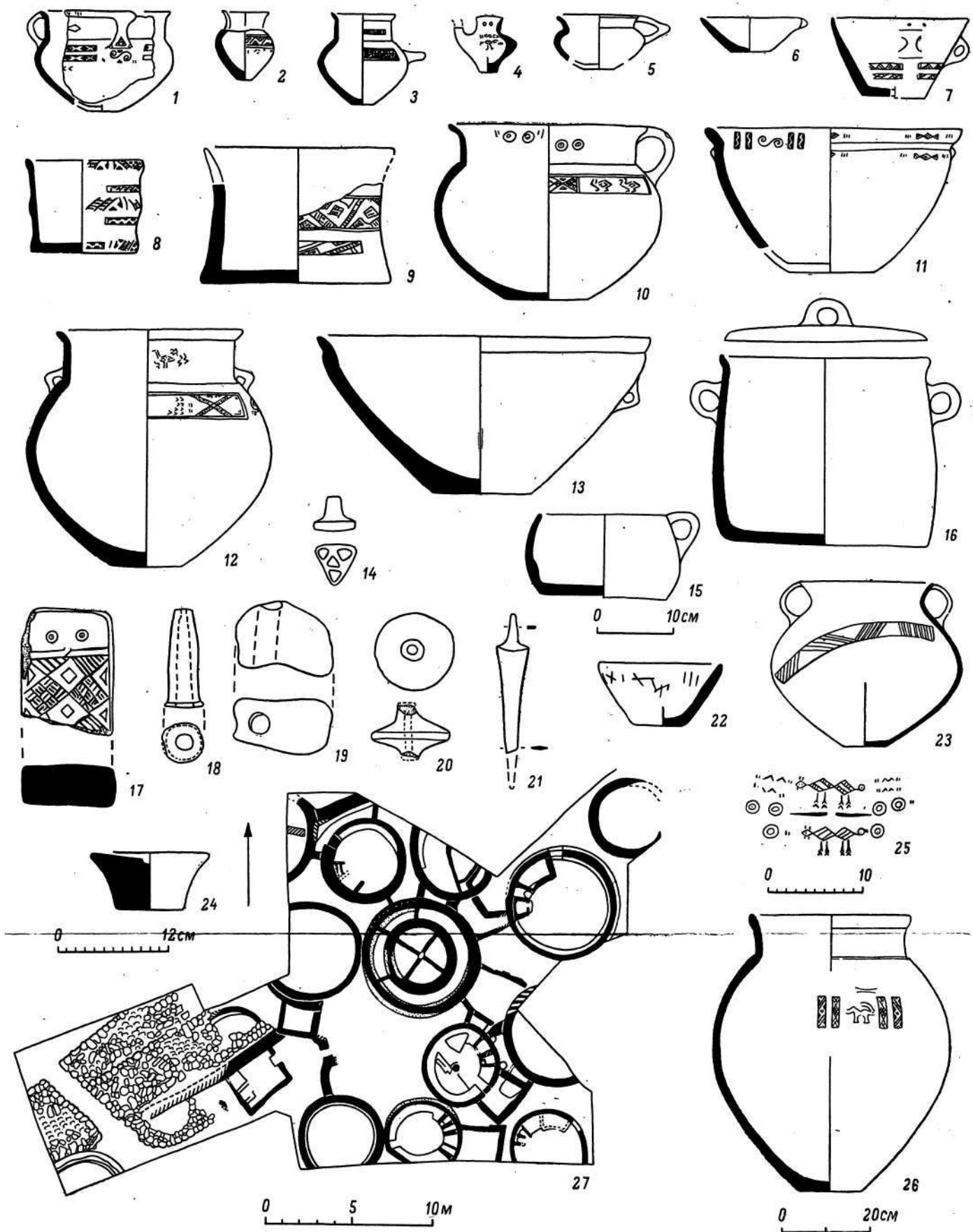


Рис. 36. Поселение Янк-Тепе. Слой периода ранней бронзы.

1—13, 15, 16, 22—26 — керамика; 17 — часть глиняного очага; 14, 18—20 — поделки из глины; 21 — медный кинжал; 27 — план помещений.

Образец угля, взятый с глубины 8.5 м, дал дату 4880 ± 90 лет, т. е. 2930 ± 90 до н. э. (JE-163).⁵⁹

Приурмийские поселения Геой-Тепе и Яник-Тепе упоминались уже в связи с халколитическими памятниками.⁶⁰ Располагаются они в юго-восточном пределе того ареала, который, с нашей точки зрения, является основным. Судя по характеру материала, поселения отражают разные этапы периода ранней бронзы: Геой-Тепе — более древний, Яник-Тепе — более поздний. Исходя из сказанного и учитывая территориальную близость этих памятников, мы рассматриваем их как взаимно дополняющие друг друга стратиграфически и характеризующие особенности юго-восточного варианта куро-аракской культуры на протяжении длительного времени.

Это так же, как Кюль-Тепе, многослойные поселения, постепенно образовавшие значительные по размерам искусственные холмы. Шестиметровая толща слоя эпохи ранней бронзы Геой-Тепе (К)⁶¹ лежит непосредственно на халколитическом слое (М). Из восьми заложённых в разных местах раскопов, слой К был прослежен только в центре холма, в раскопе I (площадь 83 м²). Выше этого слоя лежало еще пять слоев, самый поздний из которых относился к концу эпохи бронзы. В раскопе III, у самой подошвы холма, оказались лишь отдельные чернолощенные черепки, сползшие, очевидно, по склону.

Слой К Бартоу-Браун делит на три горизонта (снизу вверх — К₁, К₂, К₃), различаемые им по керамике (рис. 35). Архитектурные его остатки остались только отмеченными, но неисследованными. В нижней толще этого слоя (К₁) имелись следы неоднократных пожаров в виде мощных прослоек золы, угля и обгоревших кусков дерева — перекрытый домов. Здесь был расчищен участок массивной сырцово-глиняной стены (толщина 1.65 м), опоясывавшей, вероятно, в древности весь холм. Рядом — отрезки закругленных каменных стенок, которые могли быть основаниями сырцовых стен. В горизонтах К₂ и К₃ на разных уровнях также зафиксированы участки сырцовых стен, вымостки из мелких камней. Кирпичи не сохранились полностью (? × 21 × 10 см). В нескольких местах прослежены фрагменты обмазанных полов; на одном из них лежала хорошо сохранившаяся тростниковая циновка. Очаги находились около стен; тип очагов остался незафиксированным.

В одном месте, в яме горизонта К₃, прикрытой плоскими камнями, находился крупный трехручный круглодонный сосуд, очевидно, так же как сосуд из кюль-тепинской ямы, служивший для хранения запасов (рис. 35, 6).

Керамики найдено сравнительно много. Из находок интересны глиняные модели колес, фигурки животных, пряслица, бусы; найдены медный наконечник копья, маленькое колечко, ракетовидная булава (рис. 35, 3, 4, 25) и фрагмент глиняной формочки для отливки болванки (рис. 40, 16).

Образец угля, взятый с горизонта К₃, дал дату 2574 ± 146 лет до н. э. (P-199).⁶²

Поселение Яник-Тепе сравнительно хорошо исследовано. Его некоторая оторванность от основных границ куро-аракской культуры не помешала созданию здесь близкого комплекса со всеми ее ведущими признаками.

⁵⁹ В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. Результаты определения..., стр. 11.

⁶⁰ См. выше, стр. 43.

⁶¹ T. Burton-Brown. Excavations in Azerbaijan, 1948, London, 1955, p. 34.

⁶² R. H. Dyson. Problems in the relative chronologie of Iran 6000—2000 b. c. COWA, 1964, p. 248.

Поселение Яник-Тепе⁶³ в древности состояло из трех последовательно образовавшихся холмов, слившихся со временем в один большой холм высотой 16.5 м, диаметром свыше 300 м. На поселении обнаружено три слоя — поздненеолитический, халколитический и раннебронзовый. Послед-

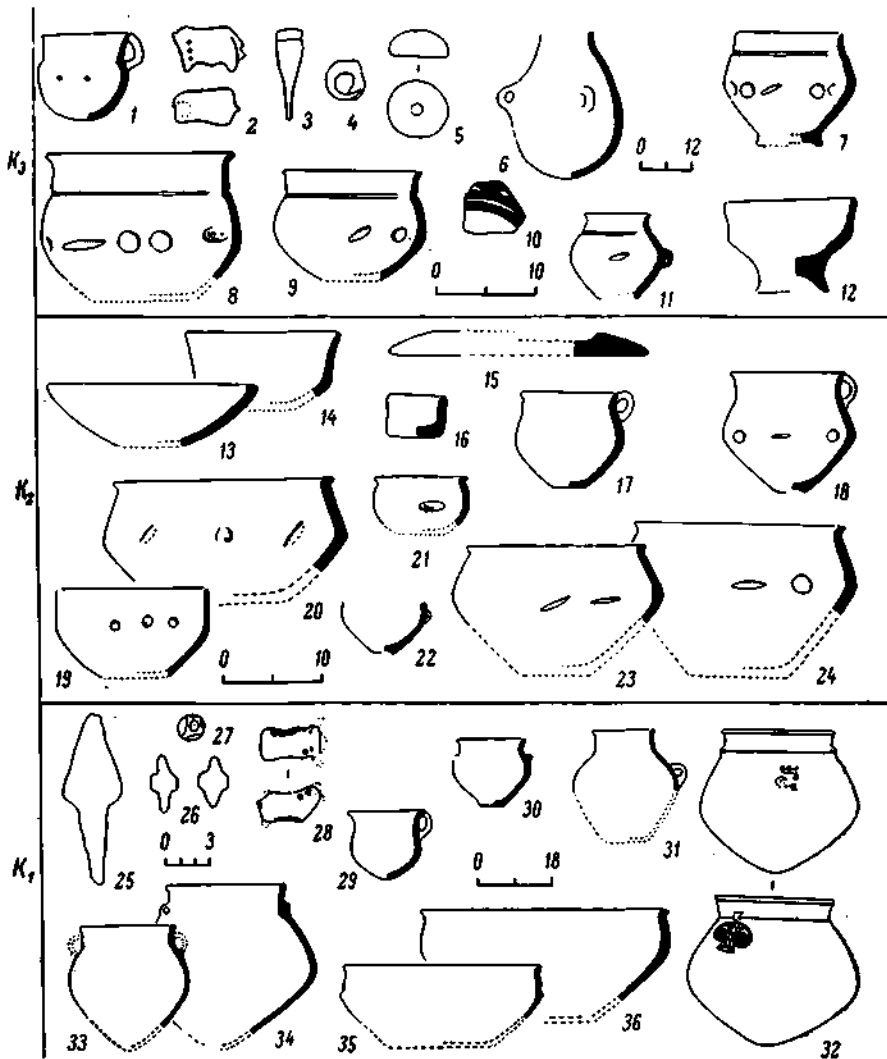


Рис. 35. Поселение Гею-Тепе, слой К.

25—36 — горизонт К₁; 13—24 — горизонт К₂; 1—12 — горизонт К₃; 3, 4, 25 — изделия из меди; 2, 5, 26—28 — глиняные поделки; 1, 6—24, 29—36 — керамика.

ний лежал на самой поверхности. Вопрос о взаимоотношении слоев халколитического⁶⁴ и эпохи ранней бронзы с помощью стратиграфии пока не решен, так как нигде не было зафиксировано перекрывание одного другим. Жизнь в эти два периода проходила, по-видимому, на разных

⁶³ Раскопки Ч. Барнея. См.: С. А. Burney. 1) The circular buildings in Janik-tepe, north-west Iran. *Antiquity*, v. XXXV, № 139; 2) Excavations at Janik-Tepe, north-west Iran. *Iraq*, v. XXIII, part 1, 1961, p. 138; 3) Excavations at Janik-Tepe, Azerbaijan, 1961. *Iraq*, v. XXIV, part 2, 1962, p. 134; 4) The excavations at Janik-Tepe, Azerbaijan, 1962. v. XXVI, part 1, 1964, p. 54.

⁶⁴ См. выше, стр. 43.

участках поселения. Анализируя комплекс находок халколитических и раннебронзовых отложений, Ч. Барней приходит к выводу, что между этими периодами был значительный хронологический разрыв и что культуру последних принесли сюда кикие-то пришельцы с севера.

В раскопе, заложенном на северном склоне холма, было выявлено девять разной степени сохранности строительных горизонтов, условно отнесенных автором раскопок к периодам ранней бронзы I и II. Пласты на исследованных значительных участках имели уклон к югу, что указывает на существование вершины одного из древних холмов севернее современной.



Рис. 37. Поселение Яник-Тепе. Помещение № 7.

Все горизонты периода ранней бронзы I дали остатки круглых жилищ, общее число которых в раскопе достигало 37 (рис. 36, 37). Следы перестроек некоторых из них указывают на то, что помещения продолжали функционировать в течение нескольких строительных периодов. Самыми ранними оказались жилища № № 30 и 32 и хозяйственное помещение № 34 с ямой и кувшином в ней. Несколько позднее были построены жилища № № 10, 11, 23, 31. Между ними и домами более поздних горизонтов нет существенной разницы, кроме значительно меньшего размера первых (диаметр помещения № 32 — 3,6 м).

К следующему горизонту относится уникальное круглое здание № 1, стоявшее на древней вершине холма (рис. 36, А); уже само расположение постройки на самом высоком месте говорит о ее особом назначении. Отличается она от других и конструктивно; помещение имеет две концентрические внешние стены; внутреннее его пространство разделено на 4 сектора. Высота стен сохранилась до 2 м; наружная стена, служившая, по мнению автора, для предохранения помещения от сырости, была выложена фигурной кладкой (рис. 38); кирпичи, как и в Кюль-Тепе, укладывались перемежающимися рядами прямо по кривизне стены и наклонно, уступами; такая кладка придавала стене определенную красоту и прочность. Помещение это являлось, по всей вероятности, зернохранилищем; в какой-то мере это подтверждает находка нескольких зернотерок в од-

ном из внутренних его отсеков. Вход в это помещение осуществлялся, по-видимому, с помощью приставной лестницы сверху, откуда его заполняли зерном, а потом по мере необходимости разгружали. У внешней его стены расположены дома №№ 10 и 11; между последними и наружной стеной зернохранилища были сооружены подпорные стенки. Здесь же недалеко была открыта большая яма для хранения запасов, в которой находился целый кувшин. Остальные постройки (№№ 25—29) плохо сохранились. На этом строительном горизонте произошел сильный пожар, в результате которого многие дома были разрушены.



Рис. 38. Поселение Яник-Тепе. Фигурная кладка стен зернохранилища.

Помещение № 1 существовало на протяжении нескольких строительных периодов; в частности, оно функционировало и в третьем (снизу) горизонте, сохранившемся лучше остальных. Именно в этот период, очевидно, после предшествующих разрушений, была построена мощная оборонительная стена (толщина 4.60—5.0 м) (рис. 36, 27); она сооружена из неотесанных камней, сложенных на глиняном растворе, и имела, по-видимому, верхнюю надстройку из сырцовых кирпичей. Несколько позднее стена была дополнительно укреплена каменной кладкой с внешней стороны, а вдоль внутренней ее части была пристроена кирпичная стена. В стене расчищен узкий проход со ступенчатым сводом, наскоро заложенный, очевидно, в связи с какой-то внезапно возникшей опасностью. Уже в следующем строительном периоде у прохода, с внутренней стороны, возникло полукруглое сторожевое помещение.

Площадь этого четвертого снизу горизонта оказалась покрытой круглыми жилищами (диаметр 4.75—6.90 м), расположенными скученно, рядом друг с другом, без какой-либо четкой планировки. Улицы и места для проездов на вскрытых участках отсутствовали. В одном месте расчищен открытый двор с входом через калитку; сзади некоторых построек (№№ 4, 12, 16) были маленькие огороженные дворики, служившие для хозяйственных целей. Заполнение жилищ и следы перестроек свидетельствуют о том, что некоторые из них использовались на протяжении двух-трех строительных горизонтов (№№ 2, 4, 10, 11, 12, 20); существование же других было более кратковременным (№№ 16 и 17).

Стены помещений, сложенные той же фигурной кладкой, возводились без каменных фундаментов и имели толщину 30—40 см. Зафиксированный в ряде случаев наклон внутрь верхних частей помещений, а также находка в доме № 36 фрагментов цинковки с глиняной обмазкой и отпечатков на обмазке прутьев, говорят о шатровой форме перекрытия, которое состояло из плетеного каркаса, обмазанного глиной и покрытого сверху цинковками. В крупных помещениях оно опиралось на центральный столб.

Внутреннее оборудование помещений носило «стандартный» характер. Здесь в определенном порядке располагались ниши для хранения одежды и посуды, глиняные лари для запасов, длинные кухонные скамьи с оштукатуренными поверхностями и желобками для стока жидкости. В каж-

дом помещении находилась глиняная низкая двучастная печь типа печей из Кюль-Тепе II и Амиранис-гора, рядом с печью — очаг. Около очагов — посуда, зернотерки, хозяйственная утварь.

В остальных горизонтах периода ранней бронзы I аналогичные постройки сохранились значительно хуже. В целом в этот период имели место три значительных разрушения поселения, сопровождавшихся сильными пожарами.

Строительные горизонты периода ранней бронзы II залегают непосредственно над описанными. Здесь произошли значительные изменения в архитектуре — на смену круглоплановым домам пришли прямоугольные (рис. 39). Следы пожаров, столь характерные для нижних горизонтов, в верхних полностью отсутствуют. В единственном хорошо сохранившемся горизонте, открытом почти на всей площади раскопа, были расчищены две сравнительно большие (№ 2 и № 5) и несколько маленьких комнат (№№ 1, 4, 6), а также обширный двор (№№ 8, 9, 11). Наличие кирпичных столбов и деревянных балок указывало на то, что эти комнаты служили нижними этажами двухэтажных помещений. По-видимому, жилые комнаты находились наверху, хотя присутствие в одной из них (№ 5) длинной кирпичной скамьи (очевидно, лежанки) вдоль стены свидетельствует о том, что эта комната была жилой. Внизу располагались кухни и кладовые, на что указывают печи и очаги в комнатах №№ 1, 4; наличие оплукатуренных кухонных скамей с желобком для стока, аналогичных скамьям в круглых помещениях (№№ 23, 2, 7, 16), свидетельствует о непрерывности некоторых традиций в оборудовании помещений этих двух периодов.

Еще более поздним, плохо сохранившимся горизонтам соответствует глубокий ров, прорезавший всю предшествующую свиту напластований.

Керамика во всех горизонтах составила основную массу находок (рис. 36, 1—13, 15, 16, 22—25). Характерный ее признак — врезной орнамент, исчезающий, правда, в верхних горизонтах (рис. 39, 1—5). Здесь были встречены также каменные зернотерки, песты, скребки, ступки, вкладыши от серпов, а около оборонительной стены — камни для пращи. Из глиняных предметов найдены печати, пряслица, сопло, модель топорика, орнаментированная очажная плита и др. (рис. 36, 14, 17—20). Единственной металлической вещью оказался маленький медный кинжалчик (рис. 36, 21).

Исходя из найденного материала, представляется, что между периодами халколита и ранней бронзы I здесь существовал значительный временной разрыв. По-видимому, заброшенное к концу халколита поселение стало вновь обитаемым лишь в последний период ранней бронзы.

Учитывая условность примененного Ч. Барнеем термина «период ранней бронзы I» по отношению к горизонтам с круглыми жилищами и специфику керамики с врезным, характерным для позднего этапа орнаментом, мы считаем отнесение этих горизонтов к периоду ранней бронзы III более соответствующим истинному положению вещей. Горизонты же «ранней бронзы II» с их прямоугольными домами скорее соответствуют переходу от ранней бронзы к средней.

Радиоуглеродных дат для этого памятника пока еще нет. Исходя из датировки Ч. Барнеем горизонтов «периода ранней бронзы I» 2100—1900 г., являющейся значительно более поздней, нежели даты слоев периода ранней бронзы на таких поселениях, как Кюль-Тепе II и Геой-Тепе, с одной стороны, и значительной территориальной близости этих трех памятников (Кюль-Тепе, Геой-Тепе, Яник-Тепе) — с другой, мы полагаем правомерным считать, что названные горизонты Яник-Тепе представляют наиболее поздний этап культуры ранней бронзы одной территориальной группы (в пределах южного Азербайджана и северо-западного Ирана). Таким

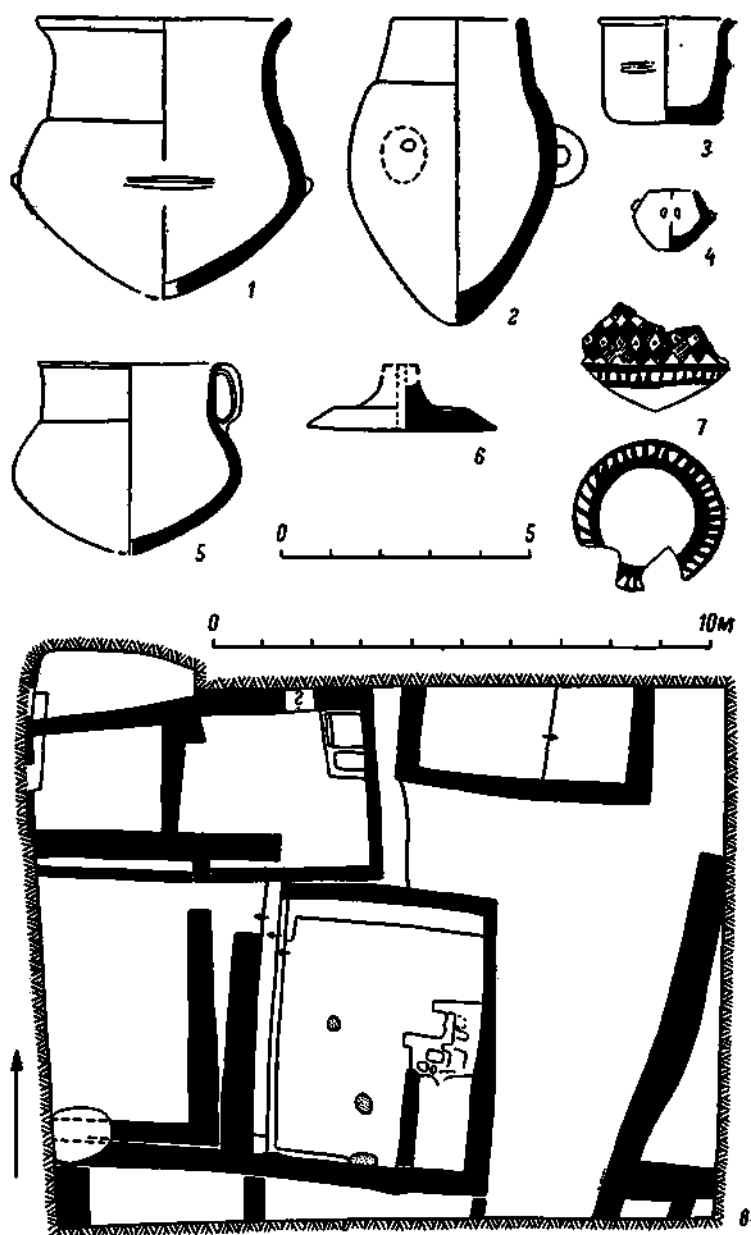


Рис. 39. Поселение Яник-Тепе. Материалы переходного периода от ранней бронзы III к средней бронзе.

1—7 — керамика; 8 — план помещений.

образом, материалы поселения Яник-Тепе дополняют отсутствующую (или нечетко прослеженную во время раскопок) на Кюль-Тепе II и Геой-Тепе позднюю фазу. Такая последовательность подтверждается и при анализе добытых на всех этих памятниках материалов.

К востоку от оз. Урмия, помимо упомянутых памятников, Ч. Барнеем открыто еще одно поселение с круглыми постройками — в сел. Тазакенд, около Тебриза,⁶⁵ на южном берегу оз. Урмия, около Хасанлу.⁶⁶

В целом юго-восточная группа поселений, расположенных в пределах южного Азербайджана и северо-западного Ирана, характеризуется круглыми домами, сооруженными либо из камня, либо из сырцового кирпича, укладкой последней чередующимися рядами, создающими фигурную поверхность, центральными очагами на первом этапе с последующим перемещением их ближе к стенкам, отсутствием могильников на территории поселений.

Поселения

топография, планировка, архитектура,
строительная техника

Мы постарались проследить территориальные группы памятников в пределах основного ареала куро-аракской культуры. Каждая из них имеет в какой-то мере свои особенности, проявляющиеся в некоторых чертах топографии поселений, их архитектурно-планировочных комплексах, а также в определенной специфике форм материальной культуры.

Материалы описанных узловых поселений с учетом серии слабо исследованных или открытых лишь разведками памятников уже сегодня дают основания говорить об определенном развитии в архитектуре и строительной технике в течение III тыс. до н. э. Труднее всего обстоит дело с наиболее ранним периодом. Если от времени расцвета куро-аракской культуры до нас дошли десятки разнохарактерных поселений, то древнейший этап сегодня может быть прослежен лишь по нескольким, к тому же еще очень слабо изученным памятникам.

Так, скажем, для Шида-Картли это будут слои Е и Д на Хизанаант-гора с их легкими круглыми каркасными жилищами, центральными очагами и обводными коридорами, с ритуальными атрибутами в виде обмазанных глиной и обожженных полукруглых возвышений вокруг жилищ. Очевидно, к этому же архаичному периоду должны быть отнесены и остатки глинобитных площадок в Озни и Кулбакеби, являвшихся скорее всего полами таких же легких жилищ. На близость этих памятников указывает и некоторое сходство керамических комплексов.

Открытые в бесспорном стратиграфическом залегании самые древние слои периода ранней бронзы на Кюль-тепе II свидетельствуют о строительстве и на юго-востоке Закавказья круглых глинобитных и сырцовых домов, к которым иногда примыкали небольшие прямоугольные постройки. И здесь эта архитектурная традиция имеет свои местные корни в подстилающем энеолитическом слое того же поселения.

Древние архитектурные традиции, судя по Шенгавитскому поселению, были характерны и для Араратской долины. Здесь все четыре слоя этого поселения дали круглые жилые постройки, причем в самом нижнем

⁶⁵ И. Дибадж. Путеводитель по историческим памятникам восточного Азербайджана. Тебриз, 1960 (на перс. яз.).

⁶⁶ J. Mellaart. The chalcolithic and early bronze age in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966, map 5.

энеолитическом слое, так же как и в энеолитических поселениях Техут и др., они сооружались из сырцового кирпича.

Своеобразным исключением для Закавказья являются постройки Мингечаурского поселения. Это — прямоугольные полуземлянки с несколькими парными ямками от подпорных столбов и особой системой очагов, количество которых колеблется от трех до шести. Площадь их в пределах 28—112 м². Почему в этой местности оказались землянки, сказать пока трудно. Здесь сырцовый кирпич отсутствовал. Вероятно, для постройки больших помещений (стены, опорные столбы, крыша) использовалось дерево, которым были богаты соседние с Мингечауром районы. Быть может, также неслучайным является и то обстоятельство, что на всем Южном Кавказе землянки предшествующего энеолитического периода найдены только в одном пункте (Баба-Дервиш I), расположенном сравнительно недалеко от Мингечаурского поселения.

Уже на первом этапе периода ранней бронзы впервые появляется потребность защиты поселений. Напомним, что энеолитические поселения были, как правило, открытыми. Зафиксированная в горизонте K₁ Геой-Тепе оборонительная стена толщиной 1,65 м была сложена из сырцового кирпича; она огибала, по предположению автора раскопок, все поселение. Остатки оборонительных стен отмечены и в таких поселениях, как Шреп-Блур в Араратской долине, Гудабердка в Шида-Картли. На Гудабердка стена была сырцовой, а на Шреп-Блуре — каменной.

Этим, пожалуй, исчерпываются те материалы по строительству и архитектуре, которые бесспорно могут быть отнесены к первому этапу ранней бронзы. В этой связи подчеркнем лишь одно обстоятельство, имеющее немаловажное значение при общей оценке возможных истоков куро-аракской культуры, — все отмеченные выше архаичные архитектурные комплексы встречены в удаленных друг от друга пунктах.

Основная часть известных поселений относится ко второму, развитому этапу периода ранней бронзы. Большое количество памятников этого времени помогает установлению некоторых закономерностей в их топографии, планировке и архитектуре. Поселения располагаются в различных геоклиматических условиях, начиная от низменных приморских районов (Каякент, Джемикент), кончая сравнительно высокими горами (Керчихара, Земовардзия — высота 2100 м, Чинна⁶⁷ — 2500 м над ур. м.). Они размещаются в долинах рек, образуя часто искусственные холмы-тепе, на высоких мысах и низких речных террасах, иногда у слияния больших и малых рек, на берегах озер, на плато; некоторые поселения обосновываются в местах, хорошо защищенных природой, занимают либо вершины, либо склоны естественных возвышенностей и водораздельных гряд (чаще в предгорьях и горах). Для временных стоянок продолжали использоваться пещеры (Сагварджиле,⁶⁸ Цона⁶⁹). Труднодоступные места для обитания выбирали в этот период и скотоводы Северного Кавказа (Сержень-Юрт, Мешоко, Ясенева Поляна, Хеджох, Гуниб).⁷⁰

⁶⁷ Д. М. Атаев и К. Х. Кушнарева. Два поселения в урочище Чинна. КСИИ, вып. 108, 1966, стр. 68.

⁶⁸ Н. З. Бердзенишвили. Многослойный археологический памятник Сагварджиле. Изв. АН ГрузССР, т. XIV, № 29, Тбилиси, 1953.

⁶⁹ А. Н. Каландадзе. Итоги работ палеолитической экспедиции на южном склоне центральной части Кавказского хребта в 1960 г. НСАИ за 1959 г., Аннотация докладов, Тбилиси, 1961, стр. 3 (на груз. яз.).

⁷⁰ Е. И. Крупнов. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность. Доклад на XXVI Международном конгрессе востоковедов, М., 1963, стр. 26; А. Д. Столяр. Мешоко — памятник Майкоцкой культуры. СМАА, II, Майкоп, 1961, рис. 1—2; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит

Устанавливается и некоторая закономерность в размещении поселений на местности; так, например, поселения в Шида-Картли тянулись цепочкой вдоль берегов рек и ущелий, причем расстояние между ними обычно не превышало 2—4 км. Это, очевидно, были небольшие родовые поселки, возникавшие в результате расселения племен. Такими же густо населенными были и другие области Южного Кавказа — Араратская долина, где количество поселений исчисляется несколькими десятками, Кировоканский, Котайский и Разданский р-ны в Армении, Джавахетия и Цалка в Грузии.

Наряду с небольшими поселками существовали и крупные поселения, которые обычно располагались в местах, доминирующих над местностью. Это — Амиранис-гора в Ахалцихе, Гудабертка недалеко от Гори, Кюль-Тепе около Нахичевани, Шенгавит близ Еревана, Караз у Эрзерума. Площади этих поселений исчислялись несколькими гектарами. Например, Шенгавитское поселение занимало 6 га.

Крупные поселения, как правило, были защищены каменными стенами. Шенгавитское поселение было окружено стеной из камней шириной около 4 м с башнями и подземным ходом, выходящим к реке. Кроме стены, здесь существовал также и ров. Оборонительные стены были и на других поселениях Армении (Ахтамир, Муханнат-Тапа, Такаворанист).

Характерно, что оборонительные стены на Южном Кавказе появляются на крупных поселениях, где бесспорно были сконцентрированы большие запасы зерна, скот. Такая же картина наблюдается на некоторых памятниках Северного Кавказа (Мешоко, Ясенева Поляна),⁷¹ Передней и Средней Азии.⁷²

Застройка поселений была обычно очень компактной. Дома лепились друг к другу, расстояния между домами были небольшими, необходимыми для прохода (Квацхелеби, Амиранис-гора). На Шенгавите постройки располагались гнездами: вокруг круглого дома лепились хозяйственные пристройки, число которых доходило до 10—12. Среди последних были помещения площадью свыше 100 м², которые, так же как «длинные дома» Амиранис-гора, могли быть приспособлены для содержания скота.

Ориентировка домов в пределах одного поселения была чаще всего одинаковой, реже противоположной и определялась микроклиматом данного района (ветры, солнце, свет).

Вопросы планировки и использования рельефа местности в этот период приобретают большой размах. На удобных для поселений склонах гор создаются искусственно вырубленные террасы, сооружаются подпорные стенки, крепиды, предохраняющие от оползней, а также специальные наклонные стенки для отвода дождевых потоков. Все эти трудоемкие работы были проведены для постройки и улучшения условий жизни на таком крупном поселении, как Амиранис-гора. Террасообразность, очевидно, определила и характер его застройки, при которой наблюдается деление на своеобразные кварталы, в пределах которых группируются жилые помещения и связанные с ними хозяйственные комплексы. Здесь же, в центре Амиранис-гора, оказалась свободная площадь (120 м²),

Прикубанья. М., 1965, стр. 94—107; В. М. Котович. Верхнегуньбское поселение, стр. 59, рис. 33—39.

⁷¹ А. Д. Столяр. Мешоко — поселение..., рис. 8, 10—13; А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 96.

⁷² К. Kenyon. Jericho and its setting in Near Eastern history. *Antiquity*, 1956, № 120; J. Mellaart. Excavations at Hacilar. *AS*, IX, 1959, p. 52; В. М. Массон. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений. *КСИА*, вып. 108, 1966, стр. 39; К. Х. Кушнарева. Новые материалы о поселении Узерлик-Тепе около Агдама. *МИА СССР*, № 125, 1965, стр. 77—78.

служившая либо для содержания скота, либо для каких-то общих сборищ. Первое подкрепляется аналогичной планировкой поселения Мешоко и Верхнегунибского поселения на Северном Кавказе.⁷³

Помимо усложнения планировки, значительно разнообразнее становится техника строительства, улучшается ее качество. Из строительных материалов продолжают употребляться глина, сырцовый кирпич, дерево, каркасные конструкции. Широко входит в употребление камень, что свидетельствует о появившихся возможностях его транспортировки на большие расстояния. Выбор строительных материалов зависел от наличия их в тех или иных районах. Так, сырцовые постройки были более характерны для низменных и степных районов восточного Закавказья, где дерево и камень являлись редкостью. В силу своей недолговечности и непрочности глинобитные строения быстро превращались в оплывшие руины, что способствовало накоплению мощных напластований, в пределах которых, как например, в девятиметровом слое Кюль-Тепе II, прослежено 14 строительных горизонтов.

Дома были однокомнатными, построенными по одному принципу. В каждом доме, очевидно, в среднем жила семья, состоящая из 5—10 человек. Преобладали круглые постройки (диаметры от 3,5 до 13 м), средняя площадь которых равнялась 35—40 м². Однако исключениями были маленькие (площадь около 10 м²) и очень большие (площадь 113 м²) дома. На Кюль-Тепе II и Яник-Тепе постройки сооружались из глинобита и сырцового кирпича; кирпичи укладывались чередующимися рядами — прямо и под углом, что создавало впечатление узорчатой кладки. Любопытно, что на Кюль-Тепе II для каждого помещения употреблялся один размер кирпичей.

Кирпичи были нестандартными и на разных поселениях имели вариации в размерах: на Кюль-Тепе — 40—50×18—24×10—12 см; на Геой-Тепе — ?×21×10 см; в Каразе — 30×35×12 см; на Квацхелеби — 43×17×11 см; в Шенгавите — 28—29×20—40×10 см; в Малакю — 22×22×12—13 см.

На других поселениях круглые дома строились из камня (Чиркейское поселение в Дагестане), а в ряде случаев верхняя часть стен достраивалась из сырцовых кирпичей (Шенгавит, Элар, Коси-Котер, Кахси). Здесь мощность культурных отложений была значительно меньше; достаточно сказать, что на Шенгавитском поселении, где представлены все этапы периода ранней бронзы, а нижний слой еще был энеолитическим, толщина культурного слоя не превышает 3 метров.

Круглые жилища имели конические крыши, опиравшиеся на центральный столб, подпертый плоским камнем или заглубленный в яму, обложенную камнями. Полы помещений были обычно глинобитными, реже — выложенными мелкой галькой, покрытой глиняной обмазкой (Шенгавит, Мингечаур).

Наряду с круглыми домами строились и прямоугольные, хотя последних значительно меньше. Они встречены на Квацхелеби, Амиранисгора, в Каразе и в Геленчик-Тепе и локализуются пока в западных районах распространения куро-аракской культуры. Этот тип домов сооружался из камня или имел каркасные стены (Квацхелеби). Крыши здесь были плоские с балочным перекрытием. Площадь жилых домов разнообразна и колеблется от 9 до 42 м².

Согласно О. М. Джапаридзе, в Закавказье круглые постройки представляли прямоугольным, а прямоугольные дома с закругленными углами должны восприниматься как результат слияния этих двух типов

⁷³ А. Д. Столяр. Мешоко — поселение..., стр. 96; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 21.

жилищ. Такая смена архитектурных планов действительно зафиксирована для раннего этапа в слоях Д и С Хизанаант-гора—Квацхелеби, а для позднего — в строительных горизонтах Яник-Тепе. Однако в этой связи хочется обратить внимание на поселение Кюль-Тепе, где уже в энеолитическом слое сосуществовали круглые и прямоугольные постройки. Это может говорить о взаимодействии племенами Южного Кавказа древних архитектурных традиций, складывавшихся, как мы старались показать выше, скорее всего под влиянием месопотамских центров, где в V—IV тыс. до н. э. встречаются одновременно круглые (Арпачия, Гавра) и прямоугольные (Хассуна, Гавра, Матарра, Багуз) постройки.

С целью выделения помещений для хозяйственных нужд — хранения зерна и запасов пищи — круглые жилые комнаты иногда дополнительно перегородивались (Кюль-Тепе II), в других случаях кладовые для хранения личного имущества (одежды, утвари, запасов) были вынесены наружу в виде прямоугольных пристроек к круглым домам (Шенгавит, Кюль-Тепе II) или своеобразных открытых дворики (Яник-Тепе). Количество подобных помещений, тяготеющих к жилому дому, не всегда было одинаковым. В Шенгавите, например, вокруг одного жилого дома число их доходило до 12. В помещениях Квацхелеби для хозяйственных целей служила небольшая передняя часть дома, отделенная от жилой комнаты перегородкой.

Запасы частично хранились в ямах и больших хозяйственных сосудах — традиция, идущая еще от энеолита. На поселениях Кюль-Тепе II, Геой-Тепе и Яник-Тепе в ямах обнаружены крупные сосуды, хранившие какую-то пищу или зерно. Ямы сооружались обычно около домов, реже — в самих домах. Эти ямы служили для хранения запасов отдельных семей.

Вместе с тем в поселках имелись хранилища, общие для всего живущего здесь коллектива людей. Так, скопление крупных, очевидно зерновых ям, перекрытых общим навесом, открыто на поселении Гудабердка. Нечто подобное было и на других поселениях; на Баба-Дервиш II, например, где на сравнительно небольшой площади было сконцентрировано 25 ям, часть их могла служить для хранения зерна. Ямы эти имели колоколовидную форму, нижний диаметр некоторых из них доходил до 2,5 м, в то время как верхний был 1,5 м. В Эларском поселении таких ям было 10, причем все они также располагались рядом друг с другом. Исключением является отсутствие ям около жилых построек на Квацхелеби; оно, по-видимому, восполнялось коридорообразной пристройкой почти в каждом доме, где хранилась большая часть запасов. Другая часть хранилась в специальных узкодонных сосудах, впущенных в пол помещений. А. И. Джавахишвили считает, что, помимо этих индивидуальных кладовых, на поселении должно было быть также общее зернохранилище.

Большие по площади прямоугольные помещения в Шенгавите (пл. 106 м²), Тетрицкаро, «длинные дома» на Амиранис-гора (пл. до 54 м²), где нет очагов, могли использоваться для содержания скота.

Очаги размещались обычно в центре дома, значительно реже у стен и были вмазаны в пол или поставлены на камни. Вместо очагов иногда использовались ямы. Выпадают из общей системы очаги мингечаурских построек, где имелось от трех до шести очажных ям, причем в последнем случае они располагались тремя парами. Такое количество очагов падает на необычно крупное для этого времени жилище № 2 (пл. 112 м²); напомним, что это помещение было разделено двумя перегородками на три части, каждая из которых занимала площадь, равную среднему дому на таких поселениях, как Шенгавит, Кюль-Тепе II, Квацхелеби, Амиранис-гора. Такое членение большого дома в сопо-

ставлении с упомянутым числом очагов, очевидно, отражает состав коллектива, проживавшего здесь. Скорее всего, здесь жили три родственные семьи, объединенные общей крышей, однако каждая из них вела свое хозяйство.

Стационарные очаги не были однотипными; различные типы очагов встречаются в пределах одного поселения. Поселениям Араратской долины и некоторых районов восточной Анатолии свойственны большие круглые переносные сооружения, с тремя направленными внутрь выступами (Шенгавит, Элар, Караз). На Квацхелеби такие же очаги вмазаны в пол. На Амиранис-гора вместе с очагами описанного типа сосуществовали также крупные плоские очаги с углублением в центре, чашеобразные, с валиком по краю и толстостенные цилиндрические с плоским венчиком. Последние без каких-либо сочетаний встречаются почти во всех домах поселения Кюль-Тепе II.

Очаг являлся центром дома, источником тепла, местом для приготовления пищи и совершения различных ритуальных обрядов. Все это подтверждается размещением вокруг очага предметов хозяйственного и культового назначения, украшением самих очагов различными символами.

Центральное расположение очагов — новая, не связанная с энеолитом традиция. Напомним, что в известных поселениях предшествующего периода роль очагов выполняли простые костры, лепившиеся к стенкам домов (Шому-Тепе, Имирис-гора, Шулавери). Это и понятно — помещения были и без того слишком маленькими. Пожалуй, самым ранним из известных центральных очагов может считаться небольшой очаг из Хиванаант-гора (слой E), на котором уже есть два горизонтальных выступа и один совсем маленький вертикальный (рис. 26, 45). Именно этот тип очага может считаться прототипом столь характерных «фигурных» очагов куро-аракской культуры.

Помимо очагов, для дополнительного отопления в некоторых домах около стен находились печи. Чаще всего это были глиняные прямоугольные двучастные сводчатые печи (рис. 33); топочная часть располагалась ниже, откуда по каналу нагретый воздух поступал в верхнюю камеру (Кюль-Тепе II, Амиранис-гора). Такие печи продолжали существовать и в более позднее время (Яник-Тепе, Гуниб). Некоторые одновременно имели производственный характер, в частности служили для выпечки хлеба.⁷⁴

В заключение нужно добавить еще одну деталь к внутренней обстановке помещений: это глиняные возвышения — скамьи, располагавшиеся обычно в задней части помещений, напротив входа. Использование их было, очевидно, двойным; судя по находкам зольных кучек на таком возвышении в помещении № 1 Квацхелеби, здесь совершались какие-то обряды. Вместе с тем эти скамьи носили, бесспорно, утилитарный характер, являясь лежанками и столами для приготовления пищи.

Последний этап периода ранней бронзы известен больше по могильникам, нежели по поселениям, что значительно ограничивает материалы исследования. На стратифицированных памятниках он представлен верхним разрушенным слоем поселений Амиранис-гора, Шенгавитского поселения (IV), Квацхелеби — Хиванаант-гора (B). К тому же этапу, по всей вероятности, должна быть отнесена часть материалов поселения Баба-Дервиш II. Верхние горизонты поселения Кюль-Тепе II прослеживаются очень слабо. Зато достаточно сохранившимся и сравнительно хорошо исследованным является поселение Яник-Тепе, целиком отражающее последний этап периода ранней бронзы.

⁷⁴ Iraq, XXVI, part II, p. 60.

Слой В на Квацхелеби и Хизанаант-гора, состоявший из трех строительных горизонтов, говорит о продолжении в этот период тех же архитектурно-планировочных традиций. Здесь по-прежнему строятся прямоугольные двучастные постройки с круглыми фигурными очагами в центре. Однако появляются и новые детали — остатки легких хозяйственных сооружений, единичные ямы, которых не было в нижних горизонтах. В самих домах проявляется тенденция к значительному уменьшению количества вещей, которая, впрочем, заметна и по таким памятникам, как Амиранис-гора. Последнему этапу здесь соответствует верхний горизонт с несколькими полуразрушенными постройками того же характера, что и в предшествующее время, однако здесь появляется новый тип очагов чашеобразной формы. Кстати, такой же очаг был открыт и в святилище на вершине холма, функционировавшем в течение всей жизни поселения, где в последнем периоде выгораживались отдельные маленькие «молельни».

Основной слой на Яник-Тепе, условно отнесенный Ч. Барнеем к периоду ранней бронзы I, целиком укладывается в третий этап. Это обосновывается прежде всего комплексом керамики, представленной в очень развитом, позднем варианте. Создается впечатление, что к концу халколита жизнь на поселении временно прекратилась, чтобы возобновиться в последний период ранней бронзы уже на других участках поселения. Здесь, в пределах раскопа, было выявлено девять строительных горизонтов с однотипными круглыми постройками из сырца и глины, общим обликом больше всего напоминающих постройки Кюль-Тепе II. Однако очаги перемещаются теперь из центра к стенам.

Дома располагались скученно, позади домов имелись стандартные огороженные клетки и маленькие дворики. Часть домов со следами перестроек существовала в течение нескольких строительных горизонтов, другие быстро забрасывались. Внутреннее убранство каждого дома носило также стандартный характер: в стенах в определенном порядке были устроены глубокие ниши-шкафы, около стен — лежанки, длинные оштукатуренные скамьи для приготовления пищи, рядом — печи двучастной формы, круглые очаги и известные еще с энеолита (Кюль-Тепе I, Хассуна) глиняные ящики, очевидно для хранения продуктов; около обычного кухонного комплекса находились зернотерки и сосуды.

Особое место среди археологических находок занимает круглая постройка с двойным обводом стен, сооруженная на самом высоком месте поселка и являвшаяся, по предположению Ч. Барнея, общим зернохранилищем. Такая постройка пока что остается для этого времени уникальной, хотя скопление зерновых ям, имевших то же назначение, зафиксировано археологами и на других памятниках.

Большой интерес также представляет расширенный участок оборонительной стены, указывающей на обострившуюся в определенный период военную обстановку. Стена, так же как шенгавитская, была сложена из неотесанных камней на глиняном растворе. Толщина ее доходила до 5 м и превышала по мощности все известные на древнем Кавказе стены. Она была построена после сильного разрушения (следы пожара) и вскоре же дополнительно укреплена каменной кладкой с внешней стороны, а узкий ее проход был в какой-то момент наскоро забаррикадирован.

В последний период на Яник-Тепе произошла полная замена круглоплановых жилищ прямоугольными сложными двухэтажными постройками, в пределах которых наметилось уже функциональное разделение на хозяйственные (внизу) и жилые (наверху) комнаты. Однако внутреннее убранство помещений остается традиционным.

К сожалению, неравномерность имеющихся в распоряжении исследователей материалов приводит к тому, что еще сегодня целые этапы

куро-аракской культуры в ряде областей остаются неизученными. Это обстоятельство в большой мере затрудняет установление некоторых закономерностей в строительстве и архитектуре.

Как было показано выше, в предшествующий период на Южном Кавказе существовал уже относительно высокий уровень культуры, что отразилось в первую очередь в создании глинобитной архитектуры неолитических поселков. Жизнь на определенной их части не прекращалась и в период ранней бронзы. Неолитические традиции в строительстве оказались очень сильными. В период ранней бронзы в Закавказье почти повсеместно строились круглые дома, сооружение которых совершенствовалось в связи с общим техническим прогрессом. Близкими оказываются и некоторые строительные приемы, продолжающие жить не одно тысячелетие. Такая преемственность наблюдается и в других отраслях материальной культуры, в частности в керамике.

Таким образом, в III тыс. до н. э. территория Южного Кавказа и соседних с ним областей была покрыта сетью больших и малых поселений и связанных с ними разнотипных могильников. В более плодородных районах (Арагатская долина, Шида-Картли и др.) наблюдалась большая концентрация памятников; в засушливых местах, удаленных от воды (например, в Мильской степи), и в горах поселений было значительно меньше. Несмотря на определенное своеобразие прослеженных нами территориальных групп памятников, позволившее в пределах основного ареала куро-аракской культуры наметить некоторые локальные особенности в их топографии, архитектуре и строительной технике, памятники этого яркого периода воспринимаются как единое историко-культурное явление, отражающее определенный этап развития древних племен Южного Кавказа.

ХОЗЯЙСТВО

Территория южного Кавказа, столь разнообразная в экологическом отношении, давала все возможности для развития специализированных отраслей сельского хозяйства — земледелия и скотоводства. Здесь в разной мере представлены четыре вертикальные геоботанические зоны — долинная, предгорная, горная и высокогорная.

К сожалению, археологические материалы лишь в слабой степени отражают процесс зарождения и характер сложения на Южном Кавказе начальных этапов экономики нового типа с ее производящим хозяйством. В своих дальнейших построениях относительно этого отдаленного периода мы опираемся на открытия советских ботаников, которые на основании геоботанических наблюдений пришли к выводу, что первоначальной зоной естественного произрастания злаковых растений являлись горные районы.⁷⁵ В числе восьми выделенных очагов происхождения и расселения культурных растений Н. И. Вавилов⁷⁶ называет и переднеазиатский, включающий горные районы северо-западного Ирана, Малой Азии и Южного Кавказа. Основными условиями для возникновения этих очагов были богатство местной флоры растениями, пригодными для введения в культуру, и наличие древней земледельческой цивилизации.

⁷⁵ Н. И. Вавилов. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.—Л., 1932; О. В. Заленский. Н. И. Вавилов и проблемы горного земледелия. В сб.: Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилова, М.—Л., 1966, стр. 54; П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М., 1950, гл. I.

⁷⁶ Н. И. Вавилов. Ботанико-географические основы селекции. Избр. труды, т. II.

Сборами ботаников в Закавказье обнаружен ряд исходных форм злаковых культур, в частности нескольких видов пшеницы,⁷⁷ ячменя,⁷⁸ полбы, в результате чего первое из условий кажется соблюденным. Что касается деятельности древнего человека в области примитивного земледелия, то здесь мы еще не располагаем хорошо документированными данными.⁷⁹ Наличие в горных районах Южного Кавказа древних стоянок (Бармаксыз, Зуртакет, Зага, Арегуни) сигнализирует о расселении племен уже в пору мезолита. Очевидно, это были охотники, ограничивающиеся сезонными сборами дикорастущих злаков. Дальнейшие хорошо датированные сведения о земледелии дают уже поселения энеолита.

Не менее сложно обстоит дело с изучением начальных этапов domestikации животных. Известные археологические материалы Кавказа не освещают этот процесс,⁸⁰ а более поздние энеолитические памятники (V—IV тыс. до н. э.) дают картину уже достаточно развитого скотоводческого хозяйства. Представляется, что процесс приручения первых животных протекал параллельно с первыми шагами в земледелии в горах Кавказа примерно так же, как это имело место в соседнем Курдистане, где в силу благоприятных экологических условий образовалась зона естественного произрастания ряда злаковых растений, использовавшихся уже очень рано древним человеком. Во всяком случае, такие памятники, как Джармо, Кани-Сур, Телль-Шимшара и др. (VII тыс. до н. э.), дают картину первой domestikации животных (коза, собака, баран) наряду с имевшей еще преобладающий удельный вес охотой.⁸¹

В Закавказье собака была приручена, по-видимому, раньше других животных, еще в пору мезолита, о чем свидетельствуют находки костных остатков в позднемезолитических пещерах Армении.⁸² В серии наскальных изображений Арагаца, Гехамы и Зангезура мы видим сцены охоты людей на диких животных, в которых собака уже служит верным помощником древнему охотнику.⁸³ Сохранившиеся до настоящего времени в Закавказье виды дикой козы и барана являются бесспорным доказательством того, что в условиях хозяйственной деятельности человека они должны были быть приручены достаточно рано.⁸⁴ По всей вероятности, склоны гор и предгорий Южного Кавказа в VII тысячелетии, так же как и в Курдистане, уже использовались для выпаса первых прирученных животных. Во всяком случае, в серии стоянок Армении (Артин, Зага, Баража), относимых С. А. Сардаряном к докерамическому неолиту (?), мы застаем уже население, занимающееся примитивным земледелием (архаичные мотыги, песты, вкладышевые серпы) и скотоводством.⁸⁵

⁷⁷ М. М. Якубцинер. 1) К истории пшеницы в СССР. МИЗ СССР, т. II, М.—Л., 1956, стр. 65; 2) Сортовые и видовые богатства пшеницы мира. В сб.: Вопросы географии культуры растений и Н. И. Вавилов, М.—Л., 1966, стр. 37; Б. А. Менабде. Пшеницы Грузии. Тбилиси, 1948; И. Д. Мустафаев. К истории возделывания зерновых культур в Азербайджане. ТИЗ АН АзССР, т. III, Баку, 1955; М. Г. Туманян. Культурные растения урартского периода в Армянской ССР. Изв. АН АрмССР, № 1—2, 1944, стр. 74.

⁷⁸ М. Г. Туманян. Основные этапы эволюции ячменя в Армении. Изв. АН АрмССР, сер. биол. наук, № 1, 1948; Ф. Х. Бахтеев. 1) К истории культур ячменя в СССР. МИЗ СССР, т. II, М.—Л., 1956, стр. 224; 2) Дальнейшее осуществление научных идей Н. И. Вавилова в изучении зерновых злаков. В сб.: Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов, М.—Л., 1966, стр. 15.

⁷⁹ Ю. Ф. Новиков. О возникновении земледелия в его первоначальных формах. СА, 1959, № 4, стр. 33.

⁸⁰ Е. И. Крупинов. Кавказ в древнейшей истории нашей страны. ВИ, 1966, № 5, стр. 20.

⁸¹ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. Л., 1964, стр. 46.

⁸² С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении, стр. 273.

⁸³ Там же, табл. XIX—XXI, XXVI—XXXVIII.

⁸⁴ С. К. Даль. Животный мир АрмССР, т. I. 1954, стр. 157.

⁸⁵ С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении, стр. 277.

В дальнейшем история развития земледелия и скотоводства в большой мере была обусловлена теми физико-географическими данными, которые существовали в различных частях Южного Кавказа. Так, в горных районах, где впервые зародилось земледелие, возможность его экстенсивного развития в силу ограниченности территории, отсутствия необходимости создавать искусственное орошение и пр. была задержана. Здесь значительно позднее получило развитие отгонное скотоводство, дававшее в горных условиях значительно больший прибавочный продукт. Земледелие же получило свое наибольшее развитие главным образом в долинных частях Закавказья — либо в естественно орошаемых его районах, либо в местах, требующих искусственного орошения.

По-видимому, еще задолго до энеолита жители гор расселялись по долинам, где начали постепенно развивать оседлоземледельческое хозяйство. Во всяком случае, 90% энеолитических поселений мы застаем именно в этой, наиболее удобной для земледелия зоне, а весь комплекс находок, связанных с земледелием, говорит о том, что в V—IV тыс. до н. э. оно находилось уже на сравнительно высокой ступени развития, далеко оставившей позади начальные этапы этого процесса.

Переход к новой экономике, производящей в изобилии продукты земледелия и скотоводства, постепенно увеличивал прирост населения, который в свою очередь вел к интенсивному расселению древних племен. Уже в эпоху энеолита мы сталкиваемся с отдельными группами компактно расположенных небольших родовых поселков (Мильская группа, Эчмиадзинская группа, Шому-Тепинская группа и др.), возникших, очевидно, в процессе сегментации населения самых древних из них.

На этом этапе под посевы использовались прилегающие к поселениям участки. Вскопка земли производилась каменными и костяными мотыгами, в изобилии находимыми на каждом энеолитическом поселении. Сеяли различные сорта пшеницы и ячменя, полбу (Шому-Тепе, Тойре-Тепе), просо (Арухло). Совместные находки зерен пшеницы и ячменя (Кюль-Тепе I) указывают на умение древних земледельцев бороться с засухой путем смешанных посевов, которые надолго удержались в сельском хозяйстве Кавказа.⁸⁶ Существовало уже садоводство; в поселении Шулавари, например, найдены косточки винограда — этой многолетней культуры, требующей уже достаточных эмпирических знаний.

Жатвенными орудиями служили изогнутые серпы (рис. 10, 21) с кремневыми и обсидиановыми пластинками с угловой заполировкой типа переднеазиатских (Джармо, Хаджилар, Хассуна).⁸⁷ Эти серпы уже значительно отличались от жатвенных ножей с прямой основой, применявшихся на более примитивной стадии земледелия (Сялал I, Чопан-Тепе, Джейтун, Натугф).⁸⁸

О большой роли земледелия свидетельствует повторяющийся на каждом поселении комплекс земледельческих орудий — мотыги из камня и рога, зернотерки, песты, вкладыши от серпов и мотыг. И наконец, значение земледелия в период энеолита фиксируется уже явлениями надстроечного порядка, куда мы относим связанные с идеей плодородия в пределах широкого ареала переднеазиатских культур женские статуэтки, встретившиеся несколько раз и в энеолитических поселениях Южного Кавказа (Шому-Тепе, Тойре-Тепе, Шулавари, Сагварджиле) (рис. 54, 1,

⁸⁶ И. И. Никшиной. Смешанные посевы. Наука и жизнь, 1944, № 3, стр. 25; М. Г. Тумакян. Культурные растения..., Я. А. Киквидзе. Орошение в древней Грузии. Автореферат. Тбилиси, 1964, стр. 45.

⁸⁷ В. М. Массон. Средняя Азия..., стр. 48, 60; Возникновение и развитие земледелия. М., стр. 18, рис. 3, 1—2.

⁸⁸ В. М. Массон. Средняя Азия..., стр. 24, 44, 95, рис. 5, 6, 16.

3—6). Отдельные экземпляры этих статуэток очень близки находкам в Передней Азии.

Несмотря на интенсивный характер древнего земледелия, оно, однако, не получило в дальнейшем на Южном Кавказе того широкого размаха, какого достигло в Египте, Шумере и Средней Азии. Лишь в эпоху урартских правителей, осуществлявших грандиозные ирригационные работы, земледелие в Закавказье достигло настоящего расцвета.⁸⁹

Преобладание гористого рельефа, в условиях которого древнему человеку легче и выгоднее было заниматься скотоводством, значительно ограничило процесс развития земледелия. И если в период энеолита мы застаем еще относительное равновесие этих двух основных отраслей производящего хозяйства, то в период ранней бронзы в предгорных и горных районах происходит интенсификация животноводства.

Так, уже в начале III тысячелетия часть энеолитических поселений (поселения Мильской степи, Арухло, Шому-Тепе, Тойре-Тепе), вероятно, в связи с истощением посевных площадей оказывается заброшенной. Потомки прежних их обитателей уходят в более удобные для ведения скотоводческого хозяйства районы предгорий и гор. Однако это не значит, что жизнь в низменно-долинных районах затухает. Наоборот, благоприятные климатические условия и общий прогресс в хозяйстве поднимают земледелие эпохи ранней бронзы в этих районах на более высокую ступень.

Наряду с заброшенными к концу энеолита поселениями мы находим много таких, на которых жизнь без перерыва продолжалась и в эпоху ранней бронзы (Шенгавит, Кзаяк-Блур, Маштоп-Блур, Кюль-Тепе, Геой-Тепе, Баба-Дервиш, Шулавери I—II и др.). Больше того, потребности быстро растущего населения способствовали интенсивному расселению племен в этих районах, и уже в первой половине III тыс. жители прежних поселков начинают группами покидать обжитые места и неподалеку друг от друга, главным образом по долинам рек, основывают новые поселения.⁹⁰ Ярким примером может служить, скажем, группа Эчмиадзинских холмов (Шенгавит, Шреш-Блур, Кюль-Тепе), соседние поселения Шида-Каргли (Хизанаант-гора, Квацхелеби) и др.; наконец, результатом такой сегментации являются многочисленные поселения той же области, расположенные цепочкой на расстоянии 2—4 км друг от друга.

Восприняв земледельческие навыки своих предшественников, племена эпохи ранней бронзы продолжали их развивать, что выразилось в увеличении состава злаковых культур, усовершенствовании земледельческих орудий и усложнении явлений надстроечного порядка.

Действительно, ассортимент находок зерна заметно расширяется;⁹¹ появляются новые сорта пшеницы: мягкая голозерная — *Triticum aestivum* L. (Шенгавит, Вагаршапат, Элар, Квацхелеби, Диха-Гудзуба, Баба-Дервиш, Мингечаур), мягкая пленчатая (Шенгавит), круглозерная — *Triticum vulgare antiquorum* Nees. (Шенгавит), твердая — *Triticum durum* Desb (Баба-Дервиш, Кюль-Тепе, Каякент), пленчатый двурядный и шестирядный ячмень — *Hordeum sativum*, *Hordeum vulgare* (Кюль-Тепе, Хизанаант-гора, Квацхелеби, Шенгавит, Диха-Гудзуба, Мингечаур), просо — *Panicum miliaceum* (Диха-Гудзуба, Хизанаант-гора). Наряду с чистыми

⁸⁹ Б. Б. Пиотровский. 1) Основные этапы древнейшего земледелия в Армении. ИФЖ, Ереван, 1961, №№ 3—4, стр. 108; 2) Ванское царство (Урарту). М., 1959, стр. 133; Н. В. Арутюнян. Земледелие и скотоводство Урарту. Ереван, 1966; Возникновение и развитие земледелия, стр. 88.

⁹⁰ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 32.

⁹¹ Б. Б. Пиотровский. Основные этапы..., стр. 109; Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 56—66.

посевами продолжают применяться и смешанные посевы (пшеница — ячмень, пшеница — просо).

По-видимому, в этот период начинается культивация льна; льняная ткань шла, в частности, на изготовление «текстильной» керамики, широко применявшейся в III тыс. Находки косточек абрикоса (*Prunus armeniaca*) в поселении Гарни и косточек винограда (*Vitis vinifera*) в поселении Хизанаант-гора указывают на расширение ассортимента садовых культур.⁹² По утверждению ботаников, очагом формирования дикого и культурного винограда является Закавказье,⁹³ а родиной абрикосов — Армения.⁹⁴

III тысячелетие, по-видимому, уже знаменуется переходом к плужному земледелию, вернее к применению примитивной сохи, которая не столько вскапывала, сколько «чертила», бороздила поле, после чего земля дополнительно вскапывалась. Единственный экземпляр сохи из оленьего рога был обнаружен на поселении Квачхелеби (рис. 26, 9);⁹⁵ одному из трех ее отростков была придана плоско заостренная форма. Напомним, что в более позднее время в Шумере обработка земли сохой сопровождалась перекопкой ее мотыгами.⁹⁶ Любопытно, что каменные и костяные мотыги, столь характерные для энеолита, в период ранней бронзы почти не встречаются; можно предполагать, что в это время вошли в употребление мотыги из дерева.

Переход к плужному земледелию косвенным образом подтверждается находками в большом количестве на поселениях миниатюрных глиняных колесиков и фигурок маленьких глиняных бычков, являющихся частями моделей упряжки. Таким образом, устанавливается, что тяловая сила в это время уже была известна древнему человеку.

Урожай с обработанной пашины, видимо, снимали в течение нескольких сезонов, после чего истощенную землю забрасывали, а под новые посевы выжигали нетронутые уголья. Таким образом, там, где имелись обширные лесные массивы, происходило быстрое освоение свободных земель.

Жатвенными орудиями продолжали служить вкладышесые серпы, которые значительно совершенствуются и изготавливаются теперь большей частью из кремня. Находки вкладышей на поселениях иногда исчисляются сотнями. Достаточно сказать, что на одном Мингечаурском поселении их было обнаружено 370.⁹⁷ Огромное количество вкладышей на поселении Хизанаант-гора, из которых можно было бы составить десятки серпов, позволяет считать, что оставлены они были в сезон уборки, когда заготавливалось не только зерно, но и корм для скота, содержавшегося на поселении.⁹⁸ Потребность в жатвенных орудиях была достаточно велика, если вспомнить, что одним из первых металлических орудий на Южном Кавказе явился серп.⁹⁹ Находки последних зафиксированы в горизонтах начала III тыс. до н. э. Кюль-Тепе, Гарни, Хизанаант-гора.

⁹² В. Н. Аракелян. Гарни I. Ереван, 1951, стр. 25; В. М. Негруль. Археологические находки семян винограда. СА, 1960, № 1, стр. 117.

⁹³ Н. И. Вавилов. Дикие родичи плодовых деревьев Азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых растений, Труды по прикладной ботанике, генетике, селекции, 1931, т. 36, вып. 3, стр. 93.

⁹⁴ П. М. Жуковский. Культурные растения..., стр. 325.

⁹⁵ Л. И. Глонти и А. И. Джавахишвили. Урбиси I, стр. 45, табл. XXXIII; Я. А. Киквидзе. Орошение..., стр. 9.

⁹⁶ В. М. Массон. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества. Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков в Праге, М., 1966, стр. 160.

⁹⁷ Г. М. Асланов. Каменные орудия из Мингечаура. МКА, вып. III, Баку, 1963, стр. 62.

⁹⁸ Я. И. Киквидзе. Памятники эпохи ранней бронзы в Урбиси. ДПКГ, вып. VI, Тбилиси, 1966, стр. 25.

⁹⁹ См. ниже, стр. 126.

Срезанные колосья увязывались в снопы (Квацхелеби, Шенгавит, Гудабертка), хранившиеся, как показали находки в Кюль-Тепе II, в ямах. Обмолот производился с помощью тягловой силы, о чем свидетельствуют найденные на Хизанаант-гора остатки молотильной доски.¹⁰⁰ Это пока единственная в Закавказье столь ранняя находка имеет далекие аналогии в торфяниках Европы поры неолита.¹⁰¹

Рост производительных сил способствовал подъему зернового хозяйства, умножению запасов. Зерно на поселениях этого периода мы встречаем повсюду: в больших специальных ямах, во вкопанных в землю крупных сосудах, в глиняных ящиках. Иногда ямы концентрируются на одном участке, создавая своеобразные «амбары». Так, в Эларе, например, на поселении было открыто 10 крупных ям, вырытых на расстоянии 1—2 м друг от друга; здесь находилось зерно и кости животных, скорее всего остатки туш, заготовленных впрок. На поселении Баба-Дервиш II количество ям доходило до 25, на Гудабертка такое скопление ям, по-видимому, было перекрыто легкой крышей, предохраняющей зерно от осадков.

Зерновые ямы сооружались и позднее; достаточно сказать, что на поселении II тыс. до н. э. Узерлик-Тепе количество ям нижнего слоя в раскопе площадью примерно 450 м² доходило до 70.¹⁰² Большая часть из них служила для хранения зерна. В этих «амбарах» под открытым небом хранились, по-видимому, запасы, принадлежащие всему коллективу живущих в поселке людей или какой-то его части. Вместе с тем почти около каждого дома, в котором обитала одна семья, были сооружены индивидуальные ямы-погребя, где хранились запасы этой семьи. Для коллективных запасов сооружались и специальные зернохранилища. Такой, к сожалению пока еще уникальной, постройкой является зернохранилище на Яник-Тепе, расположенное в центре поселения, на самом высоком и сухом месте (рис. 36, 27, А). Двойной обвод стен предохранял это крупное помещение от сырости. Причина же разделения внутренней части постройки на 4 сектора может быть двойной: либо в каждом из секторов хранился определенный сорт зерна, либо строго установленное его количество, какая-то доля.

Если такая постройка для Закавказья является уникальной, то памятники Передней и Средней Азии дают не один пример общественных зданий и скоплений емкой тары для хранения запасов на поселениях. Это — зернохранилища на родовых поселках южной Туркмении — Джейтун, Ялангач-Тепе, Муллали-Тепе,¹⁰³ а в Малой Азии — Хаджилар.¹⁰⁴ На одном из участков Джейтуна было сосредоточено 25 крупных корчаг, вместилищ каких-то продуктов.¹⁰⁵ Сосуды для хранения продуктов употреблялись и в Хассуне.¹⁰⁶

При дальнейшей обработке зерно слегка обжаривали и растирали в зернотерках. Большое число зернотерок, находимых на каждом поселении, в сопоставлении с данными этнографии относительно того, что на растирание зерна, обеспечивающего дневной рацион небольшой семьи, опытная хозяйка затрачивала не больше часа, позволяет представить значительную пропускную способность этих орудий.¹⁰⁷ Проведенный опыт

¹⁰⁰ С. И. Надямашвили. Памятники эпохи неолита внутренней Грузии и Юго-Осетии. . .

¹⁰¹ Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953.

¹⁰² К. Х. Кушнарёва. Новые данные о поселении Узерлик-Тепе около Агдама. МИА СССР, № 125. План нижнего горизонта.

¹⁰³ В. М. Массон. Средняя Азия. . . , стр. 309.

¹⁰⁴ Там же, стр. 333.

¹⁰⁵ Там же, стр. 28, 33.

¹⁰⁶ Там же, стр. 55.

¹⁰⁷ Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 120.

размола зерна с помощью зернотерок из Квацхелеби дал тонкую муку, а не отруби, что позволяет считать, что хлеб в это время уже выпекался. К сожалению, остатки этого хлеба в памятниках куро-аракской культуры ни в одном случае не обнаружены.

Для выпечки хлеба служили скорее всего глиняные печи двучастной формы, найденные в домах на поселениях Кюль-Тепе II, Амиранис-гора и Яник-Тепе. Позднее близкие по форме печи известны по Верхнегуньбскому поселению в Дагестане, где они были тщательно препарированы¹⁰³ и сопоставлены с соответствующими этнографическими материалами.

Различные земледельческие процессы нашли свое отражение в идеологии древних племен, остающейся наиболее трудной сферой для изучения. На поселениях и в могильниках этого периода мы находим много свидетельств существования сложных идеологических представлений у племен — носителей куро-аракской культуры. Это статуэтки женщин, мужчин и животных, различные символические знаки на предметах, в том числе изображения колосков хлебных злаков на посуде, специальные культовые очаги (рис. 54), пища и жертвоприношения, приносимые в могилы умершим, и, наконец, следы сложных религиозных обрядов, очевидно молений о плодородии, которые археологи зафиксировали на некоторых поселениях Южного Кавказа.

В заключение коснемся вопроса об ирригации. Как уже было сказано, земледелие в Закавказье в древности не получило такого широкого размаха, как, скажем, в Шумере, Эламе и Египте, где высокий уровень земледелия, дающего урожай несколько раз в году, был обусловлен созданием сложной и разветвленной ирригационной системы уже в IV тыс. до н. э. Однако это не значит, что древние племена Кавказа не имели понятия об искусственном орошении. В пользу существования последнего уже в период энеолита говорят поселения, расположенные в таких местах, как Мильская степь, Марнеульский, Эчмиадзинский¹⁰⁹ и другие районы, где естественных осадков не хватало для выращивания посевов. А между тем в эпоху энеолита мы застаем здесь земледельческие поселения со значительными культурными отложениями, что указывает на прочную оседлость в течение длительного времени.

Первым сигналом в этом плане является обнаружение вокруг поселения Арухло «мокрого» рва и начала отходящего от него на поля канала. Питание близлежащих посевов водой, должно быть, осуществлялось с помощью системы каналов, берущих воду из р. Машавери. В настоящий момент ведутся работы по раскрытию древних каналов в окрестностях Арушлинского поселения.

Работы по выявлению оросительных каналов Кавказа III тыс. до н. э. до сих пор не проводились. Однако обнаружение поселений периода ранней бронзы с мощными слоями в естественно не орошаемых районах, существование более ранней энеолитической традиции, а также значительно больший размах по сравнению с энеолитом зернового хозяйства позволяет считать, что древний человек в этот период широко использовал систему орошения. Именно поэтому трудно согласиться с высказанной в литературе точкой зрения, что первые оросительные системы в Закавказье начали создаваться лишь в эпоху средней бронзы, т. е. к середине II тыс. до н. э.¹¹⁰

Скотоводство оставляет значительно меньше следов в памятниках материальной культуры, нежели земледелие. Эти следы в поселениях

¹⁰³ В. М. Котович. Верхнегуньбское поселение, стр. 215, рис. 13, 15, 16.

¹⁰⁹ А. А. Мартirosян и Р. М. Торосян. К вопросу об интерпретации энеолитической культуры Армении. ВОН АН АрмССР, 1967, № 3 (на арм. яз.).

¹¹⁰ Я. И. Киквидзе. Орошение..., стр. 11.

энеолита Закавказья пока незначительны. Охотничий промысел играл, по-видимому, еще определенную роль в хозяйстве. Судя по составу костей диких животных на поселениях западного Азербайджана (олень, джейран, косуля, кабан, лисица, птицы), окрестности их были в то время покрыты лесами.

Наряду с охотой мы застаем уже в это время достаточно развитое скотоводческое хозяйство — на поселениях найдены кости быка, овцы, свиньи и собаки. В процентном отношении крупный рогатый скот имел значительный перевес над мелким (Кюль-Тепе I, Шулаверы), что является вполне закономерным для ранних стадий производящего хозяйства. Тесно переплетаясь с земледелием, скотоводство в этот период носило придомный характер. Такое же соотношение костей наблюдается во многих энеолитических памятниках Передней Азии¹¹¹ и Европы.¹¹² В причерноморских стоянках Очемчири и Анаклия, а также в памятниках майкопской культуры закономерность эта подтверждается.¹¹³

Позднее, в период ранней бронзы, эта традиция удерживается на тех поселениях, в долинах и частично предгорьях, где жизнь продолжается без перерыва. Последнее ярко документируется материалами некоторых памятников. В Баба-Дервиш II преобладал крупный рогатый скот, а в Кюль-Тепе II состав стада на протяжении жизни поселения менялся: в нижних горизонтах здесь было значительно больше костей крупного рогатого скота, а в верхних — мелкого.¹¹⁴ Любопытны подсчеты остеологического материала Кулбакеби, где крупный рогатый скот составлял 80, 89%.¹¹⁵

Однако эта общая закономерность в силу различных причин в отдельных случаях оказывалась нарушенной. Так, в Шенгавите, например, соотношение костей крупного и мелкого скота было 1:2 (720:1573).¹¹⁶ В поселении Квацхелеби с его ярко выраженным земледельческим укладом в стаде также преобладал мелкий рогатый скот — овца имеретинского типа.¹¹⁷ Не приспособленная к дальним перекочевкам, овца эта, так же как и крупный рогатый скот, выпасалась, очевидно, на близкие расстояния от поселений, жители которого занимались земледелием и садоводством.

Увеличение производительности труда и вызванный этим рост населения, с одной стороны, и отощание близлежащих к старым поселениям неоднократно использованных земельных угодий — с другой, служили постоянным стимулом к расселению племен. Последнее шло по двум направлениям: первым из них, о котором говорилось выше, было расселение земледельческо-скотоводческих общин в долинах и плотное заселение последних. Еще раз напомним, что в Шида-Картли зафиксированы десятки близко расположенных поселений этого периода.

Другим направлением расселения было освоение предгорий и гор под пастбища и в связи с этим обоснование там поселений постоянного типа. В энеолите эти зоны слабо заселены. Освоению таких районов сопутствовали вырубка и выжигание лесов и освобождение больших площадей под пастбища и посевы.

¹¹¹ В. М. Массон. От возникновения земледелия..., стр. 158.

¹¹² В. И. Библикова. Фауна раннеэнеолитического поселения Лука Врублевца-Кая. МИА СССР, № 38, табл. 1; Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 124.

¹¹³ А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 90.

¹¹⁴ Т. А. Буятов. Земледелие и скотоводство..., стр. 81, табл. 2.

¹¹⁵ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 32.

¹¹⁶ С. К. Межлумян. Палеофауна эпохи бронзы на территории Армении. Автореферат. Ереван, 1965, стр. 6.

¹¹⁷ А. Л. Цицишвили. Костные остатки древней овцы и крупного рогатого скота из Квацхелеби. Труды Грузинского сельскохозяйственного института, т. XVI, 1965, стр. 171 (на груз. яз.).

В результате в предгорных и горных районах возник ряд поселений, занимавших главным образом возвышенности, склоны гор, отдельные холмы. Примером таких поселений служат Гарни, Караз, Элар, Арагац, Озни, Амиранис-гора, Коси-Котер. Как правило, здесь уже преобладают кости мелкого рогатого скота, что свидетельствует о постепенном формировании отгонного скотоводства с сезонными перекочевками неприхотливых овец на высокогорные яйлаги.¹¹⁸

Наряду с оседлыми поселениями появляются временные, сезонные стоянки скотоводов в горах, для которых используются обычно пещеры и скальные выступы (Шау-Левет — 1600, Чинна — 2500 м над ур. м.).

Большое количество прибавочного продукта, получаемого от полукочевого скотоводства, служило тем рычагом, который выдвинул в III тыс. до н. э. на первый план предгорные и горные скотоводческие районы Южного Кавказа. Аналогичный процесс в это время наблюдался и в Малой Азии, где горные пастушеские племена в силу тех же экономических причин являлись наиболее яркими носителями и распространителями местной культуры периода ранней бронзы.¹¹⁹

В зимние месяцы скот должен был находиться на поселениях. Для содержания скота, принадлежащего отдельным семьям, по всей вероятности, служили «длинные дома» (Амиранис-гора). Такие постройки отличало от обычных для этого поселения жилых помещений полное отсутствие очагов, хозяйственных находок и погребения младенцев под полом. Существует предположение, по которому похороненные без сопровождающего инвентаря дети приносились в жертвы, что должно было способствовать увеличению численности скота.

В центральной части этого же поселения находилась незастроенная площадь, где могло содержаться уже достаточно большое стадо. Аналогичная картина наблюдалась и в поселении майкопской культуры Мешоко, носившего ярко выраженный скотоводческий характер. Здесь, в центре поселка, судя по очень тонкому культурному слою и чрезвычайно измельченной керамике, находился большой загон для скота.¹²⁰ Незастроенной оставалась и центральная площадь Верхнегунибского поселения, где, по предположению автора раскопок, сосредоточивался скот в случае угрозы нападения.¹²¹ Такая планировка, связанная с укладом хозяйства, находит параллели в этнографических материалах.¹²² Наконец, для тех же целей могли служить большие помещения в Шенгавите (109 м²) и Тетрицкаре.

О росте поголовья мелкого рогатого скота свидетельствует не только возросшее количество его костей на поселениях и в погребениях (жертвоприношения), но и постоянно встречающиеся теперь глиняные фигурки баранов и овец. Напомним, что от предшествующего периода до нас дошли только две фигурки бычков из поселений Цопи и Арухло. Овечьи отары охранялись собаками (кости, глиняные фигурки). Состав прирученных животных в этот период расширяется. Приручаются лошадь (Шенгавит, Элар, Дидубе, Квацхелеби, Караз) и осел (Квацхелеби). Эти животные обеспечивают связь в горных условиях.

Параллельно развивается и колесный транспорт, о чем говорят бесчисленные колесики от моделей повозок, а также такие уникальные

¹¹⁸ Б. Б. Пиотровский. 1) Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. 1955; 2) Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 40.

¹¹⁹ J. Mellaart. *Anatolia, 4000—2300 B. C. Ancient history*. Cambridge, 1962, p. 41.

¹²⁰ А. Д. Столяр. Мешоко — поселение. ..., стр. 96.

¹²¹ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 21.

¹²² А. А. Формозов. Каменный век. ..., стр. 107.

предметы искусства, как металлическая булавка из Сачхере с навершием в виде колесной упряжки. И, наконец, в недавно открытом Беденском кургане (район Тетрицкаро),¹²³ датированном концом периода ранней бронзы, обнаружена деревянная четырехколесная повозка, пока что самая ранняя из известных повозок Южного Кавказа.

Рост поголовья скота и превращение его в основное богатство древнего человека выдвинули, естественно, на первый план племена, расселившиеся в предгорьях и горах. Поселения этих племен значительно разрастаются (Шенгавитское поселение, например, достигает 6 га, Амиранис-гора — 3 га). На многих поселениях появляются укрепления в виде мощных оборонительных стен с башнями и подземными ходами. Неоднократно зафиксированные на поселениях следы пожаров (Амиранис-гора, Квацхелеби, Шенгавит, Кюль-Тепе, Геой-Тепе, Караз, Яник-Тепе и др.) говорят о сложной внутренней обстановке и частых военных столкновениях в этот период.

Скотоводческий уклад хозяйства с постоянной переработкой мясных и молочных продуктов повлек за собой появление новых форм материальной культуры. На службу молочному хозяйству пришли узкогорлые сосуды различных размеров для хранения и розлива молока; некоторые из них, с несколькими ушками, могли подвешиваться при транспортировке. На многих поселениях (Гарни, Элар, Баба-Дервиш, Ахыллар, Квацхелеби) появились маслобойки¹²⁴ — крупные сосуды с отверстиями для стекания сыворотки. Для изготовления сыра служили глиняные ситочки или цедилки (Дидубе, Квацхелеби), являвшиеся непременным атрибутом скотоводческого хозяйства и на Северном Кавказе (Мешоко, Скала, Ясенева Поляна);¹²⁵ эти специализированные сосуды впервые встретились в Закавказье еще в энеолите (Гинчи, Цопи, Геой-Тепе М).

Скотоводство теперь становится предметом занятий мужчин, на которых полностью ложится забота о пропитании своих сородичей. Это в свою очередь вызвало к жизни ряд новых явлений, отразившихся в искусстве и идеологии. В мужских могилах во второй половине III тыс. до н. э. появляются оружие, золотые вещи, принесенные в жертву животным; на поселениях — мужские статуэтки, очажные подставки с мужскими изображениями, фаллы. На керамике, глиняных и металлических предметах теперь постоянно встречаются изображения быка и барана, служивших объектами поклонения племен-носителей куро-аракской культуры. Мужское и животное начала тесно переплетаются в предметах культа.

Прибавочный продукт, получаемый скотоводческими общинами, способствовал появлению больших накоплений в руках отдельных лиц или семей. Начавшая развиваться имущественная дифференциация привела в дальнейшем и к социальным сдвигам. Картина неравенства наглядно проявилась в повсеместном появлении в скотоводческих районах к концу III тыс. курганных погребений с семейными или индивидуальными захоронениями (Сачхере, Параванское озеро, Хаченагет, Самгори, Бедени, Тельман, Уч-Тепе). Погребения совершались на отлете, вдали от мест обитания, обставлялись с достаточной по тому времени роскошью, а сооружение таких крупных курганных насыпей, как, скажем, Уч-Тепе или Самгори, насыпавшихся в несколько приемов, требовало значительных усилий большого количества людей.

¹²³ Г. Ф. Гобеджишвили. Новые археологические открытия в Тетрицкаро-ском р-не. НСАИ за 1966 г., Аннотации докладов, Тбилиси, 1967, стр. 25 (на груз. яз.).

¹²⁴ И. Г. Нариманов. К вопросу о маслобойке. ТБС, Баку, 1965, стр. 70; А. Д. Столяр. Мешоко — поселение..., стр. 88.

¹²⁵ А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 93.

Эта традиция, начавшая развиваться в Закавказье еще в период куро-аракской культуры, получила позднее, во II тыс. до н. э., свое окончательное завершение, воплотившись в таких курганных погребениях вождей племен, как Триалети, Кировакан, Дманиси, Лчашен.¹²⁶

металлургия и металлообработка

К началу III тыс. до н. э. в Закавказье были созданы все культурно-исторические предпосылки для бурного расцвета местного металлургического производства. Уровень его, зафиксированный соответствующими находками на десятках различных памятников куро-аракской культуры, свидетельствует о том, что уже в первой половине III тыс. до н. э. племена Южного Кавказа овладели большой, «сознательной» металлургией — «этим кульминационным моментом ряда открытий, а именно: 1) что медь поддается ковке, 2) что накаливание уничтожает эту способность, 3) что медь плавится и может быть отлита в формах, 4) что металл можно получить из окисленных руд путем нагревания с углем, т. е. путем выплавки».¹²⁷

Период использования ограниченной обычно количественно самородной меди,¹²⁸ для которого характерны редкие мелкие поделки, остался далеко позади.

Тесные контакты и связи с передовыми странами Древнего Востока, где зачатки металлургии должны быть отнесены по крайней мере к VI, если не к VII тыс. до н. э. (Чатал-Эйюк, Хаджилар), а на IV тыс. до н. э. падает ее подлинный расцвет,¹²⁹ явились мощным толчком, предопределившим использование в III тыс. до н. э. местными племенами богатых медно-рудных залежей Южного Кавказа¹³⁰ для выплавки большого количества металла. Во всяком случае, по данным 1917 г., которые А. А. Иессен в 1935 г. считал уже несколько устаревшими, из 401 месторождения меди Кавказа 309 падает на районы Закавказья. В настоящее время их выявлено значительно больше.

Будучи одними из ведущих отраслей экономики, металлургия и металлообработка определяют технический уровень того или иного древнего общества, что в свою очередь не может не влиять на его общественные отношения. Кавказ в этом плане является одним из наиболее ярких примеров.

Что собой представляло металлопроизводство в предшествующий период, сказать пока трудно, — исследователи в своем распоряжении имеют сегодня считанное количество энеолитических изделий из металла и всего несколько химических анализов (табл. 1). Однако крайне любопытным представляется тот факт, что часть меднорудных месторождений находилась в пределах тех областей, где в V—IV тыс. до н. э. процветали оседлоземледельческие поселения. Здесь в Кафанском,¹³¹ Джульфинском,¹³²

¹²⁶ Б. Б. Piotrovskij. Развитие скотоводства... стр. 7.

¹²⁷ Г. Чайлд. Археологические документы по предыстории науки. ВИМК, 1957, № 2, стр. 63.

¹²⁸ R. J. Forbes. Metallurgy in antiquity. Leiden, 1950, p. 19.

¹²⁹ Ibid., p. 20; Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 204, 209; В. М. Массон. Средняя Азия..., стр. 204, 209.

¹³⁰ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 32, 62.

¹³¹ М. А. Кашкай и И. Р. Селимханов. Исследования медно-мышьяковых предметов из раскопок Кюль-Тепе в Нахичеванской АССР. ДАН АзССР, т. XII, № 4, 1957, стр. 449—459.

¹³² И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960, стр. 160.

Медзорском,¹³³ Марнеульском¹³⁴ и Болнисском¹³⁵ районах имеются поверхностные окисленные медноносные руды, которые могли служить сырьевой базой для первых закавказских металлургов.

О древнейших выработках, где производилась добыча руды, пока что известно слишком мало; большинство из них не имеет точной датировки.¹³⁶ Напомним, что до недавнего времени самые древние, лишь единичные горные выработки археологами ориентировочно относились к середине II тыс. до н. э.¹³⁷ Однако совсем недавно появились отдельные находки, свидетельствующие о некоторых металлургических навыках уже в эпоху энеолита. Так, И. А. Гзелишвили открыл в сел. Цителисопели, недалеко от Болниси,¹³⁸ древние медные выработки, на территории которых были обнаружены куски шлака и большие каменные молоты с жгутовым перехватом, аналогичные найденным на таких энеолитических поселениях, как Кюль-Тепе I, Арухло и др. (рис. 5, 19). Молоты эти позднее встречались и на поселениях куро-аракской культуры. С помощью этих орудий, по мнению автора, древние металлурги обогащали руду. Навык же обогащения руды, с его точки зрения, должен был быть уже тесно связан с эпохой энеолита, когда для изготовления грубых лепных сосудов применялась глина с неременной примесью толченого (дробленого) базальта.

Таким образом, следует думать, что какая-то часть медных изделий могла изготавливаться уже здесь, в районах добычи металла. Напомним, что отдельные предметы бесспорно в этот период уже поступали на Южный Кавказ из стран Древнего Востока. В частности, отсутствие медно-никелевых рудопроявлений на Кавказе заставляет считать привозной, так же как серию металлических предметов майкопской культуры,¹³⁹ медно-никелевую проколку из поселения Кюль-Тепе I (табл. I, 11). Как известно, залежи этих руд концентрируются в ряде областей Передней Азии, в частности в р-не Омана. Отсюда металлургическое сырье или металл шли в разных направлениях.

Установленные по находкам в Закавказье (главным образом посуды халафского круга) связи местных энеолитических племен с югом в дальнейшем бесспорно подтверждаются и другими категориями привозных вещей, в частности изделиями из металла.

Завершение процесса выделения металлургии в самостоятельную отрасль, обслуживаемую специалистами-металлургами, пошло в Закавказье быстрыми темпами, в результате чего уже в первой половине III тыс. до н. э. произошло окончательное разделение на добывающую и обрабатывающую ветви. Это подтверждается серией археологических фактов. Так, в ряде пунктов, тяготеющих к медно-рудным районам (Брдадзор, Алаверди, Ленинакан, Симонянт-Хеви, Дманиси), были обнаружены своеобразные комбинированные орудия (клепцы), объединяющие

¹³³ С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении, стр. 287, прим. 1.

¹³⁴ Ц. Абесадзе, Р. Бахтадзе, Т. Двали, О. Джапаридзе. К истории медно-бронзовой металлургии в Грузии. Тбилиси, 1958, стр. 13 (на груз. яз.).

¹³⁵ И. А. Гзелишвили. К древнейшей истории добычи и обработки меди в Болнисском р-не. САН ГрузССР, т. XVII, № 1, 1967, стр. 250.

¹³⁶ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди..., стр. 35.

¹³⁷ Г. Гобеджишвили. Остатки древнегрузинских горных металлургических разработок в сел. Геби. ВАН ГрузССР, т. XIII, 1952, № 3, стр. 188.

¹³⁸ И. А. Гзелишвили. К древнейшей истории добычи..., стр. 250; А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди..., стр. 50.

¹³⁹ А. А. Иессен. 1) К вопросу о древнейшей металлургии меди..., стр. 75, прим. 75; 2) Майкопская культура и ее датировка. Пленум Института археологии, посвященный итогам археологических исследований за 1961 г. Тезисы докладов..., М., 1962; 3) К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 190; И. Р. Селимханов. О никеле в древних медных сплавах. ДАН АзССР, т. XVIII, 1962, № 6, стр. 43; Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 46.

в себе клиновидный топор и вытянутый на обухе длинный «клюв».¹⁴⁰ Эти орудия, по единодушному мнению специалистов, применялись в горно-рудном деле для добычи руды.

Вместе с тем бесспорные остатки литейного дела на ряде поселений куро-аракской культуры, находящихся вне металлогенных районов, указывают на то, что специалисты-литейщики работали вдали от рудных разработок. Подтверждение этому мы находим уже в памятниках начального этапа куро-аракской культуры, датирующихся первой половиной III тыс. до н. э.

Так, в первом строительном горизонте Амиранис-гора были найдены остатки металлургической мастерской, в которой находилась каменная сводчатая плавильная печь (рис. 21, 20), содержащая мелко толченный технический уголь, с помощью которого в печи достигалась высокая температура. На полу мастерской стоял крупный сосуд с запасом такого же угля и лежало сопло. Напомним, что образец угля из этого помещения дал дату 2870 ± 180 лет до н. э.

Иного характера горны обнаружены при раскопках на поселении того же периода — Баба-Дервиш II.¹⁴¹ Здесь, на краю поселения, близко друг от друга были открыты три овальные ямы, являвшиеся нижними частями плавильных печей с наземными глиняными сводами (рис. 40, 10). Наличие в двух из них специальных канавок-отверстий позволяет установить применение техники дутья; последнее подтверждается также находкой на поселении глиняного сопла (рис. 40, 1).

Выплавка металла при повышении температуры путем нагнетания воздуха через глиняные сопла имела место и на других поселениях куро-аракской культуры, что подтверждается находками сопел на Хизанаант-гора, Амиранис-гора, Мишарчай I, Геой-Тепе, Яник-Тепе (рис. 40, 2, 11, 12). В результате процесса плавки образовывались отходы в виде шлаков (Хизанаант-гора, Гарни, Баба-Дервиш II), остатки металла на стенках сосудов (Хизанаант-гора, Гарни, Кюль-Тепе II). Процесс разливки жидкого металла документируется льячками из огнеупорной глины (Хизанаант-гора — рис. 40, 17; Гарни, Кюль-Тепе II). Металл поступал в глиняные формы для болванок (Кюль-Тепе II, Баба-Дервиш II, Геой-Тепе, Амиранис-гора — рис. 40, 6—8, 16), в которых иногда отливались специальные бруски, находимые в маленьких слитках (Игдыр — рис. 40, 13, 14; Гудабердка).

Наконец, еще одним свидетельством налаженного металлопроизводства являются находки отлитого, но так и не откованного серпа на Хизанаант-гора и литейных форм для отливки различных типов топоров на Квацхелеби С₁, Кюль-Тепе II и Гарни (рис. 40, 3—5, 9).

Таким образом, остатки металлургии зафиксированы почти на всех ключевых поселениях в различных частях основного ареала куро-аракской культуры. В этот период, следовательно, литейное дело стало уже явлением повсеместным.

Многие из перечисленных находок четко увязываются с нижними горизонтами поселений и показывают тем самым его высокий уровень уже на раннем этапе.

¹⁴⁰ О топорах-клевцах см.: Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. ВГМГ, т. XII, 1944, стр. 300; Д. Л. Коридзе. Новые находки медных орудий в Квемо-Каргли. СА, 1958, № 1, стр. 137; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., стр. 32; В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 37, рис. 21, 4. Подробный анализ этих орудий, а также различные точки зрения на их происхождение даны в работе: Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. САИ, вып. 4—9, стр. 14.

¹⁴¹ Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. О древнейшей металлургии Кавказа. СА, 1968, № 4, стр. 17.

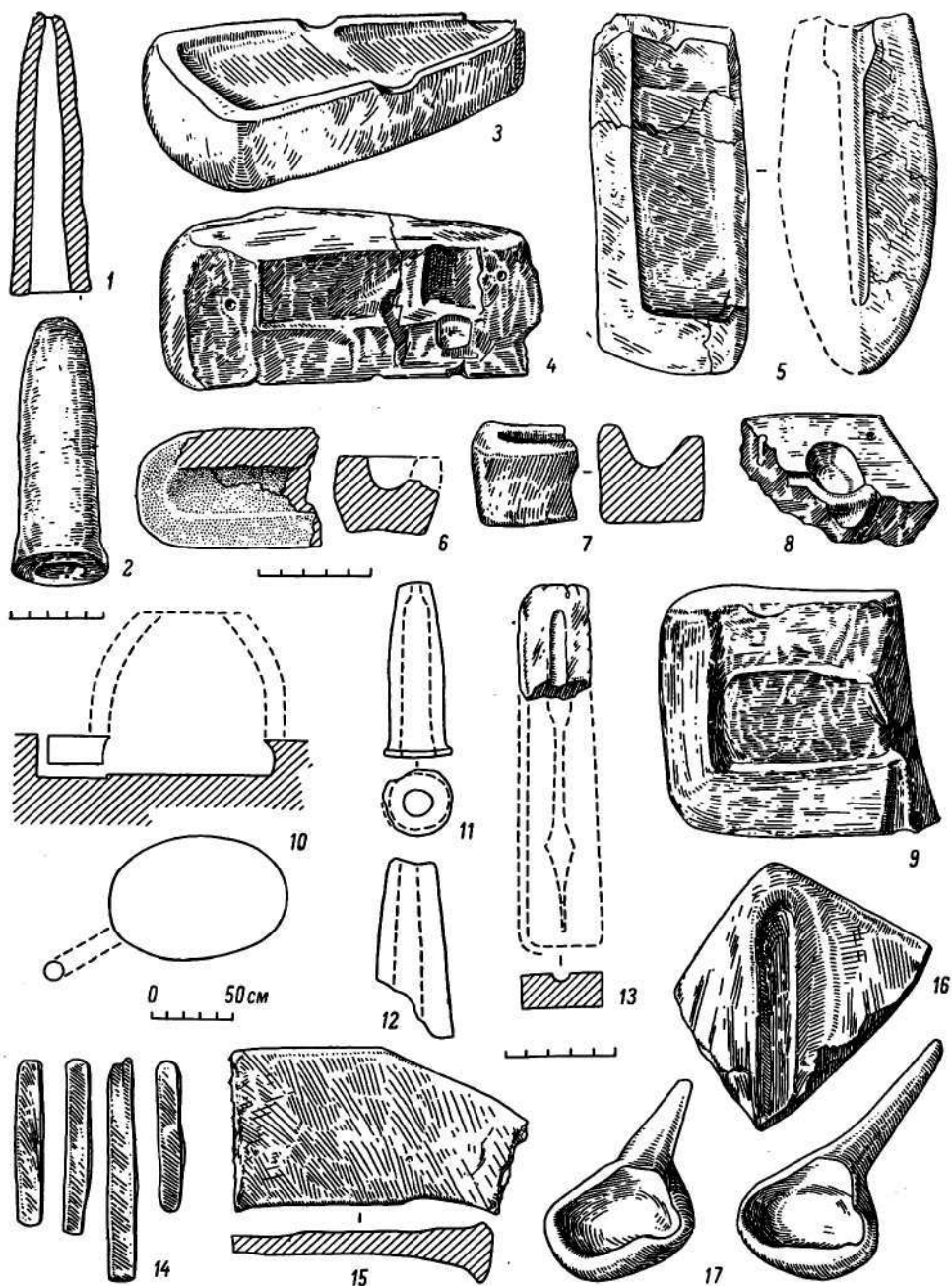


Рис. 40. Остатки литейного производства с поселений куро-араксской культуры.

1, 2, 11, 12 — сопла с поселений Баба-Дервиш II, Мисарчай VI, Яник-Тепе и Кюль-Тепе II; 3 — форма для отливки плоского топора из поселения Квацхелеби; 4, 5, 9 — двусторчатые формы для отливки проушных топоров из поселений Гарни, Кюль-Тепе II и Шенгавита; 6—8, 13, 16 — формы для болванок из поселений Баба-Дервиш II, Кюль-Тепе II, Амиранис-гора и Гею-Тепе; 10 — плавильная печь из поселения Баба-Дервиш II; 14—15 — медные бруски и слиток в форме топора из Игдырского поселения; 17 — льячки из поселения Хизанаант-гора.

Открытие сложного процесса литья, которое произошло, по-видимому, первоначально в одном каком-то месте Старого Света, привело к ряду кардинальных сдвигов в производительных силах общества. Г. Чайльд считал, что эта область была расположена где-то восточнее Ефрата, в то время как А. Лукас открытие плавки связывает с Египтом.¹⁴² По сравнению с холодной ковкой — этого первичного метода обработки металла — открытие литья и всех преимуществ искусственных, в частности медно-мышьяковистых сплавов означало гигантский скачок.

Помимо остатков литейного дела, высокий уровень металлургического производства в Закавказье документируется также большим количеством готовой продукции — различными категориями изделий из поселений и могильников, изготовленных в подавляющем большинстве из мышьяковистой меди (мышьяковистой бронзы), а также из золота, серебра и свинца.¹⁴³ Приводимый ниже перечень изделий, найденных в памятниках куро-аракской культуры, дает полное представление о выпускаемой в III тыс. до н. э. готовой продукции и значительно расширяет сведения о масштабах и характере металлургического производства этого очень важного для всей последующей истории Кавказа периода.

Находки эти следующие (рис. 41—43):¹⁴⁴ Шенгавит — два шила, несколько булавок; Гарни — серп; Караз — вислообушный топор и два кинжальных клинка (гл. 4 м), серп и плоский топор (гл. 2.5 м), булавка (гл. 5.5 м), три шила; Элар — четыре кинжальных клинка; Кюль-Тепе II — серп (гл. 10.15 м), штыковидное острие (гл. 9.35 м), пять булавок, две проколки, поделка из свинца; Баба-Дервиш II — рыболовный крючок; Степанакерт — два кинжальных клинка, золотой височный завиток; Астара — два шила, два наконечника копий, два плоских топора-тесла; Геой-Тепе — кинжальный клинок (K₂), ракетовидная булавка, височный завиток (K₃), Яник-Тепе — кинжальный клинок (4B); Хизанаант-гора — два кинжальных клинка (Д), четырехгранное шило, гвоздеобразный предмет, серп (С), булавка Т-образной формы (В); Квацхелеби — кинжальный клинок, булавка с двумя волютами, диадема, двуспиральные браслеты и височные завитки, наконечник стрелы, биконические бусы (С), наконечник стрелы, булавка Т-образной формы, штыковидное острие, височные кольца, бусы, крючкообразный предмет, полутораспиральные завитки, грушевидные подвески, подвески в виде лунницы, большое количество бус (В); Бешташени — булавка с двумя волютами; Амиранис-гора — серп, три кинжальных клинка, булавка с полуовальной головкой, булавка с завернутой головкой, булавка со спиральной обмоткой, шилья, иглы, полутораспиральные височные кольца, подвески в виде лунниц, височные кольца из свинца и серебра; Сачхере — серия вислообушных топоров, кинжальных клинков, тесло, наконечники копий, спиральные браслеты, кольца, булавки Т-образной формы, булавки с проволочной обмоткой, булавки с двумя волютами, бусы.

Картина станет еще более полной, если к перечисленным находкам добавить серию случайно обнаруженных в различных местах проушных топоров, кинжальных клинков, штыков, копий, клевцов и также учесть, что количество находок металлических изделий было бы значительно увеличено, если бы вышедшие из употребления поломанные вещи не шли на переплавку.

¹⁴² Г. Чайлд. Археологические документы..., стр. 64; А. Лукас. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, стр. 335.

¹⁴³ К. Х. Кушнарера и Т. Н. Чубинишвили. Историческое значение Южного Кавказа в III тыс. до н. э. СА, 1963, № 3, стр. 10.

¹⁴⁴ Для большей осведомленности читателя в тех случаях, когда имеются данные, приводим находки с указаниями глубин и горизонтов их залегания.

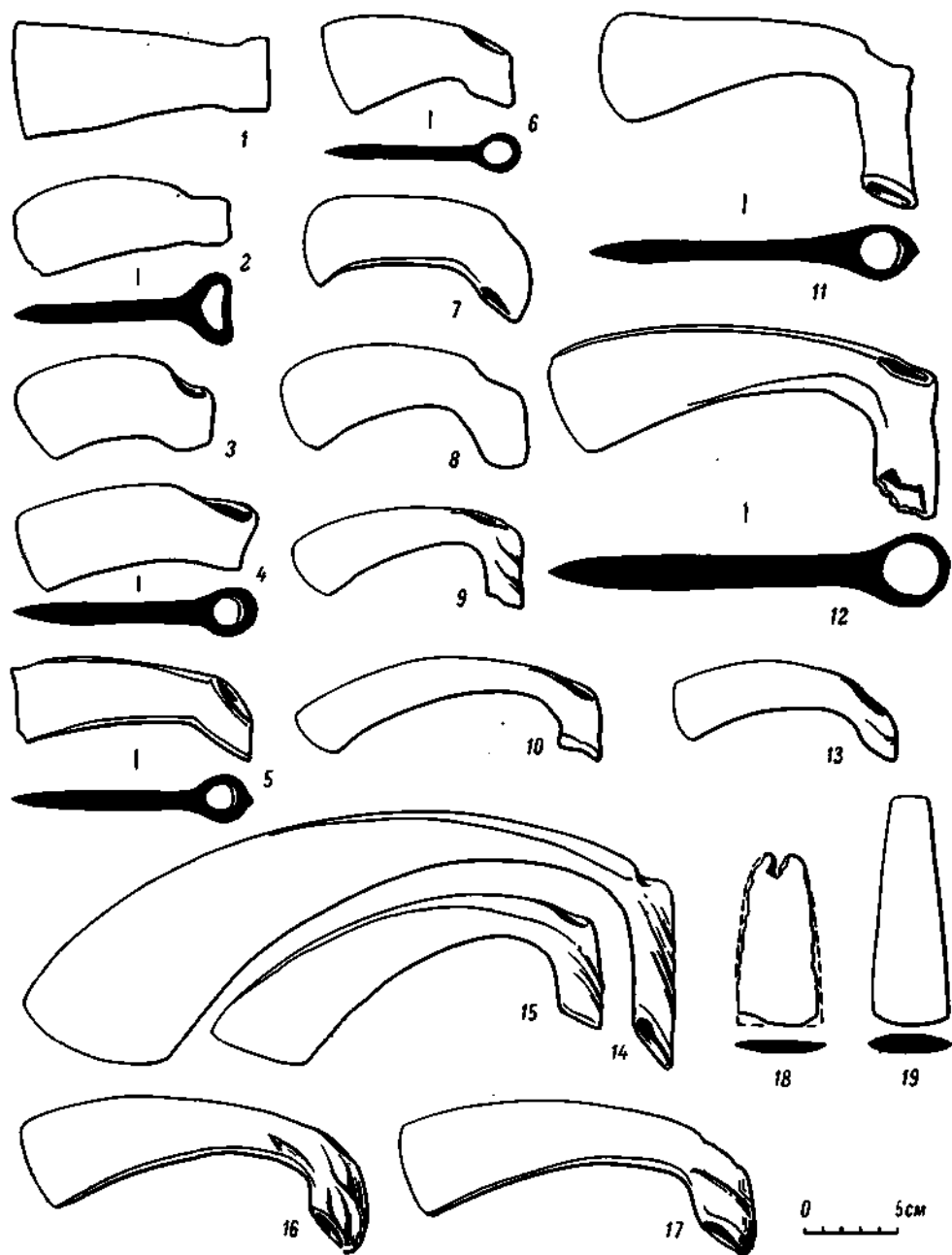


Рис. 41. Втульчатые и плоские топоры III тыс. до н. э. из различных мест Южного Кавказа.

1 — ЗАГЭС; 2 — Ленинкаян; 3 — Кулбакеби; 4 — Марнеули; 5 — Эгмядазин; 6 — Меджарисхеви; 7 — Караз; 8, 14—15 — Царцис-гора; 9 — Карсская область; 10 — Чхатури; 11, 12 — Джодж-Колод; 13 — Корети; 16, 17 — Маскат-Ком; 18 — Дигони; 19 — Караз.

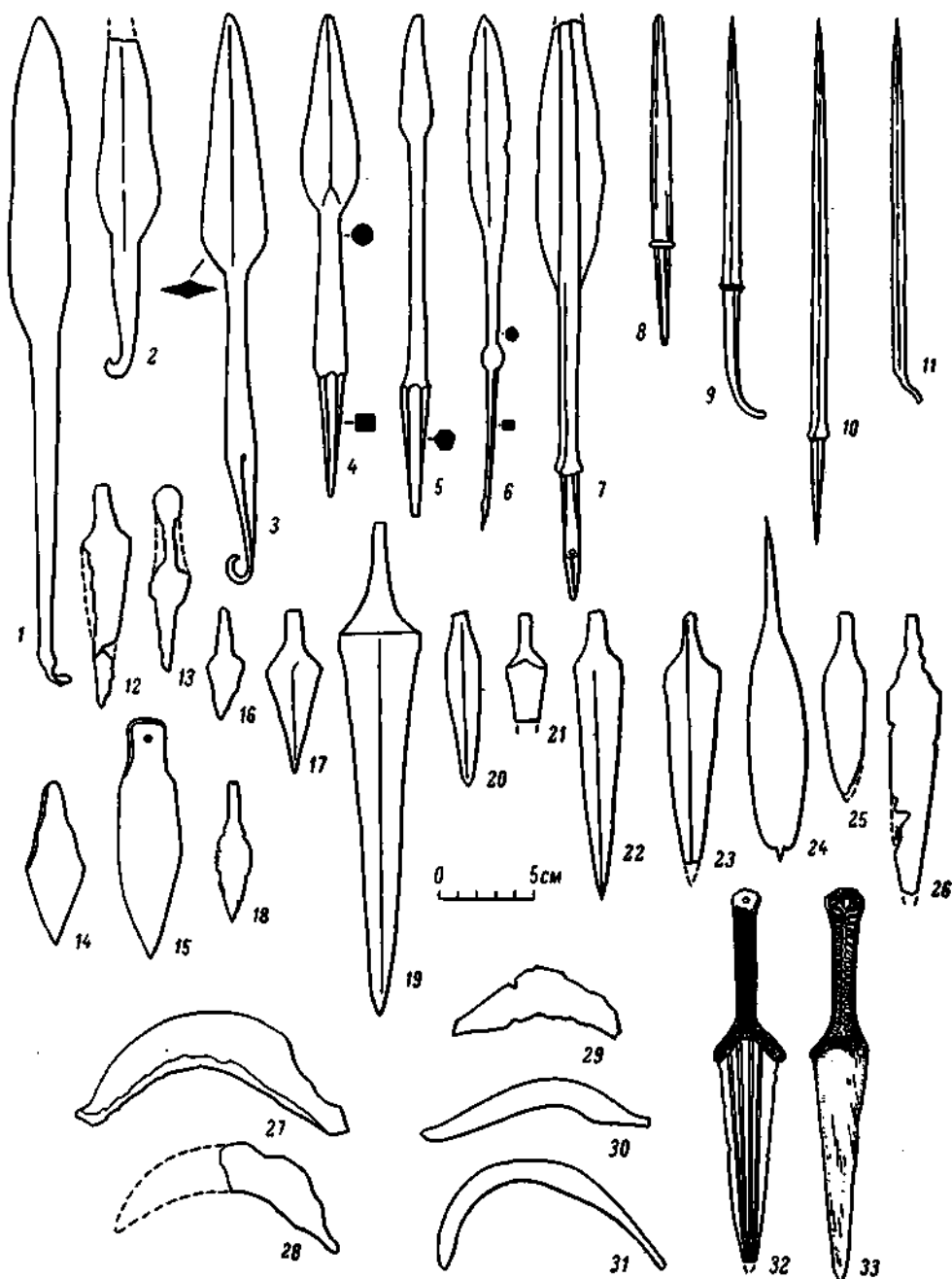


Рис. 42. Кошья, штыки, кинжалы и серпы III тыс. до н. э. на различных мест Южного Кавказа.

1 — «Грузинское общество распространения грамотности»; 2 — ЗАГЭС; 3 — «Тифлис»; 4 — Ахалцих; 5 — Осиписи; 6 — Сван; 7, 10, 24, 25 — Парис-гора; 8, 29 — Кюль-Тепе II; 9, 12 — Кванцхелеби; 11 — Качбулак; 13—15, 31 — Хиванант-гора; 14—15 — Степанакерт; 16 — Геой-Тепе; 17, 19—21 — Эвар; 22, 23 — Леняванан; 23—26, 30 — Караз; 27 — Амирано-гора; 28 — Гариш; 29 — Корети.

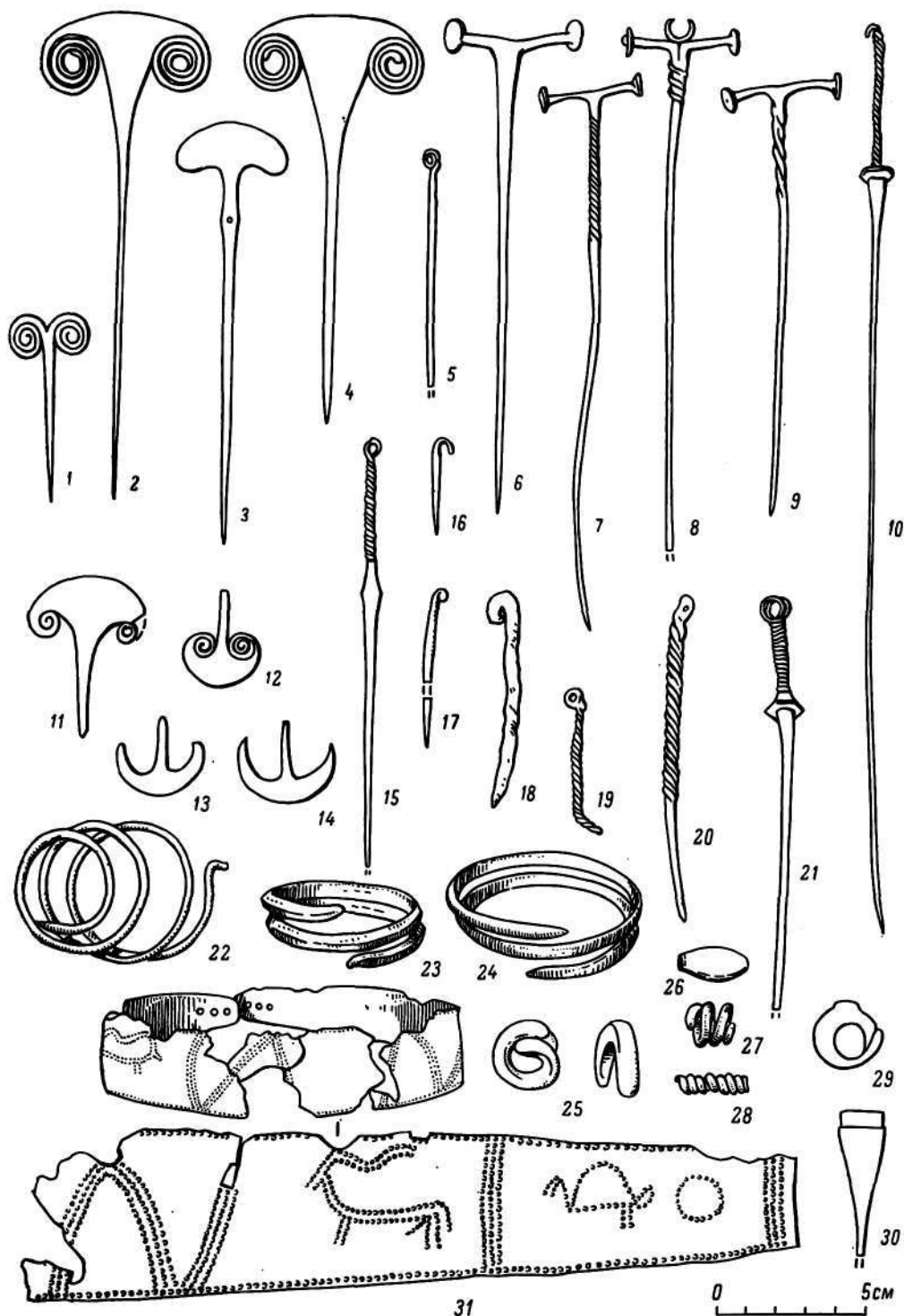


Рис. 43. Предметы украшений III тыс. до н. э. из различных памятников куро-аракской культуры.

1 — Вешташени; 2, 23, 25—28, 31 — Квацхелеби; 3 — Амиралис-гора; 4 — Урбиси; 5, 18—19 — Кюль-Тепе; 6 — Хизанаант-гора; 7—8 — Начернезети; 9, 12, 13, 14 — Корети; 10 — Царцис-гора; 11, 22 — Дзагина; 15, 21 — Сачхере; 16, 17, 20 — Шенгавит; 24 — Элар; 29—30 — Гео́й-Тепе.

Эта большая коллекция вещей, обслуживавших различные сферы деятельности первобытного человека, давно уже опровергла выдвинутый в свое время Б. А. Куфтиным тезис о «поражительной бедности некерамическим инвентарем» куро-аракской культуры.¹⁴⁵

Для установления уровня развития металлургического производства III тыс. до н. э., целиком основанного на местной сырьевой базе, чрезвычайно важен состав металла, из которого отливались либо заготовки, требующие дополнительной обработки, либо изделия, полученные при литье в формах.

Большая серия химических анализов функционально различных предметов характеризуется наличием в основном металле (меди) примеси мышьяка в концентрациях от 1 до 22,7% (табл. II, III), что дало исследователям право справедливо считать его введенным в основу преднамеренно.¹⁴⁶ К этой точке зрения склоняется сегодня большинство ученых, наблюдающих сходную картину в других древних культурах (Иран, Средняя Азия, Индия).

Игнорируя ряд объективных данных, в том числе и большую серию химических анализов медно-мышьяковистых предметов из Закавказья, и приводя лишь 3—4 произвольно взятые цифры, указывающие на незначительное количество мышьяка в нескольких предметах «периода энеолита», С. А. Сардарян пытается втиснуть в этот период все памятники куро-аракской культуры, отрицая факт наличия в III тыс. до н. э. искусственных сплавов.¹⁴⁷ При этом автор базируется на использовании на Кавказе залежей медно-мышьяковистых руд, которые в процессе плавки, в зависимости от технологического режима и степени концентрации мышьяка в руде, оставляют тот или иной процент мышьяка в металле. Однако с помощью химико-технологических анализов устанавливается, что наличие определенного процента в металле мышьяка нередко зависело от назначения изготавливаемого предмета. Древний металлург, в совершенстве освоив процесс совместной плавки медных и мышьяковистых руд, а также изучив высокие литейные свойства получаемого в результате металла — легкоплавкость (известно, что медь плавится при температуре 1085°, для чего необходимы особые печи и большое количество топлива), способность легко заполнять форму, твердость, ковкость и др., — умел добиваться в конечном счете нужного для изготовления того или иного предмета состава.

Намечающаяся закономерность соотношений функционального назначения вещи и его химического состава, прослеженная, кстати, и в других культурах,¹⁴⁸ должна явиться темой специального исследования и требует подтверждения серией анализов. Мы лишь отметим общую тенденцию и приведем несколько примеров. Так, предметы украшения и те изделия, которые после отливки в формах не требовали дополнительной проковки, нередко характеризуются повышенным процентом мышьяка (от 6—7 до 22,7% — табл. II, №№ 9, 38, 39, 51; табл. III, №№ 33—34, 59). Этот металл имеет значительную хрупкость. Вместе с тем при наличии в металле большого количества мышьяка он приобретает хорошие литейные свойства, не требующие нагрева до температуры выше 400°.

¹⁴⁵ См. выше, стр. 11.

¹⁴⁶ И. Р. Селимханов. 1) Историко-химические и аналитические исследования..., стр. 157; 2) К истории освоения человеком металлов и сплавов на Кавказе. В сб.: Археология и естественные науки, М., 1965, стр. 139.

¹⁴⁷ С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении, стр. 286.

¹⁴⁸ С. С. Черняков. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. СА, XV, 1951, стр. 154, табл. VI; И. В. Богданова-Березовская. Химический состав металлических предметов эпохи бронзы Бишкенской долины. МИА СССР, № 145, 1968, стр. 167.

Наоборот, изделия, отлитые в формах или в формах для заготовок и требующие дополнительной обработки холодной либо горячей ковкой, содержат в сплаве меньшее количество мышьяка. Примером такого типа изделий могут служить упоминавшиеся уже в связи с рудным делом клевцы, металл которых не должен был быть ломким. Количество мышьяка в исследованных трех таких орудиях весьма незначительно — 1,85, 1,91, 2,06% (табл. IV, №№ 23—25) и 3%.¹⁴⁹ К этой же категории вещей могут быть отнесены топоры и кинжалы (табл. II и III).

Мы уже сказали, что большинство украшений содержало большой процент мышьяка. Вместе с тем металл таких украшений, как булавки с обмоткой из проволоки (могильники Сачхере), требующих при изготовлении горячей проковки, имел малый процент мышьяка.¹⁵⁰

Повсеместное открытие за последнее десятилетие на поселениях куро-аракской культуры литейного дела, однородный (мышьяковистая медь — мышьяковистая бронза) состав почти всех изделий, обилие этих изделий (известно около 250 экземпляров) и их разнохарактерность побудили археологов-кавказоведов к пересмотру ставшего традиционным еще со времени работ Б. А. Куфтина взгляда на памятники III тыс. до н. э. как на относящиеся к периоду энеолита. В ряде работ, появившихся почти одновременно, исследователи, учитывая высокий уровень металлургического производства в III тыс. до н. э., с одной стороны, и открывшиеся за последние годы под слоями этого периода более ранние пласты с отдельными металлическими поделками — с другой, обосновали принадлежность «куро-аракского энеолита» периоду ранней бронзы.¹⁵¹ При этом был учтен высокий уровень куро-аракской культуры в целом.

Формы ведущих типов металлических изделий — орудий, оружия, украшений, часть из которых начала изготавливаться на Южном Кавказе под влиянием переднеазиатских образцов, — видоизменялись, шлифовались на протяжении многих столетий. Мастерство совершенствовалось, передавалось металлургам из поколения в поколение. Для установления времени появления и характера развития ведущих типов металлических изделий особую важность приобретают изделия, обнаруженные в хорошо датированных горизонтах поселений. Это разные типы топоров, копий, штыковидных орудий, кинжалных клинков, булавок, к обзору которых мы и переходим.

Топоры. Медные топоры на Южном Кавказе в III тыс. до н. э. употреблялись повсеместно. Известные экземпляры типологически делятся на три группы, самой ранней из которых является группа архаичных проушных топоров двусторонней формы.¹⁵² Эти топоры отливались в каменных или глиняных двусторчатых формах, затем подвергались вторичной обработке — проковке.

¹⁴⁹ Ц. Абесадзе, Р. Бахтадзе, Т. Двали, О. Джапаридзе. К истории..., стр. 28.

¹⁵⁰ Т. Сакварелидзе и Ф. Тавадзе. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959.

¹⁵¹ А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э. КСИИ, вып. 93, 1963; К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Историческое значение...; О. А. Абибуллаев. Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе. СА, 1963, № 3, стр. 165; Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность, СА, 1964, № 4, стр. 27, прим. 6.

¹⁵² О проушных топорах см.: Б. А. Куфтин. Археологические раскопки..., в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 10; Д. Л. Коридзе. Новые находки..., стр. 137; В. П. Любин. Археологическая разведка в окрестностях г. Сталинград; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 91; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., стр. 25; Э. В. Хавадян. Культура Армянского нагорья..., стр. 47; С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, стр. 27.

Большинство экземпляров оказалось обнаруженным при случайных обстоятельствах. Однако литейные формы топоров на поселениях ставят такие находки на прочное хронологическое место. Это глиняные двусторчатые формы из нижней толщи Кюль-Тепе II (гл. 12.15 м) и Гарни (гл. 2.5 м) и каменная форма из нижнего слоя Шенгавита (гл. 3.34 м — рис. 40, 4, 5, 9). Гипсовый слепок, сделанный в гарнийской форме, дал небольшой клиновидный топорик. Морфологически сходные топоры отличались в двух других формах, что позволяет их считать близкими и по времени. Кюль-тепийская форма лежала на 4 м ниже датированного радиоуглеродным методом горизонта (2920 ± 90 до н. э.). Таким образом, проушные топоры отливались в Закавказье уже на первом этапе куро-аракской культуры в первых веках III тыс. Их верхней гранью нужно считать середину III тыс., так как позднее на смену архаичным топорам на Южном Кавказе пришли топоры другого типа.

Серия внекомплексных находок (14 штук) начинается с наиболее архаичного кованого топора, обнаруженного в ЗАГЭСе, на глубине 10 м вместе с массивным копьём (рис. 41, 1; 43, 2), и близких ему по форме топоров из Игдира (заготовка?, рис. 40, 15) и Сванетии. Они отличаются прямой клиновидной рабочей частью и ровным обухом.

Топоры из различных пунктов Армении (Ленинакан, Эчмиадзин — рис. 41, 2, 5) и Грузии (Меджврис-Хеви, Ялбузи, Брдадзори, Кулбакеби — рис. 41, 3, 4, 6) имеют уже слегка изогнутую рабочую часть и несколько опущенный обух. Эти черты особенно подчеркнуты в топоре из поселения Караз (рис. 41, 7), найденном на глубине 4 м, и в случайной находке из Каралети. В целом они несколько изящнее трех самых древних образцов и занимают как бы промежуточное место между самыми архаичными прямыми топорами и появившимися позднее, главным образом в западной Грузии, серповидно изогнутыми грубчато-вислообушными, сопровождавшимися поздней куро-аракской посудой.

Медные проушные топоры, появившиеся в подражание каменным, в IV тыс. уже изготавливались в Месопотамии, о чем мы узнаем по их глиняным моделям из Ура и Окаира.¹⁵³ Однако ряд исследователей считает, что этот тип топоров впервые сформировался в Иране.¹⁵⁴ Не получив в противоположность боевым топорам с длинной трубкой широкого распространения на Ближнем Востоке, они вместе с тем послужили эталоном для первых закавказских образцов, отливавшихся, как мы видели, уже в начале III тыс. до н. э. На переднеазиатское происхождение указывает медно-никелевый состав большинства предметов, в том числе и проушных топоров майкопской культуры,¹⁵⁵ провакших на Северный Кавказ через Закавказье. Вместе с тем в III тыс. до н. э. производство их было уже налажено, скажем, в Дагестане, о чем свидетельствуют глиняная разъемная форма для отливки проушного архаичного топорика из Гагатлинского поселения III тыс. до н. э., глиняные стержни для отливки аналогичных топоров из поселения того же времени в сел. Мекеги, а позднее — в литейной мастерской Верхнегунибского поселения.¹⁵⁶

В середине III—начале II тыс. до н. э. производство проушных топоров выходит далеко за пределы иранско-месопотамского круга памятни-

¹⁵³ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 183, 209.

¹⁵⁴ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., стр. 8.

¹⁵⁵ А. А. Иессен. К хронологии..., стр. 173; Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии..., табл. 1, стр. 37—38, 49—50.

¹⁵⁶ М. Г. Гаджиев. Гагатлинское поселение — новый памятник раннебронзовой эпохи в горном Дагестане. Тезисы доклада, прочитанного 22 V 1969 в Ленинграде на заседании секции археологии Кавказа Сессии, посвященной 50-летию РАИМК-ИА АН СССР; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 222, рис. 66.

ков, что подтверждается находками их в Малой Азии, Средней Азии, Палестине, Греции, Болгарии, Словакии, Боснии, Трансильвании, на юге СССР, на Украине.¹⁵⁷

Во второй половине III тыс. до н. э. в Закавказье появляются изящные серповидно изогнутые трубчато-вислобушные, так называемые парадные алебарды,¹⁵⁸ большая концентрация которых в районе западной Грузии (Сачхере, Эшери, Чхатури — рис. 41, 8, 10, 14, 15) позволяет предположить, что один из центров их производства был в пределах этой территории. За ее пределами 5 экземпляров происходят из Армении (Лорут, Ленинанкан, Севан, Сурмали, Карская область — рис. 41, 9, 11, 12) и два — из случайно открытого недавно погребения в урочище Маскат-Ком в Юго-Осетии (рис. 41, 16, 17).

Топоры этого типа несколько напоминают получившие широкое распространение в III тыс. до н. э. в Передней Азии (Ур, Киш, Сузы и др.) трубчатообушные боевые топоры.¹⁵⁹ Однако непосредственной связи между ними не улавливается.

Таким образом, производство различных вариантов проушных и трубчато-вислобушных топоров было налажено в IV — III тыс. до н. э. в широких границах иранско-месопотамско-кавказского культурного мира. Появление их в пределах центральных областей России (срубная, фатьяновская культуры) и в Подунавье, очевидно, связано с проникновением их с юга через кавказские транзитные пути.

Наряду с проушными топорами в начале III тыс. в Закавказье отливались и плоские топоры-тесла. Местное их производство и ранняя дата подтверждаются находкой односторчатой литейной формы плоского топора в слое С₁ Квацхелеби, датированном 2800 ± 90 лет до н. э. То обстоятельство, что, помимо этой формы, в Закавказье известны лишь единичные экземпляры таких топоров: два из сел. Тельман Астаринского р-на Азербайджана,¹⁶⁰ один из Дигоми (рис. 48, 18) около Тбилиси и один из верхних горизонтов Каразского поселения (рис. 48, 19), указывает на сравнительную редкость их употребления. Судя по находкам, функции тесел еще долгое время выполняют каменные орудия аналогичной формы. Вместе с тем в Передней Азии медные тесла с начала IV тыс. до н. э. встречаются целыми сериями. Наибольшее их количество этого времени связывается с территорией Ирана (Сузы I, III—IV, Сналк III—IV, Гиссар I С, Пиждели-Тепе); распространены они были в IV — III тыс. до н. э. в Шумере (Гавра XI—XII, Арпачия, Эль-Убеид, Киш), в Анатолии (Аладжа, Мерсин XVI, Троя II), в Средиземноморье.¹⁶¹ Являлись ли образцами для ранних закавказских металлических тесел медные экземпляры Древнего Востока (Ирана), или местные каменные тесла, часто встречающиеся в закавказских памятниках раннеметаллической эпохи, сказать сейчас трудно. Нам представляется вполне допустимым второй вариант. К концу III тыс. до н. э. появляются единичные узкие и длинные тесла (Сачхере), а еще позднее, в период развитой бронзы, различ-

¹⁵⁷ J. Deshayes. Les outils du bronze de l'Indus au Danube, v. II. Paris, 1960, pl. XXIII; В. П. Шялов. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье. МИА СССР, № 60, стр. 11; Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., стр. 8.

¹⁵⁸ О трубчато-вислобушных топорах см.: Б. А. Куфтин. 1) К вопросу..., стр. 15; 2) Археологическая маршрутная экспедиция, стр. 71; О. М. Джанашидзе. К истории грузинских племен..., стр. 144; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., стр. 38.

¹⁵⁹ H. Eliot. Excavations in Mesopotamia and western Iran site of 4000—500 b. c. Cambridge, 1950, лист 33.

¹⁶⁰ Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, М. Г. Нариманов. О древнейшей металлургии Кавказа. СА, 1963, № 4, рис. 5.

¹⁶¹ J. Deshayes. Les outils..., pl. III—VI.

ные типы плоских топоров становятся обычными находками почти в каждом могильнике или кладе Кавказа.

На Северном Кавказе в результате интенсивных связей с югом плоские топоры бытуют уже с середины III тыс. (станции Новосвободная, Вовдвиженская и др.).

Копья.¹⁶² Массивные медные копья с насадом бытовали наряду с проушными клиновидными топорами. Для их изготовления, судя по находке в Амиранис-гора, отливалась продолговатая болванка, которой затем путем расковки придавалась нужная форма (рис. 40, 13). Копья так же как и проушные топоры, в Закавказье вошли в употребление в начале III тыс. до н. э. Хронологическую опору архаичные копья получают с помощью совместной находки такого копья (рис. 42, 2) с проушным топором раннего типа в ЗАГЭСе. Напомним, что литейная форма такого топора из нижних горизонтов поселения Кюль-Тепе II была точно датирована.

Совсем недавно два наконечника копий с насадом были обнаружены вместе с плоскими теслами и керамикой в одном из курганов Астаринского р-на в Азербайджане. Это, пожалуй, первая для Закавказья находка архаичного копья вместе с керамикой куро-аракского типа, которая определяет датировку одной из разновидностей оружия этого типа.

Копья с насадом в Закавказье употреблялись в течение всего III тыс. до н. э., что подтверждается находкой одного экземпляра, скорее всего из погребения, в Сачхере (Царцис-гора, рис. 42, 7). Основная часть Сачхерского могильника должна быть отнесена к 2400—2200 гг. до н. э. вследствие находки там медного штыковидного острья, имеющего близкие аналогии в хорошо датированных переднеазиатских памятниках. На сачхерском копье мы видим уже перо отточенной формы с толстым круглым стержнем посередине, переходящим в короткий четырехгранный насад.

Остальные семь известных экземпляров являются случайно найденными. В Грузии это копья из Осприси, Багинети, Ахалцихе, «Тифлиса»: в Армении — из районов Севана и Кировакана.

Деление известных южнокавказских копий на два варианта — со сплошным круглым черенком, загнутым крючком («Груз. общ. распространения грамотности», ЗАГЭС, рис. 42, 1, 2) и с резко отделенным от круглого черенка четырехгранным насадом (Царцис-гора, «Тифлис», Астаринский р-н, Севан, Осприси, Ахалцихе, рис. 42, 3—7) — целиком совпадает с двумя типами копий, появившихся в Шумере в конце IV и в течение III тыс. до н. э., бытовавших на всем ближнем Востоке. Б. А. Куфтин считает второй вариант более древним и связывает его с шумерскими прототипами. В самом конце IV—начале III тыс. до н. э. они проникают в Серию (Кархемыш, Амук Д, Н), откуда известны не только находки копий, но и серия медных статуэток воинов-копейщиков,¹⁶³ а еще позднее распространяются в Малой Азии (Кара-Хасан, Дундар-Тепе, Хороз-Тепе).¹⁶⁴

Считать северосирийские образцы, как это делает К. Шеффер, прототипами южнокавказских нет оснований. Копья Расшамры (Ugarit ancient

¹⁶² О древних копьях см.: Б. А. Куфтин. 1) Археологические раскопки... стр. 11; 2) Археологическая маршрутная экспедиция, стр. 72; А. А. Иессен. К хронологии..., стр. 172; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 164; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., стр. 29; Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, М. Г. Нариманов. О древнейшей металлургии Кавказа, стр. 21.

¹⁶³ R. Braidwood, L. Braidwood. Excavations in the plain of Antioch. Chicago, 1960, fig. 240—242.

¹⁶⁴ D. B. Stronach. The development and diffusion of metal type in early bronze age Anatolia. AS, VII, 1957, p. 103.

3), на которые опирается исследователь, датируются 2300—2100 гг. до н. э.,¹⁶⁵ в то время как часть закавказских копий бесспорно значительно древнее. Отличаются они и рядом существенных деталей.

Проникнув на Южный Кавказ из шумерийских центров, древние копия стали предметом подражания местных металлургов, о чем свидетельствует литейная форма для заготовки копия из Амиранис-гора. Через тот же Южный Кавказ они попадали и на север, где копия с насадом известны из погребений станиц Царской, Новосвободной и Воздвиженской.¹⁶⁶

В первой трети II тыс. до н. э. копия с насадом сменились втульчатыми. Самое раннее (бронзовое) втульчатое копьё (1800—1700 гг. до н. э.), привезенное, очевидно, из Средиземноморья, в Закавказье обнаружено в XV Триалетском кургане.¹⁶⁷

Штыковидное оружие.¹⁶⁸ Параллельно с копиями в Закавказье были в употреблении так называемые штыки. Приведенные в свое время Б. А. Куфтиным аналогию штыку из Сачхере (Царгис-гора, рис. 42, 10) — древневосточные экземпляры с именами аккадского царя Маништусу (XXV в. до н. э.) и правителя Элама Пузур Шупшинака (2200 лет до н. э.) — позволили отнести сачхерский экземпляр к 2400—2200 гг. до н. э. Таким образом, на Кавказе появление оружия этого типа еще до недавнего времени считалось относительно поздним. Примерно этим же временем датируется штык из квацхельского погребения, синхронного слою В.

Однако находка одного экземпляра на глубине 9,35 м в слое Кюль-Тепе II (рис. 42, 8), средние горизонты которого (гл. 8.50 м) датированы 2920+90 лет до н. э., говорит об употреблении штыков на Кавказе уже в первой половине III тыс. до н. э.

Четвертый экземпляр неожиданно оказался в насыпи Хачбулагского кургана в Карабахе (рис. 42, 11) с погребением периода средней бронзы;¹⁶⁹ возможно, он попал сюда из более ранней могилы. Вместе с тем на бытование штыков во II тыс. до н. э. указывает находка в Верхнегунибском поселении.¹⁷⁰ Это единственный экземпляр, известный сегодня с территории Северного Кавказа.

Штыки в Передней Азии появились одновременно с копиями и имеют одинаковый с ними ареал, хотя штыки в пределах этого ареала встречаются значительно реже, чем копия. Самые ранние экземпляры происходят из Урского некрополя.¹⁷¹ Из Шумера они распространились в Сирию (Кархемыш, Тиль-Барсиб), Анатолию (Соли, Тарсус и др.),¹⁷² Иран (Гиссар III);¹⁷³ дата этих штыков — вторая половина III — начало II тыс. до н. э. К 2500 и 2200 гг. до н. э. относятся штыки с именем аккадского и эламского правителей.

Кинжалы.¹⁷⁴ Медные кинжалные клинки — один из первых видов металлического оружия. В Закавказье они были в употреблении по край-

¹⁶⁵ C. Schaeffer. *Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie occidental*. London, 1948, p. 549, fig. 55.

¹⁶⁶ А. А. Иессен. К хронологии..., стр. 172.

¹⁶⁷ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. CVI.

¹⁶⁸ О штыковидном оружии см.: Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция, стр. 74; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 159.

¹⁶⁹ И. Нариманов и Г. Исмаилов. Археологические раскопки в Хачбулаге в 1959 г. Изв. АН АзССР, 1961, № 3, стр. 25, табл. 1.

¹⁷⁰ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 137.

¹⁷¹ Г. Чайлд. Древнейший восток..., стр. 243.

¹⁷² D. B. Stonach. *The development...*, p. 113.

¹⁷³ E. Schmidt. *Excavations at tepe Hissar*. Philadelphia, 1937.

¹⁷⁴ О кинжалах см.: О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 151; К. Х. Кушнарева. Памятники медного века в Нагорном Карабахе. СА, XXI, 1954, стр. 173.

ней мере уже в IV тыс. до н. э. (поселение Техут в Армении). Ранние клинки, изготовлявшиеся путем холоднойковки и подражавшие распространённым в энеолите каменным ножам, бесспорно возникли на местной почве. С освоением процесса литья технология изготовления клинков изменилась: для этого первоначально отливалась продолговатая заготовка, которой потом путем расковки придавалась нужная форма.

Рубежом IV—III тыс. до н. э. датируются клинки из слоя Д Хизанаант-гора (рис. 42, 12, 13). В первой половине III тыс. они широко применяются уже во всем Закавказье (Квацхелеби С₁, Геой-Тепе К₁, погребения №№ 7 и 36 Амираанис-гора, Степанакертские курганы, Элар, рис. 42, 14—22). Ранние клинки обычно небольшие, имеют подтреугольную или листовидную форму и черенок для насадки рукоятки. Позднее размеры клинков увеличиваются, появляется центральное ребро твердости или выделенная вдоль клинка плоскость, а на черенке — отверстия для закрепления рукоятки (рис. 42, 17, 19, 20, 22, 23).

Значительно реже изготовлялись клинки с металлической узорчатой рукояткой, об употреблении которых уже в первой половине III тыс. до н. э. мы узнаем по рельефному изображению кинжала на крупном сосуде из Квацхелеби (С₁). Кинжалы этого типа бытовали в течение всего III тыс.; два таких экземпляра дали Сачхерские могильники конца III тыс. до н. э. (Цардис-гора и Корети — рис. 42, 32, 33). Изготовление их представляло сложный процесс: откованный клинок вставляли в восковую модель рукоятки, затем все вместе заформовывали в глиняную форму; просушив форму, вылив воск и прокалив форму, в ней отливали рукоятку.¹⁷⁵

Кинжалы этого типа специфичны только для Южного Кавказа; ни в Иране, ни в Месопотамии, ни в Анатолии¹⁷⁶ они не встречаются. Возможно, что производство их было налажено где-то в западных районах Грузии, где обнаружены пока два единственных экземпляра.

Серпы.¹⁷⁷ Первые медные серпы в Закавказье, пришедшие на смену каменным и глиняным, начали применяться уже в начале III тыс. до н. э. Они изготовлялись здесь же, на поселениях, о чем можно судить по литому, но не откованному серпу из слоя С Хизанаант-гора. Находки серпов в значительно удаленных друг от друга пунктах свидетельствуют о широком их распространении на Южном Кавказе в первой половине III тыс. н. э. Это серпы из Кюль-Тепе II (гл. 10.75 м) и Гарни (рис. 42, 28, 29). Форма серпов, а также сходство сопровождающей керамики заставляют считать их примерно одновременными.

Наряду с широколезвийными серпами в III тыс. до н. э. бытовали и узколезвийные, найденные в верхних слоях Амираанис-гора, Караза (рис. 42, 27, 30) и в Пулуре. Возможно, эти серпы надо рассматривать как свидетельство дальнейшего развития широколезвийных; здесь уже выделяется рукоятка, а передний конец несколько загибается. Датировка упомянутых серпов не уходит глубже середины III тыс. до н. э. Особо стоит серп из слоя С Хизанаант-гора; о форме его говорить трудно, так как после отливки он так и остался нераскованным.

В Шумере вследствие отсутствия местного камня и металла широко использовались глиняные серпы углообразной формы.^{178—179} Возможно, что именно такие серпы послужили образцами для части южнокавказских экземпляров; во всяком случае, кюль-тепинский серп по своей форме очень близок глиняным.

¹⁷⁵ Т. Сакварелидзе и Ф. Тавадзе. Бронзы древней Грузии, стр. 24.

¹⁷⁶ D. B. Stronach. The development... p. 89; H. Eliot. Excavations...

¹⁷⁷ О серпах см.: Э. В. Ханзадян. Культура Армянского нагорья..., стр. 59.

^{178—179} Возникновение земледелия и скотоводства, рис. 14, 2.

Вместе с тем в Иране, где металла было достаточно и откуда он вывозился в соседние страны, в IV тыс. до н. э. уже широко применяются металлические серпы (Гавра VIII, Сузы III).¹⁸⁰ Не исключено, что первые формы металлических серпов проникли на Южный Кавказ именно отсюда; поразительное сходство серпов из Суз и Гарни служит как бы некоторым подтверждением этому. Таким образом, часть местных серпов могла быть сделана в подражание металлическим переднеазиатским серпам.

Во второй половине III—начале II тыс. до н. э. металлические серпы распространяются повсеместно. Они обнаружены сериями при раскопках в Месопотамии (Вавилон, Киш, Тель-Асмар и др.), Сирии (Рас-Шамра, Атхана), Иране (Сналк, Сузы), Анатолии (Алишар, Аладжа, Бейтисултан).¹⁸¹ Однако поздние серпы уже резко отличаются от своих архаичных прототипов.

В заключение упомянем три небольших медных орудия со свернутой втулкой — из краеведческих музеев в Ахалцихе и в Местия неизвестного происхождения и из Цинцаро, в Триалети.¹⁸² Аналогии им уводят в Переднюю Азию, где орудия со свернутой втулкой обнаружены в Урском некрополе, в Кише, в Джамшиди.¹⁸³ По-видимому, и южнокавказские экземпляры имеют переднеазиатское происхождение.

Вместе с медным оружием и орудиями труда в памятниках куро-аракской культуры постоянно встречаются более мелкие вещи и украшения: иглы, шилья, рыболовные крючки, бусы, спиральные браслеты, височные кольца, подвески, булавки, диадемы (рис. 43); многие из них сохраняли свой облик на протяжении не одного столетия. Именно поэтому данная категория вещей не может служить опорой для датировки других изделий.

Исключением служат некоторые типы булавок с полукруглым навершием, оканчивающимся двумя волутами, с петлевидной головкой и проволоочной обмоткой, и булавки Т-образной формы. Эти типы украшений бытовали определенный, сравнительно недолгий отрезок времени. Интересен способ изготовления первых, при котором на плоскую основу навершия припаявались две спирально закрученные проволоки. Булавки эти стали появляться на Южном Кавказе в первой половине III тыс. до н. э., о чем свидетельствуют находки в погребениях Квацхелеби (под слоем С₁), Урбиси, Дзагина (рис. 43, 2, 4, 11).¹⁸⁴ Во второй половине III тыс. до н. э. этот тип булавок как будто исчезает. В памятниках Ближнего Востока булавки эти не встречаются, тогда как в Закавказье найдено уже несколько экземпляров. Любопытно, что в некоторых южнокавказских памятниках встречены небольшие подвески той же формы. Этот же мотив нередко включался в состав орнаментальных украшений на куро-аракской посуде. Последнее позволяет думать, что булавки такой формы являются чисто местными изделиями, не имеющими прототипов в переднеазиатских изделиях.

Последнее нельзя сказать о другом типе булавок, несколько напоминающем вышеописанные, но не имеющем плоской основы навершия. Головка здесь состоит из тех же двух плоско раскованных в основании проволоочных спиралей. Эти булавки в отличие от первых имели широкий

¹⁸⁰ Г. Чайлд. Древнейший Восток... стр. 216.

¹⁸¹ J. Deshayes. Les outils... pl. XV—XVII.

¹⁸² Т. Н. Чубинишвили, О. С. Гамбашидзе, Т. Татишвили. Археологические разведки в южных районах Грузии. СА, 1957, № 4, стр. 119, рис. 3, 8; Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях... стр. 308, рис. 10, 8.

¹⁸³ L. Woolley. Ur Excavations, II. 1934, London, pl. 228, fig. 28; G. Conteneau et R. Ghirshman. Fouilles du Tere-Guyan. Paris, 1935, pl. XXIV, 5.

¹⁸⁴ Л. А. Чилашвили. Городище Урбиси, стр. 20, рис. 4; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен... стр. 208, рис. 44, 8; Л. И. Глоэти и А. И. Джавахишвили. Урбиси I, табл. XXXV—XXXVI.

ареал и бытовали в IV—III тыс. до н. э. в Иране (Сялк IV, Гиссар II), Афганистане (Мундгак II, IV), Средней Азии (Анау II), Анатолии (Троя II).¹⁸⁵ К III тыс. до н. э. бесспорно относится единственная такая булавка из Закавказья (Бешташени, рис. 43, 1).¹⁸⁶ В конце III—во II тыс. до н. э. они в несколько видоизмененном виде встречаются сериями как в Закавказье (Корети, Квасатали и др.),¹⁸⁷ так и на Северном Кавказе. В начале I тыс. до н. э. такие булавки все еще продолжают встречаться в Средней Азии.¹⁸⁸

Булавки с петлевидной головкой и проволоочной обмоткой представляют большой интерес с точки зрения технологии изготовления.¹⁸⁹ Стержень, доходящий иногда до 50 см, и проволока изготовлялись раздельно. Затем проволока с помощью кузнечной сварки приваривалась вокруг него. Камень с несколькими отверстиями из слоя примерно того же периода «жилого холма» Наохваму в Колхиде показывает, что проволоку могли изготавливать также путем волочения. Находки булавок подобного типа концентрируются в позднем памятнике куро-аракской культуры — Сачхерском могильнике (Начеркезеви, Корети, Даагина — рис. 43, 10, 15, 20, 21).¹⁹⁰

Булавки этого типа встречаются далеко за пределами Кавказа; их хронологический диапазон достаточно широк. Так, первой половиной III тыс. до н. э. датируется набор булавок из Сялка IV и Амука (фаза H),¹⁹¹ а началом II тыс. до н. э. — из Рас-Шамры.¹⁹² Еще позднее они с юга распространились в Европу. Таким образом, эта форма булавок не является местной, кавказской.

С этими булавками в том же Сачхерском могильнике встречаются длинные булавки Т-образной формы (Хизанаант-гора, Начеркезеви, Корети — рис. 43, 6—9).¹⁹³ Находки их на Кубани и в Европе датируются уже II тыс. до н. э.¹⁹⁴ В Закавказье они, бесспорно, древнее. Это дало основание О. М. Джапаридзе считать, что булавки эти распространились на север из Закавказья.

Из всех памятников куро-аракской культуры Сачхерский могильник дал наибольшее количество изделий из металла. Кроме описанных выше, здесь было много подвесок, бус, колец, браслетов.¹⁹⁵ Техника их изготовления весьма разнообразна; существенным является то, что часть предметов украшена рельефным орнаментом, полученным путем литья с утратой модели, — способом, особенно широко применявшимся для изготовления сложных изделий в период поздней бронзы.

Значительная концентрация металлического оружия и украшений в могильниках Сачхерского района — погребениях богатых скотоводов-воинов, — а также часто обнаруживающихся при случайных обстоятель-

¹⁸⁵ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 296; E. Schmidt. Excavations..., pl. XXIX; В. М. Массон. Средняя Азия..., рис. 45; E. Herzfeld. Iran in the ancient east. London, 1941, fig. 274; Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия..., табл. XVI, 27—29.

¹⁸⁶ Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий..., рис. 1.

¹⁸⁷ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., табл. XIII, XIX, XXIV.

¹⁸⁸ Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1964, рис. 54.

¹⁸⁹ Т. Сакварелидзе и Ф. Тавадзе. Бронзы древней Грузии, стр. 20.

¹⁹⁰ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., табл. XII, XVIII, XXIV.

¹⁹¹ R. Braidwood and L. Braidwood. Excavations..., pl. 53, 8.

¹⁹² Syria, 1932, pl. XIII, 3.

¹⁹³ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., табл. IX, XII—XIII, XVIII—XIX.

¹⁹⁴ F. Hauser. Die Nadelformen des prähistorischen Kaukasus gebieten. ESA, VII, Helsinki, 1932, s. 113, Abb. 3.

¹⁹⁵ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., табл. XX, XXIV.

ствах на территории западной Грузии медных изделий III тыс. до н. э. — указывает на существование здесь в этот период достаточно серьезного металлообрабатывающего центра, выпускавшего широкий ассортимент изделий. Надо полагать, что питающим этот центр источником являлись меднорудные — залежи Чорохского и Аджарского районов. Напомним, что из 309 медных месторождений Закавказья 110 зафиксировано именно в этих местах.¹⁹⁶

Одно из свойств изделий из металла — их относительная долговечность. Металлические вещи живут значительно дольше керамических изделий. Формы их подчас не претерпевают никаких изменений в течение многих столетий. Поэтому попытка дробного членения южнокавказских изделий из металла, как это, например, можно сделать с керамикой, не увенчалась успехом. Опираясь на данные стратиграфии, удается пока наметить лишь два этапа металлообработки III тыс. до н. э.; в пределах каждого из них формы металлических изделий оставались относительно стабильными.

Для первого этапа (первая половина III тыс. до н. э.) характерны проушные топоры клиновидной формы, широкие топоры-тесла, копья с насадом, штыки, плоские кинжальные клинки с черенком, широколезвийные серпы, булавки с полукруглым навершием и двумя волютами. Для второго этапа (вторая половина III тыс. до н. э.) — трубчато-вислообушные топоры, копья с насадом, штыки, узколезвийные серпы, кинжалы с узорчатой металлической рукояткой, булавки Т-образной формы и булавки с петлевидной головкой и проволоочной обмоткой.

Таким образом, уже на первой стадии определяющим моментом являлось литейное дело — главное достижение «рудного периода», при котором широко используются: 1) руда, 2) топливо и огонь, 3) дополнительная подача воздуха, 4) различные инструменты, печи, тигли.¹⁹⁷

Сказанное предопределяет и подход к материалам, которые надо рассматривать как единое культурно-историческое явление в рамках III тыс. до н. э. в целом. В этом плане попытки членения куро-аракской культуры на период энеолита и период ранней бронзы окончательно теряют под собой почву. Металлурги III тыс. до н. э. свободно владели выплавкой металла из руды, совместной плавкой различных металлов с достигнутым нужных соотношений, отливкой изделий в формах, холодной и горячей ковкой, кузнечной сваркой, изготовлением проволоки с помощью волочения и отливкой изделий по восковой модели.

В самом конце III—начале II тыс. до н. э. на базе всех этих достижений начинают появляться изделия из сложных сплавов на медной основе, где, помимо мышьяка, характерного для ранних сплавов, встречаются такие элементы, как олово (табл. IV, 2—5), сурьма (табл. III, 52—60), олово и свинец (табл. IV, 3—5), олово, сурьма и свинец (табл. IV, 1). Таким образом, в этот период в употребление постепенно внедряются оловянистые и сурьмяно-мышьяковистые бронзы, свидетельствующие об определенном прогрессе металлургического производства. Напомним, что несколько раньше, в начале—середине III тыс. до н. э., в единичных вещах мы наблюдаем, кроме мышьяка, лишь искусственную примесь свинца (табл. II, 50, 52) и цинка (табл. II, 49, 50).

Иными словами, в период куро-аракской культуры были освоены многие сложные процессы металлургического производства, характерные для периода бронзы в целом.¹⁹⁸

¹⁹⁶ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди..., стр. 32.

¹⁹⁷ R. Forbes. Metallurgy in antiquity, p. 24.

¹⁹⁸ В сопоставлении с этими данными определенное недоумение вызывает неосведомленность одного из представителей зарубежной науки Дж. Мелларта, утверждающего в одной из своих последних работ, что ни один из найденных

Результаты спектрального полуколичественного анализа,

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As
1	Обломок металлического предмета	Основа	0.003	0.07	—	—	0.005	0.4
2	Обломок бусины	»	—	—	0.01	—	—	—
3	Обломок неизвестного предмета	»	—	—	0.05	—	—	—
4	Обломок металлического предмета	»	0.0005	0.01	—	0.0005	0.1	0.02
5	То же	»	0.001	0.01	—	0.0002	0.01	0.005
6	» »	»	0.0005	0.01	—	0.0005	0.1	0.02
7	» »	»	0.001	0.01	—	0.002	0.01	0.005
8	Наконечник стрелы	»	0.003	0.15	—	0.02	—	1.14
9	Четырехгранное шило (обломок)	»	0.02	0.07	—	0.025	—	3.8
10	Нож	»	0.01	0.01	—	—	—	5.4
11	Проколка	»	0.002	—	—	0.003	0.2	1.15

Примечание. Здесь и далее в таблицах тире означает «нет».

Результаты спектрального

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb
1	Литейная форма (обломок)	Основа	—	0.02	—	0.015	0.04
2	» » »	»	0.005	0.035	—	0.008	—
3	Кусок окисленного металла	»	0.003	0.14	—	—	0.02
4	Кусок шлака	»	—	0.10	—	—	—
5	Витая булавка (обломок)	95.9	0.015	0.002	—	0.002	0.01
6	Нож (обломок)	65.9	0.004	до 0.004	—	—	—
7	Шило с изогнутым концом (обломок)	95.5	0.001	—	—	—	—
8	Витая булавка (обломок)	94.42	0.03	<0.01	0.2	<0.001	—
9	Булавка с головкой	Основа	0.002	0.03	—	<0.001	—
10	Стержень (обломок)	»	0.001	—	—	—	—
11	Булавка с головкой	»	0.003	0.09	—	—	0.005
12	Булавка (обломок)	»	0.003	<0.001	—	—	—
13	Нож (обломок)	95.65	0.001	0.3	—	—	—
14	Небольшой кривой нож (серп)	74.93	0.003	<0.01	—	—	—
15	Наконечник копья со стержнем	94.4	0.002	0.03	0.02	—	0.015
16	Четырехгранная проколка со стержнем	94.9	0.008	0.002	0.03	0.002	0.01
17	Обломок неизвестного предмета	95.65	0.002	—	—	—	—
18	Маленькая проколка	96.4	0.002	0.001	0.02	0.03	0.007
19	Проколка	Основа	0.001	0.005	—	—	—
20	Четырехгранное орудие с плоскими концами	94.1	0.01	0.03	0.017	0.002	0.03
21	Клиновидный клинок	97.30	0.06	0.05	0.05	0.10	0.03
22	»	96.80	0.005	0.03	0.005	0.10	0.03
23	Клевец	96	0.03	0.04	+	—	—

Таблица I

(по Н. Р. Селимханову и Ж. Р. Марешаеву)

Ag	Au	Ni	Co	Fe	Mo	P	Место находки
0.043	—	0.01	—	—	0.2	0.05	Поселение Кюль-Тепе, I слой
0.004	—	0.001	—	—	0.1	—	То же
0.014	—	—	—	—	0.1	—	» »
0.01	?	0.01	?	0.05	?	0.05	Поселение Техут
0.01	?	0.03	?	0.05	?	0.05	То же
0.01	—	0.01	—	0.05	—	0.05	Поселение Геой-Тепе, слой M
0.01	—	0.03	—	0.05	—	0.05	То же
0.1	—	0.005	—	0.001	0.5	1.05	Поселение Кюль-Тепе, I слой
0.18	—	0.1	—	0.05	—	—	Поселение Техут
0.001	—	0.002	—	1.1	—	—	То же
0.013	—	1.6	0.02	—	0.02	—	Поселение Кюль-Тепе, I слой

Таблица II

химического анализа, %

As	Ag	Au	Ni	Co	Fe	Mo	P	Место находки
11.56	0.019	—	0.001	0.002	>1.0	—	0.10	Поселение Кюль-Тепе, II слой
2.01	0.0005	—	0.002	0.001	>1.0	—	0.20	То же
6.12	0.004	—	0.015	0.003	>1.0	—	0.45	» »
3.42	0.0005	—	0.002	0.002	>1.0	—	—	» »
3.35	до 0.1	0.001	—	—	0.22	—	—	» »
3.59	до 0.1	—	—	—	—	—	0.05	» »
3.65	0.0319	0.02	0.004	—	0.1	—	—	» »
3.81	до 0.1	—	—	—	—	—	—	» »
6.09	до 0.1	—	—	—	0.01	0.004	0.8	» »
6.79	0.0532	0.003	0.005	—	1.0	—	—	» »
1.74	до 0.1	0.001	0.01	—	0.07	—	+	» »
2.35	до 0.1	—	—	—	—	—	0.04	» »
3.21	до 0.1	—	0.001	—	0.4	—	0.1	» »
4.06	до 0.1	0.004	<0.001	—	—	—	—	» »
4.95	до 0.1	—	0.005	—	0.1	—	—	» »
4.37	до 0.1	0.001	0.001	—	0.1	—	—	» »
3.75	до 0.1	0.001	0.01	—	0.1	—	—	» »
2.73	до 0.1	—	0.06	—	0.02	—	—	» »
3.76	до 0.1	0.0005	0.01	—	0.1	—	0.3	» »
4.42	до 0.1	0.001	0.018	—	0.35	—	0.1	» »
1.54	0.048	0.003	0.02	—	0.20	—	—	Степанакерт, курган № 125
2.11	0.03	0.044	0.06	—	0.35	—	—	» курган № 119
3	+	—	0.01	—	0.01	—	—	Алаверди

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb
24	Вислобужный топор	96	+	0.01	0.02	—	0.05
25	Серп	94	+	+	+	—	0.02
26	Крюк	Основа	0.02	0.02	—	—	0.15
27	Остатки металла в тигле	Много	0.02	0.01	—	—	0.5
28	Нож	95	0.01	0.01	—	+	—
29	Кинжал	98	+	+	—	—	0.01
30	»	96	+	+	0.1	—	—
31	Наконечник копья	96	+	+	0.02	—	+
32	Браслет	98	+	0.01	—	—	0.03
33	»	96	+	0.1	—	—	0.02
34	Кинжал	95	0.2	0.4	0.6	+	0.2
35	»	96	0.9	0.3	—	+	0.3
36	Наконечник стрелы	77.92	—	—	0.01	—	+
37	Браслет	96.22	—	0.1	—	—	+
38	Бусина биконическая	71.37	—	—	—	—	0.86
39	»	79.13	—	—	—	—	0.5
40	Штык	96.99	—	0.06	0.01	—	+
41	Бусина круглая	96.38	—	0.03	—	0.001	+
42	Бусина массивная круглая	97.44	—	0.02	—	—	+
43	Фрагмент металла	Основа	—	0.003	—	0.0005	—
44	Колечко	»	0.0005	0.01	—	0.0005	0.03
45	Колечко	»	0.03	0.5	—	0.0005	0.2
46	Ракетовидная булава	»	0.0005	0.003	—	0.0005	—
47	Наконечник дротика	»	0.02	0.002	0.005	0.0005	0.03
48	Кольцо	»	—	—	—	0.01	—
49	Бусина	77.47	—	0.04	5.0	0.001	+
50	Подвеска грушевидной формы	91.5	—	1.15	1.0	—	1.15
51	Обломок бусины	63.18	—	—	—	—	1.11
52	Четырехгранное шило	Основа	0.05	14.7	—	0.004	—

Примечание. Анализ произведен в лабораториях Института истории и археологии АН

Результаты спектрально-

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As
1	Кинжал с черенком	94.55	—	—	—	—	—	4.00
2	Лезвие кинжала	96.12	—	—	—	—	—	1.64
3	»	96.86	—	—	+	—	—	2.83
4	»	96.38	—	—	—	—	—	3.40
5	»	94.88	—	—	—	—	—	5.00
6	Лезвие кинжала с орнаментиро- ванной рукояткой	94.55	—	+	—	—	—	4.00
7	То же, рукоятка	94.55	—	—	—	—	—	4.00
8	Лезвие кинжала	Основа	—	0.05	—	—	—?	4.00
9	Кинжал с орнаментированной рукояткой	95.30	—	—	—	—	+	3.01
10	Кинжал	96.00	—	—	—	—	+	3.10
11	Топор вислобужный	93.30	—	—	—	—	+	6.00
12	»	96.38	—	—	—	—	+	3.10
13	»	94.50	—	—	+	—	+	5.08
14	»	93.87	—	—	+	—	—	5.50
15	»	95.00	—	—	—	—	+	3.75
16	Топор плоский	97.8	—	—	—	—	+	1.80
17	»	96.95	—	—	—	—	—	2.60
18	Топор	97.37	0.24	—	—	—	0.12	1.45

Таблица II (продолжение)

As	Ag	Au	Ni	Co	Fe	Mo	P	Место находки
3	+	—	+	—	0.1	—	—	Араратская долина
5	+	—	0.01	—	0.02	—	—	Гарни
1.2	0.022	—	0.02	—	0.7	—	—	»
1.5	0.01	—	0.007	—	Много	—	—	»
4	+	+	0.1	—	—	—	—	Элар
1.5	+	+	0.15	—	—	—	—	»
3	+	0.01	+	—	—	—	—	»
3	+	0.01	0.07	—	—	—	—	»
1.5	+	0.01	+	—	—	—	—	»
3	+	0.01	0.08	—	—	—	—	»
3	+	—	0.08	—	0.4	—	—	Зангезур
2	+	—	0.1	—	0.01	—	—	Мегри
1.56	—	—	+	—	+	—	—	Квацхелеби, погребение 1
2.09	+	—	+	—	+	—	—	Квацхелеби, погребение 2
16.55	+	—	—	—	+	—	—	То же
14.63	—	—	—	—	—	—	—	» »
3.75	—	—	+	—	+	—	—	Квацхелеби, погребение 3
2.32	+	—	+	—	+	—	—	То же
2.41	+	—	+	—	+	—	—	Квацхелеби, погребение 4
1.0	0.1	—	0.002	—	0.3	—	—	Поселение Геой-Тешо, го- ризонт K ₁
1.0	0.01	—	0.003	—	—	—	—	То же, горизонт K ₂
0.2	0.01	—	0.005	—	0.5	—	—	То же, горизонт K ₁
0.2	0.01	—	0.0006	—	0.001	—	—	То же, горизонт K ₂
0.1	0.1	—	0.005	—	0.3	—	—	То же, горизонт K ₁
—	0.05	—	—	—	0.02	—	—	Гарни
2.77	—	—	—	—	+	—	—	Квацхелеби, погребение 2
3.30	—	—	+	—	+	—	—	То же
22.70	—	—	—	—	—	—	—	» »
5	0.11	—	0.005	—	0.07	—	—	Гарни

АзССР, музея истории Грузии и археологической технологии ЛОИА АН СССР.

Таблица III

химического анализа, %

Ag	Au	Ni	Co	Fe	Mn	Si	Ca	Al	S	P	Место находки
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	Корети, 1954
—	—	—	—	0.16	—	—	—	—	—	—	Амприанис-гора
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	Корети, 1955
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	То же
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	» »
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	Корети, 1954
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	То же
0.1	—	<0.01	—	+	—	0.01	—	—	—	—	Корети, 1955
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	Сачхере, 1951
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	» 1946
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	» 1929
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	Корети, 1954
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	» 1955
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	То же
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	Сачхере, 1929
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	То же
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	Ахалцихский музей
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Неизвестно

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As
19	Топор	97.26	0.53	—	—	—	—	1.32
20	»	95.80	—	—	—	—	—	3.00
21	Топор	97.63	—	—	—	—	—	1.99
22	»	94.48	—	—	—	—	—	4.17
23	Клевец	97.30	—	—	—	—	—	1.85
24	»	97.30	—	—	—	—	—	1.91
25	»	97.60	—	—	—	—	—	2.06
26	Копье	94.40	—	—	—	—	—	3.55
27	»	93.13	—	—	—	—	—	4.51
28	Панцырь А (обломок)	97.61	+	—	—	—	—	1.97
29	Панцырь В »	97.57	—	—	+	—	—	1.58
30	Панцырь С »	97.65	—	—	+	—	—	1.48
31	Т-образная булавка	94.40	—	—	—	—	+	3.30
32	»	95.13	—	—	—	—	—	2.68
33	»	90.41	—	—	—	—	—	7.91
34	Булавка с петлей	90.05	—	—	—	—	—	7.82
35	»	94.40	—	—	—	—	—	4.90
36	Кинжал с орнаментированной рукояткой	95.84	—	0.08	—	—	0.21	1.8
37	Топор вислобушный	95.72	—	0.11	+?	—	0.22	1.50
38	Булавка с петлей	85.91	+?	+	+	—	0.30	2.96
39	Копье	94.29	—	—	—	—	0.30	4.66
40	Штык	95.76	—	—	—	—	0.31	9.00
41	Топор вислобушный	95.11	—	0.15	+?	—	0.35	2.00
42	Кинжал с орнаментированной рукояткой	95.46	—	0.09	—	—	0.37	2.05
43	Топор вислобушный	95.76	—	—	+?	—	0.41	1.35
44	Кинжал	94.48	—	0.12	—	—	0.41	2.10
45	Топор вислобушный	95.25	—	—	+?	—	0.43	1.75
46	Кинжал	95.00	—	—	—	—	0.60	1.95
47	Топор вислобушный	95.00	—	—	—	—	0.61	1.90
48	Топор вислобушный	94.48	—	—	—	—	0.70	1.20
49	Топор	95.40	—	—	—	—	0.72	2.21
50	Булавка с петелькой	95.00	—	—	—	—	0.74	3.84
51	Топор вислобушный	93.90	—	0.07	—	—	0.75	2.00
52	»	95.43	—	—	+?	—	1.00	3.20
53	Долото	95.60	—	—	—	—	1.11	3.14
54	Топор вислобушный	95.35	—	—	+?	—	1.20	3.19
55	»	92.90	—	0.16	—	—	1.21	1.82
56	Кинжал	88.45	—	+	1.03	—	1.86	4.98
57	Топор вислобушный	95.30	—	—	+?	—	2.10	2.45
58	»	94.31	—	—	+?	—	2.60	3.00
59	Височное кольцо	68.80	+	—	—	—	12.64	11.92
60	Топор вислобушный	98.05	—	—	+?	—	1.16	0.78

Примечание. Анализ произведен в химической лаборатории музея истории Грузии.

Результаты спектрально-химического

№ п/п	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb
1	Кинжалный клинок	92.80	1.82	1.22	—	0.006	1.38
2	Листовидный нож	96.90	2.00	0.05	0.07	—	—
3	Наконечник копья	90	7	1.5	0.05	+	0.2
4	Кинжалычк	85.70	9.34	1.33	—	0.002	0.04
5	Височное кольцо	96.30	1.64	1.11	—	0.008	0.03

Таблица III (продолжение)

Ag	Au	Ni	Co	Fe	Mn	Si	Ca	Al	S	P	Место находки
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Меджврисхеви
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Начерквези, 1955
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Садахло
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Святомонт-Хеви,
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1912
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Дманисский р-н
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Неизвестно
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	»
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	Ахалпихский музей
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	Триалети, курган V
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	То же
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	» »
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	Сачхере, 1951
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Корети, 1955
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	То же
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	» »
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	Сачхере, 1946
—	—	—	—	0.22	0.013	—	—	—	—	—	Царцис-гора
—	—	—	—	0.22	—	—	—	—	—	—	Корети
—	—	—	—	0.75	+	—	—	—	—	—	Сачхере, 1910
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Царцис-гора, 1946
—	—	—	—	0.18	—	—	—	—	—	—	Царцис-гора
—	—	—	—	0.28	+	—	—	—	—	—	Сачхере
—	—	—	—	0.32	—	—	—	—	—	—	Царцис-гора
—	—	—	—	0.30	+	—	—	—	—	—	Корети
—	—	—	—	0.17	—	—	—	—	—	—	Сачхере
—	—	—	—	0.18	+	—	—	—	—	—	»
—	—	—	—	0.11	—	—	—	—	—	—	»
—	—	—	—	0.29	—	—	—	—	—	—	Царцис-гора
—	—	—	—	0.15	—	—	—	—	—	—	»
—	—	—	—	0.30	—	—	—	—	—	—	Земоавчалы
—	—	—	—	0.17	+	—	—	—	—	—	Сачхере, 1910
—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	Сачхере
—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	Сачхере, 1929
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	То же
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Сачхере
—	—	—	—	0.20	+	—	—	—	—	—	»
—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	Сачхере, 1910
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	То же
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Сачхере, 1929
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Даагина
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Сачхере, 1910

в спектральной лаборатории Института металлургии Грузии.

Таблица IV

анализа в % (по И. Р. Селимханову)

As	Ag	Au	Ni	Co	Fe	Место находки
2.26	0.023	—	0.002	0.0004	0.03	Хаченагет, курган № 2
0.99	0.44	—	0.004	—	0.35	Астрахан-базар (Узун-Тепе)
0.3	+	—	0.02	—	0.04	Кированан
3	0.005	—	0.008	0.01	0.15	Узерлик-Тепе
0.18	0.004	—	0.009	0.01	0.2	»

Вместе с тем показанный уровень металлургии наряду с другими, не менее важными отраслями экономики резко отличает этот период от предшествующего, энеолитического.

С появлением металлургии значительно оживляется межплеменной обмен. Вещи передвигаются на большие расстояния, становятся нередко образцами, эталонами для серийного производства вдали от места своего первоначального изготовления. Соседство Кавказа с высокоразвитыми странами Передней Азии, где уже в IV тыс. до н. э. металлопроизводство было предметом занятий специалистов-ремесленников, наложило яркий отпечаток на весь дальнейший ход его истории. Из стран Передней Азии проникали сюда готовые изделия, формы которых заимствовались местными мастерами. Так начали выпускаться проушные топоры, копья, штыки, некоторые типы украшений.

Заимствовав тот или иной тип изделия, кавказские металлурги налаживали его серийное производство. На это указывают находки в различных уголках Южного Кавказа одних и тех же предметов, а также некоторых литейных форм. Показателем серийного производства являются многократно использовавшиеся формы из камня, одна из которых, шенгавитская, была отнесена нами выше к началу III тыс. до н. э.

Однако мастерство кавказских металлургов этим не ограничивалось, и уже в начале III тыс. до н. э. они создают свои местные формы изделий. Это специфичные для Закавказья булавки с полукруглым навершием и двумя волтами; позднее сюда подключаются изящные трубчато-вислобушные топоры, кинжалы с узорчатой рукояткой, булавки Т-образной формы, различные подвески.

С изучением памятников Старого Света все ярче и ярче вырисовываются связи, существовавшие в древности между различными его частями. Связи эти выражались как в широком торговом обмене, так и в восприятии культурных и технических достижений, что могло происходить только в странах, близких друг другу по общему уровню развития. Южный Кавказ с его развитой земледельческо-скотоводческой культурой и богатейшими запасами руды явился благодатной почвой для восприятия многих достижений стран Древнего Востока, в том числе и искусства металлургов. Освоив его в короткий промежуток времени, Южный Кавказ и особенно Армянское нагорье уже в III тыс. до н. э. становится мощным очагом металлургии, снабжая в порядке обмена ряд стран Древнего Востока своей медью.¹⁹⁹ Особенно мощные месторождения располагаются южнее Трапезунда по Чороху и в Аргана (Эргани-Маден), юго-восточнее Элязита.²⁰⁰ Наряду с этим кавказское металлургическое сырье и готовая продукция в течение многих последующих столетий буквально наводнили большую часть территорий Юго-Восточной Европы.²⁰¹

керамика

Вылепленная от руки, изящная, разнообразная по формам и орнаментальной декорровке чернолощенная (реже светло- или серолощенная) посуда является ведущим элементом куро-аракской культуры (рис. 44).

на Кавказе металлических предметов не может быть датирован ранее 2600 г. до н. э. См.: J. Møllgaard. The chalcolithic and early bronze age in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966, p. 2.

¹⁹⁹ А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток; Е. И. Крупнов. Кавказ в древнейшей истории нашей страны. ВИ, 1966, № 5, стр. 38.

²⁰⁰ А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток, стр. 6; А. А. Мартиросян. К предистории древнейших этапов культуры Армении. ИФЖ, Ереван, 1960, № 1; Э. Б. Ханзадян. О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении. СА, 1964, № 2.

²⁰¹ К. И. Крупнов. Кавказ в древнейшей истории..., стр. 36—39.

III этап 2400, 2300 - 2000 лет

II этап 2700, 2600 - 2400, 2300 лет

I этап 3000 - 2700, 2600 лет

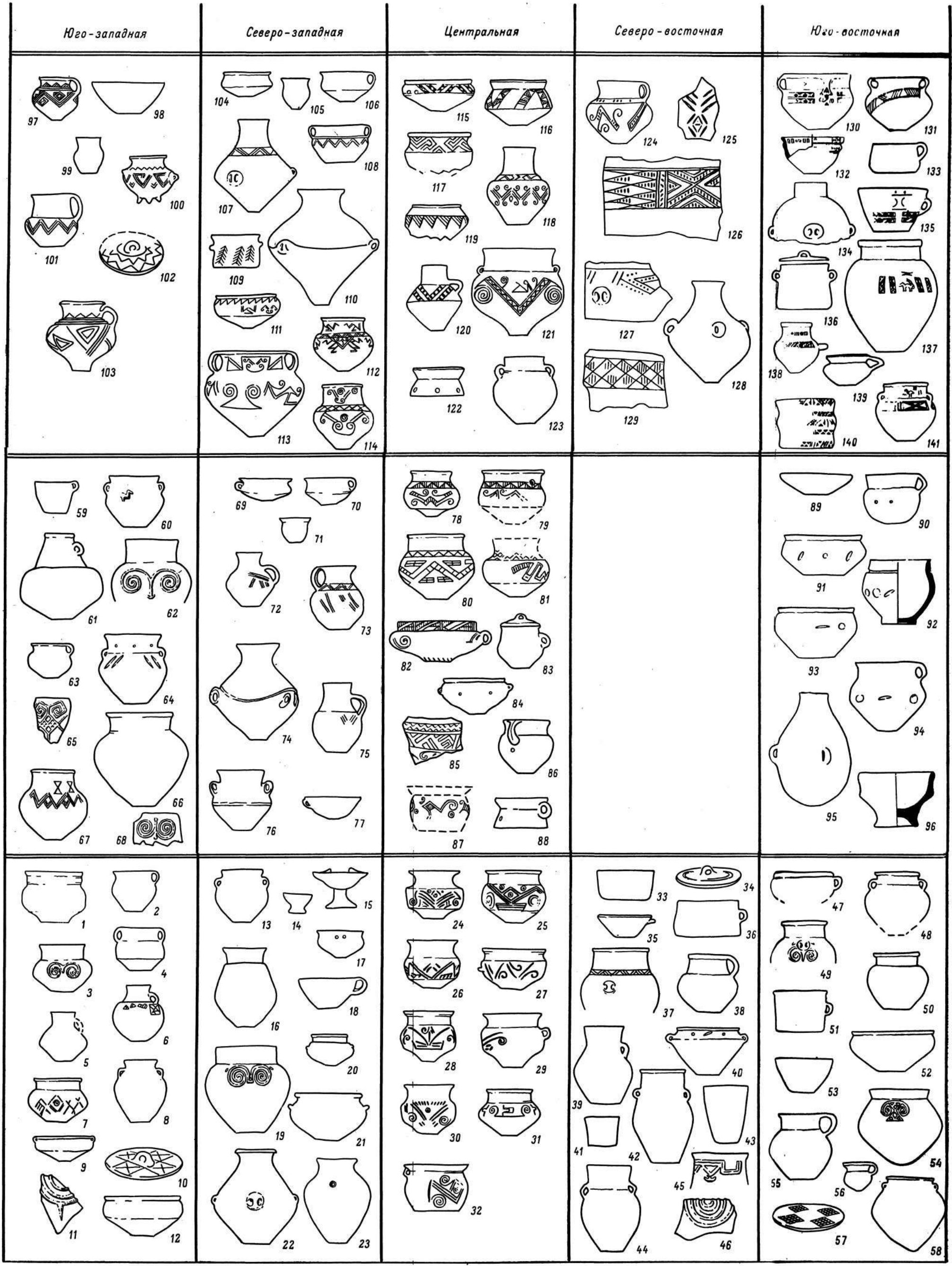


Рис. 44. Основные формы сосудов куро-аракской культуры.

1, 3, 7, 9-10, 12 — Караз; 2, 4-6, 8, 11 — Амиранис-гора; 13-15, 17, 18, 22, 23 — Квачхелеби; 16, 20, 21 — Триалети; 19 — Кикети; 24-30, 32 — Шреш-Блур и Кюль-Тепе (Мохра-Блур); 31 — Арагац; 33, 34, 36-38, 40, 43, 45, 46 — Баба-Дервиш; 35, 39, 41 — Степанакерт; 42, 44 — Мингечаур; 47-51, 53, 55 — Кюль-Тепе; 52, 54, 56-58 — Геой-Тепе; 59-64, 66, 67 — Амиранис-гора; 65, 68 — Караз; 69 — Триалети; 70-77 — Квачхелеби; 78-79 — Маштоц-Блур; 80 — Камо; 81, 85, 87 — Шенгавит; 82 — Кированан; 83, 84, 86, 88 — Элар; 89-96 — Геой-Тепе; 97-103 — Амиранис-гора; 104-106, 108, 110 — Квачхелеби; 107, 112 — Садахло; 109 — Корети; 111, 113, 114 — Шулавери; 115, 116, 120 — Арагац; 117, 119, 121-123 — Шенгавит, 118 — Франгаоц; 124-129 — Баба-Дервиш; 130-133, 135-141 — Яник-Тепе; 134 — Кюль-Тепе.

В Закавказье она получила название «черной керамики со светлой подкладкой»,²⁰² в Анатолии — «керамики восточно-анатолийского раннебронзового периода»,²⁰³ в Сирии — «красно-черной лощеной керамики»,²⁰⁴ в Палестине — «хирбет-керакской керамики».²⁰⁵ Ч. Барней, рассматривая закавказскую и анатолийскую керамику как единое целое, называет ее «керамикой закавказско-восточноанатолийского периода ранней бронзы».²⁰⁶

Эта яркая и своеобразная посуда, встречающаяся в поселениях и могильниках целыми сериями, представляет наиболее массовый археологический материал.

Несколько лет назад авторы настоящей работы при попытке членения металлических изделий периода ранней бронзы Южного Кавказа отмечали, что более дробная периодизация должна быть установлена при исследовании эволюции керамики, столь характерной для материальной культуры каждого отдельного района и в значительно большей степени, нежели металлы, поддающейся изменению во времени.²⁰⁷ Однако еще в то время такая попытка была сопряжена с большими трудностями, ибо в распоряжении археологов отсутствовали хорошо стратифицированные керамические комплексы из многослойных поселений. Интересные построения в этой области ряда исследователей (Б. Б. Пиотровский,²⁰⁸ Р. М. Мунчаев,²⁰⁹ О. М. Джапаридзе,²¹⁰ Ч. Барней,²¹¹ Дж. Мелларт²¹² и др.) основывались, как правило, на типологическом анализе керамического материала.

Первое деление куро-аракской посуды на три этапа, основанное на стратиграфических данных, принадлежит Б. А. Куфтину; к сожалению, наблюдения его базировались на стратиграфии очень небольшого раскопа, заложенного им в пределах Бешташенской крепости в Триалети.²¹³

С появлением публикаций итогов раскопок многослойных поселений, к которым привязываются определенные керамические комплексы, положение значительно облегчилось. Такими поселениями явились Кюль-Тепе II, Караз, Хизанаант-гора, Квачхелеби, Амирапис-гора, Геои-Тепе К, Яник-Тепе. Забегая несколько вперед, отметим, что результаты сравнения удаленных друг от друга керамических комплексов указывают на отсутствие единой шкалы развития куро-аракской керамики на всей территории ее распространения, еще раз подтверждая тезис о том, что, «будучи наиболее местным слагаемым в составе археологических комплексов, керамика дает обычно множество узколокальных вариаций, разобраться в которых можно лишь при достаточном количественно и хорошо документированном материале».²¹⁴

Действительно, характерная для этого периода посуда, взятая в широких границах основного ареала куро-аракской культуры, лишь на первый взгляд представляет определенное единство, резко отличаясь своей черной

²⁰² Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий..., стр. 76.

²⁰³ G. A. Burney. Eastern Anatolia..., p. 165.

²⁰⁴ R. Braidwood and L. Braidwood. Excavations..., p. 358.

²⁰⁵ B. Meisler, M. Stekelis, M. Avijonach. The excavations at Beth-Jerach (Khirbet-el-kerak), 1944—1948. JEL, 1952, v. II, № 3, p. 116.

²⁰⁶ С. А. Burney. Eastern Anatolia..., p. 165.

²⁰⁷ К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили. Историческое значение..., стр. 23.

²⁰⁸ Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949.

²⁰⁹ Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. СА, XXII, 1955, стр. 18.

²¹⁰ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 120, таблица.

²¹¹ С. А. Burney. Eastern Anatolia..., p. 164.

²¹² J. Mellaart. Anatolia, 4000—2300 B. C., p. 18.

²¹³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 115.

²¹⁴ А. А. Иессен. К хронологии..., стр. 175.

(реже серой), часто доведенной до металлического блеска, лощеной поверхностью и изяществом форм от светлой, грубоватой, иногда расписной энеолитической посуды. Она является определенным выражением новой ступени развития материального производства древних обитателей Южного Кавказа и соседних с ними племен, их технических достижений, эстетических требований и вкусов. Однако при детальном анализе этой продукции бросается в глаза ее многообразие, обусловленное существованием локальных вариантов, при которых посуда удаленных друг от друга районов оказывается сопоставимой только своим общим обликом, значительно отличаясь в деталях.

Приступая к анализу керамического материала, который опубликован, к сожалению, крайне неравномерно, авторы поставили перед собой задачу, положив в основу хорошо стратифицированные керамические комплексы, сопоставляя их с соответствующими нестратифицированными материалами, дать подробную характеристику развития керамики в тех или иных частях широкого ареала ее бытования.

Деление керамики эпохи ранней бронзы на три хронологических этапа, предлагаемое авторами, носит чисто условный характер. В основу его, как было сказано, положены керамические комплексы, привязанные к определенным строительным горизонтам поселений. Однако если эти горизонты создавались в результате разрушения одних построек и замены их другими, то развитие керамики носило иной, более плавный, поступательный характер. Переходя из одного горизонта в другой, керамика изменялась постепенно, независимо от смены этих горизонтов. Поэтому и предлагаемое членение будет отражать лишь основные тенденции ее развития примерно на протяжении одного тысячелетия.

Наиболее сложным и существенным представляется вопрос о самых ранних формах этой посуды. В последние годы на ряде поселений под куро-аракскими слоями открыты более древние энеолитические горизонты с грубой лепной светлой посудой, характеризующейся крупными включениями толченого камня или песка либо примесью соломы или травы.²¹⁵ Эта ранее неизвестная на Южном Кавказе керамика резко контрастировала с «куро-аракской» посудой вышележащих слоев, что объяснялось в отдельных случаях либо привнесением последней миграционной волной, либо значительным хронологическим разрывом между энеолитом и ранней бронзой; последнее как бы находило свое подтверждение в существовании стерильной прослойки между слоями энеолита и ранней бронзы на поселении Кюль-Тепе.

На ряде памятников (Шулавери, Геой-Тепе около Садахло, Яник-Тепе) резкая разница, правда, в энеолитической и куро-аракской посуде находит прямое объяснение. Эти поселения в силу каких-то экономических причин к концу энеолита были заброшены и начали вновь обживаться лишь в конце периода ранней бронзы.

Подтверждением отсутствия хронологического разрыва между памятниками этих двух исторических периодов служат два стратиграфических наблюдения: 1) непосредственное перекрывание слоями куро-аракской культуры энеолитических слоев на поселениях Геой-Тепе, Кюль-Тепе(?) Шенгавит, Баба-Дервиш, Хизанаант-гора; 2) наличие смешанных слоев, содержащих энеолитическую керамику и ранние формы куро-аракской посуды на поселениях Амиранис-гора, Абелия, Тетрицкаро, Дидубе, Кикети.²¹⁶

Больше того, теперь, когда в Закавказье стала известна энеолитическая керамика, некоторые комплексы (как, скажем, цхинвальская Нацар-

²¹⁵ См. выше, гл. II.

²¹⁶ См. выше, стр. 32.

гора), относимые раньше к куро-аракской культуре, оказываются значительно удревненными. Просмотр под этим углом зрения и других архаичных керамических комплексов куро-аракской культуры может привести к уточнению их историко-хронологического места.

При установлении архаичных форм куро-аракской посуды авторы пользовались стратиграфическими наблюдениями, фиксирующими момент стыка посуды этих двух периодов, с одной стороны, и типологическим ее сравнением — с другой. Обратимся к материалам поселений, дающих необходимые для нашей темы сведения, и рассмотрим их в пределах выделенных нами территориальных групп.

Для юго-западной группы таким поселением является Амиранис-гора.²¹⁷ Здесь первый строительный горизонт характеризуют



Рис. 45. Поселение Амиранис-гора. Сосуд из первого строительного горизонта.



Рис. 46. Поселение Амиранис-гора. Лощеный сосуд с «пиктограммой» из склепа № 36.

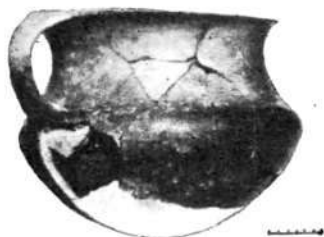


Рис. 47. Поселение Амиранис-гора. «Тканевой» сосуд из погребения № 7.

ямы (№№ 7 и 8) под помещениями второго горизонта (IX и X), два склепа (№№ 36, 16 и погребение № 7) под помещениями XXII и IV и «литейная мастерская». Керамику, найденную здесь, мы относим к первому этапу. Яма № 7 дала две небольшие кружки (на одной двойная ручка), глубокую, овальную в плане миску, сосуд с высоким узким горлом, биконическим туловом и маленькой ручкой на горле, приземистый широкогорлый горшочек, фрагмент глубокой миски с вогнутыми стенками. Все сосуды — светло-бурые, тонкостенные, горшочек — красноватый. В яме № 8 находился крупный двуручный широкогорлый сосуд с резким переходом от горла к тулову, фрагменты грубых светлоглиняных горшков и маленький черноватый горшочек с раструбным венчиком.

На уровне устьев ям был обнаружен небольшой сероглиняный лощеный кувшин с широким биконическим туловом, узким цилиндрическим горлом и одной (обломанной) ручкой (рис. 44, 5; 45); обломки серых сосудов с петельчатыми и полусферическими ручками, часть крупного чернолощеного сосуда с налепом в виде концентрического круга (рис. 21, 44, 11) и маленький красноватый горшочек (рис. 21, 23).

«Литейная мастерская» дала крупный светло-розовый широкогорлый двуручный сосуд (рис. 21, 25; 44, 4) и обломок лощеного сосуда с круглым налепом.

В склепе № 36 был обнаружен крупный тонкостенный, прекрасно-лощенный, одноручный сероглиняный сосуд с узким дном, цилиндрическим, слегка раструбным горлом и сферическим туловом с десятью процарапанными знаками, напоминающими пиктограмму (рис. 44, 6; 46). В склепе № 16 — светло-коричневый одноручный широкогорлый горшок и малень-

²¹⁷ См. выше, стр. 62.

кий чернолощенный одноручный широкогорлый кувшинчик. В погребении № 7 — приземистый широкогорлый одноручный сосуд на тканевой основе (рис. 21, 24; 47). Ранее помещение в святилище на вершине горы дало два светло-кирпичных широкогорлых горшка.

Таким образом, для первого горизонта Амиранис-гора характерно преобладание светлой и бурой посуды над единичными темнолощенными экземплярами и разнообразие форм, среди которых повторяются кувшины с узким цилиндрическим горлом, сферическим или биконическим туловом и широкогорлые одноручные или двуручные сосуды. Полусферические и ленточные ручки сосуществуют. Орнамент налепной (спираль, концентрический круг) либо процарапанный после лощения в виде отдельных знаков. Овальные в плане миски повторяют формы мисок, распространенных в Закавказье в период энеолита (Кюль-Тепе).

Керамика другого крупного памятника юго-западной группы — поселения Караз²¹⁸ — типологически связывается с посудой Амиранис-гора. Авторы раскопок, к сожалению, не до конца разобрались в стратиграфии этого поселения. Вместе с тем фиксация находок по глубинам все же позволяет специально остановиться на особенностях керамики и проследить ее эволюцию на протяжении 6—7 нижних метров девятиметрового слоя основного участка раскопа, где культурные слои оказались несмещенными (рис. 24). Здесь, непосредственно под самым нижним XV горизонтом, лежал халколитический слой, почти не затронутый раскопками. Таким образом, можно считать, что находки XV—XI горизонтов характеризуют наиболее ранний этап куро-аракской культуры на территории восточной Анатолии. Керамика этих горизонтов представлена красно- и чернолощенными разнообразными по формам сосудами. «Розовая подкладка» отсутствует. Самыми архаичными представляются широкогорлые горшки с сильно расширяющимся книзу корпусом и очень глубокие миски, обнаруженные почти на девятиметровой глубине (рис. 24, 50, 54, 59, 60; 44, 1, 9, 12); сосуды эти могут рассматриваться как исходные для некоторых последующих форм и, возможно, должны быть отнесены к переходу от халколита к ранней бронзе. Остальная посуда представлена прежде всего сосудами с разной степенью широким и высоким цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком (рис. 24, 51, 58). Характерная почти для всей ранней группы Караза биконичность и некоторая сплюснутость корпуса имеет на отдельных экземплярах одну особенность — самая широкая часть распределяется ниже половины корпуса, несколько напоминая первый из упомянутых выше архаичных сосудов. На редких экземплярах этого типа на месте перехода от горловины к корпусу прикреплены две небольшие петельчатые ручки. Другая форма — более вытянутые по горизонтали, нежели по вертикали, горшки с резко биконическим профилем тулова и раструбно-воронкообразным горлом (рис. 24, 53).

Сосуды Караза чаще всего орнаментированы, чем очень напоминают керамику Араратской долины. Это либо толстый накладной рельеф, либо более тонкий желобчатый орнамент, либо сочетание этих двух приемов. Накладной рельеф явно преобладает на крупных сосудах и украшает лицевую их часть; это главным образом мотив двойной спирали с помещенной в центре вертикальной накладкой, придающей вместе со спиралями некоторую антропоморфность всему изображению (рис. 24, 56); иногда спираль приобретает углы и напоминает меандровидный рисунок (рис. 24, 26, 28—30). Оба мотива чрезвычайно близки украшениям на крупных сосудах поселения Амиранис-гора (рис. 21, 15).

Другой тип орнамента, выполненный в желобчатой технике, охватывает обычно всю верхнюю часть сосудов и состоит из отдельных геомет-

²¹⁸ См. выше, стр. 67.

рических узоров (углы, треугольники, квадраты, ямки, рис. 24, 49—55). На горловинах обычно имеется дополнительный узор в виде вертикальных желобков, колечек и ямок. Вместе с сосудами в нижних горизонтах встречаются плоские крышки с процарапанным или желобчатым геометрическим орнаментом (рис. 24, 62—65), по рисунку напоминающим орнамент на сосудах.

Огромная коллекция керамики, взятая в широких географических рамках Армянского нагорья, расчленена Э. В. Ханзадян также на три хронологических этапа.²¹⁹ К сожалению, как отмечает автор, ни один из доступных для использования памятников не дал четкой стратиграфии. Поэтому при построении классификации приходилось ограничиваться типологическим методом.

Посуда первого этапа имеет, как правило, трехчастное деление и лицевое украшение средней части тулова, выполненное глубоко-выемчатым или рельефным способом (рис. 44, 24—32). Доминирующие мотивы композиций — спирали, концентрические круги, сочные штрихи, орнамент в виде елочки и усиков. Автор склонен воспринимать их как условное изображение различных стихий природы — солнца, воды, гор, растений и пр.²²⁰

В этот период, по мнению автора, на территории Армянского нагорья существовали три локальные группы керамики — каразская, описанная нами выше, шреш-блурская и корнуто-кировкаканская. Вторую группу составляет керамика таких памятников, как Шреш-Блур, Кюль-Тапа, частично Шенгавит, Яйджи, Сарн-Ахпюр, Арагац и др. Для нее характерен глубоковыемчатый и штриховой орнамент, komponующийся из различных растительных мотивов. Третья группа локализуется севернее двух первых, в районе Кировакана; для нее характерны композиции, выполненные в той же технике, в которых спирали и концентрические круги играют ведущую роль.

Указывая на большое разнообразие керамики Армянского нагорья, автор считает именно эту область очагом распространения куро-аракского типа в целом.

Мы не можем в этой связи не коснуться построений Ч. Барнея, также разделившего «закавказско-восточноанатолийскую керамику периода ранней бронзы» на три хронологических этапа. Его классификация основана также на типологическом методе, без учета стратиграфии. В распоряжении автора был главным образом подъемный материал из серии открытых им в восточной Анатолии поселений и несколько публикаций по Закавказью. Первый этап, с его точки зрения, характеризуется определенной однородностью форм и орнаментации, исчезающей в последующих этапах. Здесь, особенно на крупных кувшинах, преобладает рельефовидный венчик, треугольные выступы-ручки (области Элязиг—Малатья, равнина Муш, район Аднамана и Мараш) и рельефная орнаментация с мотивом спирали в основе (Геой-Тепе, Кюль-Тепе, Триалети, Караз, Элязиг и т. д.); другой тип орнамента — выемчато-ямочный — наиболее ярко представлен в посуде Караза. Обзор керамики из названных пунктов приводит Ч. Барнея к мнению о «поразительной однородности культуры на широкой территории в период ранней бронзы I», что заставляет его сделать вывод о ее происхождении из одного центра, каковым он с большей вероятностью считает область Элязиг—Малатья, допуская, однако, что этим первоначальным

²¹⁹ Мы сохраняем классификацию Э. Ханзадян, имевшую в своем распоряжении все материалы по Армении. См. ее книгу «Культура Армянского нагорья», стр. 71.

²²⁰ Э. В. Ханзадян, Шреш-блурская и кюль-тепинская керамика и ее искусство. ИФЖ, Ереван, 1964, № 3.

чальным очагом могла быть также территория среднего течения р. Аракс.²²¹

Касаясь восточноанатолийской керамики периода ранней бронзы в целом, Дж. Мелларт делит ее условно на три хронологических этапа;²²² к первому из них он относит тяжелые, богато украшенные сосуды Караза, орнаментация которых заимствована, по его мнению, из резьбы по дереву. Не располагая южнокавказскими материалами, автор считает восточноанатолийские мотивы рельефной спирали и меандра уникальными и ищет им параллели в хирбет-керакской посуде, рассматривая последнюю как ответвление восточноанатолийской. Однако, как будет показано ниже, мотив этот имел широкое распространение особенно на первом этапе куро-аракской культуры на всем Южном Кавказе и проник несколько позднее даже к северу от него, где он зафиксирован в относительно видоизмененном виде на крупных сосудах Каякента, Мамайкутана, Джемикета, Лугового.²²³

Иную картину представляет керамика первого этапа Шида-Картли — северо-западная группа, — зафиксированная в слоях Д и частично С поселений Хизанаант-гора — Квацхелеби.²²⁴ Напомним, что предшествующий слой Е (Хизанаант-гора), судя по некоторым находкам (подставка в виде головы быка, переносной очаг с выступами, архаичная керамика, имеющая иногда уже чернолощеную поверхность и ручки), должен быть отнесен к самому начальному этапу куро-аракской культуры. В слое Д имеются уже типичные формы куро-аракской керамики — широкогорлые кувшины, миски, плоские крышки с полусферическими ручками.

Но наибольшее количество керамики оказалось в слое С и находящихся под ним погребениях. Керамика слоя С, залегающая в трех горизонтах (сверху вниз С₁, С₂, С₃), характеризует не только первый, но отчасти и второй этап развития культуры ранней бронзы Шида-Картли. Наиболее архаичной посудой, по мнению авторов раскопок, здесь являются миски с парными круглыми налепами (рис. 44, 17), крупные одноручные, двуручные и трехручные сосуды с отверстием в стенке тулова (рис. 44, 23), вазообразные сосуды на поддонах (рис. 26, 21, 44, 15), часть которых покрыта сплошными отверстиями — рис. 26, 22), крышки (одна с рельефным изображением оленя — рис. 26, 18), а в погребениях — трехручный вытянутый сосуд с раструбным венчиком и глубокая миска с ручкой (рис. 26, 28; 44, 18, 22).

Эти стратифицированные находки облегчают задачу осмысления некоторых нестратифицированных комплексов. Так, судя по общему облику, к первому же этапу должна быть отнесена архаичная посуда из Дядубе,²²⁵ Кикети и Тамариси²²⁶, где особенно близкими рассмотренным экземплярам из Квацхелеби являются глубокие миски с парными налепами. Характерно, что миниатюрная модель переносного очага из Дядубе²²⁷ во всех деталях копирует переносный очаг из самого нижнего слоя Е Хизанаант-гора. Вместе с тем в названных пунктах с посудой, хорошо сопоставляющейся со стратифицированным материалом, сосуществуют и иные формы, также находящие себе параллели, но уже в однослойных поселениях или могильниках. Это в первую очередь круп-

²²¹ С. Burney. *Eastern Anatolia...*, p. 167.

²²² J. Mellaart. *Anatolia 4000—2300 B. C.*, p. 42.

²²³ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа, табл. VI—VII.

²²⁴ См. выше, стр. 72.

²²⁵ Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси, табл. 1—2.

²²⁶ Г. Г. Пхакадзе. Энеолит Квемо-Картли, рис. 10, табл. XV, 1.

²²⁷ Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси, рис. 1.

ные сосуды с широким цилиндрическим горлом, предназначенные, вероятно, для хранения зерна, небольшие округлые кувшины с высоким цилиндрическим горлом, маленькие одноручные кружки с низкими, но широким горлом. Распространенные на сравнительно большой территории сосуды перечисленных типов в ближайшем окружении встречены в таких памятниках, как Озни,²²⁸ Даш-бац, Ахыллар,²²⁹ Земо-Авчалы,²³⁰ Ардисубани,²³¹ Диднахалисопели,²³² Тквиави.²³³

Посуда из перечисленных пунктов имеет обычно светло-бурую грубоватую фактуру, иногда с прослойками ткани в стенках; чернению, лощению и орнаментации подвергается сравнительно небольшой процент керамики. Украшаются преимущественно крупные сосуды, причем рельефный орнамент в виде спиралей (Озни), концентрических кругов или обращенных друг к другу двух птиц (Кикети) помещается на лицевой части сосудов. На одном из сосудов Озни выцарапаны знаки, так же как и на сосуде Амиранис-гора, напоминающие пиктограмму.

Количество приведенных аналогий, несмотря на некоторые различия сосудов в деталях, указывает на бытование уже на первом этапе ранней бронзы определенных, устоявшихся форм посуды на сравнительно широкой территории; эти формы повторяются в достаточно удаленных друг от друга пунктах наряду с другими, специфическими для той или иной области. Вместе с гончарными изделиями верхних горизонтов тех же поселений Шида-Картли и Сачхерских могильников,²³⁴ характеризующими второй и третий этапы, керамика эта образует одну из локальных групп в пределах основного ареала куро-аракской культуры.

Любопытно, что керамика первого этапа Квацхелеби несет еще некоторые черты энеолитической посуды, для которой также характерны глубокие миски с парными налепами (Арухло, Шулаверы), сосуды со сплошными отверстиями в стенках — так называемые педилки (Геой-Тепе М, Гинчи), сосуды с тканевой основой (Шому-Тепе, Гинчи), высокие вазы на поддонах (Арухло, Яник-Тепе).

Произведенное еще в 1940 г. Б. А. Куфтиным первое членение южно-кавказской керамики на три хронологических этапа было основано на данных стратиграфии другого района Грузии — Триалети, где около Бештапенской крепости им было зафиксировано три последовательных насыщенных керамикой слоя.²³⁵ К первому этапу здесь относятся массивные красно-охристые, светло-бурые или черные небрежно отделанные сосуды, приземистые раскрытые чаши и крупные «амфоры» с высоким цилиндрическим горлом (рис. 44, 16, 20, 21); сосуды имеют полусферические или ложные ручки; из известных в то время комплексов Б. А. Куфтин синхронизировал с бештапенским посуду Элара, Даблагоми, Нухи, Кикети и Дидубе, отнеся всю эту группу к первому этапу. С последними двумя пунктами особенно хорошо сопоставляются крупные хозяйствен-

²²⁸ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 года..., стр. 26, табл. XXXI, XXXIV, XXXV, XXXIX, X; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., табл. IV—V, VII.

²²⁹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 115, 117, 122, 126, табл. СХХIII.

²³⁰ Б. А. Куфтин. К проблеме энеолита внутренней Картли, рис. 1.

²³¹ Г. Г. Пхакадзе. Энеолит Квемо-Картли, стр. 16.

²³² О. М. Джапаридзе и Т. Н. Чубинишвили. Новоткрытый культурный очаг эпохи энеолита и бронзы в Картли. ВГМГ, вып. XV-B, 1948, стр. 24, рис. 1—3 (на груз. яз.).

²³³ С. И. Макалатия. Археологические раскопки курганных погребений в сел. Тквиави.

²³⁴ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция, стр. 75; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 122.

²³⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 115.

ные сосуды с цилиндрическим горлом. Вместе с тем там же находились широкие миски с парными налечами, которые, как было показано выше, имеют большое сходство с мисками из Квацхелеби, где, правда, сосуды с цилиндрическим горлом в нижних слоях отсутствуют.

В целом же посуда Шида-Картли и Триалети, бесспорно, близка по своей технологии: она грубовато слеплена, плохо отделана и имеет светло-бурые оттенки.

Керамика северо-восточной группы памятников не имеет столь четкой специфики. Одно из центральных его поселений — Мингечаурское — является однослойным (в пределах ранней бронзы) памятником.²³⁶ Напомним, что сосуды из поселения и погребений сходны между собой. Они изготовлены из светлой глины с примесью крупнозернистого песка и мелкодробленой гальки; внутренние и внешние стенки покрыты ангобом. Обычная форма — цилиндрическое горло, яйцевидный корпус, маленькие днища и ручки, расположенные на грани горла и корпуса (рис. 27, 13—16; 44, 42, 44). Помимо этого, на территории могильника найдено еще несколько сосудов, происходящих, очевидно, из разрушенных погребений; это глубокая миска с округлым корпусом, круглый приземистый горшок и «ваза» — крупный сосуд с шарообразным туловом и цилиндрическим горлом, на котором у венчика имеются две круглые ручки. Эти сосуды изготовлены из мелкозернистого теста, хорошо обожжены и имеют блестящую черную поверхность при розовой «подкладке». На «вазе» с двух сторон выемчатый орнамент в виде двух волнот, около каждой из которых имеются по три врезанные «шпалы».

Весь облик мингечаурской посуды сближается с посудой первого этапа других районов. Это в первую очередь касается грубых светлых широкодонных сосудов с цилиндрическим горлом. Аналогиями им в сравнительно близком окружении служат сосуды степанакертских курганов,²³⁷ погребений Кабалы,²³⁸ Гулгулы и Машнавери.²³⁹ По форме они близки крупным кувшинам Кюль-Тепе II и Геой-Тепе К (рис. 34, 7; 35, 33, 34). Наряду с ними в тех же Степанакертских комплексах оказались грубые, обычно светлые миски с расходящимися стенками и прямостенные сосуды баночной формы (рис. 29, 9, 10, 17). И те и другие близки по формам мискам и кружкам Кюль-Тепе II (рис. 34, 5, 9, 13), найденным в самых древних горизонтах куро-аракского слоя и тяготеющих к посуде нижней, энеолитической толщии того же поселения (рис. 48).

Не до конца еще остается ясным вопрос о хронологическом месте поселения Баба-Дервиш II.²⁴⁰ Автор раскопок, считая комплекс второго, куро-аракского слоя единым, связывает его главным образом с памятниками Армении (Кюль-Тапа, Шреш-Блур, Шенгавит, Коси-Котер и др.). Однако перечисленные памятники отражают различные этапы развития культуры периода ранней бронзы. Да и сам комплекс посуды Баба-Дервиш II, очень разнообразный и разностильный, наводит на мысль о его одновременности. Создается впечатление о наличии здесь керамики по крайней мере двух, а может быть, и трех последовательных этапов периода ранней бронзы. Самыми архаичными представляются прослежен-

²³⁶ См. выше, стр. 77.

²³⁷ Я. И. Гуммель. 1) Раскопки в НКАО, табл. VI; 2) Некоторые памятники раннебронзовой эпохи в Азербайджане, табл. 18, 11; Л. П. Тапшян. Курган с массовым погребением в окрестностях Степанакерта. Изв. АзФАН СССР, 1944, № 11, таблица.

²³⁸ С. М. Казиев. О древних погребальных обрядах на территории Кабалы, табл. I.

²³⁹ К. Н. Пиджелаури. Древняя культура племен, населявших территорию Иоро-Алаванского бассейна. Тбилиси, 1965, табл. I, II (на груз. яз.).

²⁴⁰ См. выше, стр. 78.

ные нами в широком ареале крупные кувшины хозяйственного назначения с цилиндрическим горлом (рис. 28, 24; 44, 37, 45), небольшие широкогорлые приземистые одноручные сосуды (рис. 44, 38), глубокие, грубо лепленные светло-бурые прямостенные корчаги (рис. 28, 28; 44, 33), крупные с расходящимися стенками горшки — точные копии энеолитических сосудов, найденных на том же поселении, а также на Тойре-Тепе, Шому-Тепе и Кюль-Тепе I. Все эти формы хорошо увязываются с посудой из нижних слоев Кюль-Тепе II и Геой-Тепе К, отнесенной нами к архаичной керамике первого этапа. Возможно, к этому же времени по аналогии с посудой Армении должны быть отнесены экземпляры сосудов с выпукло-вогнутым и наlepным орнаментом, где основой лицевой композиции является спираль или концентрический круг (рис. 28, 26).

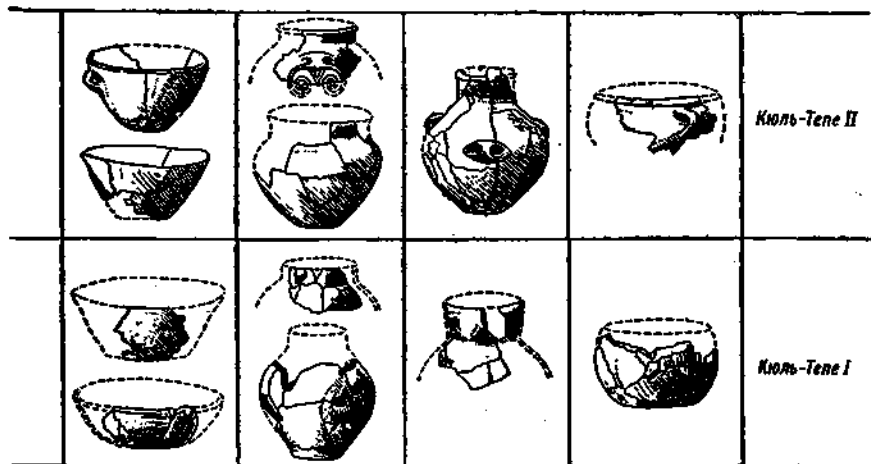


Рис. 48. Поселение Кюль-Тепе. Эволюция основных форм керамики в поселениях Кюль-Тепе I и II.

Бесспорно, позднее по сравнению с этой посудой кажется часть миниатюрных чернолащенных кубков с узким вогнутым доннышком, а также сосуды с мелволярным геометрическим орнаментом. Этой керамике мы коснемся позднее.

Определенную специфику имеет посуда из группы поселений, локализующихся в юго-восточных пределах куро-аракской культуры. Это — поселение Кюль-Тепе на Араксе, поселения Геой-Тепе и Яник-Тепе в приурмийском районе. Напомним, что девятиметровый куро-аракский слой первого из них лежал на восьмиметровой энеолитической толще.²⁴¹ Нам приходилось уже отмечать, что стерильная прослойка между ними была прослежена на сравнительно небольшом участке, что не исключает возможности ее отсутствия в других частях поселения. Вопрос этот, очевидно, будет уточнен после полной публикации памятника; однако и те материалы, которые уже известны, указывают на отсутствие хронологического разрыва между поселением Кюль-Тепе I и Кюль-Тепе II.

К сожалению, работа по увязке керамических комплексов с определенными строительными горизонтами и выделению хронологических этапов в керамике Кюль-Тепе II автором раскопок пока еще не проделана. Для установления наиболее ранних типов куро-аракской посуды на этой тер-

²⁴¹ См. выше, стр. 85.

ритории нам представляется правомочным использовать материал из нижней, трехметровой толщи девятиметрового слоя, включающей примерно десять строительных горизонтов.

Керамика в этих горизонтах преобладает грубоватая, серая, реже буро-коричневая; тонкостенной чернолощеной посуды мало. Обжиг большинства сосудов неравномерный, дающий пятнистую серо-черную поверхность; «розовая подкладка» отсутствует; поверхность обычно залощена. Преобладают крупные или небольшие кувшины с цилиндрическим горлом, округлым, сужающимся книзу туловом, полусферическими или петлевидными ручками (рис. 34, 3, 4, 6, 7, 11; 44, 48—50), встречаются небольшие округлые чаши с маленькими полусферическими ручками под венчиком (рис. 34, 1), грубые банкообразные сосуды с прямыми утолщающимися к днищу стенками и одной ручкой под венчиком или в середине стенки (рис. 34, 5, 13; 44, 51), грубые глубокие миски с расходящимися кверху толстыми стенками (рис. 34, 9; 44, 53).

Орнамент в виде невысокого напеса встречается на кюль-тепинской посуде редко. На одном из крупных сосудов с цилиндрическим горлом под ручкой имеется двойная спираль, соединенная фигурой из двух треугольников (рис. 34, 11); на других — «шпалы».

На разницу керамики I и II слоев этого поселения указывали многие исследователи, делая отсюда вывод о расселении здесь племен куро-аракской культуры в относительно позднее время. Действительно, энеолитическая посуда выполнена в другой технике, она очень массивна, асимметрична, сделана из грубой комковатой глины с растительными примесями, плохо обожжена. Однако в ней все же улавливаются те исходные формы, которые в более законченном и совершенном виде продолжают жить в первый период ранней бронзы;²⁴² это кувшины с цилиндрическим горлом, встречающиеся, кстати, только в верхних горизонтах I слоя, плоские и глубокие миски, банкообразные сосуды с прямыми стенками (рис. 48).

В керамике нижних горизонтов II слоя растительная примесь замечается песком, качество обжига несколько улучшается, однако большинство сосудов еще плохо обожжено и сохраняет серую или буро-коричневую пятнистую поверхность, уступая лишь впоследствии черному лощению. Формы сосудов во II слое приобретают симметричность, стенки уточняются, днища суживаются, выступы-упоры заменяются полусферическими и петельчатыми ручками.

Существенным является и то, что сходство улавливается не только в посуде, — в жилищах II слоя встречаются массивные глиняные очаги с плоским венчиком, очень близкие находимым в верхних горизонтах I энеолитического слоя.

Другой, бесспорно ранний, комплекс керамики дает поселение Геой-Тепе.²⁴³ Здесь шестиметровый слой эпохи ранней бронзы (K) лежал непосредственно на энеолитическом (M). Керамика этих слоев, полученная на очень небольшой площади, по фактуре и по формам резко отличается. Однако в нижнем слое с его грубой расписной саманной посудой светлых оттенков уже встречались единичные черепки серо-черных и красно-черных сосудов, близких сосудам вышележащего слоя.

Бартон-Браун, исследовавший этот памятник, расчленил куро-аракский слой на три горизонта. В самом древнем двухметровом горизонте (K₁) встречаются серые или коричневато-серые, иногда и черные лощенные сосуды без «розовой прокладки». Здесь преобладали крупные

²⁴² О сходстве некоторых элементов керамики I и II слоев поселения Кюль-Тепе упоминает, со слов О. А. Абибуллаева, И. Г. Нариманов. См. его статью «Археологические исследования поселения Шому-Тепе в 1963 г.» АИА, стр. 51.

²⁴³ См. выше, стр. 89.

сосуды с цилиндрическим или слегка раструбным горлом, биконическим или припухлым туловом, отогнутым или прямым венчиком и двумя петлевыми ручками (рис. 35, 32—34; 44, 54, 58). Эти сосуды автор воссоставляет как остродонные; тогда, так же как сосуды Яник-Тепе, они должны были быть вкопанными в землю. Вместе с ними найдены небольшие широкогорлые горшки без ручек, с одной ручкой или с маленькими выступами вместо ручек (рис. 35, 29, 30; 44, 56), глубокие широкодонные миски (рис. 35, 35, 36). На некоторых сосудах имеется рельефовидный венчик, характерный для архаичной группы куро-аракской посуды восточной Анатолии.

Орнамент, так же как и на Кюль-Тепе, встречается редко; на одном из крупных сосудов под двумя ручками оказался очень близкий к кюль-



Рис. 49. Поселение Геой-Тепе. Крупный чернолощенный сосуд с налепом в виде двуспиральной фигуры и фигуры оленя.



Рис. 50. Поселение Геой-Тепе К. Небольшой чернолощенный кувшинчик.

тепинскому двуспиральный налеп с двумя соединенными вершинами треугольниками посередине (рис. 35, 32; 49), а в центре тулова — изображение оленя с ветвистыми рогами, выполненное в той же технике.

Сосуды сопровождалась характерными плоскими крышками; на одной мы видим рельефный геометрический узор, нанесенный цилиндрической печатью, на другой — процарапанный шахматный узор (рис. 44, 57).

При сопоставлении керамики слоев М и К бросается в глаза значительная разница в фактуре сосудов; различие наблюдается и в формах. Вместе с тем некоторое сходство подмечается в мисках, небольших сосудах на поддонах, а также в широких, слегка раструбных горловинах крупных сосудов. Неслучайным совпадением следует, очевидно, считать и повторение мотива оленя на оттиске печати от сосуда из слоя М и на большом чернолощенном пифосе из слоя К. Впрочем, материал, полученный на Геой-Тепе, представляется слишком незначительным для каких-либо четких заключений относительно связи керамических комплексов двух рассмотренных слоев этого памятника.

Сходство керамики нижних горизонтов Кюль-Тепе II и горизонта К Геой-Тепе объясняется территориальной близостью поселений, составляющих одну локальную группу. Особенно хорошо сопоставляются крупные сосуды с цилиндрическим горлом и двумя ручками на стыке горла с туловом. Именно на этих сосудах на обоих поселениях под ручками имеются налепные двуспиральные фигуры, хотя для большей части сосудов и здесь и там орнамент не характерен. Сближает эти памятники и то,

что чернолощенные сосуды в нижних горизонтах куро-аракского слоя и здесь и там встречаются еще сравнительно редко.

Нам представляется, что керамика нижних горизонтов поселения Кюль-Тепе II и Геой-Тепе К может быть синхронизирована. Она бесспорно составляет наиболее древнюю группу куро-аракской посуды в этих районах.

Таким образом, рассмотренная нами и отнесенная к первому этапу посуда из поселений и могильников Азербайджана в целом также может быть увязана с предшествующей энеолитической посудой; она, как правило, еще неравномерно обожжена, что придает ей светло-бурые оттенки, грубовато сделана. К энеолитической посуде тяготеют такие формы, как крупные кувшины с цилиндрическим горлом, прямостенные сосуды баночных форм, а также миски с расходящимися стенками (рис. 48).

Иными словами, анализ керамических материалов приводит нас к тому, что длительного разрыва между энеолитом и ранней бронзой не наблюдается. Об этом свидетельствуют находки на ряде поселений, на одних и тех же уровнях, посуды этих двух периодов; кроме того, как было показано выше, ранние слои с куро-аракской посудой оказываются часто лежащими непосредственно на энеолитических слоях. Определенное сходство наблюдается и при сопоставлении некоторых форм сосудов.

Помимо стратиграфических и типологических наблюдений, эту точку зрения подкрепляют и такие экземпляры посуды, которые, надо думать, следует рассматривать как промежуточные между энеолитом и ранней бронзой, имеющие признаки той и другой керамики. Эти экземпляры выглядят наиболее архаичными среди посуды выделенного нами первого этапа: фактура черепка у них грубая, цвет обычно светлый, стенки толстые; однако в отличие от энеолитических форм здесь уже слегка намечается характерная для куро-аракской посуды моделировка, при которой горловина отделяется от тулова небольшим уступом.

К этой промежуточной керамике мы относим посуду пещеры Шаулегет²⁴⁴ с рыхлым пачкающимся черепком и характерным уступом между горлом и туловом, сосуд одного из наиболее древних погребений могильника Дзагина,²⁴⁵ Згудрис-Гверда,²⁴⁶ находки из Сиони, Цопи, Амиранисгора и Абелия. Как видно из последнего примера, на некоторых экземплярах появляются уже ручки.

Промежуточные формы посуды зафиксированы археологами в ряде других достаточно удаленных друг от друга пунктах. Так, среди саманной посуды энеолитического поселения Техут попадаются черепки высокогорлых сосудов с черной поверхностью и примесью песка в глине. По утверждению автора раскопок Р. Торосяна, эти черепки приближаются к керамике ранней бронзы, но не имеют, однако, тех высоких качеств (хороший обжиг, лощение, отточенные формы), которыми обладает обычная посуда III тыс. до н. э.²⁴⁷ Аналогичное явление наблюдается при анализе посуды энеолитических поселений на Мугани.²⁴⁸ Наконец, некоторые переходные формы дает серия сосудов из таких памятников Грузии, как Хизанаантгора (горизонт Е), отчасти Самерцхле-Клде.²⁴⁹

²⁴⁴ В. П. Любни. Энеолитический комплекс из грота Шаулегет. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 49.

²⁴⁵ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., рис. 44, а.

²⁴⁶ В. А. Куфтин. К проблеме энеолита внутренней Картли, стр. 76.

²⁴⁷ Р. Торосян. Раскопки Техутского поселения. ИФЖ, Ереван, 1968, № 1, стр. 298.

²⁴⁸ И. Г. Нариманов, Ф. Р. Махмудов. Энеолитические памятники на Мугани. Изв. АН АзССР, 1967, № 2, стр. 95—96.

²⁴⁹ Л. И. Глonti, А. Джавахишвили, Я. Киквидзе и Д. Тумашабишвили. Некоторые итоги работ 1964 года Урбинской и Квирильской археологических экспедиций. ВГМГ, XXV, Тбилиси, 1968, стр. 10.

Возвращаясь к керамике первого этапа в целом, напомним, что она зафиксирована во многих пунктах широкого ареала куро-аракской культуры; выявляется она как по нижним горизонтам хорошо стратифицированных поселений, так и путем сопоставления нестратифицированных материалов с первыми. На всей этой территории в данный период преобладает грубоватая посуда светлых и буро-коричневых оттенков, обычно с пятнистой, плохо обожженной поверхностью и неравномерным лощением. Тонкостенная чернолощенная посуда «на розовой подкладке», получаемая в результате специального обжига, появляется еще довольно редко. Эти черты сближают по облику основную часть посуды первого этапа куро-аракской культуры с энеолитической керамикой и отличают ее от керамики второго этапа с более яркими и типичными признаками.

Изучение форм большой серии сосудов, взятых из разных пунктов широкой территории, приводит к выводу об отсутствии полного единообразия в керамическом производстве уже в этот период. Наряду с несколькими устойчивыми типами посуды, повторяющимися в достаточно удаленных друг от друга районах и несущими еще древние энеолитические традиции, в этот период наблюдается уже некоторая специфика керамических форм, что нашло свое отражение в создании местной, характерной для каждой крупной области продукции. Образцы этих местных сосудов могут быть синхронизированы между собой с помощью сопоставления нескольких единичных для широкой территории устойчивых форм. К последним относятся рассмотренные выше крупные сосуды с цилиндрическим или слегка раструбленным горлом и округлым, иногда сферическим, туловом (Шентавит, Игдыр, Караз, Кюль-Тепе II, Мингечаур, Баба-Дервиш II, Геой-Тепе, Яник-Тепе, Кикети, Овни, Дидубе и др.), грубые миски с расходящимися стенками (Кюль-Тепе II, Кикети, Баба-Дервиш II и др.), банкообразные сосуды с цилиндрическим корпусом (Армавир, Алигрих, Кюль-Тепе II, Баба-Дервиш II, Заглик и др.). Напомним, что сосуды близких форм, выполненные в иной, более примитивной технике, известны из энеолитических поселений Кюль-Тепе I, Техут, Баба-Дервиш I, Арухло, Цопи.

Помимо этих постоянно повторяющихся на большой территории форм, с энеолитической посудой хорошо увязываются некоторые экземпляры посуды, встречающиеся реже. Так, большие груболешные корчагообразные сосуды из поселения Баба-Дервиш II (рис. 28, 22, 23), в изготовлении которых явно видны древние традиции гончарного производства Азербайджана, «своими формами почти повторяют древнюю керамику Баба-Дервиш, Тойре-Тепе, Шому-Тепе и первого слоя Кюль-Тепе».²⁵⁰ Овальная чаша из нижнего горизонта Амиранис-гора (яма № 7) находит аналогии в чашах Кюль-Тепе I. Бесспорно энеолитическое происхождение имеют своеобразные сосуды — педялки, хорошо известные по таким памятникам, как Шому-Тепе, Гинчи и Геой-Тепе М. В период ранней бронзы они были встречены в поселениях Квацхелеби, Гудабердка и Дидубе.

Вазообразные сосуды нижних горизонтов Квацхелеби (рис. 26, 21, 22) легко могут быть сопоставлены с «фруктовыми вазами» халколитического слоя Яник-Тепе (рис. 17, 7, 8), Халафа, Гиссара и др.²⁵¹ И наконец, в Шумер периода Урука и Джемдет Насра²⁵² уводят аналогии к глубокой глиняной крышке со столбиком посередине, открытой Б. А. Куфтиным в поселении Эгудрис-Гверда (рис. 51), и краснолощенным глубоким чашам

²⁵⁰ Г. С. Исмаилов. Из истории древней культуры западного Азербайджана. Автореферат, Баку, 1964, стр. 10.

²⁵¹ М. Oppenheim. Tell Halaf. Berlin, 1943, pl. XXIX, 15; LXXXVII, 1, 3, 4; CIV, 6; Vanden Berge. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1966, fig. 1, 3, pl. 11.

²⁵² Г. Чайлд. Древнейший Восток. . . , рис. 62 и 65.

из Озни и Дидубе. Эти изделия скорее всего должны рассматриваться как результат месопотамского импорта.²⁵³

Посуда первого этапа далеко не всегда орнаментирована; лишь в памятниках Армении преобладает украшенная керамика. Орнамент лицевой, в виде высокого или низкого рельефа. Напомним, что налепные украшения были специфичны и для керамики энеолита (Арухло, поселения типа Шому-Тепе): здесь имеются горизонтальные ручки-выступы, шишечки, квадраты, прямые и изогнутые валики (рис. 4Б). На посуде ранней бронзы мы встречаем уже замкнутые фигуры, помещенные либо на плечиках, либо под ручками сосудов. Любопытно, что украшаются, как правило, распространенные по всей территории крупные сосуды с цилиндрическим горлом, служившие местными для продуктов, возможно зерна. В основе почти всех композиций лежит двойная спираль, в центре

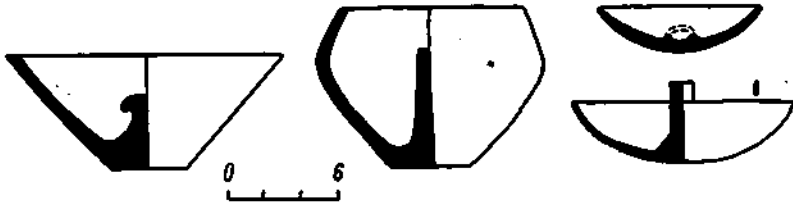


Рис. 51. Вогнутые крышки со столбообразной ручкой посередине из Джемдет Насра, Эгудрис-Гверда и Абелля.

которой имеются либо парные треугольники (Кюль-Тепе, Геой-Тепе), либо лунница (Амиранис-гора), либо рельефная горизонтальная линия (Кикети, Озни, Арагац). Иногда в центре спиралей мы видим вертикальную накладку, придающую вместе со спиралью некоторую антропоморфность всему изображению (Караз, Амиранис-гора). В ряде случаев спираль приобретает углы, напоминая меандровидный рисунок (Караз, Амиранис-гора). В Араратской долине в этот период господствует желобчатый или выпукло-вогнутый орнамент, в основе которого лежат также спирали, составляющие вместе с другими элементами (ямки, уголки, зигзаги) целые орнаментальные композиции.

На редких экземплярах имеются изображения парных птиц, повернутых лицом друг к другу и как бы застывших в этой позе (Кикети, Амиранис-гора), и оленя с ветвистыми рогами (Геой-Тепе, Гудраберджа, Квацхелеби). Оба эти мотива берут истоки, очевидно, в переднеазиатском искусстве поры халколита, где на расписных сосудах Ирана мы постоянно встречаем целые процессии птиц. С древнейшими памятниками Передней Азии связан также мотив оленя, который мы находим и в энеолите Южного Кавказа (Арухло, Геой-Тепе М).

Специального рассмотрения заслуживают и «пиктографические» знаки, повторявшиеся в памятниках куро-аракской культуры дважды — на сосудах из Озни и Амиранис-гора. Среди прочих знаков здесь имеется та же двухспиральная фигура птицы; это интересное явление побуждает рассматривать некоторые орнаментальные мотивы как наделенные определенным смысловым значением.

Мы проследили некоторые моменты сходства керамики энеолита и ранней бронзы Южного Кавказа, однако в целом керамика первого этапа ранней бронзы достаточно отличается от энеолитической — значительно совершенствуется технология изготовления сосудов, полностью исчезают

²⁵³ Б. А. Куфтин. К проблеме энеолита внутренней Картли, стр. 76; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 49.

растительные примеси, часть посуды уже готовится на тканевой основе, улучшается обжиг и лощение, постепенно входит в обиход чернение сосудов при помощи длительного задымления при низкой температуре.

Наряду со старыми формами, которые заметно оттачиваются, возникают новые, созданные местными очагами гончарного производства. Это небольшие горшки с вдавленным доннышком, горшки биконической формы. Впервые появляются ручки, заменившие энеолитические выступы-упоры, причем полусферические ручки сосуществуют с ленточными. Появляются крышки.

Эту новую посуду во всех памятниках сопровождают многочисленные изделия из глины — очаги, очажные подставки различных форм, фигурки животных и людей, модели колес и пр.; часть этих изделий была уже известна в энеолите. Так, жители Кюль-Тепе I уже пользовались массивными круглыми очагами с плоским венчиком, столь характерными для некоторых поселений периода ранней бронзы. А на поселениях Цоши, Шулавери, Шому-Тепе найдены глиняные модели колес, фигурки бычков и женские статуетки.

Мы считали возможным так подробно рассмотреть керамику первого этапа, на основе которой окончательно сформировался получивший наибольшую известность развитой «классический» вариант куро-аракской посуды, потому, что работа по ее выделению из общей массы материалов многослойных поселений, в масштабах основного ареала культуры периода ранней бронзы, до настоящего времени не была предпринята.

Следующий, второй этап представлен главным образом керамикой из средних слоев тех же многослойных поселений. К сожалению, некоторые из них вследствие отсутствия публикации оказались недоступными для исследования. Так, например, из всей керамики девятиметрового слоя Кюль-Тепе II точно зафиксированным для верхних его шести метров оказался всего один сосуд (рис. 44, 134). Отсутствует четкая привязка сосудов к определенным горизонтам Шенгавитского поселения даже после появления в печати последних итогов раскопок.

Выше мы говорили об определенной условности выделенных нами для керамики этапов. Пожалуй, в наибольшей степени это относится к керамике среднего этапа; представляя «классические» образцы куро-аракской посуды, она тем не менее занимает промежуточное положение. В ней, с одной стороны, сохраняются и развиваются старые традиции, с другой — рождаются новые элементы, получающие завершение в следующем, третьем этапе.

В этот период идет дальнейшее развитие наметившихся локальных особенностей. Напомним, что узловое поселение юго-западной группы — это Амиранис-гора и Караз. На Амиранис-гора второй этап представлен яркими находками из помещений I, X, XIII, сооруженными непосредственно на первом строительном горизонте. Исключительно важной находкой оказались 50 сосудов на полу помещения X, представляющих все виды керамики второго этапа. Многие из них сближаются с ведущими формами первого этапа, продолжая тем самым древние традиции. Особенно архаичными здесь выглядят крупные чернлощенные «на розовой подкладке» толстостенные сосуды с «лицевыми» рельефами в виде птиц и двуспиральных фигур с лунницей — подвеской посередине (рис. 21, 15; 44, 62). Такие же сосуды найдены на вершине горы, в помещении XVII святилища; последнее позволяет считать эти два сооружения одновременно и синхронными. Найденные в них другие типы керамики не сходят между собой. Кстати, аналогию сосудам с двуспиральными «лицевыми» изображениями уводят в нижние слои Караса, а подвески-лунницы — к посуде поселения Баба-Дервиш II. В святилище находились и другие типы сосудов, в частности с тонко-желобчатым геометрическим

орнаментом в виде пересекающихся углов и соединенных вершинами треугольников (рис. 21, 16; 44, 67).

Другая группа сосудов из помещения X — приземистые широкогорлые горшки с цилиндрическим горлом, одной и двумя ручками и глубокие овальные миски — по технологии и формам близкие посуде древних горизонтов того же поселения (рис. 21, 13, 14; 44, 59, 60, 63).

Впервые появляется здесь тонкая сероглиняная посуда более развитых и разнообразных форм; это главным образом трехчастные сосуды с резкими переходами от высокого, расширяющегося книзу горла к выпукло выделенному в средней части тулову, которое суживается затем и небольшому донышку (рис. 44, 61). Сосуды эти отдаленно напоминают трехручный горшок из Абелви и отдельные экземпляры из Кулбакеби,²⁵⁴ датировка которых полностью укладывается в рамки первого этапа.

Наконец, еще одну разновидность представляют крупные (высотой до 80 см) вытянутые горшки с широким невысоким горлом, сильно припухлым в верхней трети туловом, резко суживающимся к узкому днышку (рис. 44, 66). Кроме того, в помещении X найдены большая маслобойка, глиняные кубышки, плоские миски, овальная жаровня с проемом в низком бортике (рис. 21, 9), миниатюрная модель очажной подставки с установленным на ней сосудиком, обломки подковообразной подставки и крупных крышек. Керамика других помещений, а также синхронных могил восточного участка лишь частично повторяет описанную посуду; на некоторых экземплярах, так же как на более ранней посуде, изображаются парные журавли, «шпалы».

Таким образом, сосуды в большинстве украшаются здесь низким рельефом в сочетании с глубокой выемчатостью. Из старых сюжетов продолжает встречаться мотив лунницы, повторяющийся неоднократно в сочетании со спиралью, застывшие друг против друга птицы, «шпалы». Появляются и новые сюжеты — птицы как бы оживают, изображаются летящими. Кстати, контурные изображения летящих птиц появляются и на плоских секторных плитах надочажных подставок (рис. 54, 25).

Сходство общего облика керамики Амиранис-гора и Караза наблюдается и во втором этапе. Это время в Каразе представлено горизонтами XI—VII. Найденная здесь главным образом в фрагментах посуда сохраняет основные черты посуды нижних горизонтов. Преобладают сосуды биконической формы с чернolощеной поверхностью «на розовой подкладке». Орнамент усложняется и несколько геометризуются — спирали приобретают углы, напоминая меандр, появляется мотив «лесенки» (рис. 24, 26—30; 44, 65).

Не дифференцируя керамику Караза по горизонтам, Ч. Барней большую ее часть отнес к периоду ранней бронзы I. В керамике периода ранней бронзы II восточной Анатолии он продолжает наблюдать установившуюся раньше определенную однородность и сохранение на многих экземплярах рельефного венчика, отмечая при этом, что формы сосудов значительно совершенствуются; теперь характерным, особенно для области Элязиг, типом керамики становятся небольшие глубокие чаши с невысоким вертикальным горлом и слегка расширяющимся венчиком.

В районе оз. Ван Ч. Барней, а за ним и Дж. Мелларт²⁵⁵ датируют вторым периодом комплекс керамики Эрнисского склепа, включающего серию крупных и небольших сферических горшков с цилиндрическим горлом и глубоких чаш с расходящимися прямыми стенками. Почти все

²⁵⁴ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., рис. 5, 2. *Anatolia* 4000—2300 b. c., p. 43.

²⁵⁵ С. Burney. *Eastern Anatolia...*, pp. 182—185, 188—189; J. Mellaart. *Anatolia* 4000—2300 b. c., p. 43.

сосуды имеют чернолощеную неорнаментированную поверхность. На многих мы находим полусферические ручки «нахичеванского типа», появлением которых, с точки зрения авторов, знаменуется переход ко второму этапу. Последнему, однако, противоречит рассмотренный выше материал. Напомним, что в Кюль-Тепе II сосуды с подобными ручками были обнаружены на глубине 12—14 м, т. е. в самых нижних горизонтах куро-аракского слоя.

Нам представляется, что архаичная по формам посуда эрисского склада вместе с посудой Иеремира и несколькими экземплярами Ванского музея должна быть отнесена к ранней группе куро-аракской керамики.

В центральной группе памятников на территории современной Армении второй этап развития керамики распадается, с точки зрения Э. В. Ханзадян, на два локальных варианта, наметившихся еще на первом этапе.²⁶⁶ Кироваканская группа представлена преимущественно черной, красной, реже светлой посудой трехчастной моделировки с геометрическим пояском на горловине и сложной композицией на тулове (рис. 44, 82). Распространение этой керамики, с точки зрения автора, шло далеко на юг, где отдельные экземпляры зафиксированы в средних слоях Караза (?) и Хазар-Тепе. Известна она и в более близком окружении в таких комплексах, как Гамаз, Баба-Дервиш II, Ардви, Сарг-Соп, Бешташени (2-й комплекс), Цалка, Сабуртало и др.

В Араратской долине, как мы видели выше, развивался другой вариант керамики, получивший теперь название шенгавитского и включивший посуду поселений Гарни и Двина. В отличие от первого здесь горловины сосудов украшены несколькими горизонтальными поясками, выполненными тонконарезной линией, а тулово — тонкими выпукло-вогнутыми и сильно геометризованными по сравнению с орнаментом более ранней шреп-блурской группы композициями (рис. 44, 81, 85, 87).

В целом керамика Армении, сохраняя прежние черты, несет в себе и новые элементы: тонконарезной орнамент на горле, уточненные, геометризованные выпукло-вогнутые композиции и яйцевидные углубления на тулове.

Однако вернемся теперь к многослойным памятникам. Развитие керамики наблюдается и в северо-западной группе, где центральным поселением продолжает оставаться Квацхелеби. Ко второму этапу здесь относится большая часть посуды горизонта С₁. Почти вся она чернолощенная «на розовой подкладке», хотя часть посуды, побывавшей в огне пожара, приобрела красноватый оттенок. Здесь в первую очередь наблюдаются формы, известные по первому этапу, — широкогорлые одноручные сосуды (рис. 26, 26), аналогичные находимым в ранних погребениях Амиранис-гора, глубокие чаши, близкие кикетским и тамарисским, широкогорлые горшки с двумя ручками (рис. 26, 27) — точная копия сосудов из самых древних квацхельских погребений, — высокие биконические трехручные сосуды с раструбным горлом (рис. 26, 29; 44, 76).

Одновременно появляются и неизвестные ранее формы, такие как маленькие колоколообразные кружки для питья и вытянутые узкогорлые одноручные кувшины (рис. 26, 25; 44, 71—73, 75), на которых впервые изредка встречается врезной орнамент, сменивший отмеченный также в нескольких случаях рельефный. В этом же горизонте, как и в Амиранис-гора, была плоская жаровня.

В целом же для керамики второго этапа северо-западной группы характерно черное лощение при «розовой подкладке». Крупные сосуды приобретают биконичность, иногда подчеркнутую гранью и тремя ручками, нижняя конусовидная половина резко суживается к маленькому донышку.

²⁶⁶ Э. В. Ханзадян. Культура Армянского нагорья, стр. 74.

Ко второму этапу в Триалети Б. А. Куфтин относит комплекс керамики из нижнего слоя Бешташенской крепости, отличающейся от грубоватых массивных светло-бурых сосудов из «рва» тончайшим лощением поверхности и «розовой подкладкой». Это колоколовидные миски с отогнутым венчиком, сосуды с широким и высоким горлом и резко суживающимся к маленькому днущу туловом, маленькие кружки для питья. Ручки полушаровидные, орнамент вдавленный тонколинейный и выемчато-выпуклый. В качестве аналогий последнему Б. А. Куфтин приводит керамику армянских поселений — Шенгавита, Шреш-Блура, Игдыра, Элара, Такавораниста. Однако особенно хорошо, так же как и на первом этапе, сопоставляются бешташенские формы с посудой Квацхелеби, среди которой видим те же колоколовидные миски, широкодонные и узкодонные сосуды и маленькие кружки. Своеобразным для каждой группы остается лишь орнамент: в Квацхелеби — резной, в Бешташени — резной в сочетании с выпукло-вогнутым.

Как развивалась во втором этапе прослеженная нами выше керамика северо-восточной группы, сказать сейчас трудно. Напомним, что посуду мингечаурского комплекса, а также некоторую часть керамики поселения Баба-Дарвиш II мы отнесли к первому этапу. Второй этап здесь не представлен сколько-нибудь исследованными материалами.

Не менее сложно обстоит дело и с керамикой юго-восточной группы. В нашем распоряжении, к сожалению, отсутствуют точно фиксированные сосуды из горизонтов, лежащих непосредственно на нижней толще куро-аракского слоя поселения Кюль-Тепе II.

Ко второму этапу, как нам кажется, следует отнести незначительные материалы из двух верхних горизонтов поселения Геой-Тепе — K₂ и K₃. Считать их более поздними, как это делают Ч. Барней и Дж. Мелларт, теперь, после открытия еще одного комплекса, относящегося к завершающемуся этапу куро-аракской культуры — поселения Яник-Тепе, — нет никаких оснований.

Если керамика нижнего горизонта (K₁) Геой-Тепе имела в большинстве светлые и коричневые оттенки, то почти вся посуда, залегающая выше, чернолощенная. Некоторая традиционность наблюдается в формах; хоть крупных сосудов с цилиндрическим горлом становится сравнительно мало, небольшие широкогорлые горшки и глубокие миски разных конфигураций продолжают развиваться (рис. 35, 1, 8, 9, 11, 13, 14, 17—21, 23, 24; 44, 89—94). На днущах горшков появляется вдавление (рис. 35, 18, 22), а позднее — круглый поддон. Сосуды в этот период начинают украшаться не отдельными замкнутыми рельефными фигурами, а различными сочетаниями круглых и продолговатых вдавлений, которые мы уже проследили на керамике центральной и юго-западной групп. Особняком стоит кубок на высоком поддоне (рис. 35, 12; 44, 95), а также крупный округлый трехручный сосуд, найденный в хозяйственной яме горизонта K₃ (рис. 35, 6, 44, 95). Последний, судя по аналогии с трехручным сосудом из Кюль-Тепе II, скорее должен быть отнесен к третьему этапу, когда на ряде поселений в связи с расширением молочного хозяйства широко применяется узкогорлая посуда.

Таким образом, во втором периоде происходит развитие тех локальных групп керамики, которые наметились уже в начале периода ранней бронзы и которые в свою очередь получают окончательное завершение в третьем этапе. Архаичные черты энеолитической посуды здесь вовсе исчезают.

Однако просмотр всей керамики в целом позволяет уловить и определенные общие закономерности, связанные как с потребностями в хозяйстве, так и с прогрессом керамического производства в целом. Форма и технология в этот период совершенствуются. Наряду со старой появляется

новая узкодонная посуда с вдавленным доньшком, биконическим корпусом и отогнутым колоколовидным венчиком (рис. 44, 74). Полусферические ручки приобретают более совершенные формы, выпукло-вогнутый орнамент усложняется, иногда теперь сочетается с тонконарезным. Почти все сосуды этого периода имеют черную, лощеную до металлического блеска поверхность, а широкогорлые экземпляры — «розовую подкладку».

Таким образом, керамика второго этапа характеризуется всеми признаками классической куро-аракской посуды.

Керамика третьего этапа является итогом длительного предшествующего развития. К сожалению, отдельные звенья этого сложного процесса в каждой из крупных выделенных нами областей остаются все еще не восстановленными. Сейчас можно лишь говорить об определенной тенденции, идущей от относительного однообразия форм на первом этапе к последующему заметному увеличению их количества и усилению специфики, переходящей в ряде случаев в некоторую вычурность форм и декорировки. Именно в этот период происходит окончательное формирование локальных вариантов керамики эпохи ранней бронзы, просуществовавших в завершеном виде сравнительно недолго и уступивших в начале II тыс. до н. э. место новому типу керамики периода средней бронзы, среди которой ведущая роль принадлежит расписной посуде.

Расписная посуда раньше, чем в других областях, появляется в восточной Анатолии. Здесь, в областях Элязига, Малатьи, Аргувана и Хакимана, переход к новому способу декорировки произошел на несколько столетий раньше, нежели в Закавказье. На смену чернолощеной посуде пришла расписная керамика «неизменно ручной выделки, хорошо обожженная, с розовой, цвета шамау или желтой поверхностью как снаружи, так и внутри. Орнаменты нанесены обычно черновато-коричневой или красновато-коричневой матовой краской».²⁵⁷ Эта керамика, зафиксированная пока еще только по подъемному материалу, на юге доходит до горного барьера, граничащего с северной Сирией, на востоке — до гористого Дерсима. Центром ее распространения Ч. Барней считает область Малатьи, а происхождение объясняет проникновением в восточноанатолийскую зону западноанатолийского культурного влияния.

К сожалению, концепция Ч. Барней не может пока быть проверена стратифицированным материалом. Единственное исследованное в этих районах поселение Караз не дало, судя по опубликованной таблице, в верхних горизонтах ни одного расписного черепка. Если построения автора верны, то жизнь древнего Караза должна была прекратиться еще до появления здесь расписной посуды, иными словами, где-то не позднее второго этапа, что противоречит некоторым данным.

Восточноанатолийская расписная посуда заставляет вспомнить и о двух сосудах и нескольких черепках с росписью, найденных в куро-аракских слоях Закавказья. Это типологически близкие сосуды из Квацхелеби и Озни и расписные черепки из Геой-Тепе К (рис. 35, 10). Напомним, что энеолитические племена Южного Кавказа были хорошо знакомы с богато раскрашенной посудой переднеазиатского круга, служившей своеобразным эталоном для местных подражаний. Расписная посуда производилась в Закавказье в большом количестве уже значительно позднее, во II тыс. до н. э. В этой связи напрашивается вопрос: не являются ли упомянутые экземпляры расписных сосудов из поселений куро-аракской культуры продолжением более древней традиции, заглохшей в силу каких-то причин на длительный промежуток времени и получившей новый расцвет по крайней мере через тысячелетие?

²⁵⁷ С. Вагней. *Eastern Anatolia...*, p. 169.

Вернемся к стратифицированным материалам. Третий этап на Амранис-гора представлен верхними горизонтами и коллективными погребениями западного участка поселения, где ко времени сооружения последних живая уже заглохла. Отсюда происходят прекрасные тонкостенные чернолощенные сосуды изящных и завершенных форм, достигнутых подчеркнуто расширенной верхней или средней частью тулова, резко суживающейся к маленькому донышку (рис. 21, 1, 2, 5; 44, 97, 103). Полусферические ручки встречаются наряду с крупными приподнятыми ленточными. Орнамент в виде отдельных треугольников, разбросанных по всему корпусу, а иногда и по горловине, либо процарапанный, либо нанесен тонко вдавленными линиями. Уникален единственный сосуд помещения XIII; он на трех ножках (рис. 21, 3; 44, 100); процарапанный орнамент в виде треугольников замкнут ∞ -образной фигурой, точно такой же, как мы видим на сосудах этого же времени в приурмийском Яник-Тепе (рис. 36, 1; 44, 130).

Большое сходство с ахалцихской керамикой имеют сосуды из «курган-ных погребений древнебронзовой эпохи» Триалети,²⁵⁸ ошибочно отнесенных Б. А. Куфтиным на основании присутствия здесь металлических предметов к последующему за «куро-аракским энеолитом» периоду. На самом деле этот исключительно важный комплекс легко сопоставляется с памятниками конца III тыс. до н. э. и должен быть бесспорно отнесен к «куро-аракскому энеолиту». Триалетская посуда имеет прекрасную чернолощеную поверхность и усложненную моделировку — конически расширяющуюся книзу шейку, отделенную уступом от грушевидного вздутого в верхней трети тулова, резко срезанного к маленькому вогнутому донышку. В основе тонокрепкого и слегка желобчатого орнамента углы, треугольники, горизонтальные пояски и ломаные ленты.

Эту посуду, в свою очередь, очень напоминают сосуды Сачхерского могильника, где обилие металлических предметов, а также некоторые бесспорно переднеазиатские формы металла говорят за сравнительно позднюю его дату. С другой стороны, поздняя дата контролируется большим сходством керамики Сачхере и верхних слоев Квацхелеби. Последняя дает прочную стратиграфическую основу всему комплексу в целом.

В заключительный период ранней бронзы, согласно Э. В. Ханзадян,²⁵⁹ в Армении (центральная группа) окончательно сформировались три локальные группы керамики, первая из которых, эларская, тесно увязывается с более ранней посудой; это — широкогорлые чернолощенные сосуды с округлым туловом, маленьким вогнутым донышком и полусферическими ручками (рис. 44, 83, 86); очертание тулова сглаживается, прежняя трехчастность округляется; тулово украшается круглыми вдавлениями, «шпалами», налечами, глухими ручками. Изменяются также формы керамических подставок, состоящих теперь из двух как бы усеченных конусов, соединенных вместе (рис. 44, 122). Наряду со старыми формами появляются новые, переходящие позднее в посуду средней бронзы.

Керамика эларского типа распространена в таких памятниках, как Гари, нижний слой Ахтамара, Акунак, Баба-Дервиш II, Хорум-булах, Левинакан, Кахси, Асхадзор, Ареш. Севернее близкие формы известны из Озни, Кикети, Бармаксыза и Даш-Баша, но здесь украшения либо совсем отсутствуют, либо сводятся лишь к ручкам-защипам.

Отнесение эларской керамики к третьему этапу нам представляется необоснованным. Ведущие типы эларской посуды — широкогорлые горшки и глубокие миски — очень напоминают ранние формы. Часть выпшенаван-

²⁵⁸ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 102.

²⁵⁹ Э. В. Ханзадян. Культура Армянского нагорья, стр. 76.

ных пунктов (Озни, Кикети, отчасти Баба-Дервиш II) нами связываются по керамике с первым этапом. Эларская посуда напоминает также сосуды Эрниси, Кюль-Тепе II, Геой-Тепе; памятники эти характеризуют первый и отчасти второй этапы развития куро-аракской культуры. На многих сосудах этих поселений встречаются те же круглые вдавления, «шпалы», ложные ручки. Вопрос о том, к которому из этапов — к первому или второму — должна быть отнесена эларская группа, выделенная пока только типологически, должен быть окончательно разрешен лишь



Рис. 52. Шенгавитское поселение. Крупный чернолощенный сосуд с выпукло-выемчатым орнаментом.

с помощью стратиграфических наблюдений на соседних с могильником поселениях. Мы помещаем эту посуду условно во второй этап и датируем ее с середины III тыс. до н. э.

Шенгавитский вариант также продолжает развиваться. Особенно это заметно в орнаменте, который окончательно геометризуется и значительно упрощается, komponуясь теперь из простых геометрических фигур. Появляется и ряд новых форм — рифленые в средней части небольшие сосуды, низкие глубокие чаши с двускатным профилем и жгутообразным венчиком. К третьему этапу, судя по некоторой вычурности формы, должен быть, очевидно, отнесен очень крупный чернолощенный сосуд из Шенгавита (рис. 52). Орнамент теперь наносится не по сырой глине, а процарапывается по сухой поверхности в виде заштрихованных треугольников; кстати, мотивы заштрихованных треугольников и косой штриховки получили позднее широкое распространение в расписной и чернолощенной посуде II тыс. до н. э.

Керамика шенгавитского типа хорошо сопоставляется с посудой древних Триалетских курганов и некоторыми сосудами Сачхерского могильника. Однако синхронизация ее с третьим комплексом Бештапенской крепости неубедительна. Этот комплекс должен быть отнесен уже к началу II тыс. до н. э., когда стали одновременно изготавливаться расписные сосуды и черные, украшенные как бы резьбой по дереву. Особенно близка, совершенно идентична триалетским образцам чернолощенная по-

суда с тонким врезным орнаментом из нижнего слоя поселения Узерлик-Тепе около Агдама,²⁶⁰ которая в свою очередь была сопоставлена с посудой из погребения в Кировакане, в Банисхеви, а также с отдельными находками Эчмиадзина, Басаргечара и Артика.²⁶¹

Наконец, исключительно важна стоящая на грани двух периодов — ранней и средней бронзы — керамика из ящичных погребений Арагаца.²⁶² Эта керамика составляет последнюю локальную группу Армении третьего этапа. Здесь преобладает чернолощенная, но встречается и краснолощенная посуда. Это тонко выделанные миниатюрные горшочки с биконическим корпусом и высоким слегка профилированным горлом, одноручные кувшины со сравнительно узким горлом и тоже биконическим туловом, широкие приземистые чаши (рис. 44, 115, 116, 120); лишь на одной маленькой кружечке была полусферическая ручка. Тонкий врезной орнамент в виде диагональных лент покрывает верхнюю половину большинства сосудов. Арагацкая керамика, с точки зрения А. А. Мартиросяна, рядом признаков бесспорно тяготеет к эларской. Вместе с тем от эларских сосудов арагацкую группу отличает исчезновение полушарных ручек и круглых вдавлений, замена последних врезной орнаментацией в виде диагональных лент, заполненных сплошной вертикальной штриховкой, узкими заштрихованными метопами и треугольно-ромбическими фигурами или их комбинациями. Появляются узкогорлые сосуды, форма тулова большинства сосудов приближается к биконической.

Орнаментация этих сосудов явно отходит от схем, господствовавших в период ранней бронзы, когда украшение составляли узкие или широкие заполненные резьбой горизонтальные пояски, и скорее приближается к ленточно-штриховому орнаменту узерликских, а также упомянутых в связи с ними сосудов. А. А. Мартиросян видит также большое сходство с чернолощенными сосудами Сачхере и, ссылаясь на мнения турецких археологов, с неизвестной нам посудой верхних слоев Караза.

Таким образом, на третьем этапе в Армении совершенно исчезает выпукло-вогнутый орнамент, который заменяется тонколинейным, врезным; а позднее постепенно и этот орнамент выходит из употребления. Исчезают также и полусферические ручки. Однако утрата ряда особенностей прежней посуды сопровождается возникновением новых форм, к которым в первую очередь относятся рифленые сосуды и двускатные керамические подставки.

В Шида-Картли — северо-западная группа — последний этап представлен керамикой трех горизонтов слоя В, Хизанаант-гора и Квацхелеби. Поверхность сосудов черная, реже серая. «Розовая подкладка» постепенно исчезает. Ведущие формы посуды нижних горизонтов сохраняются, однако экземпляры третьего этапа имеют более отточенные формы. Это миниатюрные сосуды для питья с округлым корпусом и маленьким вогнутым доньшком, высокие и низкие чаши, одноручные горшки с широким и высоким горлом (рис. 26, 10, 11; 44, 104—106, 108). Традиционными здесь остаются крупные трехручные сосуды биконической формы, подчеркнутой дополнительно в самой широкой части рельефным уступом (рис. 26, 13; 44, 110). Сосуды эти, однако, становятся значительно изящнее, совершеннее и украшаются теперь в отдельных случаях росписью, при которой горло закрашивается красным цветом, а переход к темному тулову подчеркивается жирной коричневой полосой, обрамленной углами и петлями с помещенными в середине четырьмя

²⁶⁰ К. Х. Купшарева. Новые данные о поселении Узерлик-Тепе около Агдама, рис. 17—19, 20, 1, 31.

²⁶¹ Там же, рис. 20, 3 и 29, 3—4, 6.

²⁶² А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы. . . , рис. 10—14.

темно-красными точками.²⁶³ Прототипом таких трехручных сосудов с полным основанием можно считать значительно более грубый, но расписанный в той же манере явно более архаичный сосуд из Оэни.²⁶⁴

На остальных сосудах так же, как в Амиранис-гора и Триалети, преобладает взрезной орнамент (углы, горизонтальные и зигзагообразные линии, пересекающиеся треугольники). Именно этим орнаментом сосуды Амиранис-гора и Триалети напоминают декорровку керамики, встреченной в Сачхерском могильнике (Цардис-гора, Корети — рис. 44, 109, Сачхере).²⁶⁵

Этим же периодом, бесспорно, датируется грандиозный Самгорский курган с крупными и мелкими биконическими сосудами, отделанными в манере измельченной резьбы,²⁶⁶ а также несколько великолепных чернолощенных сосудов, добытых во время разведок Т. Н. Чубинишвили на садахлинском Геой-Тепе (рис. 44, 107, 112) и на поселении Шулавери II (рис. 44 111, 113, 114). Крупный биконический трехручный сосуд с резкими скосами в нижней части почти идентичен трехручным сосудам Квацхелеби и Шенгавита, а припухлый глубокий горшок с небрежным тонкорезным, «беглым» орнаментом с геометризованными до неузнаваемости когда-то статичными сочно-рельефными птичками очень близок отдельным фрагментам керамики из поселения Баба-Дервиш II с такими же украшениями.

В этой связи попутно остановимся на упомянутом памятнике. Выше уже говорилось о той части керамики поселения Баба-Дервиш II, которая, легко увязываясь с посудой энеолита, с одной стороны, и с архаичной куро-аракской посудой — с другой, должна быть безоговорочно отнесена к первому этапу. Бесспорно, поздними по отношению к этой керамике должны считаться миниатюрные чернолощенные кубки с узким вогнутым донышком, высокие узкогорлые трехручные сосуды (рис. 44, 128), перекликающиеся с узкогорлой посудой верхних горизонтов поселений Кюль-Тепе II, Геой-Тепе К, Квацхелеби В. Поздними также являются украшения с мелким тонкорезным геометрическим орнаментом (рис. 44, 126—127, 129), непосредственно связывающимся с керамикой поздних слоев Шенгавитского поселения и поселений района Кировакана. Эта керамика, отражающая последний этап жизни поселения Баба-Дервиш II, подкрепляет мысль о наличии здесь, в куро-аракском слое, по крайней мере двух одновременных горизонтов.

Таким образом, если для армянской керамики третьего этапа характерно исчезновение трехчастности за счет округления форм и некоторое упрощение орнаментации, то синхронный комплекс посуды из памятников южной и западной Грузии указывает на поиски в этот период более сложных, порой становящихся несколько вычурными, форм. Общей же тенденцией для обеих групп будет исчезновение «розовой подкладки», замена сочных рельефных и выпукло-вогнутых украшений, распределяющихся по всему корпусу, а иногда и по шейке сосудов, резным или слегка вогнутым, сильно геометризованным «беглым» или диагонально-ленточным орнаментом.

Керамика третьего этапа в юго-восточной группе памятников представлена фактически только поселением Яник-Тепе. С некоторой оговоркой сюда можно отнести, правда, отдельные экземпляры посуды из верхних горизонтов Кюль-Тепе II и Геой-Тепе К. Бесспорно, поздними

²⁶³ Л. И. Глonti и А. И. Джавахишвили. Урбиси I, цветная таблица.

²⁶⁴ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., табл. VII.

²⁶⁵ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция, рис. 31; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., рис. 29, 39, 41, табл. XXI.

²⁶⁶ А. М. Ацакидзе, Н. З. Бердзенишвили и др. Археология Грузии. Тбилиси, стр. 92, табл. VIII, 5—6, 8, 10 (на груз. яз.).

здесь являются близкие по форме крупные узкогорлые трехручные кувшины, появление которых во второй половине III тыс. до н. э. в ряде памятников куро-аракской культуры (Арагац, Баба-Дервиш II, Квацхелеби, Амиранис-гора) связано скорее всего с расширением молочного хозяйства. В этих тарах легко сохранялось молоко; ручки же могли служить для подвешивания при передвижении.



Рис. 53. Шулавери II. Чернолощенные сосуды из куро-аракского слоя.

При просмотре керамического комплекса Яник-Тепе сразу обращает на себя внимание резкая разница между посудой нижнего халколитического слоя и горизонтов периода ранней бронзы. Это касается и фактуры сосудов, и их формы. Такое положение вещей вполне объяснимо, если учесть значительный временной разрыв этих слоев. Здесь некоторым исключением может служить лишь определенно прослеживающееся сходство одного типа сосудов, встречающихся и в халколитическом, и особенно в нижних горизонтах куро-аракского слоя. Это сосуды с цилиндрическим горлом, резко переходящим в округлое тулово (рис. 36, 1, 10, 12; 44, 130, 137, 141).

Помимо сосудов этой формы, в нижних горизонтах периода ранней бронзы были глубокие чаши с отогнутым и утолщенным венчиком (рис. 36, 11, 13; 44, 132, 135), бочонкообразные сосуды с припухлыми,

а иногда и вогнутыми стенками (рис. 36, 8, 9, 15, 16; 44, 140), крупные и мелкие сосуды для варки пищи (рис. 36, 1, 12), подставки для сосудов. Уникальными являются миниатюрный сосуд в форме птицы и сосуд со сливом (рис. 36, 4). Найдены также четыре светильника (рис. 36, 24). Большинство сосудов имеет черную или серую поверхность и украшено зрелым орнаментом в виде различно заштрихованных поясов. На некоторых мы видим схематизированные изображения птиц, спиралей и фигур ∞ -образной формы. Сосуществуют ленточные и полушаровидные ручки.

В сосудах вышележащих горизонтов основные формы остаются прежними. На кувшинах заостряются днища (рис. 39, 1, 2, 5); эти сосуды так же, как сосуды Геой-Тепе, очевидно, вставлялись в углубления, сделанные в глиняных скамьях. Встречено много миниатюрных горшочков (рис. 39, 4). Резной орнамент полностью исчезает; его заменяет особый «металлический» блеск лощения.

Отсутствие орнамента наблюдается и на небольшом керамическом комплексе, дошедшем до нас из разграбленного Уч-Тепинского кургана, принадлежность которого к концу периода ранней бронзы обосновывается радиоуглеродной датой и тяготением некоторых элементов сосудов к формам майкопского круга. Это глубокая круглодонная чаша и два горшка; по способу оформления венчика, переходящего непосредственно, без шейки, в верхнюю половину корпуса, они напоминают глиняные и серебряные сосуды Майкопского кургана. А. А. Иессен считает, что сосуды такой формы имели своим прототипом металлическую посуду.²⁶⁷ И лишь один небольшой груболопной горшочек с уступчатым переходом от горла к тулову напоминает традиционную куро-аракскую форму.

К сожалению, более полных данных о керамике, бытовавшей в конце периода ранней бронзы в восточной части междуречья Куры и Аракса, в опубликованных материалах мы не находим.

В целом керамика третьего этапа Южного Кавказа и прилегающих областей очень разнообразна. И если в начале III тыс. до н. э. мы могли наблюдать определенную однородность в посуде, при которой одни и те же формы характеризовали синхронные памятники в достаточно удаленных друг от друга местах, то теперь такие сопоставления оказываются значительно более затруднительными.

Локализуются и орнаменты сосудов: вместо сочных рельефных замкнутых «лицевых» композиций с обязательным мотивом спирали теперь в одной из групп встречается измельченный, «беглый», похожий на скоропись, сильно геометризованный тонконарезной орнамент, в другой — диагонально-ленточные композиции, в третьей — легкий выпукло-вогнутый рисунок, в четвертой — полное отсутствие каких бы то ни было украшений. Единство керамики удаленных друг от друга областей в этот период нарушается.

Культы, обряды, верования

Духовная культура древних племен остается наиболее трудной и сложной сферой для исследования — многое здесь утрачено навсегда, далеко не все дошедшее может быть разгадано правильно. Как правило, легче восстанавливается обрядовая сторона, нежели содержание религиозных представлений. Это в полной мере относится к идеологии племен Южного Кавказа поры неолита и ранней бронзы, которая, судя по дошедшим до нас следам, была достаточно развитой и сложной.

²⁶⁷ А. А. Иессен. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе, стр. 183, рис. 37—39.

Культы и верования энеолитических племен вследствие малого количества данным остаются лишь в какой-то незначительной части понятными, хотя, судя по некоторым имеющимся находкам, а также отобранным с осторожностью аналогиям, и представляется бесспорным, что вся



Рис. 54. Различные культовые предметы и изображения.

их идеология была пронизана идеей плодородия, характерной для всех раннеземледельческих культур Европы и Азии. Подтверждается это в первую очередь наличием женских статуэток, иконография которых весьма разнообразна. Это женственные фигурки, изображенные сидящими (Шулавери, Баба-Дервиш — рис. 54, 1, 2) и имеющие аналогии в Триполье и в Средней Азии, а также еще схематичные, весьма условно трактованные изображения женщин (Шому-Тепе, Сагварджиле —

рис. 54, 3—4, 6), архаический облик которых явно тяготеет к более ранним этапам культуры, прослеживающимся по таким памятникам, как, скажем, Тепе-Гавра в Передней Азии, Нальчик на Северном Кавказе (рис. 54, 5, 7).

Среди упомянутых фигурок Южного Кавказа выделяется женская скульптурка из поселения Шулавери. Подобно зернам, замешанным в глине, из которой лепились фигурки из Гудабердка и трипольские статуэтки,²⁶⁸ а также квадратам с четырьмя точками, символизирующим поле с брошенными туда зернами,²⁶⁹ изображенное на груди шулаверской фигурки древо жизни, идущее от женского начала, выражает всю суть пожеланий древнего человека. Связанное с женским образом, оно как бы удваивает идею плодородия.

Труднее поддаются интерпретации пропараллельные параллельные линии на ногах этой фигурки; быть может, они знаменуют неоднократную повторяемость одних и тех же астральных явлений, обозначение которых, так же как на фигурках Средней Азии,²⁷⁰ было связано с календарем древнего земледельца.

Культовыми атрибутами, бесспорно, являются глиняные скульптурки домашних животных, найденные пока в поселениях Арухло и Цопи (рис. 54, 9). Преобладание на энеолитических поселениях костей крупного рогатого скота позволяет допустить его наибольшую почитаемость, что нашло отражение в обрядности того времени. Увеличение или сохранение стада крупного рогатого скота, по представлению древнего человека, во многом зависело от жертвоприношений этих животных и от преподношения божеству заменяющих их фигурок. Последнее позволяет допустить, что слабо обожженные глиняные изображения животных либо лепились специально для культовых церемоний, при исполнении которых последние бросались в огонь (Арухло),²⁷¹ либо изготовлялись для погребений, куда они клались взамен самого животного, как это было засвидетельствовано на поселении Цопи.

Открытое в 1967 г. на поселении Имирис-гора здание с прямоугольным подиумом могло служить для совершения каких-то общеродовых обрядов, проводившихся под началом старейших членов рода. В этом плане чрезвычайный интерес представляет находка на поселении Арухло небольшой каменной скульптурки человеческой головы с резкими морщинами на лице (рис. 6; 54, 8). Наличие глубоко затертой в них охристой краски, быть может, имитирует татуировку родоначальницы либо изображает маску какого-то отвлеченного персонажа.

Особой символичкой награждены и некоторые «украшения» на энеолитической посуде. Различные налесты в виде парных и многократных круглых и продолговатых выпуклостей, полукругов, волнообразных линий могли быть символами женской груди, зерен злаков, косточек священного граната, солнечного диска, молодой луны, змеи — доброго начала.

Таким образом, в основе верований древних земледельцев Южного Кавказа было поклонение матери-земле, олицетворенной женским божеством, оплодотворяемой теплом и влагой, исходящими от небесных светил.

²⁶⁸ С. Н. Бибиков. 1) Поселение Лука Врублевская. МИА СССР, № 10, 1953, стр. 204; 2) Культовые женские изображения раннеземледельческих племен Юго-Восточной Европы. СА, XV, 1951, рис. 1—4.

²⁶⁹ Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965, № 1, рис. 5.

²⁷⁰ И. Н. Хлопкин. Геокюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964, рис. 45.

²⁷¹ Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, стр. 121.

Другую сторону духовной жизни энеолитических племен характеризуют некоторые привозные из Передней Азии предметы. Это штемпельные печати с изображениями животных, которыми были опечатаны крупные сосуды из Геой-Тепе и Арухло. Печати несомненно накладывали запрет на содержимое сосудов, являясь своеобразными оберегами.²⁷² Роль оберегов выполняли не только печати, но также и отдельные изображения и знаки на керамике. На трипольской посуде такими оберегами, например, являлись изображения ужей, особенно почитаемых у местного населения.

Рост производительных сил в период ранней бронзы, выдвижение на первый план скотоводства, бурный подъем металлургического производства, усилившийся на этой базе межплеменной обмен — все это не только повлекло за собой быстрое и повсеместное распространение некоторых новшеств в области материальной культуры, но и способствовало дальнейшему развитию и усложнению идеологических представлений. В этот период наряду с усложнением старых древнеземледельческих культов, тесно связанных с религиозными представлениями Древнего Востока, появляются новые, рожденные значительными изменениями в материальной и духовной жизни древнего населения Южного Кавказа.

От этого периода дошло значительно больше следов культовых обрядов. В частности, устанавливается, что, помимо общеродовых обрядов, моления совершались в каждом доме и сопровождалась здесь определенным ритуалом. Судя по размещению инвентаря и различных культовых приношений, обряды совершались в центре дома, около семейного очага, а также на глиняном возвышении-скамье, находившемся обычно либо у очага (Шенгавит), либо у задней стены помещения (Амиранис-гора, Гудабертка, Квацхелеби и др.). Возможно, что этот домашний алтарь ведет свое начало от древних энеолитических подиумов, представлявших собой небольшое прямоугольное возвышение в центре или у стены дома. Кстати, общеродовые святилища с подиумами хорошо известны по энеолитическим поселениям Средней Азии.²⁷³

Беликолепно препарированное помещение № 1 поселения Квацхелеби погибло от пожара в момент совершения его обитателями каких-то сложных религиозных обрядов, связанных с культом плодородия.²⁷⁴ Здесь на глинобитном возвышении были расположены круглые зольные кучки, обмазанные, как и задние стены домов, тонким слоем окрашенной в кирпичевый цвет глины и напоминающие, таким образом, глиняные сосуды. Около них, а иногда и на них лежали переносные очажки, ритуальные сосуды, серпы, пряслица, каменные песты.²⁷⁵

Главные обряды, однако, совершались в центре дома, у очага, также украшенного подчас какими-то символическими знаками. Здесь поддерживался неугасимый огонь. Очаг являлся символом благополучия семьи, поэтому около очага находились различные идолы, связанные в условиях патриархального общества с мужским началом. Это либо статуетки мужчин (Хизанаант-гора, Квацхелеби, Амиранис-гора, Шенгавит — рис. 54, 15), либо их атрибуты в виде каменных фаллов (Квацхелеби).

Значительную группу домашних идолов представляют глиняные надочажные подставки подковообразной формы. Они встречаются на поселениях и нередко изображают сидящего над очагом мужчину с короткими бычьими рогами или с углублением в виде чаши на голове. Под-

²⁷² В. А. Рыбаков. Космогония..., стр. 36.

²⁷³ В. М. Массон. Средняя Азия..., стр. 312.

²⁷⁴ См. выше, стр. 73.

²⁷⁵ Л. И. Глonti и А. И. Джавахишвили. Урбисси I, стр. 62.

ставки, несмотря на сильную их схематичность, отображают акт оплодотворения мужчиной домашнего очага.

Надочажные фаллические подставки (Амиранис-гора — рис. 54, 37), массивные очаги с внутренними выступами, оформленными в виде фаллов (Караз — рис. 23), изображения летящих журавлей на очагах (Амиранис-гора, — рис. 54, 25) — этих символов весны, возрождения природы, — все это должно было способствовать благополучию семьи, умножению ее богатств, которое наступало обычно с началом весенних полевых работ и отгоном скота на богатые травой пастбища.

Другие археологические факты свидетельствуют о том, что на крупных поселениях куро-аракской культуры религиозные обряды совершались и вне жилых домов. Для выполнения различных обрядов служили специально выделенные места и отдельные постройки, предназначавшиеся для хозяйственных целей, в частности для загона скота (Амиранис-гора, Тетрицкаро), а порой и ямы, в которых хранились запасы зерна (Хизанаант-гора, Гудабертка, Яник-Тепе и др.). Это подтверждается находками здесь культовых подставок, маленьких алтарей, сложенных из камней и вотивных предметов. В «длинных домах» на Амиранис-гора устраивались захоронения младенцев без сопровождающего инвентаря, что подчеркивает их культовую значимость.²⁷⁶

Крупные по размерам поселения характеризовались наличием святилищ, расположенных как на территории поселений (Гудабертка, Артик), так и за их пределами (Баба-Дервиш II и Амиранис-гора). Так, в горах Армении (Артикский район) недавно открыто святилище с многочисленными культовыми предметами. Среди них — глиняные скульптурные голы животных, фигуры людей, предметы мелкой пластики, модели повозок, запряженных волами и пр.²⁷⁷

На поселении Гудабертка было расчищено культовое здание овальной формы, на стенах которого сохранилась многоцветная роспись, а на полу — ритуальная утварь, в том числе и специально распиленные бычьи черепа с рогами, напоминающие маски, культовые предметы.²⁷⁸ Здесь же, под глинобитным полом, оказался настил из колосьев пшеницы, ржи, двух видов ячменя и проса. На полу оказались статуэтки мужчины, овцы и собаки, печати с изображением оленя и астральных знаков.

Особую сторону духовной жизни освещают погребальные памятники этого периода. Они очень разнообразны и отражают те сложные социальные процессы, которые имели место здесь на протяжении эпохи ранней бронзы.

Древнейшие курганы III тыс. до н. э., находившиеся за чертой поселений, представляют собой родовые могильники, первичные захоронения которых (возможно, захоронения старейшин рода) располагались обычно в центре (Степанакерт, Тквиави). Такой же характер имели и древние родовые могильники, расположенные в пределах поселений (Амиранис-гора). И здесь группу однородных одиночных и парных захоронений окружали каменные склепы, выделявшиеся какими-то особыми признаками, — приношением в жертву нескольких быков, наличием металлического оружия или сосудов с пиктографическими знаками.

Весьма интересны погребения, носившие жертвенный характер. В Кикетах и в Степанакерте, например, были захоронены скелеты обезглавленных людей, в Амиранис-гора — одни черепа.

²⁷⁶ С. Н. Бибиков. Поселение Лука Врублевская, стр. 194; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 107.

²⁷⁷ Б. Н. Аракелян, А. А. Мартirosян. Археологическое изучение Армении за годы Советской власти. СА, 1967, № 4, стр. 30.

²⁷⁸ С. И. Надимашвили. Гудабертка-Цхивагора. Лиахви. Горы, 1963, стр. 150.

Позднее стали появляться одиночные курганы, конструкция и размеры которых указывают на большие и трудоемкие работы целых родовых коллективов (Самгори, Уч-Тепе, Параванское озеро, Бедени). В некоторых случаях покойника клали на деревянную колесницу (Бедени) и окружали золотыми и серебряными предметами. Эти почести отдавались особым лицам — военачальникам и вождям, возвысившимся над родовыми членами племени.

Переход к патриархату, главенствующее положение мужчины нашли яркое отображение в погребальных обрядах. Они все больше и больше усложняются. Теперь старые древнеземледельческие культы постепенно наполняются новым содержанием. Персонафикация мужского начала в культе плодородия хорошо отображена серией предметов и различных сюжетных композиций. Мужское начало уже непосредственно связывается с астральными культами, выраженными такими символами, как изображение молодой луны, напоминающей своими очертаниями рога быка.

Общеродовые святилища и культовые ямы, по-видимому, были выделены особо и располагались несколько на отлете от поселений. Так, святилище находилось на самой вершине Амиранис-гора. Оно функционировало в течение всей жизни поселения. Здесь было сооружено несколько каменных зданий. Позднее на горе были построены маленькие комнатки, очевидно модели отдельных выделившихся семей. В святилище многократно совершались обряды, свидетелем чему служат большие, богато украшенные спиралями сосуды, пережженные кости животных, зола и пепел, а также фигурка стилизованного животного (рис. 54, 17).

Культовым местом являлась одна из ям, расположенная около поселения Баба-Дервиш II несколько выше по склону холма. Стенки ее были обожжены докрасна. В яме находились обломки каменной стелы, украшенной двойной спиралью, зола, обгорелые кости крупного рогатого скота, фигурка бычка и обломки сосудов со спиральным орнаментом.

Обряды совершались, очевидно, и вдали от поселений. Для этих целей служили переносные очаги, неоднократно находимые на поселениях, а также их миниатюрные модели (Гудабертка, Дидубе, Квацхелеби, Амиранис-гора), точь-в-точь копирующие обычные стационарные очаги. Можно предположить, что переносные очаги могли служить для совершения обрядов во время перекочевков, на яйлагах, а маленькие модели сопровождали одиноких путников в пути. Для этой же цели служили модели очагов из среднеазиатских поселений поры энеолита.²⁷⁹

На некоторых антропоморфных фаллических подставках, например, мужское начало божества луны выражено только изображением серпа луны (Кюль-Тепе II). Этот же мотив мы видим в составе многих сюжетных композиций на керамике, где луна помещается в центре расходящихся в разные стороны двух волн и летящих журавлей (Амиранис-гора — рис. 54, 33, Садахлю, Шулаверя, Гари, Шенгавит, Баба-Дервиш II).

Наиболее часто повторяющимся мотивом «украшений» на керамике является спираль, бесспорно награжденная определенным смысловым содержанием. Спираль, связанная с культом плодородия, могла олицетворять солнце, вечное движение. Особенно характерна двойная спираль, скорее всего символ древа жизни. На ранней керамике она обычно изображалась способом налепа и имела горизонтальную перекладку, что делает ее отдаленно напоминающей верхнюю часть головы рогатого животного (Кикети — рис. 54, 38, Озни, Аратац). В других случаях расходящиеся в стороны спирали основанием упираются либо в серп луны

²⁷⁹ И. Н. Хлопня, Модель крупного жертвенника из Ялаагач-Деле. КСИИ, вып. 88, 1964, стр. 47.

(Караз, Амиранис-гора), либо в ладьевидную фигуру (Шреп-Блур, Кюль-Тепе). На поздних сосудах (Шулавери, Садахло) мы находим спирали, целиком отделенные друг от друга. Разновидностью этого знака следует считать композицию, в центре которой между спиралями помещена схематичная фигура жертвенника в виде двух соединенных углами треугольников (Кюль-Тепе II, Геой-Тепе — рис. 54, 35—36). Двойные спирали обретают иногда форму, напоминающую меандр, основание их при этом упирается в треугольную подставку-жертвенник (Караз).

Представляется, что большая часть всех этих знаков должна иметь то же смысловое значение, что и в памятниках Передней Азии. В Иране, например, на расписной керамике Сялка спираль изображает древо жизни. Неслучайным, по-видимому, является и сходство идущих друг за другом птиц Сялка с журавлями на керамике и металлических изделиях куро-аракской культуры. Здесь они встречаются в композициях со спиралями, которые могли одновременно символизировать и вечное движение — вращение по небосклону солнца, приближение его весной и удаление осенью, с чем непосредственно был связан прилет и отлет журавлей, являвшихся, по-видимому, апотропеическими существами божества солнца. Связь этих птиц с астральным культом солнца хорошо прослеживается и в сюжетной композиции на медной диадеме из погребения Квацхелеби, где они изображены вместе с диском солнца, оленями и змеями (рис. 43, 31; 54, 24).²⁸⁰ Мотив спирали был также очень распространен в малоазийско-средиземноморском круге памятников.²⁸¹

Не менее значительны и лепные «лицевые» изображения оленя, жертвенника, хлебного колоса, которые, сочетаясь с лунницей, спиралью и меандром, составляют иногда на сосудах и крышках очень сложные композиции (Караз, Геой-Тепе, Амиранис-гора, Садахло). Часть из них напоминает сильно увеличенные глиняные оттиски каменных печатей, столь широко распространенных с эпохи энеолита на всем Древнем Востоке.

Такие знаки на сосудах располагаются часто под ручкой, что еще более подтверждает их особое магическое значение (Кюль-Тепе II, Геой-Тепе, Ози, Амиранис-гора и др.). Скорее всего, эти знаки были награждены тем же смысловым содержанием, что и печати Арухло, Геой-Тепе, и являлись культовыми апотропеическими символами, своего рода запретными знаками, охраняющими запасы зерна, приносимого при обрядах в качестве жертвоприношений или хранящегося для новых посевов. В некоторых случаях вместо символических знаков для наложения запретов продолжали употребляться оттиски печатей (крышка Геой-Тепе).

Бурный расцвет металлургии породил новую категорию символов. Древний человек на сосудах стал изображать отдельные металлические предметы. Так, хорошо известные бронзовые подвески в виде полумесяца теперь часто встречаются на сосудах, крышках и очагах (Амиранис-гора, Гудабертка, Квацхелеби, Караз). Появляются и изображения двуспиральных булавок (Шулавери, Садахло и др.).

Уникальным является изображение кинжала с металлической рукояткой на большом сосуде из Квацхелеби.

Эти знаки, по-видимому, являлись также оберегами, имевшими, по представлениям того времени, особую магическую силу. Значение их на сосудах могло быть функционально близким вотивным предметам и подвескам, имитирующим в миниатюре металлические серпы (Квацхелеби),²⁸² мотыжки и топоры (Сачхере).²⁸³

²⁸⁰ Л. И. Глonti, А. И. Джавахишвили. Урбниси I, стр. 24, табл. XXXVI.

²⁸¹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа, стр. 152.

²⁸² Л. И. Глonti, А. И. Джавахишвили. Урбниси I, табл. IV, 474.

²⁸³ О. М. Джанашидзе. К истории грузинских племен..., табл. XX, 18, рис. 36, 3.

Таким образом, эта категория знаков отражает все те новшества в области металлургии, которые для человека периода ранней бронзы являлись знаменующим значительный прогресс.

В связи с усилением роли скотоводства уже в первой половине III тыс. до н. э. символика древних оседлоземледельческих культур начала наполняться новым содержанием. Появление пластических изображений сильно стилизованных быков (подставка из святилища Амиранис-гора), часто встречающийся мотив барана на предметах из глины и из металла (очаги с бараньими головами, булавки, имитирующие головы баранов, глиняные фигурки) указывают на усложнение и переосмысление старых представлений, в которых раньше большую роль играли дикие тотемные животные (например, олень) и которые теперь переплетаются с определенными астральными знаками (Геой-Тепе).

В этом плане знаменательным также является факт слияния фаллических изображений на очагах Караза со знаками двойной спирали, символизирующих головы баранов (рис. 44, 23).

Фаллические культы, не зафиксированные в древнеземледельческой среде, приобретают особое значение при скотоводческо-земледельческом укладе хозяйства, когда скотоводство выдвигается на первый план.

Слияние некоторых символов происходило сначала в тех областях, где были соответствующие условия для быстрого развития скотоводства. Ярким примером может служить изображение на сосуде из Бештапени стаи журавлей, ведомой вожаком, голова которого трактована в виде спирали. Быть может, изображение журавля с эмблемой движущегося солнца надо рассматривать как попытку путем синкритизации двух символов солнца представить главное божество.

Другой астральный знак — полумесяц — ассоциируется всегда с атрибутами домашних животных — рогами быка и барана. Теперь, по-видимому, культ плодородия олицетворяется не только одним астральным явлением — солнцем; на первый план выдвигаются два главных светила, которые, судя по грузинским фольклорным и этнографическим данным, воспринимаются либо как равные, либо в определенной иерархической взаимосвязи, что должно рассматриваться как результат более позднего этапа развития религиозных представлений.²³⁴

В свете всех рассмотренных нами данных особым смыслом должны были быть наделены и появившиеся пиктографические знаки, которые представляли собой первые зачаточные элементы письменности. Это десять знаков на сосуде из склепа могильника № 36, Амиранис-гора (рис. 46). Здесь изображен журавль, принесенный в жертву перед алтарем (трактовка Ш. Я. Амиранашвили). Тут же имеются четырехугольные знаки, подобно трипольским²³⁵ являющиеся, быть может, символами вспаханного поля, змея, а также схематическая фигура женщины. На другой пиктограмме, на чаше из Озни, вместе с изображением древа жизни, двух стилизованных животных представлена фигура человека, а также и двуглавый журавль.

Появление пиктографических знаков на ранних этапах развития куро-аракской культуры наряду с расцветом местной металлургии и формированием яллагного скотоводства, способствующих усилению межплеменного обмена, указывает на уровень развития патриархального общества, при котором уже могла зародиться имущественная дифференциация, ведущая постепенно к социальному неравенству.

²³⁴ И. К. Сургуладзе. Астральная символика в грузинском народном орнаменте. Автореферат. Тбилиси, 1967, стр. 16.

²³⁵ В. А. Рыбаков. Космогония..., стр. 31—32.

Историческое место Южного Кавказа в V—III тыс. до н. э.

Еще совсем недавно археологи-кавказоведы не имели представления о существовании одного из наиболее древних оседлых обществ Южного Кавказа, развернувшего здесь свою деятельность по крайней мере за четыре-пять тысячелетий до н. э. И вот настал такой момент, когда следы этого общества не только открыты и изучаются в десятках пунктов, но и настоятельно требуют подведения первых итогов.

Выясняется, что памятники энеолита Южного Кавказа существовали не только в юго-восточных его пределах, как это казалось на начальном этапе изучения, когда стали известны первые поселения этого времени, такие как Кюль-Тепе I, Геой-Тепе M и поселения Мильской степи.¹ Они охватили почти все Закавказье и прилегающие к нему области Ирана и Анатолии (рис. 1), и если границы их распространения остаются все еще не уточненными, а расстояния между открытыми группами памятников имеют большую протяженность, то это объясняется еще слишком коротким сроком, прошедшим со дня их открытия.

Сравнительно слабая изученность памятников энеолита Закавказья и далеко не полное отражение в печати даже тех, которые уже открыты, не являются тем не менее препятствием для установления определенного единообразия форм материальной культуры на широкой территории, вызванного общим укладом хозяйства энеолитических племен.² Это единообразие, т. е. повторение одних и тех же ведущих признаков в памятниках энеолита Южного Кавказа, дает основание объединить их в понятие «археологическая культура».

Наше понимание термина «археологическая культура» совпадает с трактовкой его, данной в одной из последних работ В. С. Сорокина. «Под археологической культурой, — пишет автор, — мы понимаем совокупность археологических памятников, сходных между собой по ряду устойчиво повторяющихся признаков и отличающихся по этим признакам от других совокупностей археологических памятников со своими комплексами устойчиво повторяющихся признаков — от других археологических культур».³

Понятие «южно-кавказская энеолитическая культура» значительно перекрывает содержание появившихся совсем недавно в литературе терминов — «шому-тепинская культура»⁴ и «шулаверская культура»,⁵ при-

¹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА СССР, № 100, стр. 151; А. А. Иессен. 1) Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э. КСИА, вып. 93, 1963; 2) Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. МИА СССР, № 125, стр. 11.

² См. выше, стр. 52.

³ Андроновская культура. Археология СССР, САИ, вып. 3—2, М.—Л., 1966, стр. 5.

⁴ И. Г. Нариманов. Древнейшая земледельческая культура Закавказья. Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протосториков в Праге, М., 1966, стр. 121.

⁵ О. М. Джапаридзе и А. И. Джавахишвили. Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции. Мацне, Тбилиси, 1967, стр. 297.

меняемых, кстати, к материалам однотипных поселений (Шому-Тепе и Шулавери), удаленных к тому же друг от друга не более чем на 60—70 км. Памятники этого типа мы предлагаем именовать «археологическим комплексом типа Шому-Тепе» (по месту их первоначального обнаружения в поселении Шому-Тепе). Они локализируются главным образом в северных районах Закавказья, тяготея к бассейну р. Куры. Вместе с комплексом типа Кюль-Тепе I (названного также по месту его первоначального обнаружения в поселении Кюль-Тепе I), который охватывает южные, тяготеющие к бассейну р. Аракса районы, они составляют, как нам кажется, два локальных варианта южно-кавказской энеолитической культуры. Третий вариант как будто бы намечается в районах Западной Грузии по таким памятникам, как Самеле-Клде, Самерцхле-Клде и Сагварджице; впрочем, не располагая материалами этих памятников, мы сознательно почти их не касались. В целом окончательное решение всех этих вопросов должно быть отложено до полной публикации хотя бы добытых уже материалов.

Период энеолита Южного Кавказа (V—IV тыс. до н. э.) характеризуется следующими признаками: 1) небольшими незащищенными поселениями со следами длительного обитания, располагавшимися преимущественно в долинно-равнинных местах, поблизости от воды; 2) маленькими круглыми купольными или овальными домами из глинобитя или сырцового кирпича с очагами и печами, лепившимися к стенкам; 3) устройством могильников с одиночными, парными и коллективными (до 4 человек) захоронениями на самих поселениях; 4) земледельческо-скотоводческим хозяйством при ведущей роли земледелия, использовавшего в естественно не орошаемых местах примитивное искусственное орошение, посевы различных злаковых культур (ячмень, пшеница, полба), смешанные посевы (ячмень и пшеница) и многолетние садовые культуры (виноград); на поселениях, кроме остатков злаков, земледелие документировается каменными и костяными мотыгами, зернотерками, вкладышевыми изогнутыми серпами, а также зерновыми ямами; 5) сопутствующим земледелию скотоводством, носившим придомный характер, с преобладанием в стаде крупного рогатого скота; 6) подсобной ролью охоты, документированной находками наконечников стрел, пращевых камней, набором резцов и скребков для обработки шкур животных (особенно в комплексе типа Шому-Тепе) и костями кабана, лисицы, косули, оленя, джейрана и птиц; 7) достаточно развитым гончарным производством, выпускавшим в различных ареалах посуду двух типов: в бассейне р. Куры — грубую, преимущественно не ангобированную, с крупными включениями толченого камня и украшениями в виде резьбы и различных налепов (тип Шому-Тепе), в бассейне р. Аракса — желтоангобированную, часто лощеную, с растительными примесями (*straw tempered ware*, *Häckselkeramik*), иногда с росписью (тип Кюль-Тепе I); 8) высокоразвитым производством изделий из камня и кости с преобладанием в комплексе типа Шому-Тепе различных видов скребков, резцов и мезолитических орудий, сохраняющих древние мезолитические традиции, а также разнообразных по назначению изделий из кости и рога (мотыги, лопаточки, ложечки, проволки, статуэтки людей и пр.), а в комплексе Кюль-Тепе I — набора различных по форме и по назначению крупных ножевидных пластин; 9) зачатками местного металлургического производства с примитивной добычей поверхностных окисленных руд в местах, близлежащих к поселениям, и изготовлением первых медных кованых предметов (кинжалы, шилья, бусы); 10) сложными религиозными представлениями, среди которых центральное место занимает культ плодородия с сопровождающими его атрибутами в виде женских статуэток, статуэток животных, а также символических

изображений женской груди, косточек граната, зерен злаков, солнечного и лунного дисков, помещенных в виде налепов на керамике.

Географическое расположение Южного Кавказа в пределах северных границ огромного переднеазиатского мира наложило отпечаток на весь ход развития его материальной и духовной культуры. В свою очередь Кавказ с его огромными сырьевыми запасами не мог не воздействовать на окружающие страны.

Контакты осуществлялись начиная с эпохи камня.⁶ В период энеолита контакты и связи со странами Древнего Востока стали более оживленными. Кавказ продолжал снабжать своих южных и северных соседей необходимым сырьем — обсидианом (рис. 19).⁷ С юга сюда поступали различные категории вещей — расписная посуда, печати, бирюза, изделия из металла. В результате влияния переднеазиатских культур на Кавказ проникают и некоторые культурно-технические достижения (толосы, плано-конвексные кирпичи). С памятниками Передней Азии связываются и отдельные формы орудий, такие как изогнутые серпы, мотыжки типкообразной формы и т. д. Благодаря сильному влиянию в V—IV тыс. до н. э. стран Передней Азии на общий уровень материальной и духовной культуры Южного Кавказа последний оказывается втянутым в орбиту влияний древневосточных цивилизаций.

Хронологические рамки энеолита Южного Кавказа определяются находками посуды хассунского (Техут), халафского (Техут, Кюль-Тепе I, Гинчи) и обидского (Техут, Геой-Тепе М) круга, с одной стороны, и планоконвексных кирпичей (Арухло, Шому-Тепе, Имирис-гора) — с другой. Длительность этого периода подтверждается мощными отложениями (иногда до 8—10 м) на ряде поселений.

Большой хронологический диапазон дают и радиоуглеродные даты (рис. 55), представленные теперь уже серией: Шому-Тепе, гл. 1 м — 7510 ± 70 лет, т. е. 5560 ± 70 до н. э. (JE-631); Шулавери, гл. 4.4 — 6625 ± 210 лет, т. е. 4675 ± 210 до н. э. (TB-16); Тойре-Тепе, гл. 2 м — 4295 ± 125 до н. э.; Шулавери, гл. 2.2 м — 5920 ± 300 лет, т. е. 3970 ± 300 до н. э. (TB-15); Пиждели-Тепе, нижний слой — 3857 ± 88 до н. э. (P-505) и 3734 ± 83 до н. э. (P-504); Кюль-Тепе I, гл. 18.8 м — 5770 ± 90 лет, т. е. 3820 ± 90 до н. э. (JE-477); Пиждели-Тепе, верхний слой — 3666 ± 165 до н. э. (P-157) и 3502 ± 160 до н. э.; Геой-Тепе — 3300 до н. э.

Все эти моменты, а также высокий уровень развития Южного Кавказа, устанавливающийся по памятникам материальной культуры, указывают на отсутствие культурно-хронологического разрыва между энеолитом Южного Кавказа и яркими халколитическими культурами Передней и Малой Азии.

Куро-аракская культура периода ранней бронзы, сменившая энеолитическую культуру и распространившаяся примерно в тех же границах Южного Кавказа и прилегающих к нему областей Ирана и восточной Анатолии, характеризует новую, более высокую ступень развития древнего общества. Отсутствие резкой грани между этими культурами подтверждается серией стратиграфических наблюдений, типологическими сопоставлениями различных форм материальной культуры и, наконец, датами, полученными радиоуглеродным методом. Однако на всех этих моментах мы остановимся подробнее несколько ниже.

⁶ В. П. Любин. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества. СА, 1957, XXVII, стр. 90; Е. И. Крупнов. Кавказ в древнейшей истории нашей страны. ВИ, 1966, № 5, стр. 32; Colin Renfrew, J. E. Dixon, J. R. Conn. Obsidian and early cultural Contact in the Near East. Proceeding of the prehistoric society, 1966 (NS, v. XXXII), map.

⁷ Colin Renfrew, J. E. Dixon, J. R. Conn. Obsidian...; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 112.

Новый тысячелетний период (период ранней бронзы), являясь особой эпохой в истории развития населения Южного Кавказа — первым этапом бронзового века, протяженность которого исчисляется не менее чем в два тысячелетия, — знаменуется значительным подъемом производительных сил. От периода энеолита он отличается следующими признаками: 1) значительным увеличением плотности населения и интенсивным расселением племен, в результате чего возник ряд новых поселений как в освоенных в период энеолита низменно-долинных районах, так и в предгорьях и даже в горах; 2) устройством поселений на высоких берегах рек, естественных холмах, склонах гор, а в редких случаях — в пещерах, т. е. тенденцией использования защищенных природных мест; 3) появлением, особенно в предгорных районах, крупных поселений, занимающих доминирующее положение над местностью и являвшихся своеобразными «центрами» для многочисленно разросшихся небольших поселков; 4) увеличением площади домов при сохранении их преобладания на большей части исследуемой территории, появлением в западных районах прямоугольных построек, дальнейшим совершенствованием техники строительства и значительным усложнением комплекса хозяйственных пристроек, группирующихся около домов; 5) появлением стационарных очагов различной конструкции в центре каждого дома; 6) устройством могильников на территории поселений (на заброшенных или не обжитых еще участ-

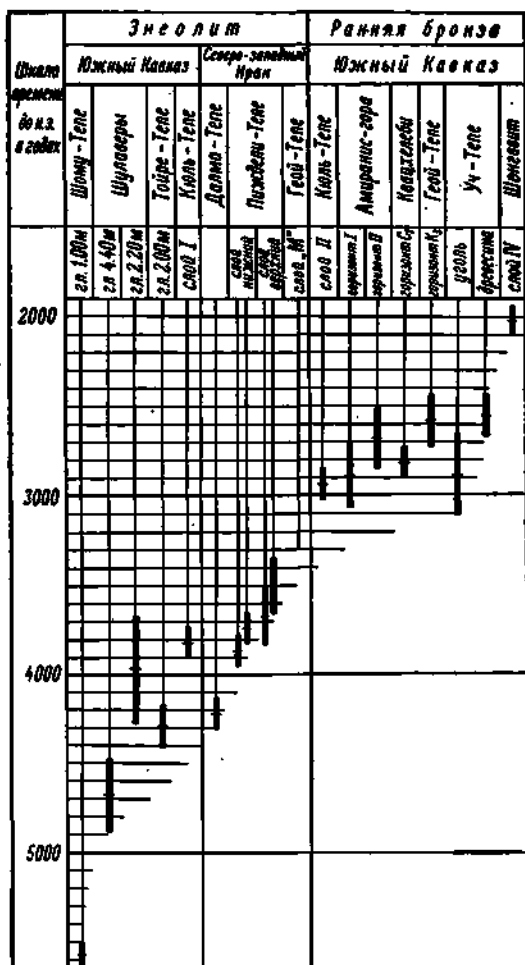


Рис. 55. Хронология некоторых памятников Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. (по данным радиоуглеродного метода).

ках), около поселений или на отлете от мест обитания; 7) усложнением конструкций могильных сооружений, при котором одновременно сосуществуют круглые погребальные площадки, перекрытые небольшой насыпью, и подковообразные склепы, как бы имитирующие жилые постройки, различные по форме и размерам грунтовые могилы, каменные ящики, а к концу периода — большие погребальные камеры иногда со срубом внутри, перекрытые грандиозными курганными насыпями; 8) высоко развитым земледельческо-скотоводческим хозяйством при некоторой специализации различных в геоклиматическом отношении районов: а) в низменно-долинных и отчасти в предгорных — на земледелии — с употреблением для вспашки тягловой силы, значительным увеличением ассортимента злаков (новые сорта пшеницы и ячменя, просо,

полюба), уборкой урожая металлическими серпами, концентрацией больших запасов зерна на поселениях, выращиванием льна и ряда многолетних садовых культур (виноград, абрикосы); 6) в предгорных и горных районах — на скотоводстве, сочетающемся с земледелием и постепенно, в течение всего периода, складывающемся в полукочевую форму с использованием в качестве средств передвижения колесного транспорта, лошадей и мулов; 9) высоким уровнем развития металлургического производства, находящегося на стадии «сознательной» металлургии, при которой добывающая и обрабатывающая отрасли существуют раздельно, а последняя уже освоила искусство выплавки металла из руды, изготовление сложных медно-мышьяковистых сплавов, горячую и холодную ковку, отливку различных предметов в формах с утратой модели; при этом из металла уже изготавливаются все основные формы орудий (серпы, клевцы, проколки, шилья), оружие (кинжалы, топоры, копья, штыки) и украшения (булавки, кольца, браслеты, бусы); 10) значительным усложнением гончарного производства, использующего некоторые навыки металлургических процессов, в результате чего повсеместно изготавливается своеобразная чернолощенная богато орнаментированная посуда, имеющая в различных районах свои специфические особенности; 11) достаточно развитым ткачеством, при котором грубые льняные ткани изготавливались, в частности, для формовки сосудов; 12) значительными сдвигами в социальной и духовной жизни древнего общества, проявившимися в усложнении характера домостроительства, в появлении различных по обряду погребальных памятников (родовых усыпальниц, семейных и одиночных богатых погребений с жертвоприношениями), а также общеродовых святилищ, а в домах — домашних мужских идолов, культовых фигурок животных, антропоморфных и зооморфных надочажных подставок и различных символических знаков на очагах, керамике, украшениях.

Перечисленные признаки, встречаясь в различных сочетаниях в памятниках Южного Кавказа, позволяют считать последние принадлежащими периоду ранней бронзы (рис. 20). Каждый из них достаточно важен при оценке этого периода в целом. Однако главными определяющими его самобытный облик чертами, давшими уже в начале III тыс. до н. э. новое направление развитию производительных сил общества, являются, с одной стороны, быстрое становление скотоводческого хозяйства с постепенным формированием полукочевого, являющегося скотоводства,⁸ дающего значительный прибавочный продукт и ведущего сначала к имущественной, а в конечном итоге и к социальной дифференциации, с другой — создание собственного металлургического производства, использующего богатые медно-рудные залежи Южного Кавказа.

Именно в III тыс. до н. э., в период ранней бронзы, Кавказ становится мощным металлургическим очагом, что принципиально отличает его от предшествующей эпохи энеолита. В этом и состоит своеобразие, этапность этого периода, представленного в Закавказье куро-аракской культурой.

Куро-аракская культура — явление далеко не статичное. Пополнение нашего представления о ней все новыми и новыми материалами поможет в конечном счете воссоздать все важнейшие звенья развития ведущих отраслей хозяйства и различных сторон материальной культуры древнего населения Кавказа в III тыс. до н. э. Однако уже сейчас общая линия развития культуры в целом, ее динамика могут быть прослежены. Подробно об этом говорилось в соответствующих разделах. В этой главе снято суммируется сказанное. Итак, в течение всего III тыс. до н. э. в связи с ростом производительных сил и увеличением плотности населе-

⁸ В. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955.

ния идет интенсивное расселение племен с продвижением их в предгорные и горные районы, в результате чего к концу периода эти районы оказываются полностью освоенными. Значительно расширяются посевные площади, увеличивается зерновое хозяйство. Постепенно формируется отгонная форма скотоводства, определившая к концу периода весь хозяйственный уклад племен — носителей куро-аракской культуры. Наряду с общим ростом количества населенных пунктов некоторые из них, занимающие выгодное стратегическое положение, постепенно разрастаются, превращаясь в конце концов в огромные, огороженные системой укреплений поселения, которые вместе с тяготеющими к ним могильниками и культовыми местами становятся хозяйственными, культурными и религиозными центрами. Архаичная по формам и технологии, достаточно единообразная керамика первого этапа постепенно совершенствуется, приобретая облик классической куро-аракской посуды, становясь специфичной по форме и декоративке в различных областях широкого ареала этой культуры. Металлургическое производство, освоившее уже в начале III тыс. до н. э. изготовление медно-мышьяковистых сплавов и отливку изделий в формах, специализируется в дальнейшем на выпуске серийной продукции, создает новые формы изделий, осваивает более сложные производственные процессы (отливка орнаментированных изделий по восковой модели, изготовление проволоки с помощью волочения и к самому концу периода ранней бронзы — началу средней бронзы — изготовление первых медно-сурьмянистых и медно-оловянистых сплавов). Религиозные представления и связанная с ними обрядность постепенно усложняются, проявляясь, с одной стороны, в появлении самых различных обрядов погребений, постепенном увеличении количества предметов, в частности оружия, в могилках, а к концу периода — в сооружении огромных курганных насыпей над богатыми одиночными захоронениями, с другой — в постепенной замене старых земледельческих культов, связанных с месопотамско-иранским кругом, новыми, порожденными скотоводческим укладом хозяйства.

Куро-аракская культура, несмотря на общий облик во всех уголках ее обширного ареала, не может быть полностью единообразной. Иными словами, изучая куро-аракскую культуру, так же как любую другую культуру, авторы старались ответить на естественно возникший вопрос: существовали ли локальные варианты в пределах ее распространения? Формирование локальных вариантов обычно трактуется исследователями как результат деятельности этнически различных племен, выражающейся в таких моментах, как характер домостроительства, погребальные обычаи и различные формы материальной культуры.

К сожалению, ни остатки домостроительства, ни могильники в этом плане нам пока не помогают. Произведенное выше при описании ключевых памятников куро-аракской культуры разделение их на 5 групп⁹ является в значительной степени условным и было основано главным образом на географическом принципе. Некоторые данные такая группировка все же дала. Однако она лишь в слабой степени наметила локальные особенности в архитектуре, на которых мы подробно останавливались выше.¹⁰ Напомним, что на большей части территории, где процветала куро-аракская культура, были распространены круглые дома и лишь в четырех поселениях (Караз, Амранис-гора, Геленчик-Тепе, Квачхелеби), тяготеющих к западным районам, прямоугольные.

Некоторую локализацию дают, правда, очаги. Все они расположены в центральной части дома, но форма их далеко не всюду одинаковая. На большей части изучаемой территории (Арагатская долина, р-н Эля-

⁹ См. выше, стр. 62, прим. 6.

¹⁰ См. выше, стр. 95.

зига, Шида-Картли, Квемо-Картли, западный Азербайджан) распространены характерные очаги с несколькими выступами внутри. В юго-восточной группе памятников таких очагов нет. На Кюль-Тепе II, например, во всех домах были массивные очаги цилиндрической формы с широким плоским бортиком.

Еще сложнее обстоит дело с могильными памятниками, которых мы касались вскользь выше. Здесь наблюдается значительная пестрота, не дающая пока возможности уловить какие-либо закономерности. Сходные типы могил и обрядов повторяются в различных частях широкого ареала куро-аракской культуры. Могильники встречаются на территории поселений (Амиранис-гора, Квацхелеби), около них (Шенгавит, Элар, Хизанаант-гора и, наконец, на отлете от мест жилья (Степанакерт, Сачхере, Уч-Тепе). Наряду с курганами с массовыми захоронениями — своеобразными родовыми усыпальницами (Степанакертские и Тквиавские курганы) — встречаются одиночные и парные погребения в грунтовых могилах и каменных ящиках (Квацхелеби, Элар, Амиранис-гора), коллективные семейные захоронения в склепах (Арагац, Амиранис-гора, Кикети), больших грунтовых ямах (Шенгавит) и, наконец, одиночные и коллективные погребения в курганах (Хаченагет, Сачхере, Уч-Тепе, Тельман, Самгори). В памятниках куро-аракской культуры известны случаи сосуществования различных типов могил и обрядов в пределах одних и тех же могильников (Квацхелеби, Амиранис-гора, Элар).

Многотипность могильных сооружений наблюдает Дж. Мелларт и в восточноанатолийских памятниках периода ранней бронзы, объясняя это явление этнической пестротой живущего там населения.¹¹

Нам представляется, что такая многоплановость характеризует скорее сложные и во многом непонятные еще явления общественной жизни, отражающиеся в первую очередь на погребальных памятниках, и что изучение последних именно с этой точки зрения даст материал к новым выводам. Отдельные замечания по этому поводу нами были высказаны выше. Однако для полного свода всех известных могильников потребуются большая и специальная работа.

Локальные особенности более или менее четко наблюдаются лишь в одном из видов материальной культуры — керамике, которая в наибольшей степени характеризует местное производство той или иной области. Нет сомнения в том, что в пределах Закавказья в период ранней бронзы существовала серия производственных очагов, выпускавших гончарную продукцию, характерную для того или иного района.¹² Локализируются в какой-то мере и очажные подставки. Для южных районов более характерны полукруглые подставки, иногда с антропоморфными изображениями (Амиранис-гора, Шенгавит, Кюль-Тепе, Караз). Позднее они вместе с хирбет-керамской посудой проникают в Сирию и Палестину.¹³ Подставки в виде тревожника специфичны только для Араратской долины.¹⁴

Таким образом, в настоящее время удастся выделить лишь особенности керамики тех или иных областей и некоторых форм очажных подставок. В целом же памятники куро-аракской культуры, взятые в широких границах, имеют единый облик, отражающий определенную ступень развития общества.

¹¹ J. Mellaart. *Anatolia 4000—2300 B. C.* Cambridge, 1962.

¹² См. выше, стр. 136.

¹³ Т. Н. Чубинишвили. О взаимоотношениях куро-аракской (Кавказской) культуры с переднеазиатской культурой в III тыс. до н. э. Доклад на VII МКЭА. Тбилиси, 1964.

¹⁴ Э. В. Ханзаян. Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. Ереван, 1967, стр. 68 (на арм. яз.).

Наиболее сложные вопросы социального порядка могут быть намечены лишь с помощью привлечения массового материала, способствующего установлению определенных закономерностей в развитии общества. В этом плане окончательное решение вопроса о социальной структуре энеолитического общества Южного Кавказа сейчас, на первых порах его изучения, выглядело бы слишком поспешным. Учет массовых материалов по домостроительству этого периода несомненно даст ключ к правильной трактовке и его социального устройства. Примером этому могут служить соответствующие исследования В. М. Массона, касающиеся Средней Азии.¹⁵

И все-таки уже теперь, когда стали известны первые данные о энеолитических постройках, у исследователей невольно возникает вопрос: для кого они были предназначены? Сколько человек могло обитать в каждом доме, площадь которого в среднем не превышала 10—12 м². Вели ли эти люди свое хозяйство? Известный пока еще фрагментарный материал позволяет думать, что в каждой такой постройке могла жить парная семья — не выделенная еще самостоятельная хозяйственная единица, частица большого общеродового хозяйства. «Парная семья, сама по себе слишком слабая и слишком неустойчивая, чтобы вызвать потребность в собственном домашнем хозяйстве или только желание обзавестись им, отнюдь не упреждает унаследованного от более раннего периода коммунистического домашнего хозяйства».¹⁶ Можно предполагать также, что общество Кавказа V—IV тыс. до н. э. развивалось еще в пределах материнского рода, чему служит подтверждением как его экономика, так и некоторые явления надстроечного порядка с культом женского божества — матери прародительницы — в основе.

Несколько иным представляется общество в период ранней бронзы. Значительные сдвиги в экономике уже в начале III тыс. до н. э. и движение на первый план таких ее отраслей, как скотоводство и металлургия, повлекли за собой серьезные перемены и в общественной жизни. Скотоводство с избытком обеспечивало население мясной и молочной пищей, давало значительный прибавочный продукт. Металлопроизводство выпускало орудия, оружие, украшения, т. е. обслуживало все сферы деятельности древнего человека, а также служило мощным стимулом к межплеменному обмену.

Эти ведущие отрасли хозяйства должны были обеспечиваться мужчиной, на плечи которого теперь ложится забота о пропитании своих сородичей. В руках мужчин сосредотачиваются и металлические изделия, которые являются в период ранней бронзы важным достоянием общества. Постепенно господствующими становятся патриархальные отношения, сохраняющиеся в течение всей эпохи бронзы.

Именно в этот период ощущаются первые симптомы процесса имущественного расслоения. На первый план выдвигаются племена предгорных и горных районов, в руках которых были сосредоточены отары овец и разработки медной руды. Накопление богатства идет неравномерно и внутри отдельных племен и родов. Богатеют отдельные семьи, что в какой-то мере отражается на характере домостроительства, на погребальных обрядах. Мы видим, как отдельные дома увеличиваются в площади, обрастают большим количеством хозяйственных помещений. Особенно это прослеживается на Шентавитском поселении, где вокруг одного из жилых домов группировалось 12 хозяйственных пристроек. Это свидетельствует о достаточно объемном хозяйстве жившей здесь когда-то семьи. Появляются семейные склепы с богатым инвентарем.

¹⁵ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, Л., 1964, стр. 303.

¹⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, М., 1950, стр. 48.

Внутренняя обстановка в этот период представляется отнюдь не мирной,¹⁷ она, по-видимому, сильно обостряется. Скот и другие богатства, сосредоточенные на поселениях, становятся предметом добычи, вызывая столкновения между отдельными племенами. Это хорошо прослеживается по остаткам неоднократных пожарищ на удаленных друг от друга поселениях (Амиралис-гора, Шенгавит, Караз, Квацхелеби, Хианаант-гора, Кюль-Тепе II, Геой-Тепе). Пожарища эти отражали скорее всего напряженную внутреннюю обстановку, но отнюдь не моменты каких-то внешних вторжений или этнических завоеваний, приводящих обычно к появлению новых элементов в культуре. Об этом свидетельствуют горизонты поселений, непосредственно лежащие на пострадавших от пожара. На всех поселениях жизнь быстро восстанавливается: строятся дома, аналогичные сгоревшим, бытует комплекс привычных вещей и прежние обычаи.

Для некоторых поселений в этот период выбираются труднодоступные, хорошо защищенные места. Такое же явление мы наблюдаем у скотоводческих племен Северного Кавказа.

Мужчина-скотовод становится одновременно и воином, защищающим свое богатство. Появляются, особенно во второй половине III тыс. до н. э., погребения воинов с жертвоприношениями животных, металлическим оружием, изделиями из драгоценных металлов (Сачхере, Амиралис-гора, Тельман, Элар). Металлообрабатывающее производство быстро удовлетворяет потребности общества, начиная выпускать в большом количестве предметы вооружения.

Выдвинувшихся военачальников, вождей племени хоронят теперь с особой пышностью — в латах и с оружием (Триалети, Параванское озеро), в огромных деревянных срубах (Самгори, Бедени) или в могилах, перекрытых мощными настилами из толстых бревен (Уч-Тепе), а иногда на колесницах (Бедени). Все эти памятники не выходят за пределы III тыс. до н. э.

Главенствующая роль мужчины проявляется и в явлениях настроенного порядка — в символах, которыми себя окружали люди в повседневной жизни. Это фигурки мужчин, надочажные подставки с изображением мужчин, оплодотворяющих очаг, фаллические изваяния, оформление внутренних выступов очагов в виде фаллов и т. д.

Основной социальной ячейкой продолжает оставаться парная семья, которая, по-видимому, значительно укрепляется. Мужчина — муж и отец — занимает теперь главенствующее положение в семье, так как он в первую очередь связан с основными средствами производства — скотом и орудиями труда. Здесь уже налицо все признаки патриархального общества.

Поселения куро-аракской культуры состоят из однокомнатных домов стандартной планировки, средняя площадь которых значительно увеличивается по сравнению с предшествующим периодом. Площадь их колеблется от 25 до 40 м². Каждый такой дом был местом обитания одной семьи. Относительно количества проживавших в таких домах людей нет единой точки зрения. Так, на поселении Квацхелеби, согласно мнению его исследователей Л. И. Глonti и А. И. Джавахишвили,¹⁸⁻¹⁹ в каждом доме жило от 15 до 20 человек. Если учесть, что такой поселок имел одновременно 30 домов, то количество его жителей достигало 400 человек, что должно было составлять целый родовой поселок. Здесь количественный состав семей представляется значительно преувеличенным, если принять во внимание, что вырастающие дети, обзаводясь своей семьей, строили себе новое жилье и покидали родительский дом.

¹⁷ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзового века. Автореферат. Тбилиси, 1962, стр. 47.

¹⁸⁻¹⁹ Л. И. Глonti, А. И. Джавахишвили и Урбанис И. Тбилиси, 1962, стр. 53.

Это находит подтверждение в материалах других культур. Так, В. М. Массон, делая подсчеты населения исследованного им полностью родового поселка Джейтун, в южной Туркмении, состоявшего также из стандартных однокомнатных домов, приходит к выводу, что в каждом таком доме обитала семья в составе 5—6 человек.²⁰ Ту же цифру дают подсчеты состава семьи в древнем Шумере.²¹

Маленькие дворики, ямы, клетушки и хозяйственные помещения, тяготеющие к каждому дому, а также набор различных орудий, размещавшихся обычно у очагов или кухонных отсеков указывают на то, что каждая семья вела индивидуальное хозяйство. Вместе с тем, будучи частицей родовой общины — этой замкнутой хозяйственной единицы, — такая семья принимала участие в общих для всего поселка полевых и хозяйственных работах, приводивших к образованию общеродовых запасов. Это нашло отражение в создании больших зернохранилищ, скоплениях зерновых ям и крупных корчаг для хранения припасов на некоторых поселениях куро-аракской культуры (Яник-Тепе, Элар, Гудаберджа). Такое же явление наблюдается в поселках Передней и Средней Азии (Хассуна, Джейтун, Ялангач-Тепе, Муллали-Депе) и Анатолии (Хаджилар).

Вопросы хронологии куро-аракской культуры в литературе поднимались неоднократно. Позволим себе привести некоторые датировки в той последовательности, в какой они появились в печати. Б. А. Куфтин²² начало куро-аракской культуры отнес к III тыс. до н. э.; Б. Б. Пиотровский, первоначально датировав ее концом III—серединой II тыс. до н. э.,²³ позднее отнес эту культуру целиком к III тыс. до н. э.;²⁴ Д. Л. Коридзе²⁵ датировал ее концом IV—концом III тыс. до н. э.; О. А. Абибуллаев²⁶ — второй половиной III тыс. до н. э.; А. А. Иессен²⁷ — 2800—2100 гг. до н. э.; Р. М. Мунчаев²⁸ — III тыс. до н. э.; О. М. Джапаридзе первоначально датировал ее 3200—2400 гг. до н. э.,²⁹ а позднее — второй половиной IV—серединой III тыс. до н. э.;³⁰ Г. Г. Пхакадзе³¹ — 3000—2400 гг. до н. э.; Г. С. Исмаилов³² — III тыс. до н. э.; Т. Н. Чубинишвили³³ — III тыс. до н. э.; Л. И. Глonti и А. И. Джавахишвили³⁴ —

²⁰ В. М. Массон. Средняя Азия..., стр. 309.

²¹ Там же, прим. 17.

²² Б. А. Куфтин. К вопросу о выявлении памятников культуры шумерской и протохеттской эпохи на территории Грузии. НСАИ АН ГрузССР, Тезисы докладов, Тбилиси, 1947.

²³ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 32.

²⁴ Б. Б. Пиотровский. Закавказье и Древний Восток. Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа. Ереван, 1956, стр. 3.

²⁵ Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси. Автореферат. Тбилиси, 1955, стр. 9.

²⁶ О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки холма Кюль-Тепе. Автореферат. Баку, 1959, стр. 9.

²⁷ Доклад на сессии по археологии Дагестана в Махачкале в 1959 г. см.: Р. М. Мунчаев. Научная сессия по археологии Дагестана. СА, 1959, № 4, стр. 336.

²⁸ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА СССР, № 100, стр. 157.

²⁹ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Автореферат. Тбилиси, 1962, стр. 22.

³⁰ О. М. Джапаридзе. Культура раннеземледельческих племен на территории Грузии. VII Междунар. конгр. археол. и этногр., М., 1964, стр. 7.

³¹ Г. Г. Пхакадзе. Энеолит Квемо-Картли. Автореферат. Тбилиси, 1963, стр. 18.

³² Г. С. Исмаилов. Из истории древнейшей культуры западного Азербайджана. Автореферат. Баку, 1963, стр. 24.

³³ Т. Н. Чубинишвили. Материалы к древнейшей истории Мескет-Джавахеги. Тбилиси, 1962, стр. 102.

³⁴ Л. И. Глonti и А. И. Джавахишвили. Урбиси I, стр. 63.

первой половиной III тыс. до н. э.; А. А. Мартиросян³⁵ поздний этап куро-аракской культуры отнес ко второй половине III тыс. до н. э. Э. В. Ханзадян³⁶ датировал культуру в целом III тыс. до н. э. Наконец, Ч. Барней восточноанатолийские памятники периода ранней бронзы отнес к 3000—1900 гг. до н. э.,³⁷ а слои периода ранней бронзы на открытом им в последние годы приурмийском поселении Яник-Тепе — к 2100—1900 гг. до н. э.³⁸ Т. Бартоу-Браун³⁹ слой К на поселении Геой-Тепе К датировал началом III тыс. — 2400—2300 гг. до н. э.

Несмотря на то что основное число этих дат было выдвинуто еще до открытия памятников предшествующего куро-аракской культуре периода, большая их часть, ограничивающая с небольшими колебаниями ее рамки III тыс. до н. э., является, с нашей точки зрения, наиболее обоснованной.

Некоторые дополнительные соображения по вопросам датировки мы выскажем ниже. А пока, забегаая несколько вперед, вернемся немного к истории вопроса и коснемся юго-восточной группы памятников, т. е. территории южного Азербайджана и приурмийских районов, которые рядом исследователей были исключены из области формирования куро-аракской культуры и считались здесь отражающими сравнительно позднюю фазу ее развития.⁴⁰ Напомним, что автор раскопок поселения Кюль-Тепе О. А. Абибуллаев отнес слой ранней бронзы ко второй половине III тыс. до н. э.

Главным аргументом при этом выдвигались следующие моменты: наличие стерильной прослойки между I и II слоями на поселении Кюль-Тепе и резкая разница между керамикой этих слоев, а также слоев М и К на поселении Геой-Тепе.⁴¹

Однако уже вскоре после этого сам же О. А. Абибуллаев подметил, что «несмотря на наличие этой прослойки, в керамике верхнего горизонта I слоя проявляется сходство в отдельных элементах с керамикой II слоя».⁴² Положение это, к сожалению, не было проиллюстрировано конкретными примерами. Однако именно это наблюдение справедливо дало другому автору, И. Г. Нариманову, повод возражать против исключения из области первоначального распространения куро-аракской культуры территории южного Азербайджана.⁴³

Наши соображения по этому поводу таковы. 1) Стерильная прослойка на поселении Кюль-Тепе, прослеженная на небольшом участке, по-видимому, некогда большого (площадь его была не меньше 1 га) в древности памятника никак не может документировать затухание жизни всего поселения в целом. Возможно, исследованный участок на какой-то период был просто заброшен. 2) Сходство некоторых форм керамики и очагов верхних горизонтов I слоя с керамикой и очагами II слоя безусловно про-

³⁵ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 24.

³⁶ Э. В. Ханзадян. Культура Армянского нагорья, стр. 96.

³⁷ С. А. Burney. Eastern Anatolia in chalcolithic and early bronze age. AS, VIII, pp. 167, 206—207.

³⁸ С. А. Burney. Circular buildings found at Yamik-Tepe, in North-west Iran. Antiquity, v. XXXV, № 39, p. 237.

³⁹ T. Burton-Brown. Excavation in Azerbaijan. London, 1948, p. 264.

⁴⁰ С. А. Burney. Eastern Anatolia..., pp. 165, 166; А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э. КСИА, вып. 93, 1963, стр. 14.

⁴¹ А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток, стр. 14; Р. М. Муичаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА СССР, № 100, 1961, стр. 150; О. А. Абибуллаев. Некоторые итоги раскопок поселения Кюль-Тепе. СА, 1963, № 3, стр. 162, 165.

⁴² И. Г. Нариманов. Археологические исследования поселения Шому-Тепе в 1963 г. АИА, Баку, 1965, стр. 51.

⁴³ Там же, стр. 51.

слеживается (см. рис. 18), что свидетельствует о близости этих комплексов по времени.⁴⁴ 3) Радиоуглеродная дата, взятая из средних горизонтов II слоя (4880 ± 90 лет, т. е. 2930 ± 90 до н. э. (JE-163)), указывает на то, что накопление куро-аракского слоя, продолжающегося еще на 4 м глубже датированного горизонта, относится ко времени не позднее конца IV—рубежа IV—III тыс. до н. э. 4) Глиняная литейная форма архаического проушного топора, обнаруженная на глубине 12,35 м, т. е. фактически в самых нижних горизонтах II слоя, также позволяет отнести нижнюю хронологическую грань поселения по крайней мере к рубежу IV—III тыс. до н. э.⁴⁵ 5) Керамика поселения Кюль-Тепе II находит близкие аналогии в посуде поселения Геой-Тепе К,⁴⁶ верхний горизонт которого (K₂) был совсем недавно датирован физическим методом. Дата эта 2574 ± 146 лет до н. э. (P-199). 6) Некоторые формы керамики слоя К поселения Геой-Тепе имеют сходство с рядом форм из слоя М того же поселения.

Таким образом, поселения Кюль-Тепе II и Геой-Тепе К, которые можно считать одновременными, бесспорно характеризуют ранний и средний этапы развития куро-аракской культуры, что дает полное основание включить южный Азербайджан в область ее первоначального распространения.

Какой будет верхняя грань куро-аракского слоя на поселении Кюль-Тепе II, можно будет решить лишь после опубликования всех материалов. К третьему этапу сейчас можно предположительно отнести лишь узкогорлый сосуд верхних горизонтов Кюль-Тепе II. Эта посуда получила достаточное распространение в различных уголках Закавказья главным образом во второй половине III тыс. до н. э.

Особенно архаичной выглядит кюль-тепинская и геой-тепинская посуда по сравнению с керамикой соседнего Яник-Тепе, сплошь покрытой тонкой резьбой, напоминающей резьбу по дереву, что ее несомненно сближает с поздней куро-аракской резной посудой из других памятников (Шенгавит IV, Амиранис-гора — верхние горизонты, курганы у Парванского озера, Сачхере и др.) и в какой-то мере — памятников уже начала II тыс. до н. э. (Узерлик-Тепе — нижний слой, Кировакан и др.).

Попутно отметим, что хронологические рамки в два столетия (2100—1900), отведенные Ч. Барнеем на 9 строительных горизонтов периода ранней бронзы поселения Яник-Тепе, представляются слишком сжатыми. Они ни в какой мере не согласуются ни с одним из приведенных выше наблюдений относительно быстроты нарастания культурных горизонтов на поселениях с сырцово-архитектурой.⁴⁷ Нам представляется, что если средняя продолжительность жизни одного глиняного дома соответствует примерно 40 годам, то продолжительность жизни на поселении Яник-Тепе в период ранней бронзы должна была приближаться примерно к 400 столетиям. Относя горизонты периода ранней бронзы I (по Барнею) к последней трети III тыс. до н. э., мы датируем его горизонты периода ранней бронзы II рубежом III—II тыс. до н. э.

Вернемся к некоторым соображениям относительно датировки куро-аракской культуры в целом. С открытием энеолитических памятников нижняя ее граница получает более прочное обоснование. Напомним, что конечный этап энеолита обосновывается такими моментами, как появление характерных для древнего Шумера plano-конвексных кирпичей и привозных печатей, оттиски которых обнаружены в поселениях Геой-Тепе и

⁴⁴ См. выше, стр. 146.

⁴⁵ См. выше, стр. 122.

⁴⁶ См. выше, стр. 147.

⁴⁷ См. выше, стр. 48.

Арухло. Кроме того, археологические наблюдения подкрепляются полученной для средних горизонтов поселения Кюль-Тепе I радиоуглеродной датой 5770 ± 90 лет, т. е. 3820 ± 90 до н. э. (ЛЕ-477). Над датированным горизонтом лежит еще 4 м отложенный энеолитического слоя.

Таким образом, верхней датой для периода энеолита должен быть конец IV—рубеж IV—III тыс. до н. э. Отсутствие резкой грани, прерыва между этими двумя древнейшими периодами Закавказья подтверждается такими факторами, как непосредственное соприкосновение энеолитических слоев с «куро-аракскими» на одних поселениях (Шенгавит, Баба-Дервиш, Геой-Тепе, Шреп-Блур и др.) и наличием смешанных слоев, в которых встречается энеолитическая керамика и самые ранние формы куро-аракской посуды, — на других (Амиранис-гора, Нацар-гора, Тетрицаро, Абелия, Дидубе).

Некоторой спецификой памятников периода ранней бронзы является значительно меньшее количество бесспорно привозных, хорошо датированных переднеазиатских вещей. По-видимому, в III тыс. до н. э. развитие экономики достигло такого уровня, когда потребности населения обеспечивались главным образом местной продукцией. Пожалуй, привозными можно бесспорно считать только массивные краслощенные чаши из Озни, Кикети и Дидубе, а также полукругло-вогнутые крышки с выступом посередине из Эгудрис-Гверда, Дидубе⁴⁸ и Абелия (рис. 51). Аналогичные сосуды в Месопотамии датируются урукским периодом, а крышки — фазой Джемдет-Насра.⁴⁹ Эти находки, сделанные в памятниках первого этапа, также указывают на значительную древность последних. Подтверждается она и находками некоторых форм металлических изделий, бытовавших на Древнем Востоке уже в IV тыс. до н. э.; это — проушные топоры, плоские топоры-тесла, массивные колья с насадом.⁵⁰ Безусловной опорой для датировки может служить выделенная архаичная керамика первого этапа, в ряде моментов сходная с энеолитической посудой.⁵¹

Наконец, полученные за последние годы радиоуглеродные даты: из нижних горизонтов поселений Квацхелеби — 4760 ± 90 лет, т. е. 2810 ± 90 до н. э. (ЛЕ-157), Амиранис-гора — 4835 ± 180 лет, т. е. 2885 ± 180 до н. э. (ТБ-4) и, наконец, упоминавшаяся уже дата из средних горизонтов Кюль-Тепе II 4880 ± 90 лет, т. е. 2920 ± 90 до н. э. (ЛЕ-163), — подтверждают, что ранний этап куро-аракской культуры должен быть отнесен примерно к первой трети III тыс. до н. э. Мы его датируем 3000—2700—2600 гг.

Таким образом, первый этап куро-аракской культуры обосновывается некоторыми стратиграфическими данными и типологическими наблюдениями, единичными привозными вещами и несколькими радиоуглеродными датами.

Второй этап куро-аракской культуры представлен средними горизонтами некоторых многослойных поселений (Караз, Амиранис-гора, Геой-Тепе, Квацхелеби, Шенгавит). Привозных предметов в них пока не встречено. Керамика второго этапа приобретает все признаки «классической» куро-аракской посуды и в какой-то мере может служить опорой для отнесения того или иного комплекса именно к этому периоду.⁵² Здесь имеются две радиоуглеродные даты: из среднего горизонта поселе-

⁴⁸ Б. А. Куфтин. К проблеме энеолита внутренней Картли и Юго-Осетии. ВГМГ, вып. XIV, Тбилиси, 1947, стр. 75—76; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзового века. Тбилиси, 1961, стр. 49.

⁴⁹ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, рис. 62, 1; 65.

⁵⁰ См. выше, стр. 150.

⁵¹ См. выше, стр. 121.

⁵² См. выше, стр. 139—151.

ния Амиранис-гора — 4625 ± 170 лет, т. е. $2675 + 170$ до н. э. (ТБ-9), и из горизонта К₂, который мы относим ко второму этапу, — $2574 + 146$ до н. э. (Р-199). Второй этап мы датировем к 2700, 2600—2400, 2300 гг.

Третий этап представлен верхними горизонтами многослойных поселений (Шенгавит, Амиранис-гора, Квацхелеби), поселением Яник-Тепе и другими памятниками. Один из бесспорно поздних комплексов — Сачхерский могильник — дал медный штык, являющийся точной копией двух датированных переднеазиатских штыков — с именем аккадского царя Маништусу (2500 гг. до н. э.) и эламского правителя Пузур Шушинака (2200 гг. до н. э.). На основании увязки получившего прочную хронологическую основу Сачхерского комплекса с рядом других памятников Южного Кавказа третий этап должен быть отнесен к последним векам III тыс. до н. э.

Керамика третьего этапа, делящаяся на несколько локальных вариантов, приобретает некоторую вычурность форм и очень специфичный, чаще всего резной орнамент. В некоторых деталях эта керамика уже напоминает посуду периода средней бронзы. Отличаясь от посуды двух предшествующих этапов, она также может служить определенной базой для хронологического выделения памятников третьего этапа.⁵³

Для третьего этапа имеются две радиоуглеродные даты из кургана Уч-Тепе, в Мильской степи — 4500 ± 120 лет, т. е. 2550 ± 120 до н. э. (ЛБ-305) и 4830 ± 230 лет, т. е. 2880 ± 230 до н. э. (ЛБ-300). В силу особых причин, связанных с подсчетами жизни больших деревьев, перекрывающих могильную камеру Уч-Тепинского кургана, А. А. Иессен полагал, что даты эти должны быть приближены на несколько столетий к современности.⁵⁴ Третья дата из верхнего (IV) слоя Шенгавитского поселения — 4020 ± 80 лет, т. е. 2020 ± 80 до н. э. (АЕ-458).

Последний период куро-аракской культуры укладывается в последние столетия ($2400, 2300—2000$) III тыс. до н. э.

Одним из наиболее сложных вопросов в кавказоведческой литературе по-прежнему остается вопрос о происхождении куро-аракской культуры. Высказанные точки зрения были направлены главным образом на поиски области первоначального зарождения куро-аракской культуры, откуда она в дальнейшем распространилась в другие районы. Так, Б. А. Куфтин ограничил эту область куро-аракским Двуречьем, О. М. Джапаридзе — южным и центральным Закавказьем; Ч. Барней считал, что первоначально эта культура зародилась в восточной Анатолии (область Элязига), хотя допускал, что центром ее распространения могут быть и районы, прилегающие к среднему течению р. Аракса. Т. Бартов-Браун, наоборот, полагал, что движение шло с востока на запад и что племена — носители чернолощеной посуды — впервые появились на территории Азербайджана и восточной Грузии.

В своей последней работе Э. В. Ханзадян расширяет область первоначального распространения этой культуры до границ Армянского нагорья, однако не прослеживает при этом местных корней куро-аракской культуры на этой обширной территории.

В связи с открытием энеолитических памятников Южного Кавказа появилась возможность исследования этой проблемы в новом направлении. Оно обосновывается целой серией фактов.

Куро-аракская культура, являясь по своему содержанию качественно отличной от энеолитической культуры, несет яркий отпечаток предшествующего периода, сохраняя древние традиции в ряде проявлений различного порядка. Сюда относятся такие моменты, как сохранение для новых

⁵³ См. выше, стр. 155—161.

⁵⁴ См. выше, стр. 84.

поселений старых, обжитых в период энеолита мест, особенно в низменно-долинных районах. Энеолитические традиции сохраняются и в принципе домостроительства — постройки продолжают оставаться преимущественно круглыми и сооружаются теми же техническими приемами.

Основной экономикой продолжает оставаться сочетание земледелия и скотоводства, хотя эти отрасли хозяйства значительно расширяются. На раннем этапе куро-аракской культуры, как и в предшествующий период, скотоводство носит придомный характер, при котором большая часть стада состоит из крупного рогатого скота. Это подтверждается процентным преобладанием его костей на некоторых энеолитических поселениях (Кюль-Тепе I, Шому-Тепе) и на ранних куро-аракских памятниках (нижние горизонты Кюль-Тепе II, Кулбакеби).

Определенная преемственность существовала в формах и в орнаментации керамики. Особенно это касается прослеженной нами на ряде стратиграфических памятников посуды первого этапа периода ранней бронзы, которая некоторыми своими формами (сосуды с цилиндрическим горлом, миски, корчаги, банки) очень напоминает энеолитическую керамику. Рельефная орнаментация куро-аракской посуды является бесспорной трансформацией разнообразных наделов, которые были широко распространены в керамике энеолита. Наконец, часто повторяющийся на куро-аракской посуде мотив птиц заимствован в халколитических расписных сосудах Передней Азии.

Помимо сходства очагов I и II слоев поселения Кюль-Тепе, на которое указывалось выше, и здесь и там встречаются глиняные фигурки животных, пряслица и колесики от моделей повозок.

Все эти заимствованные в энеолите черты оказываются на новом этапе значительно более развитыми, видоизмененными, однако это не мешает восприятию их как того основного вклада, который внесла энеолитическая культура в культуру периода ранней бронзы. Как было показано выше, эти местные энеолитические традиции прослеживаются в различных частях широкого ареала куро-аракской культуры — в Араратской долине, в южной Грузии, в западном и южном Азербайджане, в Приурмийских районах. В целом границы основного ареала куро-аракской культуры как бы накладываются на энеолитические.

Все это позволяет говорить о том, что зародившуюся и развивавшуюся в разных частях Южного Кавказа культуру периода ранней бронзы со всеми ее характерными признаками следует рассматривать как повсеместный этап развития древних племен Южного Кавказа. Это отнюдь не исключает моментов расселений и передвижений тех или иных групп племен в пределах очерченных широких границ культуры в целом. Однако, если исходить из археологических фактов, процессы эти происходили достаточно быстро и имели «внутренний» характер. Во всяком случае, серия новых радиоуглеродных дат указывает на то, что уже в первой трети III тыс. до н. э. основные признаки куро-аракской культуры были налицо в различных частях ее обширного ареала.

Мы попытались проследить те местные корни куро-аракской культуры, которые могут быть подмечены в результате изучения сравнительно немногочисленных, оказавшихся доступными авторам, памятников V—IV тыс. до н. э. Не вызывает сомнения, что это лишь некоторые слабые следы сложного и неудовимого процесса формирования яркой и своеобразной культуры, который, к сожалению, никогда не сможет быть полностью восстановлен.

Помимо древних энеолитических традиций, явившихся значительным вкладом в последующую историю южно-кавказских племен, на сложение этой культуры в целом оказывали воздействие еще многие факторы, главными из которых были выдвигание на первый план таких отраслей эко-

нонии, как отгонное скотоводство и местное металлургическое производство, с одной стороны, и тесное общение с городскими цивилизациями Передней Азии, передававшими земледельческо-скотоводческим общинам свои достижения, а также постоянно использовавшими, в свою очередь, богатые сырьевые ресурсы (медь, свинец, сурьма, обсидиан) Южного Кавказа.

Контактировали местные племена с прано-месопотамским миром, что реально выразилось в заимствовании некоторых ранних ведущих форм металлических изделий, в употреблении отдельных типов привозной посуды. По-видимому, эти связи в предшествующий энеолитический период были еще более тесными. В III тыс. до н. э. сильное влияние на куро-аракскую культуру наряду с Ираном и Месопотамией оказывало соседство своеобразных культур Малой Азии с их постройками типа мегаронов и древнейшей традицией однотонной черной и серой керамики, резко отличающейся от красочных расписных сосудов широкого восточного ареала. Это в свое время дало повод говорить Р. М. Мунчаеву о «кавказско-малоазиатско-средиземноморском культурном круге»,⁵⁵ а А. А. Иессену — об усилении в III тыс. до н. э. западного, малоазиатского влияния.⁵⁶

Действительно, неожиданные и блестящие находки последних лет на территории Малой Азии⁵⁷ открывают новую страницу древней истории этой яркой и своеобразной страны, связи которой с Южным Кавказом будут все больше и больше проясняться по мере дальнейшего их археологического изучения.

⁵⁵ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 152.

⁵⁶ А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток..., схема на стр. 13.

⁵⁷ J. Mellaart. 1) Earliest civilizations of the Near East. London, 1965, p. 77; 2) The chalcolithic and early bronze age in the Near East and Anatolia. Beirut 1966, p. 99; 3) Catal-Hüyük. London, 1967.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИА	— Археологические исследования в Азербайджане.
АН АзССР	— Академия наук Азербайджанской ССР.
ВАН ГрузССР	— Вестник Академии наук Грузинской ССР.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВГМГ	— Вестник государственного музея Грузии.
ВИ	— Вопросы истории.
ВИМК	— Вестник истории материальной культуры.
ВОН	— Вестник общественных наук.
ВПИА АН СССР	— Всесоюзный пленум Института археологии АН СССР.
ДАН	— Доклад Академии наук.
ДПКГ	— Друзья памятников культуры Грузии.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ИА АН СССР	— Институт археологии АН СССР.
ИГГ	— Историческая география Грузии.
ИИ	— Институт истории.
Изв. АзФАН СССР	— Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР.
Изв. АН АзССР	— Известия Академии наук Азербайджанской ССР.
Изв. АН ГрузССР	— Известия Академии наук Грузинской ССР.
Изв. АрмФАН СССР	— Известия Армянского филиала Академии наук СССР.
Изв. ГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИИАН АрмССР	— Институт истории Академии наук Армянской ССР.
ИИАН ГрузССР	— Институт истории Академии наук Грузинской ССР.
ИФЖ	— Историко-филологический журнал.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии.
МАА	— Материалы по археологии Азербайджана.
МАД	— Материалы по археологии Дагестана.
МВС	— Материалы Бакинской сессии.
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МИЗ	— Материалы по истории земледелия.
МКА	— Материальная культура Азербайджана.
МКАЭ	— Материалы конгресса антропологии и этнографии.
МСППФАН	— Материалы семинара по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа.
НКАО	— Нагорно-Карабахская Автономная область.
НСАИ	— Научная сессия по археологическим исследованиям.
НСООН	— Научные сессии отделения общественных наук.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников.
САН ГрузССР	— Сообщения Академии наук ГрузССР.

СМАА	— Сборник материалов по археологии Адыгек.
ТБС	— Труды Ваканской сессии.
ТГСИ	— Труды Грузинского сельскохозяйственного института.
ТГЭМ	— Труды Горийского этнографического музея.
ТИЗ	— Труды Института земледелия.
ТИИ	— Труды Института истории.
ТИИФ	— Труды Института истории и философии.
ТКАЭ	— Труды Кахетской археологической экспедиции.
ТМНА	— Труды музея истории Азербайджана.
ТПБГС	— Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции.
ТПК	— Труды Подготовительного комитета.
AASOR	— Annual American School of Oriental research.
AJA	— American Journal of Archeology.
AS	— Anatolian studies.
GOWA	— Chronologies in old world archaeology.
ES	— Eurasia septentrional antiqua.
IEJ	— Israel excavation journal.
JPOS	— Journal of Palestine Oriental society.
JNES	— Journal of Near Eastern Studies.
PZ	— Praehistorische Zeitschrift.
TTAED	— Türk Tarih, Arkeologya ve Etnografya Dergisi.
TTK	— Türk tarih kurumu.

SUMMARY

Archaeological research in the Transcaucasian Republics conducted during the past two decades, has yielded abundant materials illustrating the early cultures of the Southern Caucasus. The finds date from the Early Bronze Age (IIIrd millennium B. C.) and the Eneolithic Period (V—IVth millennia B. C.), the first discoveries of sites from the latter epoch having been made at a comparatively recent time. Further advance in the study of these cultures required a general survey and discussion of the materials hitherto published only in articles and publications dealing with individual objects, groups of objects, or sites. The present work is an attempt to supply this need. The author examines the data obtained from multi-layered settlements and burials, as well as from ritual and other sites, in the Southern Caucasus and the adjoining areas of North-Western Iran and Eastern Anatolia, and tries to trace the evolution of ancient cultures in this vast territory, and to show its various aspects.

Chapter I contains a survey of all modern and recent literature of the subject, with a historical review of the studies of ancient Southern Caucasian materials, and a discussion of certain controversial points in the periodization of the cultures as given by different authors.

Chapter II, dealing with Eneolithic remains, contains descriptions of known settlements, of which the number approaches fifty (figs. 1—19). Some of the settlements were found in layers below the level of the Early Bronze Period. The best known among them are the settlements of Tekhut, Shengavit I, Mashtots Blur (Armenia, figs. 14, 15) Arukhlo, Imiris-Gora, Shulaveri (Georgia, figs. 2—9), Kul-Tepe I, Shomu-Tepe, Baba-Dervish I (Azerbaijan, figs. 10—12), Geoy-Tepe M, Yanik-Tepe, Pizhdeli-Tepe (Iran, figs. 16, 17). The settlements were generally situated in river valleys, often on promontories or low hills, and consisted of round mud-houses closely built. Each house, known as a tholos, had a hearth and was provided with several annexes and outhouses. The economy was based on farming and cattle-breeding. The craft of pottery-making was well developed, and so was the manufacture of stone implements. There is evidence of a metal-working industry at an initial stage.

The complex of pottery ware lacks uniformity. In the northern part of the area are found coarse hand-made vessels with bits of stone and crushed pottery in the paste, having an impressed wicker pattern on the reverse of the bottom, and applied decorations, or ornaments in the form of circles or dots made with the end of a tube, or of a small stick (the Shomu-Tepe type); these objects resemble the Dalma impressed ware from the North-Western Iran. The southern part is characterized by polished or sometimes painted straw-tempered ware (the Kul-Tepe type). The northern pottery penetrated into southern settlements, and vice versa; this fact, together with some other evidence, attests the continuous process of the diffusion of tribes.

The finds of female figurines in the settlement sites point to the worship of some female deity of the fertility cult.

Chapter III is devoted to the characteristics of the settlements of the Early Bronze Period (the so-called Kuro-Arax culture of the IIIrd millennium B. C., figs. 20—54). Such settlements are frequently found to occupy the sites of earlier Eneolithic ones, but some of them were founded independently. The IIIrd millennium was a time of active tribe diffusion accompanied by the formation of satellite settlements. At present over 200 settlements, burial grounds and ritual sites from this period are known. The principal settlement sites with a clearly expressed sequence of layers are those of Shengavit III (Armenia, fig. 25), Kul-Tepe II (Azerbaijan, figs. 31—34), Amiranis-Gora and Kvatsheleby (Georgia), Karaz (Anatolia), Geoy-Tepe Kand Yanik-Tepe (Iran, figs. 35—39). The largest of these (e. g. Shengavit occupying an area of about 6 hectares) were centres dominating the entire locality and surrounded by defense walls of stone. The architecture of the round houses remained essentially traditional. There was an advance in building techniques. Alongside with the round houses, rectangular ones began to be built. The economy rested on a combination of farming and cattle-breeding, the latter gradually gaining in impor-

tance until it acquired, towards the end of the period, a leading position; this resulted in extensive areas in the mountains and at the foothills being turned into pastures.

A rapid growth of metallurgy and metal working industry is attested for the period by numerous finds, in the settlement sites, of such objects as furnaces, crucibles, nozzles of bellows, moulds for casting (fig. 40) as well as of various implements (sickles, fig. 42, awls), weapons (spears, daggers, flat, perforated and boat-shaped axes, figs. 41, 42) and personal ornaments (bracelets, rings, earrings, necklaces, diadems, pins, fig. 43). Most of these objects are in the so-called arsenious copper, or arsenious bronze.

The most characteristic feature of the Kuro-Arax culture is black polished pottery with a metallic sheen, embellished with applied decorations, relief designs, or with incised geometrical ornament (figs. 44—47, 49, 50, 52, 53). Its early forms unquestionably reflect Eneolithic traditions (fig. 48). Syrian and Palestinian ware which is close to the Kuro-Arax type is known as Khirbet-Kerak Ware (EBE III).

The development of cattle-breeding which easily yields surplus product, led to the accumulation of wealth in the hands of a certain portion of the population. This process is well illustrated by the rich tumuli burials which began to appear in the second half of the IIIrd millennium B. C. They were provided with a variety of rich grave goods (Sachhere, Uch Tepe, Bedeni and others). Cattle-breeding and metal working, the leading forms of economy and craft, gave to the man a position of control in society. The male principle is strongly felt, and the male deity predominant, throughout the complex system of religious beliefs recorded for the Early Bronze Period, and finds expression in the art and material culture of the time.

Chapter IV is a summing up of the discussion of the Early Bronze Period, which takes root in the Eneolithic cultures preceding it. It is regarded as a most important and fruitful phase in the evolution of the local cultures of the Southern Caucasus.

LIST OF ILLUSTRATIONS

- Fig. 1. Distribution of Eneolithic remains in the Southern Caucasus.
- Fig. 2. Arukhlo. Plan of the central sector of the excavation site.
- Fig. 3. Arukhlo. Buildings on the eastern slope of the hill.
- Fig. 4A. Plan of the hill of Arukhlo, and one of the trench excavations.
- Fig. 4B. Arukhlo. Pottery ware.
- Fig. 5. Arukhlo. Stone and bone objects.
- Fig. 6. Arukhlo. Pebbles with a picture of a human face.
- Fig. 7A. Shulavery. Plan of the excavation site and sections of houses.
- Fig. 7B. Shulavery. Domestic complex of a dwelling and annexes.
- Fig. 8. Shulavery. Domestic complex of dwelling and annexes, stone and bone tools, pottery ware, and a female figurine.
- Fig. 9. Tsopi, Amiranis-Gora, Abelia. Stone tools, pottery ware and an animal figurine.
- Fig. 10. Shomu-Tepe, Toyre-Tepe, Baba-Dervish II. Stone and bone tools, pottery ware and a female figurine.
- Fig. 11. Kul-Tepe I. Objects in stone and bone, pottery ware.
- Fig. 12. Painted pottery from settlement sites in the Mil steppe.
- Fig. 13. Pottery ware from settlement sites in the Mughan steppe.
- Fig. 14. Tekhut. Objects in stone and bone, pottery ware, an animal figurine.
- Fig. 15. Pottery ware from settlement sites in the Ararat Valley.
- Fig. 16. Geoy Tepe. Pottery ware from the Chalkolithic layer.
- Fig. 17. Yanik Tepe. Pottery ware from the Chalkolithic layer.
- Fig. 18. Caves of Samele Klde and Samertshle Klde. Pottery ware, stone and bone tools.
- Fig. 19. Routes used for the transportation of obsidian from the main sources in Asia Minor (VIIth to IVth millennia B. C.).
- Fig. 20. Distribution of sites of the Kuro-Arax and Khirbet Kerak cultures (IIIrd millennium B. C.).
- Fig. 21. Amiranis-Gora. Finds from different layers.
- Fig. 22A. Amiranis-Gora. House XIII.
- Fig. 22B. Amiranis-Gora. House X.
- Fig. 23. Karaz. Hearth for the celebration of religious rites.
- Fig. 24. Karaz. Finds from different layers.
- Fig. 25. Settlement sites in the Ararat Valley: Shengavit III, Kul-Tapa (Mokhra-Blur), Shresh-Blur, Elar.
- Fig. 26. Khizanaant-Gora and Kvatshlebi. Finds from different layers.
- Fig. 27. Settlement and burial sites of Mingechaur. Stone and bone objects; pottery ware.
- Fig. 28. Baba-Dervish II. Objects in stone, clay and bone; pottery ware.
- Fig. 29. Stepanakert barrows. Objects in stone, bone, gold, copper; pottery ware.
- Fig. 30. Uch-Tepe site. Barrow 3.
- Fig. 31. Kul-Tepe II. Remnant of a hill.
- Fig. 32. Kul-Tepe II. House III.
- Fig. 32. Kul-Tepe II. Houses XIX, XX.

- Fig. 33. Kul-Tepe II. Clay stove.
- Fig. 34. Kul-Tepe II. Rooms in lower layers and finds from lower layers.
- Fig. 35. Geoy-Tepe. Layer K. Finds from different layers.
- Fig. 36. Yanik-Tepe. Early Bronze layer. Objects in clay, bone, copper; pottery ware.
- Fig. 37. Yanik-Tepe. House No 7.
- Fig. 38. Yanik-Tepe. Decorative masonry.
- Fig. 39. Yanik-Tepe. Finds from the upper layer.
- Fig. 40. Remains of metallurgy from settlement sites of the Kuro-Arax culture.
- Fig. 41. Axes from different areas of the Southern Caucasus.
- Fig. 42. Spears, daggers, sickles from different areas of the Southern Caucasus.
- Fig. 43. Personal ornaments from different sites of the Southern Caucasus.
- Fig. 44. Kuro-Arax culture. The main forms of pottery ware.
- Figs. 45—47. Amiranis-Goga. Vessels from the lowest building layer and from burials.
- Fig. 48. Kul-Tepe I and II. Evolution of the main forms of pottery ware.
- Figs. 49—50. Geoy-Tepe. Layer K. Black polished ware.
- Fig. 51. Concave lids with a pestle-shaped handle from settlement sites of the Southern Caucasus and Mesopotamia.
- Fig. 52. Shengavit. Large black polished vessels.
- Fig. 53. Shulaveri. Black polished ware.
- Fig. 54. Ritual objects and symbolic figures from the Southern Caucasian sites.
- Fig. 55. Chronology of some Southern Caucasian sites of the Vth- IIIrd millennia B. C. (based on the results of radioactive carbon analysis).

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I. Вопросы изучения древних культур Южного Кавказа и некоторые новые проблемы	5
Глава II. Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа	21
Глава III. Период ранней бронзы (куро-аракская культура)	60
1. Обзор памятников	60
2. Поселения (топография, планировка, архитектура, строительная техника)	95
3. Хозяйство	102
4. Metallургия и металлообработка	112
5. Керамика	136
6. Культы, обряды, верования	161
Глава IV. Историческое место Южного Кавказа в V—III тыс. до н. э.	169
Список сокращений	185
Summary	187
List of Illustrations	189

Карина Христофоровна Кушнарёва
Тарнел Николаевич Чубинишвили
ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО КАВКАЗА
(V—III ТЫС. ДО Н. Э.)

Утверждено к печати
Институтом Археологии АН СССР

Редактор издательства М. А. Вирюк
Художник Я. В. Таубвурцель
Технический редактор О. А. Мокеева
Корректоры Ж. Д. Андропова и
Л. В. Жукборская

Сдано в набор 3/1 1970 г. Подписано к печати 25/V 1970 г. Формат бумаги 70 × 108 1/16. Бум. л. 67/16. Печ. л. 12 л. + 4 вкл. (1 1/8 печ. л.) = 13,37 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 17,76. Изд. № 3906. Тираж зак. № 563. М-09779. Тираж 2500. Бумага типографская № 2.
Цена 1 р. 10 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12